

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXXIX-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 8.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггера и Комп., въ С. П. Б.

Н. Книпяля, въ Ригѣ.

Цена 1 руб.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюль 1881 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Отчетъ о двадцать-третьемъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1880 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.....	1— 20
I. Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія (1814—1870). С. Смирнова. Москва. 1879. Рецензія Члена-корреспондента Академіи Наукъ И. А. Чистовича.....	21— 50
II. О сочиненіи Архимандрита Амфилохія подъ названіемъ «Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII в. по рукописи Московской Синодальной бібліотеки № 437 съ древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ какіе есть въ переводѣ, и съ приложеніемъ выписокъ кондаковъ и икосовъ какіе есть въ переводѣ, и съ приложеніемъ выписокъ кондаковъ и икосовъ изъ служебныхъ греческихъ рукописныхъ мнѣй съ славянскимъ древнѣйшимъ переводомъ и 2, изъ славянскихъ служебныхъ мнѣй рукописныхъ съ грескимъ текстомъ и безъ онаго и съ разночтеніями на обѣихъ языкахъ съ снимками въ числѣ 229 страницъ». Москва. 1879 г. Рецензія Ординарнаго Профессора С.-Петербургской Духовной Академіи И. Е. Троицкаго.....	51— 74
III. Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Томъ первый. С.-Петербургъ. 1880. Рецензія Академика М. И. Сухомлинова.	75— 83
IV. Разборъ сочиненія Ѳ. Успенскаго: «Образованіе втораго Болгарскаго царства», составленный профессоромъ М. С. Дриновымъ.....	84—113
V. О сочиненіи г. Шафранова «О складѣ народно-русской гбсенной рѣчи, разсмариваемой въ связи съ запѣвами». Рецензія Ал. С. Фаминцына.....	114—197
VI. Анаематствованіе (отлученіе отъ церкви), совершаемое въ первую недѣлю великаго поста. Историческое изслѣдованіе о Чинѣ Православія свящ. Константина Никольскаго. С.П.Б. 1879. стр. I—IV+314. Рецензія профессора протоіерея М. И. Горчакова.....	198—243

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1880 года, Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.

На соисканіе въ настоящемъ году наградъ графа Уварова было представлено девять историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ восемь печатныхъ и одно рукописное. Для ихъ разсмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора Конференція Академіи Наукъ, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила Комисію, со стоявшюю, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академиковъ: И. И. Срезневскаго, Я. К. Грота, А. К. Наука, А. Ф. Бычкова, М. И. Сухомлинова, А. А. Куника и А. Н. Веселовскаго. Впослѣдствіи, по смерти академика Срезневскаго, его мѣсто въ составѣ Комисіи занялъ Академикъ И. В. Ягичъ.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, Комисія для ближайшаго разсмотрѣнія каждого изъ нихъ избрала рецензентовъ, частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ доставить подробные разборы конкурсныхъ произведеній къ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ рецензій, Комисія, принявъ во вниманіе отзывы, данные о конкурсныхъ сочиненіяхъ разсматривавшими ихъ критиками, и внимательно обсудивъ сравнительныя достоинства сочиненій, въ засѣданіи 9 сего сентября, большинствомъ голосовъ постановила шесть сочиненій удостоить Уваровскихъ наградъ, въ 500 руб. каждая.

Эти увѣнчанныя преміями сочиненія суть:

I.

Семейство Разумовскихъ. Сочиненіе А. А. Васильчикова. Томъ I.

При замѣчательномъ оживленіи трудовъ по Русской исторіи, которымъ такъ счастливо отличается наше время, все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей восемнадцатый вѣкъ, какъ такая эпоха, которая еще не такъ давно составляла у насъ почти заповѣдную область, въ которой поэтому всѣ раскрываемыя нынѣ картины прошлаго имѣютъ для многихъ всю прелесть новизны, не говоря уже о томъ, что самая близость времени придаетъ лицамъ и событіямъ особую для насъ поучительность и болѣе живой интересъ. Въ ряду историковъ, посвятившихъ себя изученію русскаго XVIII вѣка, весьма почетное мѣсто занялъ отнынѣ авторъ обширной монографіи о семействѣ Разумовскихъ, которой первый томъ участвовалъ въ настоящемъ соисканіи Уваровскихъ наградъ.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ, принявшій на себя, по вызову Комисіи, составить разборъ этого сочиненія, указываетъ въ особенности на то, что монографіи, подобныя той, какую представлялъ А. А. Васильчиковъ, имѣютъ для исторической науки особое важное значеніе; онѣ даютъ твердую основу и живыя краски для полного и всесторонняго изображенія жизни общества въ ту или другую эпоху. Матеріалы для нихъ разсѣяны во многихъ архивахъ общественныхъ и частныхъ, и для того, чтобы собрать ихъ въ одно цѣлое, требуется много труда, любви къ дѣлу и умѣнья вести его.

Авторъ монографіи «Семейство Разумовскихъ» пользовался для своего сочиненія какъ печатными, такъ и рукописными матеріалами, собранными имъ въ большомъ количествѣ въ различныхъ архивахъ, общественныхъ и семейныхъ. Многочисленные, въ высшей степени любопытныя данныя извлечены имъ изъ Государственнаго Архива, изъ архивовъ: графа А. С. Уварова, князя Н. В. Репнина, князя А. К. Разумовскаго, изъ рукописнаго дневника Ханенки; изъ бумагъ семейства Ганскихъ; изъ рукописнаго историческаго словаря Казадаева и т. д. Многія интересныя бумаги и преданія сообщены автору Г. П. Галаганомъ и М. А. Крыжановскою, рожденною Перовскою.

Отыскивая, собирая и группируя разнообразныя матеріалы, ав-

торъ имѣлъ въ виду «возсоздать возможно вѣрно и полно старинный бытъ русскихъ баръ прошлаго времени». Онъ говоритъ: «Мы старались въ трудѣ нашемъ, по мѣрѣ возможности, возсоздать ежедневную жизнь добраго стараго времени, и какъ можно чаще говорить, если не устами, то по крайней мѣрѣ перомъ нашихъ героевъ. Чтобы еще ближе познакомить читателя съ бытомъ прошлаго времени, мы въ приложеніяхъ помѣстили всѣ грамоты, рядвыя записи, хозяйственныя распоряженія, штаты и проч., относящіяся до семейства Разумовскихъ. Бытъ можетъ, насъ упрекнутъ въ томъ, что мы не довольно строго разбирали имѣвшіеся у насъ подъ руками документы, и что въ трудъ нашъ вкралось многое, что вовсе не имѣетъ интереса. Если это такъ, то это произошло отъ того, что при непрестанномъ стремленіи нашемъ къ новизнѣ, при общемъ небреженіи, съ которымъ у насъ относятся къ остаткамъ прошедшаго, мы невольно вдались въ противоположную крайность и не захотѣли пожертвовать ни единымъ лоскутомъ старины».

Изобиліе помѣщенныхъ матеріаловъ, по мнѣнію рецензента, едва ли можно поставить автору въ вину. Въ трудахъ, предпринимаемыхъ съ подобною цѣлю, лучше помѣстить нѣсколько вещей бездвѣтныхъ, нежели пропустить хотя бы одну вещь, дѣйствительно любопытную и важную. Выборъ бываетъ затруднителенъ потому особенно, что иногда то, что само по себѣ не представляетъ интереса, оказывается пригоднымъ для разъясненія той или другой черты въ дѣятельности лицъ и въ ходѣ событій, не имѣющихъ прямого отношенія къ предмету монографіи. Что же касается распредѣленія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ изобиліи, то конечно часть ихъ, казалось бы, удобнѣе было помѣстить въ приложеніяхъ, а въ текстѣ передать только сущность ихъ, вслѣдствіе чего впечатлѣніе, производимое ими, было бы и сильнѣе и опредѣленнѣе. При томъ это вполне соответствовало бы намѣренію автора — возсоздать прежній бытъ, а для возсозданія не достаточно одного только накопленія бытовыхъ чертъ, которыя надо отыскивать въ трудѣ матеріаловъ, расположенныхъ въ чисто внѣшнемъ, хронологическомъ порядкѣ. Но если нѣкоторыя подробности и затрудняютъ чтеніе книги, вообще весьма интересной по своему содержанію и изложенію, то съ другой стороны многое, и весьма многое изъ того, что приведено подлинными словами документовъ, наглядно, живо и ярко рисуетъ нашу недавнюю старину.

Въ первомъ томѣ монографіи всего подробнѣе говорится о двухъ братьяхъ Разумовскихъ, Алексѣѣ Григорьевичѣ и Кириллѣ

Григорьевичѣ. По чертамъ, разсѣяннѣмъ въ трудѣ г. Васильчикова и сгруппированнѣмъ имъ въ одно цѣлое, можно составить себѣ живое понятіе о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ «обыкновенной исторіи», рассказанной авторомъ.

Однако не одни только главныя дѣйствующія лица, но и многія другія очерчены болѣе или менѣе ярко въ монографіи г. Васильчикова.

Не распространяясь о содержаніи этого важнаго труда, замѣтимъ, что большую заслугу автора составляютъ и обиліе собранныхъ имъ матеріаловъ, и искусство, съ какимъ они представлены въ надлежащемъ свѣтѣ. Онъ пользовался такого рода источниками, которые по справедливости считаются наиболѣе надежными и существенно необходимыми при разработкѣ внутренней исторіи Россіи XVIII столѣтія. Если бы авторъ только собралъ, систематически расположилъ и издалъ такое количество матеріаловъ, то и тогда книга его была бы цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы. Но г. Васильчиковъ не ограничился этою скромною задачею и принялъ на себя трудъ критически разсмотрѣть и обработать собранные имъ матеріалы. Рисуя картину минувшаго быта, онъ заимствуетъ краски для нея изъ первыхъ источниковъ, не отступая отъ нихъ ни ради болъшой яркости, ни ради какой-либо предвзятой мысли. Онъ не ставитъ героевъ своихъ на пьедесталъ и не скрываетъ темныхъ сторонъ въ тѣхъ событіяхъ и лицахъ, за которыми признаетъ высокое значеніе въ умственной и общественной жизни Россіи.

II.

Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразования (1814—1870). Сочиненіе Ректора этой Академіи, протоіерея Серг. Констант. Смирнова.

Высокопочтимый авторъ этого сочиненія извѣстенъ въ ученой литературѣ замѣчательными трудами по исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи: несомнѣнные достоинства его *Исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи* доставили ему въ 1857 году одну изъ Демидовскихъ наградъ, а изданное имъ въ 1867 году историческое сочиненіе о Троицкой Лаврской Семинаріи было увѣнчано Уваровскою преміей.

Присуждая теперь еще разъ Уваровскую награду новому капитальному творенію протоіерея С. К. Смирнова, Академія имѣла удовольствіе основать свой приговоръ на отзывѣ такого компетентнаго судьи, какимъ, конечно, является авторъ Исторіи С.-Петербургской Духовной Академіи и біографъ Теофана Прокоповича. Нашъ многоуважаемый членъ-корреспондентъ Илл. Алекс. Чистовичъ доставилъ намъ, по нашей просьбѣ, разборъ, который будетъ съ величайшимъ интересомъ прочитанъ всѣми, кто слѣдитъ за судьбами отечественнаго просвѣщенія, и изъ котораго мы приведемъ здѣсь только заключительныя сужденія:

Желая очертить общій характеръ разбираемаго сочиненія, рецензентъ указываетъ на ту особенность новой книги протоіерея Смирнова, что въ ней излагается исторія учебнаго заведенія, только полвѣка тому назадъ начавшаго свое существованіе,—заведенія, въ которомъ авторъ самъ добрую половину протекшаго періода былъ дѣятелемъ и очевидцемъ совершившихся событій, а для другой, болѣе отдаленной половины имѣетъ свидѣтелей, при которыхъ началась жизнь преобразованной Академіи. Изъ лицъ, трудившихся въ Академіи съ самаго ея начала, весьма многія прошли и заканчивали свой путь передъ его глазами; образы другихъ сохранились въ живомъ и свѣжемъ преданіи. Собственно архивныя документы способствуютъ только провѣркѣ данныхъ, извлекаемыхъ изъ личныхъ впечатлѣній свидѣтелей происшествій. Съ этой стороны историкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ выгоды живаго и свѣжаго преданія, шелъ, такъ сказать, по слѣдамъ событій уходящей жизни, имѣлъ всѣ способы представить главнѣйшихъ дѣятелей Академіи въ живыхъ очертаніяхъ и обликахъ, со всѣми отличительными особенностями ихъ духовнаго склада, и указать на тѣ стороны ихъ вліянія, которыя понятны только современникамъ и становятся неуловимыми и даже мало понятными для поколѣнія, которое судитъ о нихъ только по письменнымъ памятникамъ.

Но такое положеніе историка въ отношеніи къ изображаемымъ событіямъ имѣетъ и свою невыгодную сторону. Событія текущей жизни, въ особенности болѣе крупныя, такъ переплетаются одни съ другими и такъ развѣтвляются, что трудно опредѣлить и указать, такъ сказать, физическія ихъ границы. Соприкосновенность однихъ событій съ другими, сплетенія лицъ, интересовъ, цѣлей, причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, возбуждая интересъ каждое

въ своей мѣрѣ, легко могутъ увлечь историка и вывестъ рассказъ за предѣлы задачи, которая намѣчена предметомъ. Кромѣ того, отдаваясь личнымъ впечатлѣніямъ своимъ или чужимъ, историкъ легко можетъ утратить безпристрастіе и стать на точку зрѣнія одностороннюю.

Этими ли, или другими побужденіями руководствовался авторъ, но во всякомъ случаѣ, при чтеніи его книги, нельзя не примѣтить, что онъ излагаетъ факты такъ, какъ они улеглись и сохранились въ документальныхъ источникахъ, не вдаваясь въ разъясненіе ихъ далѣе тѣхъ указаній, какія даютъ архивные документы, очень рѣдко обращаясь къ источникамъ живаго преданія, очень мало внося воспоминаній, какія могли бы сообщить объ Академіи бывшіе ея воспитанники, и не внося почти ничего изъ своихъ личныхъ впечатлѣній. Памятники сохраняются во всякомъ случаѣ долѣе, нежели живое преданіе, которое скоро забывается и чрезъ одно-два поколѣнія уже исчезаетъ безслѣдно. Тѣмъ не менѣе этому живому преданію очень мало дано значенія въ трудѣ автора.

Обращаясь къ разсмотрѣнію самой книги, рецензентъ предлагаетъ весьма оживленный рассказъ о главныхъ событіяхъ въ исторіи Московскаго разсадника высшаго духовнаго образованія, въ связи съ нѣкоторыми внѣшними явленіями, имѣвшими вліяніе на судьбу Академіи, и въ заключеніи, сводя въ одно всё сдѣланныя имъ замѣчанія, заявляетъ, что книга протоіерея Смирнова, излагающая исторію Академіи въ продолженіе пятидесятилѣтняго періода ея отъ одного преобразования (въ 1814 г.) до другаго (въ 1870 г.), заключающая въ себѣ богатое собраніе матеріаловъ для исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи и вообще для исторіи отечественнаго просвѣщенія, любопытная по своимъ подробностямъ о судьбѣ лицъ, получившихъ высшее образованіе въ Московской Духовной Академіи и съ честію трудившихся и трудящихся на разныхъ поприщахъ церковнаго, общественнаго и гражданскаго служенія, сообщающая весьма много любопытныхъ данныхъ о высококочтимомъ русскою церковію покойномъ Московскомъ святителѣ Филаретѣ, бывшемъ въ теченіе почти полувѣка непосредственнымъ руководителемъ Академіи, — составляетъ весьма почтенный вкладъ въ нашу историческую литературу. Служа продолженіемъ изданной авторомъ Исторіи Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, она отличается такими же достоинствами отчетливаго и занимательнаго изложенія, какими отличался и первый его трудъ. Можно было бы желать болѣе полнаго изображенія собственно внутренней жизни

Академіи, болѣе цѣльныхъ и законченныхъ образовъ важнѣйшихъ ея дѣятелей—Филарета, Гумилевскаго, Голубинскаго, Горскаго и др., и болѣе полной оцѣнки ихъ ученой дѣятельности и заслугъ для науки и просвѣщенія: но всякому, знакомому съ этого рода сочиненіями, извѣстно также, какъ трудна подобная критическая работа тамъ, гдѣ не собрано еще первоначальныхъ матеріаловъ для внѣшней исторіи учебнаго заведенія. Въ этихъ случаяхъ добросовѣстно собранный, очищенный и стройно расположенный матеріалъ составляетъ весьма важную подготовку для послѣдующихъ ученыхъ трудовъ на томъ же поприщѣ, которые, безъ сомнѣнія, тѣмъ менѣе будутъ возбуждать желанія, подобныя вышензложенному, чѣмъ менѣе будутъ стѣснены этою первоначальною работою собиранія и очистки матеріала.

III.

Анаематствование (отлученіе отъ Церкви), совершаемое въ первую недѣлю Великаго поста. Историческое изслѣдованіе о чинѣ Православія, Священника К. Никольскаго. СПбургъ 1879 г.

Желая положить въ основаніе своего приговора объ этомъ сочиненіи сужденіе о немъ извѣстнаго знатока исторіи русской церкви и церковнаго права, Академія обращалась къ профессору здѣшняго университета священнику М. И. Горчакову съ приглашеніемъ разсмотрѣть изслѣдованіе отца Никольскаго. Съ рѣдкою готовностью принявъ это предложеніе и увлекшись самъ предметомъ, надъ которымъ трудился от. Никольскій, почтенный профессоръ сообщилъ намъ обстоятельную рецензію, въ которой не только представлена всесторонняя оцѣнка переданнаго на его судъ труда, но и сдѣланы многочисленныя существенныя дополненія и объясненія къ изысканіямъ и выводамъ автора.

По свидѣтельству рецензента, сочиненіе от. Никольскаго есть первое явившееся въ нашей церковно-исторической литературѣ ученое изслѣдованіе исторіи чина православія, составленное большею частью на основаніи не только неизданныхъ, но и оставшихся долгое время въ неизвѣстности, забытыхъ или тщательно скрывавшихся источниковъ. Своею книгою авторъ вывелъ изъ забвенія и неизвѣстности весьма любопытную, довольно сложную и почти вовсе необслѣдованную до него исторію важнаго во многихъ отно-

шеніяхъ памятника богослужебной литературы Ковстантинопольской и Русской церковей. Много стоило ему времени, труда, усердія, настойчивости и даже матеріальныхъ издержекъ, чтобы собрать таившійся преимущественно въ старыхъ архивахъ и бібліотекахъ рукописный матеріалъ, относящійся до его предмета; но за то ревность его увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ, и можно сказать, что до сихъ поръ никому изъ частныхъ лицъ еще не удавалось собрать такой колекціи списковъ съ древнихъ русскихъ синодиковъ и чинопослѣдованій на недѣлю православія, какая накопилась у от. Никольскаго. Сверхъ того, онъ съ большимъ вниманіемъ изучилъ и печатные чины православія, какъ помѣщенные въ тріодяхъ XVII вѣка, такъ и изданные въ XVIII вѣкѣ. Но этимъ не ограничивается заслуга автора: значительной части собранныхъ имъ матеріаловъ онъ придалъ научную форму, привелъ ихъ во взаимную связь, изложилъ ихъ содержаніе въ исторической послѣдовательности, сопоставляя многіе факты и явленія, о которыхъ говорится въ нихъ, въ связь съ событіями и явленіями однородными и современными имъ и слѣдовавшими за ними, подобравъ и представивъ историческія объясненія ко многимъ изъ нихъ.

Отдавая въ этомъ отношеніи должную похвалу труду от. Никольскаго, рецензентъ находитъ однако, что авторъ воспользовался не всѣмъ собраннымъ имъ матеріаломъ, и при томъ не такъ, чтобы книга его не заставляла читателя желать и ожидать отъ нея большаго, чѣмъ сколько въ ней содержится изъ собранныхъ и указанныхъ от. Никольскимъ синодиковъ и чиновъ православія. Особенно можно пожалѣть о томъ, что онъ оказался скупъ на приложение къ книгѣ отысканныхъ и изученныхъ имъ древнихъ чиновъ православія, тогда какъ такія приложения дали бы возможность не только провѣрить сообщенія и выводы автора по самымъ документамъ, но и ближе ознакомиться съ любопытными и малоизвѣстными памятниками.

Обращаясь за тѣмъ къ характеру изслѣдованія от. Никольскаго, ученый критикъ прежде всего замѣчаетъ, что авторъ изложилъ исторію чина православія, какъ литургистъ и церковный археологъ, между тѣмъ какъ эта исторія, по своему содержанію, имѣетъ важное значеніе не въ одной области литургики и археологии, но и въ исторіи византійской и русской—церковной и гражданской, а также въ области церковнаго права. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія и можно встрѣтить указанія и отвѣты на относя-

щися сюда вопросы; эти указанія и отвѣты даются однако мимоходомъ и не съ тою полнотою и опредѣленностью, какія желательны для историка и правовѣда. Другое замѣчаніе рецензента касается заглавія книги, которое не вполне соотвѣтствуетъ ея содержанію. Назвавъ ее «Анаеѣматствованіе», авторъ присовокупилъ къ этому заглавію поясненіе, что предметъ ея «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія». Хотя дѣйствительно, значительнѣйшая часть сочиненія посвящена изслѣдованію о той части чиновъ православія, въ которой содержатся отлученія отъ церкви, однако нельзя упустить изъ виду, что авторъ изслѣдуетъ не только эту часть, но и вообще чиноположеніе православія, а въ немъ анаеѣматствованіе является только однимъ изъ семи, а по древнимъ синодикамъ изъ пяти равночленныхъ предметовъ, такъ какъ въ содержаніе чиноположенія входятъ, сверхъ анаеѣматствованія, молебное пѣніе, канонъ, предисловіе синодика, статья о вѣчной памяти, многолѣтіе и заключительная молитва. По этому авторъ, давъ своему изслѣдованію вообще о чинѣ православія заглавіе «Анаеѣматствованіе», употребилъ названіе части предмета вмѣсто его цѣлаго.

Равнымъ образомъ въ отношеніи построенія книги отъ Никольскаго, планомъ и расположеніемъ которой онъ, повидимому, думалъ оправдать ея заглавіе, рецензентъ находитъ, что оно не соотвѣтствуетъ содержанію предмета, исторически изслѣдуемаго авторомъ. Представивъ весьма вѣскія доказательства такому мнѣнію своему и остановившись за тѣмъ на частномъ разборѣ предисловія и каждой изъ пяти главъ, составляющихъ сочиненіе, отъ Горчаковъ заканчиваетъ свою рецензію слѣдующими словами: «Сочиненіе отъ Никольскаго слѣдуетъ признать оригинальнымъ и по тѣмъ, и по содержанію, и по отысканнымъ авторомъ матеріаламъ; оно представляетъ собою первый и пока единственный опытъ изслѣдованія объ исторіи чина православія — предмета, до сихъ поръ вовсе необслѣдованнаго и почти незатронутаго въ нашей ученой литературѣ. Сочиненіемъ своимъ авторъ приводитъ въ извѣстность и подвергаетъ научной разработкѣ разнообразныя списки почти совсѣмъ забытаго памятника богослужебной литературы древней Россіи, имѣвшаго свою исторію и свое, во многихъ отношеніяхъ важное, значеніе въ отечественной исторіи. Въ немъ авторъ указываетъ русскимъ историкамъ новый, до нашего времени оставившійся безъ вниманія, источникъ исторіи — церковной и государственной, исторіи языка, палеографіи, генеалогіи, даже иконописи и пр.; въ немъ впервые сообщаются многочисленныя историческія свѣдѣнія, извлечен-

ныя изъ архивовъ и библиотекъ и скрывавшіяся въ рукописяхъ, какъ сырой матеріалъ, какъ предметы, осужденные на забвеніе; значительная часть собранныхъ авторомъ матеріаловъ облечена въ научную форму: нѣкоторыя части историческаго изслѣдованія автора изложены съ безукоризненною обстоятельностью, полнотою и вѣрностью; къ инымъ частямъ изслѣдуемаго авторомъ чина православія представлены въ книгѣ достаточныя для предмета историческія объясненія и указанія; для изслѣдованія оставленныхъ авторомъ безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія частей чина православія указаны въ сочиненіи его матеріалы, источники и способы; вообще все сочиненіе есть такой ученый трудъ, котораго не доставало въ нашей церковно-исторической литературѣ, котораго не могутъ замѣнять по своему содержанію никакія существующія сочиненія, и которое во многихъ отношеніяхъ и частяхъ удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки и критики. Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ, сочиненіе от. Никольскаго, не смотря на недостатки его, обнаруживающіеся въ названіи книги, въ ея построеніи и общей постановкѣ, въ неполнотѣ изслѣдованія нѣкоторыхъ частей чина православія, и въ нѣкоторыхъ выводахъ и указаніяхъ, — вполне заслуживаетъ награжденія Уваровскою премією. Это сочиненіе тѣмъ болѣе достойно вниманія и уваженія, что такіе учено-спеціальныя труды въ литературѣ нашей появляются не часто, по достоинствамъ ихъ оцѣниваются весьма рѣдко и почти никогда въ нашемъ обществѣ не вознаграждаются ни нравственно, ни матеріально; между тѣмъ эти труды распространяютъ свѣтъ знанія на такія стороны исторической жизни, которыя, до появленія ихъ, оставались въ неизвѣстности и забвеніи.

IV.

О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ пѣтьями. Сочин. С. Шафранова.

Это сочиненіе, первоначально напечатанное въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, было впоследствии подвергнуто авторомъ исправленію и значительному дополненію. Въ новой, улучшенной редакціи трудъ г. Шафранова явился на судъ Академіи уже въ видѣ рукописи.

Принявъ этотъ трудъ къ соисканію Уваровскихъ наградъ, Комисія сознавала, что для правильнаго сужденія объ изслѣдованіи подобнаго рода необходимо, чтобы въ разсмотрѣніи его участвовали ученые, специально знакомый съ музыкаю. Поэтому она обращалась къ профессору здѣшней Консерваторіи А. С. Фаминцыну съ просьбою сообщить ей свое мнѣніе объ означенномъ сочиненіи, какъ къ такому лицу, которое своими познаніями по части теоріи и исторіи музыкальнаго искусства приобрѣлъ себѣ заслуженную извѣстность.

Въ доставленной намъ вслѣдствіе того подробной рецензіи, г. Фаминцынъ прежде всего останавливается на судьбахъ русской народной пѣсни въ прежнее время и на томъ, что до сихъ поръ было сдѣлано въ области ея изслѣдованія. Онъ объясняетъ, что съ одной стороны дѣятельность русскихъ музыкантовъ въ этомъ отношеніи ограничивалась почти исключительно собираніемъ и гармонизаціею нашихъ народныхъ пѣсенъ, а равно изученіемъ технически музыкальнаго ихъ склада, вызывавшимъ въ послѣднее время энергической протестъ противъ внесенія иноземнаго вліянія въ гармонизацію какъ народнаго, такъ и древне-церковнаго русскаго пѣнія. Съ другой стороны, филологи и любители отечественной древности, но немусыканты, изслѣдовали русскую пѣсню только въ отношеніи ея содержанія и стихосложенія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, рецензентъ обращается къ сочиненію г. Шафранова, котораго заслуга, по его мнѣнію, заключается именно въ томъ, что онъ сталъ на совершенно новую точку зрѣнія: разсмотрѣлъ нашу народную пѣсню, какъ состоящую изъ двухъ неразрывно связанныхъ элементовъ, текста и напѣва, и распространилъ свои изысканія одновременно на музыкальную и словесную ея стороны. По свидѣтельству критика, авторъ очевидно не принадлежитъ къ числу музыкантовъ, какъ въ томъ убѣждаютъ читателя нѣкоторыя высказанныя имъ мнѣнія и даже бѣглый взглядъ на многочисленные приложенные къ его труду музыкальные примѣры, обнаруживающіе не только неопытность въ дѣлѣ нотописанія, но и довольно сомнительный вкусъ въ выборѣ напѣвовъ; однако это не помѣшало ему, въ главной части изслѣдованія, очутиться на твердой почвѣ, и подобно тому, какъ новѣйшіе русскіе музыканты повели борьбу противъ западно-европейскаго гнета, тяготѣвшаго многіе десятки лѣтъ надъ нашими народными напѣвами, повести, по отношенію къ стихосложенію, борь-

бу противъ теоріи версификаціи, разсматривавшей сложеніе пѣсенныхъ текстовъ совершенно независимо отъ соотвѣтствующихъ имъ напѣвовъ и видѣвшей основу, на которой зиждется гармонія русскаго стиха, въ числѣ удареній.

Разсужденіе г. Шафранова распадается на четыре статьи. Разсмотрѣнію народно-русскаго пѣсеннаго склада рѣчи авторъ предпослалъ изложеніе господствующихъ въ теоріи стихотворства воззрѣній на основные элементы ритмики и метрики, сопровождая ихъ замѣчаніями съ точки зрѣнія народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія, дабы такимъ образомъ выяснить, какія положенія греко-латинской метрики, усвоенныя и нѣмецкою, и нашею литературою, примѣнимы къ народно-русской пѣсенной рѣчи, и какія метрическія формы выработались въ ней самостоятельно. Первую статью своего труда авторъ посвящаетъ разсмотрѣнію основъ количественнаго греко-латинскаго стихосложенія. Отсюда, онъ переходитъ, во второй статьѣ, къ стихосложеніямъ слогочислительному и тоническому, разбирая ихъ по отношенію къ пѣсенному народно-русскому, при чемъ приходитъ къ заключенію, что истинной основы для строя своеобразной русской народной пѣсенной рѣчи слѣдуетъ искать не въ нихъ, а тамъ же, гдѣ найдется основа древне-греческой, т. е. въ пѣсенныхъ напѣвахъ. Заключивъ этими главами историко-литературный отдѣлъ, служащій какъ бы введеніемъ къ изслѣдованію собственно народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія, г. Шафрановъ, въ остальныхъ двухъ статьяхъ сочиненія, излагаетъ свой взглядъ на это послѣднее, равно какъ и на поэтическія формы, свойственныя русской пѣсенной рѣчи.

Подробный разборъ каждой изъ этихъ статей занимаетъ значительную часть рецензіи г. Фаминцына, который съ надлежащимъ вниманіемъ и строгостью обсудивъ выводы автора, сводитъ свою критику къ слѣдующему общему заключенію: Г. Шафрановъ, обративъ вниманіе свое на двусоставную природу пѣсни, какъ произведенія словеснаго и вмѣстѣ музыкальнаго, тѣмъ самымъ разрушилъ грань, до сихъ поръ раздѣлявшую изслѣдователей русскихъ народныхъ пѣсенъ на музыкантовъ и нем музыкантовъ, и на развалинахъ этой грани воздвигъ свое новое ученіе. Въ наглядной формѣ онъ очертилъ отношеніе основъ стихосложеній количественнаго (греко-латинскаго), слогочислительнаго (въ Зендавестѣ и Ведахъ) и тоническаго къ народно-русскому пѣсенному, при чемъ основывался на древнѣйшихъ формахъ этихъ стихосложеній, проявившихся въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ рѣчь, какъ и въ народно-русскихъ, была

еще неразрывно связана съ пѣніемъ. За тѣмъ онъ объяснилъ близкое соотношеніе главныхъ частей напѣва съ соответствующими главными частями строфъ пѣсеннаго текста. Далѣе, признавая созданную Востоковымъ и развитую его послѣдователями теорію народно-русскаго стихосложенія, названнаго тоническимъ, искусственною и на самомъ дѣлѣ неоправдываемою пѣснями, разсматриваемыми въ связи съ ихъ напѣвами, и относя ритмическія ударенія не къ складу пѣсенной рѣчи, а къ способу ея произношенія, къ дикціи, г. Шафрановъ указалъ на важное значеніе стилистическихъ особенностей въ пѣсенной рѣчи и далъ стихосложенію народно-русской пѣсни названіе *стилистическаго*, какъ основывающемуся на особенностяхъ слога и на своеобразномъ поступательномъ движеніи рѣчи. Эти особенности слога онъ видитъ преимущественно въ *повтореніяхъ*, къ которымъ относятся между прочимъ и *примѣты*, а также въ *паралелизмъ*, при чемъ разсматриваетъ ихъ въ многочисленныхъ и разнообразныхъ примѣненіяхъ.

Отдавая такимъ образомъ справедливость достоинствамъ труда г. Шафранова, несомнѣнно пополнявшаго пробѣлъ въ области изученія русской народной пѣсни, и выставляя на видъ смѣлость и новизну высказанныхъ имъ положеній, во многихъ случаяхъ подтвержденныхъ доказательствами, профессоръ Фаминцынъ съ полнымъ безпристрастіемъ не умалчиваетъ и о недостаткахъ этого изслѣдованія. Они, какъ уже было упомянуто выше, обнаруживаются преимущественно въ специально-музыкальной части сочиненія и въ неудовлетворительности музыкальнаго приложенія, изъ котораго авторъ почерпаетъ примѣры для подтвержденія своихъ положеній.

V.

Образованіе втораго Болгарскаго царства. Оедора Успенскаго.

Исторія втораго Болгарскаго царства оставалась до послѣдняго времени въ той первоначальной разработкѣ, въ какой была передана нынѣшнему столѣтію Равчемъ и Энгелемъ. Только въ послѣдніа 10—12 лѣтъ, трудами покойнаго Карла Гопфа, профессора Макушева, г. Голубинскаго, д-ра Иречка и другихъ, этотъ темный періодъ Болгарской исторіи изслѣдованъ и освѣщенъ до нѣкоторой степени. Однако новые изслѣдователи обращали преимущественно вниманіе на внутреннія и внѣшнія отношенія уже

готоваго, вполне сформированнаго втораго Болгарскаго царства и мало касались самаго его рожденія, его образованія.

Разработкѣ этого любопытнаго, но крайне темнаго предмета главнымъ образомъ посвящено сочиненіе, съ которымъ г. Успенскій явился въ числѣ соискателей Уваровскихъ премій.

Для ближайшей оцѣвки этой книги, Академія обращалась къ содѣйствию профессора Харьковскаго университета М. С. Дринова.

Трудъ г. Успенскаго распадается на двѣ части. Первая, занимающая всего 73 страницы, служитъ какъ бы краткимъ введеніемъ ко второй, болѣе обширной, и посвящена изложенію состоянія Болгаріи подъ Византійскимъ игомъ. По словамъ рецензента, при современномъ положеніи литературы предмета нельзя было и ожидать отъ разсмотрѣнной имъ книги всесторонняго изслѣдованія этого вопроса. Повидимому авторъ желалъ оказать съ своей стороны лишь нѣкоторое содѣйствіе уясненію туманнаго періода Болгарской исторіи, непосредственно примыкающаго ко времени образованія втораго Болгарскаго царства. Здѣсь мы находимъ изслѣдованіе двухъ самыхъ важныхъ источниковъ для этого періода, а именно писемъ архіепископа Теофилакта и Евстафія Солунскаго, изъ которыхъ, въ особенности изъ перваго, сдѣланы значительныя извлеченія. Замѣчая, что въ этихъ извлеченіяхъ встрѣчается иногда несовсѣмъ удачный переводъ трудныхъ мѣстъ, рецензентъ тѣмъ не менѣе признаетъ, что изданіемъ этихъ матеріаловъ авторъ оказалъ немаловажную услугу Болгарской исторіи. Въ его переводѣ, общій смыслъ особенно важныхъ для послѣдней извѣстій Теофилакта переданъ вѣрно, чѣмъ въ существовавшихъ латинскихъ переводахъ, которыми изслѣдователи преимущественно пользовались до сего времени. Историческое значеніе писемъ Теофилакта, по свидѣтельству профессора Дринова, выиграло и отъ хорошей группировки ихъ въ книгѣ г. Успенскаго. Но къ сожалѣнію, дѣлая собственную оцѣнку разсматриваемаго имъ историческаго матеріала, авторъ повторяетъ въ немногихъ словахъ лишь то, что неоднократно высказывали до него другіе писатели, тогда какъ богатыя по содержанію извлеченія изъ писемъ Теофилакта, при освѣщеніи ихъ другими извѣстіями того же времени, могли бы пролить болѣе свѣта на событія. При этомъ первая часть сочиненія стала бы существенно, необходимою для всего изслѣдованія, была бы связана со второю частью болѣе органически, а не казалась бы, какъ теперь, какъ бы несовсѣмъ умѣстною.

Изложеніе самой исторіи образованія втораго Болгарскаго цар-

ства г. Успенскій счелъ нужнымъ начать съ разсмотрѣнія вопроса о половцахъ, или куманяхъ, и румынахъ, или валахахъ. Затѣмъ слѣдуетъ подробный анализъ извѣстій о началѣ движенія въ Болгаріи и о первыхъ годахъ борьбы за независимость. Эти происшествія разсмотрѣны авторомъ на основаніи новыхъ, имъ самимъ добытыхъ данныхъ, доставившихъ ему возможность исправить смутныя сказанія Никиты Акомината, по которымъ доселѣ излагался ходъ этой борьбы. Въ особую заслугу критикъ ставитъ автору выясненіе важнаго значенія, какое имѣло для Болгарскихъ дѣлъ возмущеніе Византійскаго полководца Алексѣя Враны, отправленнаго съ военными силами имперіи противъ возставшихъ болгаръ. Разсказъ о Болгарскихъ дѣлахъ во время похода Фридриха Барбаросы на востокъ и объ отношеніяхъ сербовъ и угровъ къ болгарскому движенію составляетъ, по отзыву г. Дринова, самую удачную часть труда г. Успенскаго, хотя и здѣсь упущены изъ виду нѣкоторыя полезные матеріалы и высказаны нѣкоторыя предположенія, съ которыми критикъ не можетъ согласиться. Слѣдя далѣе за изложеніемъ автора, послѣдовательно разсматривающаго движеніе на Балканскомъ полуостровѣ въ 1190—1196 гг., появленіе новыхъ болгарскихъ вождей, боярина Никиты и царя Іоанна, попытку уніи съ католической церковью, участіе богомиловъ въ событіяхъ борьбы за независимость, антиболгарское движеніе на Балканскомъ полуостровѣ, отношеніе угровъ и сербовъ къ болгарамъ и наконецъ роль Болгарскаго царя между греками и латинянами по завоеваніи Царяграда крестоносцами, рецензентъ останавливается на тѣхъ объясненіяхъ и заключеніяхъ автора, которыя недостаточно оправдываются бывшимъ въ его распоряженіи матеріаломъ, или опровергаются другими источниками, оставленными имъ безъ вниманія, хотя и отдастъ ему должную дань похвалы относительно многихъ пунктовъ, впервые имъ намѣченныхъ, или лучше и полнѣе выясненныхъ имъ, чѣмъ его предшественниками.

Въ заключеніе своей рецензіи, професоръ Дриновъ признаетъ, что авторъ внесъ въ свое изслѣдованіе много новаго матеріала, частью изданнаго, но не употребленнаго надлежащимъ образомъ въ дѣло, необслѣдованнаго, а частью и неизданнаго. Огромный трудъ, котораго стоили собраніе, переводъ, изученіе и вообще обработка этого матеріала, оставлялъ ему мало времени для тщательнаго пересмотра общезвѣстныхъ источниковъ. Откуда произошли тѣ пробѣлы и, пожалуй, ошибки, которые встрѣчаются въ трудѣ г. Успенскаго. Но за то выдвинутый имъ новый матеріалъ, который

долженъ, по своей важности, занимать первое мѣсто между источниками Болгарской исторіи, далъ ему возможность пролить много новаго свѣта на изслѣдуемый вопросъ, принадлежащій къ самымъ важнымъ и самымъ темнымъ историческимъ вопросамъ. Если въ иныхъ случаяхъ авторъ и не совсѣмъ удачно воспользовался своимъ матеріаломъ, то это зависѣло отъ самаго свойства послѣдняго: такого рода матеріалы никогда не исчерпываются вполне первымъ обследованіемъ, какъ бы тщательно оно ни было. Будущіе изслѣдователи въ области южно-славянской, а также и византійской исторіи XI, XII и начала XIII вв., не обойдутся безъ книги г. Успенскаго. Они не мало будутъ благодарны автору и за помѣщенные имъ, какъ въ «приложеніяхъ», такъ и въ самомъ текстѣ книги, обширныя извлеченія изъ памятниковъ, отчасти совершенно новыхъ, или же сдѣлавшихся библиографическою рѣдкостью.

VI.

Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII вв. по рукописи Московской Синодальной Библіотеки, съ древнѣйшимъ Славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ, какіе есть въ переводѣ Трудъ Архимандрита Амфилохія. М. 1879 г.

Ординарный профессоръ здѣшней Духовной Академіи, Ив. Е. Троицкій, занявшійся, по приглашенію Уваровской комисіи, разсмотрѣніемъ этого сочиненія, доставилъ намъ весьма подробный и обстоятельный разборъ его, дающій полную возможность оцѣнить по достоинству новый трудъ архимандрита Амфилохія. Внимательное чтеніе этой книги показываетъ, что авторъ имѣлъ въ виду интересы церковно-историческіе и литургическіе, равно какъ и интересы палеографіи и филологіи. Понятно, что удовлетворить столь многимъ и столь разнообразнымъ интересамъ въ одной книгѣ можно было, по весьма справедливому замѣчанію рецензента, лишь при ясномъ сознаніи требованій, предъявляемыхъ этими интересами, при строгомъ разграниченіи сферы cadaго изъ нихъ и при стройной выдержкѣ ихъ. Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ книга архимандрита Амфилогія оставляетъ желать многого. Указавъ въ подробности тѣ обстоятельства и соображенія, изъ которыхъ вытекаетъ этотъ приговоръ, ученый рецензентъ замѣчаетъ, что при всемъ томъ означенная книга представляетъ со-

бою большую цѣнность для церковной гимнографіи. Потребность въ возможно-полномъ собраніи и критическомъ изданіи оригинальнаго текста древнѣйшихъ и наиболѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній, какими являются кондаки и икосы, чувствовалась давно въ этой области. Авторъ одинъ изъ первыхъ попытался удовлетворить этой потребности. По богатству собраннаго имъ матеріала, его книга превосходитъ аналогическіе съ нею труды кардинала Питры и Параники, заключаая въ себѣ много матеріаловъ, извлеченныхъ изъ рукописныхъ источниковъ. Цѣнность ея, кромѣ вариантовъ, подведенныхъ къ греческому тексту, увеличивается еще массою драгоценныхъ славянскихъ текстовъ, извлеченныхъ изъ первоисточниковъ и обогащенныхъ вариантами. Пользованіе этимъ богатымъ матеріаломъ значительно облегчается тѣмъ, что большая часть черновыхъ, и слѣд. самыхъ кропотливыхъ и неблагодарныхъ работъ, неизбежно сопряженныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, выполнена самимъ авторомъ и при томъ, вообще говоря, удовлетворительно. Не мало также разсѣяно въ книгѣ вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній, дающихъ полезныя указанія для будущихъ изслѣдователей въ этой, сравнительно очень мало изслѣдованной области.

VII.

Независимо отъ премій, раздаваемыхъ Академіею вообще за сочиненія по русской и славянской исторіи, Положеніемъ объ Уваровскихъ наградахъ установлена особая «поощрительная» премія, которая присуждается за сочиненія, служащія удовлетворительнымъ рѣшеніемъ той или другой ученой задачи, предлагаемой Академіею.

Въ настоящемъ году мы получили одно такое сочиненіе, написанное на тѣму, заданную Академіею нѣсколько лѣтъ тому назадъ: рукописное изслѣдованіе *И. Тихомирова «О составѣ западно-русскихъ, такъ называемыхъ Литовскихъ лѣтописей».*

По порученію Комисіи, предварительнымъ разсмотрѣніемъ этого сочиненія занимался Академикъ А. А. Куникъ, который въ своемъ донесеніи сообщилъ, что авторъ, уже извѣстный въ нашей литературѣ въ особенности изданнымъ имъ разборомъ такъ называемой Тверской Лѣтописи, въ новомъ трудѣ своемъ критически разсмотрѣлъ два изданные до сихъ поръ Свода Литовскихъ лѣтописей. Одинъ изъ нихъ, а именно изданный Нарбутомъ въ 1846 г. онъ называетъ «Полною редакціею Литовскихъ лѣтописей», а сводъ изданный въ 1823 (1827) и въ 1854 гг. И. Д. Даниловичемъ и А. Н.

Поповымъ «Краткою редакціею Литовскихъ лѣтописей». Собственно критическій трудъ авторъ занимаетъ въ первой части не болѣе 81 писаной страницы въ листъ. Остальная часть содержитъ въ себѣ отдѣльныя свѣдѣнія о Литвѣ, извлеченныя изъ хроникъ Стрыковского и Бѣльскаго и преимущественно изъ *Historia polonica* Длугоша

По мнѣнію г. Куника, названіе редакцій «Полною» и «Краткою» можно допустить только въ условномъ смыслѣ; на краткую редакцію никакъ нельзя смотрѣть какъ на сокращеніе Полной; Полная же редакція, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ въ спискѣ, напечатанномъ Нарбутомъ, дѣйствительно объемистѣе Краткой и отличается между прочимъ отъ нея тѣмъ, что передаетъ, хотя и въ сказочномъ видѣ, первоначальную исторію Литвы до Гедимина, и что въ составъ ея вошло нѣсколько статей и извѣстій, не находящихся въ такъ называемой Краткой редакціи.

Авторъ, по вѣрно обдуманному плану, приступаетъ сперва къ разбору и оцѣнкѣ Краткой редакціи, а за тѣмъ переходитъ къ разбору Полной, въ которой разсказъ событій доведенъ до XVI вѣка, т. е. гораздо дальше, чѣмъ въ Краткой. Путемъ сравнительнаго анализа, г. Тихомировъ старается разяснить существующее между обоими сводами внутреннее сходство и указать на различіе между ними какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Выяснивъ эти и другіе вопросы, онъ переходитъ къ послѣдней части задачи, постановленной програмою, а именно «изъ Польскихъ историковъ сдѣлать выборку событій, имѣющихъ отношеніе къ Западно-Русскому краю и находящихся въ напечатанныхъ спискахъ Западно-Русскихъ лѣтописей, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ» и т. д. По отзыву г. Куника, авторъ выполнилъ эту весьма трудную часть программы не вездѣ достаточно удовлетворительно; но за то онъ мѣтко характеризовалъ древне-польскихъ хронистовъ, пользовавшихся Литовскими лѣтописями, при чемъ правдолюбіе и добросовѣстность Стрыковского являются въ болѣе выгодномъ свѣтѣ чѣмъ представлялось въ былое время. Кромѣ того, становится очевиднымъ, что Бѣльскій и Стрыковский имѣли передъ собою списки Литовскихъ лѣтописей въ нѣкоторыхъ частяхъ болѣе полные, чѣмъ списки, которыми пользовались составители двухъ изданныхъ до сихъ поръ Литовскихъ лѣтописей.

Г. Тихомировъ нигдѣ не упоминаетъ о Литовскихъ лѣтописяхъ, встрѣчающихся въ рукописяхъ, до сихъ поръ неизданныхъ, тогда какъ ему, безъ сомнѣнія, могли быть извѣстны оглавленіе и отрывокъ, напечатанные Бодянскимъ по Познанскому списку полного свода.

По убѣжденію г. Куника, окончательное и полное рѣшеніе вопроса о Литовскихъ лѣтописяхъ и ихъ сводахъ невозможно безъ разсмотрѣнія тѣхъ списковъ этихъ лѣтописей, которые остаются еще въ рукописи, и цѣлый рядъ которыхъ г. Куникъ приводитъ въ своемъ донесеніи. Эти списки, вмѣстѣ взятые, представляютъ такой обильный и разнообразный матеріалъ для рѣшенія задачи, что нельзя оставлять ихъ безъ вниманія. Безспорно, сравненіе упомянутыхъ списковъ между собою и съ печатнымъ текстомъ такъ называемыхъ Полной и Краткой Редакцій потребуетъ не мало времени и труда; но г. Куникъ увѣренъ, что г. Тихомировъ не откажется отъ такого сравненія, коль скоро ему сдѣлается доступнымъ весь до сихъ поръ извѣстный матеріалъ для оцѣнки Литовскаго лѣтописанья. Въ семь случаевъ г. Куникъ готовъ, съ своей стороны, оказать г. Тихомирову содѣйствіе къ доведенію его изслѣдованія до желаемой полноты предоставленіемъ ему возможности пользоваться многими, важными для его труда, рукописями, которыя теперь могутъ быть доступны.

Соглашаясь съ этимъ заключеніемъ своего сочлена, Уваровская комісія, на основаніи пункта 3-го § 16 Положенія объ Уваровскихъ наградахъ, присудила г. Тихомирову *почетный отзывъ*, предоставивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ право вторично представить это сочиненіе, въ новой обработкѣ, на одинъ изъ слѣдующихъ Уваровскихъ конкурсовъ.

Въ заключеніе своего отчета не можемъ не вспомнить о томъ значеніи, какое Уваровскія преміи въ теченіе почти двадцатипятилѣтняго своего существованія имѣли на развитіе у насъ ученой критики историческихъ трудовъ. Въ напечатанныхъ доселѣ отчетахъ о присужденіяхъ этихъ премій мы съ удовольствіемъ и гордостью видимъ цѣлый рядъ основательныхъ и безпристрастныхъ рецензій, изъ которыхъ многія могутъ считаться образцовыми въ своемъ родѣ. Важность этихъ рецензій увеличивается еще особымъ обстоятельствомъ: на Уваровскія состязанія является почти все, что производитъ русская историческая литература, а по соблюдаемому Академіею правилу печатаются только разборы трудовъ, увѣнчанныхъ наградами, т. е. лучшихъ изъ ихъ числа. По этому занимающіея русской и славянскою исторіею находятъ въ нашихъ отчетахъ серьезную оцѣнку почти всего наиболѣе выдающагося въ этой области.

При этомъ случаѣ долгъ благодарности обязываетъ насъ заявить о томъ сочувствіи, которое Академія всегда встрѣчаетъ въ кругу постороннихъ ученыхъ, приглашаемыхъ ею къ участию въ разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій. Многіе изъ этихъ специалистовъ, не ограничиваясь предѣлами собственно критики, пользуются ею, какъ поводомъ сообщать ученому міру и собственныя, иногда очень обширныя изслѣдованія, составляющія для науки вкладъ не менѣе цѣнный, чѣмъ и самыя разбираемыя сочиненія. Нѣсколькими такими превосходными критическими трудами наука обогатилась и въ настоящемъ году въ тѣхъ рецензіяхъ, которыя будутъ напечатаны въ приложеніи къ настоящему нашему отчету.

Принося свою искреннюю признательность вообще всѣмъ постороннимъ ученымъ, участвовавшимъ въ разсмотрѣніи сочиненій нынѣшняго конкурса, Академія съ особымъ удовольствіемъ присудила золотыя Уваровскія медали, установленныя для такихъ критиковъ, члену учебнаго комитета при Св. Синодѣ Илл. Алексѣев. Чистовичу, профессорамъ: здѣшняго университета священнику Мих. Ив. Горчакову, Варшавскаго университета Викент. Васил. Макушеву, здѣшней Духовной Академіи Ив. Егоров. Троицкому и С.-Петербургской музыкальной консерваторіи Александр. Серг. Фаминцыну.

I.

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ДО ЕЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ (1814 — 1870). С. СЖИРНОВА. МОСКВА. 1879.

Рецензія Члена-корреспондента Академіи Наукъ Н. А. Чистовича.

Авторъ «Исторіи Московской духовной академіи» извѣстенъ въ ученой литературѣ двумя своими трудами, однородными съ этимъ послѣднимъ по содержанію, именно «Исторію Московской Славяно-греко-латинской академіи» и «Исторію Троицкой семинаріи». Новый трудъ его имѣетъ ту особенность, что въ немъ излагается исторія учебнаго заведенія, только долѣвка назадъ начавшаго свое существованіе, — заведенія, въ которомъ авторъ самъ добрую половину протекшаго періода былъ дѣятелемъ и очевидцемъ совершавшихся событій, а для другой, болѣе отдаленной, половины имѣетъ свидѣтелей, при которыхъ началась жизнь преобразованной академіи. Изъ лицъ, трудившихся въ академіи съ самаго ея начала, весьма многіе проходили и заканчивали свой путь передъ его глазами; образы другихъ сохранились въ живомъ и свѣжемъ преданіи. Собственно архивные документы способствовали только провѣркѣ и точности данныхъ, которыя передавались въ свѣжихъ впечатлѣніяхъ самихъ же бывшихъ наставниковъ академіи и ихъ слушателей. Съ этой стороны историкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ выгоды живаго и свѣжаго преданія, шелъ, такъ сказать, по слѣдамъ событій уходящей жизни, имѣлъ всѣ способы представить главнѣйшихъ дѣятелей академіи въ живыхъ очертаніяхъ и обликахъ, со всѣми отличавшими ихъ особенностями ихъ духовнаго склада, и указать на тѣ способы и стороны ихъ вліянія, которыя понятны только современникамъ и становятся совершенно неуловимыми и даже мало понятными для поколѣнія, которому осталось судить о нихъ только по оффиціальнымъ памятникамъ.

Но такое положеніе историка въ отношеніи къ описываемымъ событіямъ имѣетъ и свою невыгодную сторону. Событія текущей

жизни, въ особенности болѣе крупныя, такъ переплетаются одни съ другими и такъ развѣтвляются, что трудно опредѣлить и указать ихъ, такъ сказать, физическія границы. Соприкосновенность однихъ событій съ другими, сплетенія лицъ, интересовъ, дѣлей, причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, возбуждая интересъ каждое въ своей мѣрѣ, легко могутъ увлечь историка вывести рассказъ далеко за предѣлы специальной задачи, которая намѣчена его предметомъ. Съ другой стороны, отдаваясь личнымъ впечатлѣніямъ своимъ или чужимъ, историкъ легко можетъ утратить безпристрастіе и образовать точку зрѣнія на предметъ одностороннюю, личную.

Этими ли, или другими побужденіями руководствовался авторъ, но во всякомъ случаѣ, при чтеніи его книги, нельзя не примѣтить, что онъ излагаетъ факты такъ, какъ они улеглись и сохранились въ документальныхъ источникахъ, не вдаваясь въ разъясненіе ихъ далѣе тѣхъ указаній, какія даютъ архивные документы, очень рѣдко обращаясь къ источникамъ живаго преданія, очень мало внося воспоминаній, какія могли бы сообщить объ академіи бывшіе ея воспитанники, и не внося почти ничего изъ своихъ личныхъ впечатлѣній. Памятники сохраняются во всякомъ случаѣ долѣе, нежели живое преданіе, которое скоро забывается и черезъ одно — два поколѣнія уже исчезаетъ безслѣдно. Тѣмъ не менѣе этому живому преданію очень мало дано значенія въ трудѣ автора. Но обратимся къ разсмотрѣнію самой книги.

I.

Открытіе Московской академіи составляетъ звѣно въ ряду событій, составляющихъ свою совокупностію совершенное въ началѣ текущаго столѣтія преобразование духовно-учебныхъ заведеній. Общій планъ преобразования начертанъ былъ одинъ для всѣхъ духовныхъ академій, но осуществленіе его было неодинаково по отношенію къ С.-Петербургской и прочимъ академіямъ. Преобразование С.-Петербургской академіи было предметомъ особенной заботливости Коммисіи духовныхъ училищъ, составленной изъ такихъ высоко-образованныхъ лицъ, какъ Сперанскій, князь Голицынъ, М. Амвросій, Теофилактъ Русановъ и др. Члены Коммисіи сами пріискивали профессоровъ для преобразуемой академіи, и приняли на себя руководство за преподаваніемъ. Въ академію привлечены были лучшія силы изъ Россіи и изъ за-границы. Но извѣстно также и то, какими столкновеніями сопровождалось это соединеніе раз-

народныхъ элементовъ. Событія перваго курса С.-Петербургской академіи полны величайшаго интереса и еще далеко не выяснены.

Ко времени преобразования Московской академіи положеніе дѣль значительно измѣнилось. Вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ главнѣйшіе дѣятели Коммисіи прекратили свое участіе въ ея занятіяхъ. Оставшіеся, при высотѣ своего внѣшняго положенія, не имѣли достаточно внутренней силы. Въ это переходное время выступилъ на сцену дѣятель, которому потѣмъ суждено было овладѣть кормиломъ управленія не только духовныхъ училищъ, но и всей Русской церкви. Изъ скромнаго наставника выросъ руководитель и направитель всего дѣла духовнаго просвѣщенія. Нужно ли при-совокуплять, что это былъ Филаретъ, впоследствии митрополитъ Московскій. Ко времени преобразования Московской академіи онъ былъ, можно сказать, главнымъ дѣтелемъ въ Коммисіи, хотя и не былъ ея членомъ. Независимо отъ прочихъ распоряженій къ открытію Академіи съ ея учебнымъ округомъ, ему принадлежитъ выборъ первыхъ наставниковъ въ преобразуемую Академію. Составъ ихъ образованъ былъ частію изъ бывшихъ уже наставниковъ прежней Московской академіи и Троицкой семинаріи, частію изъ воспитанниковъ перваго курса С.-Петербургской академіи. Отъ преподавателей Славяно-греко-латинской академіи, а также Троицкой и Введенской семинаріи, потребованы были конспекты тѣхъ наукъ, которыя они желаютъ преподавать въ академіи или въ семинаріи. Такъ какъ въ это же время должно было совершиться преобразование всего Московскаго духовно-учебнаго округа, то такіе же конспекты потребованы были отъ всѣхъ семинарій округа, а правленію С.-Петербургской академіи поручено было разсмотрѣть ихъ и представить съ отзывомъ: достойны ли сіи конспекты преподаванія; могутъ ли сочинители оныхъ съ пользою для учащихся занимать искомыя ими кафедры, и заслуживаютъ ли званія профессоровъ. Представляя эти конспекты, управлявшій Московскою епархіею, преосвященный Августинъ, рекомендовалъ съ своей стороны кандидатовъ къ занятію начальственныхъ и преподавательскихъ должностей въ Академіи, сопровождая свои рекомендаціи блестящими отзывами о представляемыхъ кандидатахъ: но разсмотрѣніе составленныхъ ими конспектовъ дало многимъ изъ нихъ другую оцѣнку.

Этимъ дѣломъ занимался ректоръ С.-Петербургской академіи, архимандритъ Филаретъ. Разсмотрѣніе конспектовъ составляетъ

весьма любопытный предметъ въ исторіи духовно-учебныхъ заведеній при ихъ преобразованіи. Это была повѣрка ученыхъ и учебныхъ силъ духовно-учебныхъ заведеній всей Россіи. Званіе профессора было достойнѣйшею наградою для немногихъ изъ огромнаго числа соискателей этой чести. Удостоенные онаго гордились этимъ званіемъ, какъ самою высокою наградою или самымъ лестнымъ отличіемъ. Если взять во вниманіе массу отзывовъ, которыми многіе составители конспектовъ, повидимому съ достоинствомъ занимавшіе различныя педагогическія должности, совершенно устранились съ оныхъ какъ неспособные къ дальнѣйшему преподаванію, или оставляемы были только по снисхожденію подъ какимъ либо болѣе опытнымъ педагогическимъ руководствомъ, то удостоенные по этому экзамену отличія профессорскаго званія конечно имѣли полное право считать это особымъ для себя отличіемъ. Въ Приложеніи мы помѣщаемъ отзывы Филарета о конспектахъ тѣхъ, впрочемъ немногихъ лицъ, которые искали права преподаванія въ новой Академіи. Кромѣ этихъ лицъ, другая половина состава преподавателей въ преобразованной Академіи образована была, по избранію Филарета же, изъ воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ С.-Петербургской академіи. Эта же послѣдняя академія снабдила Московскую программу преподаванія: а ректоръ С.-Петербургской академіи Филаретъ въ 1815 г. производилъ уже ревизію преобразованной Академіи. Такимъ образомъ Московская академія, при самомъ образованіи своемъ, стала подъ наблюдательное руководство Филарета, за долго до назначенія его Московскимъ первосвятителемъ, и вмѣстѣ получила тотъ типъ, который потѣмъ сохраняла въ продолженіе всего періода своего существованія. Преданное служеніе дѣлу науки, устраненіе отъ всего, что выходитъ за предѣлы этого служенія, уклоненіе отъ всякихъ увлеченій какими бы то ни было новыми направленіями, нѣкоторая даже ревность въ охраненіи этихъ принциповъ консерватизма, какъ скоро они затрогивались другими академіями (какъ напр. по дѣлу о налитографированіи Русской Библии въ С.-Петербургской академіи) — вотъ нѣкоторыя изъ чертъ этого типа, заботливо поддержанныя потѣмъ руководственнымъ наблюденіемъ преосвященнаго Филарета, устранившаго Академію отъ всякихъ колебаній, а равно устранившаго отъ Академіи все, что могло возмутить спокойное, ровное и свѣтлое теченіе ея жизни.

II.

Относительно этой дальнѣйшей исторіи Академіи авторъ говоритъ: «мы не можемъ не замѣтить въ ея исторіи поразительнаго явленія: въ продолженіе всего періода мы усматриваемъ въ ней единство духа и направленія образованія, и это отъ того, что почти съ самаго основанія ея и до конца періода она находилась подъ водительствою одного вождя — великаго святителя Московскаго Филарета. Такимъ образомъ можно сказать, что исторія Академіи въ теченіи 56 лѣтъ имѣла одинъ періодъ»¹⁾.

Между тѣмъ въ продолженіи этого полувѣковаго періода совершились событія, которыя совершенно измѣнили строй *внѣшнюю* управленія духовно-учебныхъ заведеній и имѣли громадное вліяніе на ихъ *внутреннюю* жизнь. Московская академія, стоявшая вдали отъ этого движенія и охраняемая мощнымъ руководствомъ своего Первосвятителя, тѣмъ не менѣе должна была принять новое направленіе, выработанное этимъ движеніемъ, хотя уже какъ готовое. Эти перемѣны во внѣшнемъ и внутреннемъ строѣ духовно-учебныхъ заведеній начались съ назначеніемъ въ 1836 г. на должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Н. А. Пратасова. Мы позволимъ себѣ изложить ихъ съ нѣкоторою подробностію.

Выше мы упомянули, что съ 1808 г. средоточіе управленія духовными училищами составляла Коммиссія духовныхъ училищъ. Графъ Пратасовъ нашолъ эту форму управленія духовно-учебными заведеніями неудобною. «Коммиссію составляютъ», писалъ онъ во всеподаннѣйшей докладной запискѣ 22 февраля 1839 года, почти тѣже лица, кои присутствуютъ въ Синодѣ. Ея обширную канцелярію, съ бухгалтерією и контролемъ, завѣдываетъ правитель дѣлъ, подъ главнымъ начальствомъ одного изъ членовъ съ гражданской стороны: обязанность, лежавшая прежде на министрѣ духовныхъ дѣлъ, а потомъ съ другими его обязанностями перешедшая къ оберъ-прокурору. Такимъ образомъ сіе, по существу своему духовно-гражданское, мѣсто представляетъ въ духовномъ вѣдомствѣ отдѣльную отъ Синода власть, при установленіи коей, безъ сомнѣнія, имѣлось въ виду дать высшему духовно-учебному начальству болѣе свободы въ дѣйствіяхъ: но такое раздвоеніе высшаго духовнаго правительства необходимо отразилось и на цѣломъ вѣдомствѣ его, сдѣлавъ повсюду духовно-учебную и епархіальную части одну другой чуждыми,

¹⁾ Стр. 10—11.

и устранивъ духовныя училища отъ должнаго вліянія епархіальныхъ властей, такъ что, вопреки духу церковныхъ правилъ, нигдѣ учебныя заведенія не знали надъ собою прямой власти особъ архіерейскаго сана, кромѣ лишь тѣхъ, которыя по Высочайшимъ указамъ засѣдаютъ въ Комиссіи. Но слѣдствія сего взаимнаго отчужденія замѣтны и въ самой Комиссіи. Ея духовныя члены, будучи епархіальными архіереями, привыкли взирать на учебную часть, какъ на нѣчто для нихъ постороннее, и даже засѣдая въ Комиссіи не могутъ имѣть по собственнымъ епархіямъ прямого въ ней участія. Сверхъ того, всѣ они постоянно отвлекаются главными своими занятіями по званію членовъ и присутствующихъ въ Синодѣ, и другими еще болѣе прямыми обязанностями управленія собственныя епархіи. При недостаткѣ ихъ досуга, и при множествѣ обременяющихъ Комиссію разнородныхъ, особенно же экономическихъ, предместовъ, поневолѣ ускользаетъ изъ виду главная обязанность ея по воспитанію духовнаго юношества, которая требовала бы всего ихъ вниманія». Затѣмъ показаны неудобства веденія въ Комиссіи хозяйственной части духовныхъ училищъ, требующей быстроты исполненія, несовмѣстимой съ порядкомъ коллегіальнымъ. «Что оставалось предпринять мнѣ въ столь затруднительномъ положеніи? Истоощивъ всѣ средства дать скорое движеніе дѣламъ ея и видя, что собственное устройство ея противится желаемому ихъ ходу, я долгомъ счелъ, уже не медля долѣе, изложить предъ Вашимъ Величествомъ столь важное обстоятельство.»

«Но и не смотря на всѣ вышеописанныя препятствія, я между тѣмъ спѣшилъ по возможности тѣми распоряженіями, которыя не терпѣли никакого отлагательства, отъ которыхъ зависитъ важнѣйшая часть ученія, дотогѣ не имѣвшая прочныхъ основаній: таковы были мѣры къ повсемѣстному улучшенію богословскаго преподаванія на твердомъ камени православія: вновь разсмотрѣны всѣ употребляемыя для сего книги, отобрано отъ всѣхъ ректоровъ мнѣніе касательно усовершенствованія и облегченія ученія, и впредь до новаго устройства академій и семинарій постановлены для нихъ правила, могущія восполнить замѣченный въ нихъ недостатокъ единства и направленія къ главной цѣли духовнаго образованія».

Въ такомъ убѣжденіи «что существованіе Комиссіи духовныхъ училищъ, по вышеизложеннымъ причинамъ, вовсе не представляетъ на будущее время нужныхъ средствъ къ успѣшному ходу духовно-учебной части, какъ не представляло ихъ прежде, графъ Пратасовъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе предположенія объ

упраздненія Коммиссіи духовныхъ училищъ, съ передачею всѣхъ дѣлъ ея Святѣйшему Синоду, и объ учрежденіи, для исполнительнаго производства по симъ дѣламъ, Духовно-учебнаго и Хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ. По изъявленіи Государсмъ Императоромъ, 22 февраля 1839 г., согласія на сіи предположенія, представлены были и 1 марта утверждены положеніе и штаты этихъ новыхъ учреждений духовнаго вѣдомства.

Какъ ни уважительны были поводы къ упраздненію Коммиссіи духовныхъ училищъ, но замѣнившее ее Духовно-учебное управленіе не улучшило положенія дѣла. Коммиссію можно было упрекнуть только въ медленности дѣйствій, зависѣвшей отъ ея коллегіальнаго и притомъ весьма ограниченнаго состава: но она соединяла въ себѣ силы высшаго духовнаго управленія. Учрежденное, съ упраздненіемъ ея, Духовно-учебное управленіе, хотя должно было имѣть значеніе исполнительнаго мѣста, но въ существѣ сдѣлалось средоточіемъ высшаго управленія учебною частію духовныхъ училищъ, и ставши между ними и Святѣйшимъ Синодомъ, замедляло движеніе дѣлъ не менѣе прежняго и кромѣ того придадо управленію учебно-воспитательною частію бюрократическій характеръ. Въ немъ сосредоточены были назначенія всѣхъ лицъ на учебныя должности, разсмотрѣніе программъ, введеніе учебниковъ и учебныхъ пособій. Между тѣмъ составъ его былъ исключительно канцелярскій. Директоръ и начальники отдѣлений составляли такъ называемое *общее присутствіе*. По положенію, въ случаѣ надобности, могли быть приглашаемы ректоры здѣшнихъ академій и семинарій, а также прочихъ академій и семинарій: но эти приглашенія бывали только въ первое время и притомъ очень рѣдко. Впоследствии общее присутствіе стало наполняться чиновниками, иногда не получившими никакого образованія. Духовныя академіи подлежали вѣдѣнію его наравнѣ со всѣми духовно учебными заведеніями.

Но реформа не ограничилась одною внѣшнею стороною управленія духовныхъ училищъ, а простерлась на самую внутреннюю ихъ жизнь. Въ той же всеподданнѣйшей запискѣ графъ Пратасовъ писалъ: «вся учебная часть требуетъ совершеннаго преобразования; духовный судъ и самые догматы Церкви нуждаются въ изданіи книгъ, которыя служили бы основаніемъ православію и которыхъ доселѣ въ отечествѣ нашемъ не было.»

Въ виду этой нужды, одновременно съ перемѣною въ управленіи духовными училищами, произведена была реформа въ учебной части духовныхъ училищъ.

По первоначальному плану преобразованія духовныхъ училищъ начертанному Комитетомъ 1807 года, главнымъ предметомъ и цѣлю оныхъ поставлена была «*ученость собственно такъ называемая, сколько можно болѣе приспособленная къ наукамъ богословскимъ*», а основаніемъ учености признано образованіе въ древнихъ языкахъ. Комитетъ желалъ и предполагалъ поставить духовныя училища на такую высоту, чтобы они, сообщая своимъ воспитанникамъ основательное классическое образованіе, могли чрезъ нихъ имѣть вліяніе на всю систему нашего народнаго просвѣщенія. Предпринятая графомъ Пратасовымъ реформа духовно-учебныхъ заведеній въ значительной мѣрѣ ограничила задачу духовныхъ училищъ, поставивъ исключительную цѣлю ихъ образованіе достойныхъ священнослужителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ самому преподаванію богословскихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ придава *практическій* характеръ, предполагивъ приспособить оное *не только къ догматамъ, но и къ преданіямъ и чиноволоженіямъ Восточной Церкви.*

Въ этихъ видахъ въ кругъ предметовъ академическаго и семинарскаго преподаванія нѣкоторыя науки введены вновь; другія дана постановка, соотвѣтствующая новому направленію преподаванія въ сихъ училищахъ; третьи, наконецъ, совершенно исключены изъ семинарскаго курса.

Между предметами, вновь введенными въ семинарскій курсъ, первое мѣсто занимаетъ, по своей важности, *Православное Исповѣданіе св. отцовъ, соч. М. Петра Могилы.* Побужденіемъ къ избранію этой книги въ число руководственныхъ служило то, что, по изъясненію графа Пратасова, въ нашей отечественной литературѣ не было книги, которая бы служила основаніемъ православію и съ которою можно было бы повѣрять преподаваніе догматовъ. Православный катихизисъ, составленный митрополитомъ Филаретомъ и послѣ нѣкоторыхъ измѣненій и исправленій изданный въ 1827 году, былъ единственнымъ авторизованнымъ руководствомъ для направленія преподаванія Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ. Но въ немъ «не были съ подробностію изъяснены нѣкоторые предметы, излагавшіеся въ Православномъ Исповѣданіи вѣры Петра Могилы.» Вслѣдствіе сего признано было необходимымъ послѣднее изъ названныхъ вѣроизложеній ввести въ учебный курсъ въ семинаріяхъ, а катихизисъ вновь пересмотрѣть и дополнить примѣнительно къ этому вѣроизложенію.

Поводомъ къ этому пересмотру Катихизиса указано слѣдующее:

обстоятельство. «При наблюденіи за употребленіемъ катихизиса усмотрѣно, что законоучители въ высшихъ классахъ учебныхъ заведеній дѣлають въ преподаваніи по оному дополненія, но иногда не въ тѣхъ частяхъ, которыя могли бы получить особенно полезное развитіе. Посему митрополитъ Московскій, по совѣщаніи съ митрополитами С.-Петербургскимъ и Кіевскимъ, призналъ нужнымъ пересмотрѣть означенную книгу и дополнить оную въ главнѣйшихъ частяхъ ученія, дабы при руководствѣ болѣе полномъ ученіе менѣе подвергалось недосмотрамъ и произволу.» Въ 1839 г. Катихизистъ, въ новой редакціи, введенъ въ преподаваніе во всѣ учебныя заведенія въ замѣнъ прежняго; но онъ введенъ въ качествѣ учебнаго руководства по Закону Божію, а вѣроизложеніе Петра Могилы введено какъ руководство, съ которымъ надлежало повѣрять самое изложеніе догматовъ, слѣдовательно въ качествѣ символической книги.

Обстоятельства введенія Православнаго Исповѣданія вѣры въ учебный курсъ, съ признаніемъ за нимъ достоинства символической книги, весьма любопытны во многихъ отношеніяхъ. Сначала «Православное Исповѣданіе» введено было въ послѣдній, собственно богословскій классъ семинарій, въ видѣ повторенія катихизическаго ученія и приготовленія къ богословскому, «дабы въ послѣдствіи можно было повѣрять съ онымъ богословіе догматическое и нравственное». По прошествіи года, отъ семинарій С.-Петербургскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ потребованы были свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ расположено преподавателями богословскихъ наукъ въ семинаріи упомянутое чтеніе Православнаго Исповѣданія, какою приняты порядокъ въ отношеніи къ объясненіямъ и отчетности и къ какому времени предположено окончить чтеніе.

Въ объясненіяхъ нѣкоторыхъ преподавателей показано было, между прочимъ, что при чтеніи Православнаго Исповѣданія менѣе извѣстныя истины объясняются указаніями на Слово Божіе и постановленія Вселенскихъ соборовъ (Новг. сем.); что мысли Православнаго Исповѣданія подтверждаются отеческими преданіями (Орлов. сем.); что трудные пункты поясняются Священнымъ Писаніемъ и извлеченіемъ изъ бесѣдъ Іоанна Златоуста и твореній Григорія Богослова (Олонеккой сем.). Особенно значительное донесеніе получено было изъ С.-Петербургской семинаріи, въ которой богословіе преподавалъ ректоръ архимандритъ Аѳанасій, впоследствии архіепископъ Казанскій. Въ донесеніи его говорилось, что 1) какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Православнаго Исповѣданія не ука-

заны весьма ясныя мѣста Священнаго Писанія, на которыхъ основываются изложенныя въ ономъ истины, то по необходимости, для полноты и ясности познанія истинъ, дѣлаются имъ нужныя дополненія; 2) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не указано мѣстъ Священнаго Писанія, на которыхъ основываются истины: посему и эти мѣста, по необходимости, для основательности познанія истинъ, также дополнены; 3) въ самомъ изложеніи истинъ въ Православномъ Исповѣданіи встрѣчаются нѣкоторыя важныя погрѣшности, происшедшія частію можетъ быть отъ неисправнаго печатанія, хотя того въ концѣ книги и не означено, а частію и отъ другихъ причинъ: почему, по необходимости, дѣлаются нѣкоторыя перемены и въ самомъ текстѣ Православнаго Исповѣданія; 4) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тексты приведены въ доказательство истинъ неточно: почему они замѣнены другими, совершенно ясно и удовлетворительно доказывающими истину.

Предварительно внесенія этихъ отзывовъ въ Святѣйшій Синодъ, графъ Пратасовъ просилъ Московскаго митрополита разсмотрѣть оныя. Преосвященный Филаретъ далъ слѣдующее мнѣніе ¹⁾:

«Вѣроятно, желаніе мастерски отвѣтить на данный вопросъ привело нѣкоторыхъ изъ ректоровъ къ тому, что они хуже говорятъ, нежели дѣлаютъ. Иной по всякому катихизическому вопросу хочетъ приставить преданіе, а иной пришить извлеченіе изъ Златоуста. Иной ²⁾ прежде требуетъ отчета, а потомъ объясняетъ.

Кажется надобно: 1) читать Православное Исповѣданіе по порядку въ одно время въ началѣ учебнаго курса; 2) употреблять на сіе отъ одного до двухъ мѣсяцевъ; 3) о томъ, что объяснено въ Синодальномъ Катихизисѣ, вопрошать, какъ сіе тамъ объяснено. Черезъ сіе, преподаваніе облегчится, катихизисъ повторится и согласіе Катихизиса съ Православнымъ Исповѣданіемъ покажется; 4) подобнымъ образомъ обращаться къ катихизису съ вопросами о тѣхъ

¹⁾ Написано собственноручно преосвященнымъ Филаретомъ и озаглавлено: «Мнѣніе преосвященнаго митрополита Московскаго о чтеніи Православнаго Исповѣданія Петра Могилы въ семинаріяхъ.

²⁾ Ректоръ Херсонской Семинаріи, архимандритъ Порфирій, относительно способа изученія Прав. Исповѣданія доносилъ, что ученики во время домашнихъ занятій прочитываютъ указанныя статьи, а потомъ въ учебныя часы даютъ наставнику отчетъ въ чтеніи, который поясняетъ имъ предметы, коихъ они не выразумѣли. Преосвященный Филаретъ написалъ противъ этого: «ученики преподаютъ себѣ дома, потомъ даютъ отчетъ и наконецъ уже слышать объясненіе. Не есть ли это каедрa обращенная вверхъ дномъ?»

предметахъ, на которые въ немъ представлены особенныя доказательства изъ Священнаго Писанія или изъ Св. Отецъ; 5) гдѣ нужно, истолковывать текстъ Православнаго Исповѣданія изъ собственнаго состава его, и разбирать приводимыя свидѣтельства Священнаго Писанія; 6) гдѣ нужно, вопрошать, какой катихизическій вопросъ къ какой части богословія относится; 7) предъ началомъ урока посредствомъ вопросовъ повторять тѣ части предшествовавшаго урока, которыя особенно нужно углубить въ разумѣніи и памяти; 8) по истолкованіи нѣсколькихъ членовъ вѣры, или всей первой части, подобно и далѣе, назначать особенное время для обстоятельнаго и непрерывнаго отчета въ истолкованныхъ статьяхъ; 9) отчетъ состоять долженъ не въ рабскомъ чтеніи на память выученнаго текста книги, но въ свободномъ изложеніи мыслей безъ нарушенія сущности дѣла; 10) впрочемъ изреченія Священнаго Писанія должны быть приводимы всегда съ строгою буквальною точностію».

Марта 22. 1840 г.

Въ маѣ 1840 г. графъ Пратасовъ предложилъ полученные отзывы Святѣйшему Синоду, не упоминая о мнѣніи преосвященнаго Филарета, потому ли, что не во всемъ соглашался съ нимъ, или потому, что не хотѣлъ подвергать его критикѣ Святѣйшаго Синода. Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ отъ 10 мая (19 іюня) постановилъ: 1) Православное Исповѣданіе читать во всѣхъ семинаріяхъ въ самомъ началѣ курса въ 1-й годъ въ низшемъ отдѣленіи и продолжать въ непрерывномъ порядкѣ, дабы оное служило какъ бы повтореніемъ учебнаго катихизиса и введеніемъ въ кругъ наукъ собственно духовныхъ, которыя распространяются нынѣ на всѣ отдѣленія семинаріи; 2) въ мѣстахъ, требующихъ истолкованія текста Православнаго Исповѣданія, извлекать оное какъ изъ собственнаго его состава, такъ и изъ Синодальнаго Катихизиса и разбирать приводимыя на нихъ свидѣтельства Свящ. Писанія; 3) предъ начатіемъ каждаго класса по сему предмету, повторять, посредствомъ вопросовъ, тѣ части предшествовавшаго урока, которыя особенно нужно углубить въ разумѣніи и памяти учащихся; по изъясненіи же нѣсколькихъ членовъ вѣры, или всей какой-либо части, назначить особенное время для обстоятельнаго и непрерывнаго отчета въ пройденныхъ статьяхъ; 4) отчетъ состоять долженъ не въ одномъ только чтеніи на память выученнаго текста, но въ свободномъ изложеніи мыслей, безъ нарушенія сущности предмета. Впрочемъ изреченія Свящ. Писанія должны быть приводимы всегда съ строгою буквальною точностію. Затѣмъ 5) при преподаваніи бого-

словія Догматическаго и Правственнаго въ высшемъ отдѣленіи дѣлать указанія на Православное Исповѣданіе, дабы возобновлять въ памяти учащихъ главнѣйшія мѣста онаго и *посвятить съ оными предлагаемое изъясненіе богословскаго догмата* ¹⁾.

Съ указаніемъ руководства для изъясненія и преподаванія догматовъ, признано было необходимымъ дать такое же руководство относительно церковныхъ законовъ и въ тоже время ввести эту часть въ преподаваніе въ академіяхъ и семинаріяхъ, какъ самостоятельный предметъ.

Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ графъ Пратасовъ встрѣтился съ предположеніемъ, которому данъ былъ ходъ съ небольшимъ за годъ до назначенія его оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Въ мартѣ 1835 г. бывшій оберъ-прокуроръ С. Д. Нечаевъ испросилъ Высочайшее соизволеніе приступить къ извлеченію изъ Синодальнаго архива и собранію во едино тѣхъ постановленій, которыя образовали церковное наше управленіе со времени уречденія Синода. По сношенію Нечаева съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Сперанскимъ, изъ II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи командированъ былъ для этой работы, требующей особеннаго ученаго приготовленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Куницынъ. Графъ Пратасовъ, по вступленіи въ должность оберъ-прокурора, нашелъ эту работу весьма полезною для справокъ по производящимся въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣламъ, но неудобною для напечатанія, и въ этомъ смыслѣ доложилъ Государю. Государь поручилъ ему переговорить объ этомъ съ Сперанскимъ. Сперанскій, съ своей стороны, не имѣлъ повода настаивать на немедленномъ изданіи духовныхъ узаконеній, предоставивъ себѣ лично доложить о томъ Государю. Послѣ того Куницыну поручено было довести собраніе до конца, хотя оно должно было остаться въ рукописи. Въ замѣнъ того графъ Пратасовъ, съ Высочайшаго соизволенія, предложилъ Святѣйшему Синоду возобновить начатое въ 1734 году, но потомъ оставшееся недовершеннымъ, предпріятіе касательно изданія въ свѣтъ коренныхъ Каноническихъ Постановленій Православной церкви на греческомъ и русскомъ языкахъ. Въ 1839 г. этотъ трудъ былъ оконченъ.

Послѣ того, какъ дано было руководство для ознакомленія съ основными законами Православной церкви, въ 1840 году введено

¹⁾ Дѣло б. Духовно-учеб. управл. 1839 г. № 60.

въ академическій курсъ преподаваніе *Церковнаго Законодѣнія* въ качествѣ самостоятельной науки. Прежде сего преподаваніе этого предмета соединяемо было съ Догматическимъ богословіемъ и съ Церковной Исторіей.

Въ то же время для ближайшаго приспособленія преподаванія богословскихъ наукъ къ преданіямъ и чиноположеніямъ Восточной церкви, въ кругъ академическаго и семинарскаго преподаванія введено *Историческое ученіе объ Отцахъ Церкви*, а въ семинарскій, крохѣ того, *Ученіе о богослуженіи и богослужебныхъ книгахъ*.

Введеніемъ Историческаго ученія объ Отцахъ Церкви или Патристики, какъ и всею реформою преподаванія богословскихъ наукъ, предполагалось возвысить значеніе *Преданія*, какъ одного изъ источниковъ и основъ богословскаго ученія. Понятіе о преданіи не было конечно новостью ни въ православномъ вообще, ни въ отечественномъ богословіи: но реформаторамъ богословскаго преподаванія казалось, что отношеніе его къ Свящ. Писанію не было достаточно выяснено и опредѣлено, равно какъ недостаточно опредѣлены источники преданія и ихъ сравнительное достоинство. Возвышеніе значенія *преданія* составляло, можно сказать, узелъ богословской учебной реформы сороковыхъ годовъ. Изъ какихъ побужденій это вышло — это вопросъ другой. Такимъ образомъ введеніе Патристики въ курсъ академическаго и семинарскаго преподаванія имѣетъ значеніе не только какъ дополненіе этихъ курсовъ одною изъ богословскихъ наукъ, но какъ нѣкоторое и притомъ существенное измѣненіе въ самомъ направленіи преподаванія и разработки богословскихъ наукъ.

Вмѣстѣ съ этимъ въ такъ называемое Основное богословіе (въ которомъ излагаются основныя понятія о религіи, объ источникахъ православнаго богословія и объ общемъ строѣ или системѣ богословскихъ наукъ) введено ученіе о *Церкви*, какъ хранилищѣ и истолковательницѣ преданія.

Чтобы дать мѣсто новымъ предметамъ, введеннымъ въ семинарскій курсъ, исключено изъ него преподаваніе *Исторіи философіи*.

Такимъ образомъ *ученость*, составлявшая до того времени жизненный нервъ семинарскаго образованія, уступила мѣсто другому направленію, специально-практическому. Графъ Пратасовъ говорилъ: «на что такая огромная богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему философія, наука вольномыслія, вздоръ, эгоизма, фанфаронства? на что ему тригонометрія, дифференціалы, интегралы?»

Пусть лучше затвердятъ хорошенько катихизисъ, церковный уставъ, нотное пѣніе, и довольно ¹⁾).

Это направленіе, при своемъ первомъ возникновеніи, неизбѣжно вдалось въ крайности, которыя въ свое время возбуждали опасенія, но которыя потомъ устранены были, такъ что для настоящаго времени они имѣютъ только исторической интересъ. Таково было предложеніе о составленіи учебныхъ руководствъ по богословскимъ наукамъ изъ отеческихъ твореній: такъ напримѣръ, по Догматическому богословію предполагалось ввести учебникомъ «Догматическое ученіе, выбранное изъ сочиненій Св. Дмитрія Ростовскаго»; по Священному Писанію—сочиненіе Св. Аѳанасія Александрійскаго: «Обзорѣніе священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта», съ нѣкоторыми дополненіями изъ твореній Іоанна Златоуста и Кирилла Александрійскаго. Такою же крайностію было поставленіе богослужебныхъ книгъ въ рядъ источниковъ православнаго вѣроученія и въ качествѣ охранительнаго и изяснительнаго его начала. Таково же было предположеніе воспретить мірянамъ чтеніе Библии, такъ какъ домашнее чтеніе происходитъ внѣ руководства и учительнаго авторитета Церкви. Съ этимъ послѣднимъ предположеніемъ связывалось другое—авторизовать славянской переводъ Библии, какъ единственно дозволенный для употребленія православными русскими вѣрующими. Не излишнимъ считаемъ припомнить, что въ это именно время возбуждено было дѣло о переводѣ Библии на русскій языкъ прот. Г. П. Павскаго.

Нужно ли говорить, что всѣ эти реформы частію прямо и непосредственно, частію же посредственно коснулись и Московской академіи, хотя главнымъ центромъ движенія была С.-Петербургская академія? Авторъ исторіи Московской академіи обозначилъ введеніе новыхъ наукъ только хронологически: но оно находилось въ связи съ общими и важнѣйшими перемѣнами въ направленіи вообще образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Впрочемъ въ одномъ пунктѣ это движеніе коснулось ближайшимъ образомъ Московской академіи. Между многими предположеніями, которыя измышляемы и предлагаемы были главными дѣятелями учебной реформы, возникло предположеніе—собрать и издать всѣ отеческія творенія, которыя въ отрывкахъ переведены были на русскій языкъ и напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи.» Предположеніе это привело къ другому, болѣе серьезному—поручить

¹⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1877 г. кн. 2, отд. 2, стр. 39.

академіямъ послѣдовательный и полный переводъ съ оригинальныхъ языковъ на русскій твореній Св. Отцевъ. Въ 1840 г. 13 мая графъ Пратасовъ предложилъ объ этомъ Святейшему Синоду. «Одинъ изъ главныхъ и существенныхъ предметовъ знанія для духовныхъ воспитанниковъ, какъ будущихъ служителей церкви, должны составлять, послѣ Свящ. Писанія, творенія Св. Отцевъ. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что они не довольно бываютъ ознакомлены съ симъ предметомъ, частію по недостаточнымъ свѣдѣніямъ въ тѣхъ языкахъ, на коихъ писали Св. Отцы, частію по несовершенству переводовъ ихъ твореній на нашъ отечественный языкъ, которыми хотя богата Православная наша церковь, но языкъ сихъ переводовъ уже обветшалъ, такъ что они, оставаясь неопѣненнымъ сокровищемъ для любителей древняго нарѣчія, не могутъ удовлетворять новыхъ читателей, ищущихъ вмѣстѣ съ глубокими созерцаніями и пріятнаго изложенія.» Въ этихъ видахъ предполагалось необходимымъ предпринять новый и притомъ послѣдовательный переводъ Св. Отцевъ на языкъ общепотребительный, начавъ съ главнѣйшихъ Отцевъ, какъ-то: Аѳанасія Александрійскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, и возложить исполненіе сего на первый разъ на Московскую академію, потому что двѣ другія уже заняты періодическими изданіями. Святейшій Синодъ утвердилъ это предложеніе 30 декабря того же 1840 г. ¹⁾ Такъ положено основаніе изданію при Московской духовной академіи журнала подъ названіемъ: «Творенія Св. Отцевъ въ рускомъ переводѣ.»

Главными дѣятелями этой реформы и исполнителями предначертаній графа Пратасова были послѣдовательно два лица — архимандритъ Никодимъ и архимандритъ, потомъ епископъ, Аѳанасій Дроздовъ.—Нужно сказать, что графъ Пратасовъ велъ все это дѣло въ тайнѣ отъ Синода до тѣхъ поръ, пока Синоду оставалось только утвердить уже выработанныя предположенія.

Въ мартѣ 1838 г., еще при существованіи Комиссіи духовныхъ училищъ, докладывая Государю, что уставы духовныхъ училищъ, изданные въ 1814 г., требуютъ пересмотра и ближайшаго приспособленія къ главной цѣли духовнаго воспитанія и потребностямъ настоящаго времени, графъ Пратасовъ испрашивалъ разрѣшенія поручить сдѣлать первоначальныя соображенія объ исправленіи и дополненіи сихъ уставовъ двумъ или тремъ ректорамъ семинарій,

¹⁾ Дѣло б. Дух. Уч. упр. № 2586.

подъ ея непосредственнымъ руководствомъ и наблюдениемъ, придавъ имъ въ помощь, буде окажется нужнымъ, и гражданскихъ чиновниковъ. По воспослѣдованіи на это Высочайшаго соизволенія, графъ Пратасовъ вызвалъ въ С.-Петербургъ ректора Вятской семинаріи, архимандрита Никодима ¹⁾, котораго конспектъ богословскихъ наукъ оказался лучше другихъ. Въ тайнѣ отъ Синода и присутствовавшихъ въ ономъ и въ Коммиссіи членовъ, ему поручено было составить новые уставы Академій, Семинарій и Училищъ ²⁾. По какой-то особенноти взглядовъ и отношеній, графъ Пратасовъ особенно сберегалъ все въ тайнѣ отъ Московскаго митрополита Филарета, къ которому чувствовалъ полное нерасположеніе и въ разговорахъ съ Никодимомъ откровенно его высказывалъ. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ трудно судить, что въ реформѣ 1840 г. принадлежитъ Никодиму и что графу и сподвижникамъ его, Сербиновичу и Карасевскому. Но благоволеніе Пратасова къ Никодиму продолжалось недолго. Для приведенія реформы къ окончанію избранъ былъ графомъ ректоръ Херсонской семинаріи, архимандритъ Аванасій Дроздовъ, назначенный вслѣдъ за тѣмъ (въ 1841 г.) ректоромъ С.-Петербургской академіи и посвященный въ санъ епископа ³⁾. Аванасій предсѣдательствовалъ въ Комитетахъ для разсмотрѣнія богословскихъ конспектовъ и составленія учебныхъ руководствъ по богословскимъ наукамъ въ семинаріяхъ. Это былъ человекъ не останавливавшійся на полдорогѣ. На сколько тутъ участвовало убѣжденіе, это рѣшить трудно. Онъ велъ дѣло, которое на себя принималъ, съ рѣшительностію и настойчивостію, тѣмъ болѣе, что въ отношеніи лицъ, которыя не соглашались съ его взглядами и образомъ дѣйствій, на его сторонѣ всегда была поддержка свѣтской власти. Онъ доводилъ новое направленіе до самыхъ крайнихъ предѣловъ и не стѣснялся самыми смѣлыми изъ него выводами, въ родѣ того, что когда есть преданіе, то и Библия не нужна. С.-Петербургская академія, въ которой онъ былъ ректоромъ, первая сдѣлалась поприщемъ для проведенія новыхъ взглядовъ и научнаго ихъ обоснованія. Крайности конечно не были приняты; многое отпало впослѣдствіи: но слѣдъ новаго направленія въ преподаваніи богословія остался. Чтобы нагляднѣе

¹⁾ Впослѣдствіи епископъ Енисейскій. Скончался на докоѣ въ Москвѣ, въ 1874 г.

²⁾ Никодимъ оставилъ любопытныя Записки объ этомъ, напечатанныя въ Читеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. Росс. 1877 г. кн. 2.

³⁾ Впослѣдствіи архіепископъ Астраханскій. Скончался въ 1876 г.

выразить это направленіе, Аванасій замѣнилъ прежній эпиграфъ, печатавшійся обыкновенно на заглавномъ листѣ каждой книжки издававшагося при академіи журнала Христіанское Чтеніе: *надати на основаніи апостоль и пророкъ сушу краугольну самому Іисусу Христу*, другимъ: *да утѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яко есть Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истинны*. М. Филаретъ, въ это время (въ 1842 г.) уже не присутствовавшій въ Синодѣ, писалъ къ Рязанскому архіепископу (Гавриилу), вызванному въ Святѣйшій Синодъ для присутствованія: «Способствуйте охраненію ученія отъ уклоненій, благонамѣренныхъ по цѣли охранять преданіе, но небезопасныхъ по мыслямъ, унижающимъ достоинство Священнаго Писанія» ¹⁾.

Но произведенною реформою богословскаго преподаванія дѣло не закончилось. Дальнѣйшая реформа семинарій заключалась въ томъ, что въ учебный курсъ ихъ введено преподаваніе *Естественной исторіи, Медицины и Сельскаго хозяйства*. Такимъ образомъ семинарій реформа коснулась глубже, нежели академій. Но по внутренней, живой и постоянной связи академій съ семинаріями, состояніе однихъ непременно отражалось на состояніи другихъ. Академіи ни откуда не получали слушателей, кромѣ семинарій, и слѣдовательно учебный и умственный уровень этихъ послѣднихъ необходимо отражался на академіяхъ.

Своею учебною реформою графъ Пратасовъ уже достаточно специализировалъ духовно-учебныя заведенія и довольно внесъ въ нихъ элементовъ *практическаго* свойства. Но практическій духъ времени вынудилъ его повести дѣло еще дальше, и расположить образованіе въ духовныхъ училищахъ такимъ образомъ, чтобы приспособить обучающееся въ нихъ духовное юношество не только къ будущему состоянію ихъ, какъ священнослужителей, но ближайшимъ образомъ къ условіямъ и обстоятельствамъ жизни ихъ, какъ сельскихъ священниковъ. Починъ этого дѣла принадлежалъ министру Государственныхъ Имуществъ Киселеву. Въ январѣ 1838 года онъ писалъ къ графу Пратасову: «для распространенія среди сельскаго класса религіознаго воспитанія, исключительно на началахъ Православной вѣры основаннаго, не представляется благонадежнѣйшаго средства, какъ возложить обученіе сельскаго юношества въ приходскихъ училищахъ на обязанность сельскихъ сви-

¹⁾ Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1868 г. кн. 2. V, стр. 167.

щенниковъ. Но сближая такимъ образомъ отношенія сельскаго духовенства къ сельскимъ обывателямъ, желательно было бы, для полнаго успѣха въ семъ предположеніи, сдѣлать въ первоначальномъ воспитаніи людей, предназначаемыхъ въ сельскіе священники, нѣкоторыя приспособленія къ положенію поселянъ и особенностямъ сельскаго быта. Судя по первому обзорѣнню сего предмета казалось бы, что сельскій священникъ, имѣя дѣло съ людьми, готовыми безспорно, въ дѣтской простотѣ, принять все сказанное пастыремъ, не столько имѣетъ нужды въ подробномъ и глубокомъ знаніи высшихъ наукъ, какъ въ умѣннн просто и ясно объяснять христіанскія истины и евангельскую нравственность, приводя ихъ въ положеніе, доступное для простыхъ умовъ поселянъ, и принаравливая евангельскія начала къ обстоятельствамъ сельской жизни. Просвѣщенное наше духовенство, безъ сомнѣнія, не отвергнетъ истины сего заключенія. Не излишнимъ также представляется, если бы священникъ, входя въ домъ поселянина для душевнаго врачеванія, могъ принести къ одру болящаго и врачеваніе тѣлесное. Само собою разумѣется, что отъ священника не требуется глубокихъ знаній въ медицинѣ; достаточно было бы, если бы, при изученіи общихъ началъ сей науки, священникъ могъ давать полезныя совѣты для приведенія въ употребленіе изданныхъ лечебниковъ, и руководствовать благоразумными наставленіями тѣхъ людей, которые, для ближайшаго надзора за больными въ селеніяхъ и исполненія наставленій священническихъ, будутъ особенно приготовлены по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ. Наконецъ, казалось бы весьма полезнымъ имѣть сельскому священнику нѣкоторыя свѣдѣнія и по части земледѣлія, дабы съ одной стороны, при стремленіи правительства къ распространенію между поселянами сего рода познаній, и въ семъ отношеніи быть если не выше, по крайнѣй мѣрѣ не ниже людей, которыхъ образованіе ему вручается, а съ другой открыть обильныя средства къ безбѣдному содержанію посредствомъ улучшеній въ обработываніи отводимыхъ къ церквамъ земельныхъ участковъ. Для достиженія сей цѣли потребовалось бы весьма немного прибавить къ тѣмъ познаніямъ естественныхъ наукъ, которыя уже преподаются въ духовныхъ училищахъ. Знаніе общихъ только началъ сельскаго хозяйства для священника было бы весьма достаточно. Когда сельскіе приходы будутъ имѣть священниковъ, соотвѣтственно вышеизложеннымъ потребностямъ приуготовленныхъ; тогда Министерство Государственныхъ Имуществъ приступитъ къ учрежденію, подъ ихъ

руководствомъ, училищъ, опредѣливъ въ тоже время достаточное, по возможности, содержаніе.»

Вслѣдствіе этихъ предположеній, удостоившихся Высочайшаго одобренія, Духовное Начальство постановило: 1) приспособить преподаваніе въ духовныхъ семинаріяхъ *Пастырскаго и Собесѣдовательнаго богословія* къ обязанностямъ сельскаго священника, дабы получившіе богословское образованіе воспитанники семинарій по принятіи священнаго сана умѣли нисходить къ понятіямъ простаго народа и бесѣдовать съ ними о спасительныхъ истинахъ вѣры и христіанскихъ обязанностяхъ языкомъ простымъ и вразумительнымъ; 2) *языки еврейскій, французскій и нѣмецкій* сдѣлать не общеобязательными, оставивъ ихъ для нѣкоторыхъ учениковъ по ихъ желанію; а *философію (собственно метафизику)* исключить изъ семинарскаго курса; 3) въ замѣнъ сокращаемыхъ предметовъ ввести преподаваніе новыхъ, болѣе полезныхъ въ общежитіи и житейскомъ быту священника, какъ-то: *естественныхъ наукъ и началъ медицины и сельскаго хозяйства*. Практическое направленіе преподаванія примѣняемо было съ такою настойчивостію, что преподавателю геометріи вмѣнено было въ обязанность занимать учениковъ практическими измѣреніями, примѣняясь преимущественно къ потребностямъ сельскаго быта.

Въ такомъ положеніи оставались духовныя училища до назначенія на должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа А. П. Толстаго. Недостатки учебной системы семинарій чувствовались очень живо. Ослабленіе учености и усиленное склоненіе образованія къ практическимъ цѣлямъ понизило уровень духовной школы и вмѣстѣ умственный уровень пастырства. Общее образованіе упало; сельское хозяйство и медицина не привились и не могли привиться къ духовной школѣ; воспитанники просто не занимались ими, не понимая ни смысла, ни цѣли ихъ. Въ самой богословской наукѣ усиленное обращеніе къ обрядамъ и чиноволоженіямъ произвело замѣтное пониженіе, примѣчающееся доселѣ.

Въ 1860 г. графъ А. П. Толстой писалъ: «состояніе духовныхъ училищъ и особенно направленіе, сообщенное нашему духовному просвѣщенію преобразованиемъ 1840 года, въ послѣднее время сдѣлавшееся предметомъ почти всеобщаго разсужденія и даже попечительнаго вниманія Государя Императора, уже давно представлялось самому духовному правительству требующимъ существеннаго измѣненія и многихъ улучшеній». Но, по особенностямъ духовнаго склада графа А. П. Толстаго, предположенный имъ способъ

поправленія духовныхъ училищъ велъ также къ крайности, не болѣе благопріятной для учебнаго дѣла, какъ и реформа 1840 года. Въ существѣ дѣла это было тоже практическое направленіе, но обращенное не на предметы изученія и практическаго примѣненія, а на образованіе и возвышеніе нравственной личности учащихъся, въ чемъ и должны состоять главный предметъ и цѣль образованія.

Сущность предполагавшейся реформы заключалась въ томъ, чтобы ввести въ духовныя училища сильнѣйшія средства къ возвышенію нравственности и благочестія въ готовящихся быть служителями Церкви. Такимъ образомъ на первомъ планѣ стояло возвышеніе нравственной жизни воспитанниковъ. Впрочемъ съ этимъ соединялись нѣкоторыя переимѣны въ учебной части духовныхъ академій и семинарій, и именно исключеніе изъ академическаго курса Метафизики и введеніе въ него Библейской Археологіи, краткаго очерка Гражданскаго Законовѣдѣнія и Христіанской словесности (соединенія общей Словесности съ Гомилетикою); въ семинарскомъ курсѣ усиленіе преподаванія Догматическаго богословія, введеніе Пастырскаго богословія (въ соединеніи съ Гомилетикою, Литургіей и Каноническимъ правомъ), исключеніе Патристики, Православнаго Исповѣданія и предметовъ не имѣющихъ отношенія ни къ общему, ни къ специально-духовному образованію — Медицины, Сельскаго хозяйства и Естественной исторіи. Такимъ образомъ практическій принципъ остался и здѣсь руководящимъ, съ тою только особенностію, что устранено примѣненіе его къ образованію изъ священниковъ врачей и сельскихъ хозяевъ.

Предположенія эти сообщены были на разсмотрѣніе митрополитовъ Новгородскаго Григорія, Московскаго Филарета, Камчатскаго архіепископа Иннокентія и нѣкоторыхъ другихъ пресвященныхъ.

Митрополитъ Московскій, соглашаясь съ тѣмъ, что надобно усилить пошеченіе о сердечномъ образованіи юношества и о возбужденіи въ немъ духа благочестія, находилъ однакожъ, неудобными многія предполагавшіяся для сего внѣшнія мѣры. Равнымъ образомъ, признавая полезными нѣкоторыя измѣненія въ учебной части академій, семинарій и низшихъ училищъ, не далъ согласія на многія другія измѣненія, ведшія къ ущербу учебной части въ академіяхъ и семинаріяхъ¹⁾.

Послѣ этихъ предварительныхъ сношеній и подготовительныхъ

¹⁾ Замѣчанія пресвященнаго М. Филарета сообщаются въ Приложеніи.

работъ, 8 марта 1860 г., учрежденъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Херсонскаго архіепископа Димитрія, Комитетъ для разсмотрѣнія проекта преобразованія духовно-учебныхъ заведеній и составленъ былъ новый уставъ духовныхъ семинарій. Но за послѣдовавшими выходомъ графа А. П. Толстаго проектъ этотъ и вообще реформа не имѣли дальнѣйшаго движенія, до назначенія на должность оберъ-прокурора графа Д. А. Толстаго.

III.

Состояніе Московской академіи, въ первые годы послѣ ея преобразованія, далеко не было блестящимъ. Наличныя силы бывшихъ преподавателей были не высоки. Большая часть наставниковъ назначены были изъ студентовъ перваго курса С.-Петербургской академіи: это были хорошіе, но не лучшіе студенты, такъ какъ лучшіе оставлены были для Петербургской академіи. Изъ нихъ только одинъ — В. И. Кутневичъ оставилъ по себѣ слѣды и память въ Академіи. Прочіе прошли безслѣдно. Академія собственными усиліями должна была выработать себѣ мощь и положеніе. И это продолжалось довольно долго. Ревизовавшій Академію въ 1820 г. архіепископъ Московскій Филаретъ писалъ, что «Академія въ продолженіи 6-ти лѣтъ новаго своего существованія, между тѣмъ какъ занималась уже воспитаніемъ духовнаго юношества, проходила, можно сказать, и сама состояніе собственнаго своего воспитанія. Можно надѣяться, что седьмымъ годомъ академіи начнется ея совершеннолѣтіе».

Но и въ послѣдующее время, вслѣдствіе частой смѣны наставниковъ, нѣкоторыя академическія кафедры не выходили изъ-заурядныхъ. Монашествующія лица съ переходомъ на должности инспектора и ректора перемѣняли предметы преподаванія, а это конечно не было благоприятно для наукъ, которыя они должны были преподавать, такъ сказать, по необходимости и притомъ короткое время. Свѣтскіе наставники изъ студентовъ академіи, пробывъ въ академіи года два-три, выходили на священническія мѣста въ Москву, гдѣ самое бѣдное мѣсто болѣе обезпечивало, нежели званіе академическаго бакалавра и даже профессора, а независимости во всякомъ случаѣ было больше, нежели въ академіи подъ строгой ферулой митрополичьяго управленія.

Наиболѣе твердо поставлены были въ академіи Философскія науки и Церковная исторія.

Прочное основаніе класса Философскихъ наукъ положилъ бывшій воспитанникъ С.-Петербургской академіи В. И. Кутневичъ. «Своими лекціями онъ далъ понять своимъ слушателямъ высокое значеніе науки, способствовалъ развитію въ нихъ строгаго и основательнаго мышленія и сообщилъ доброе направленіе ихъ умственной дѣятельности.»¹⁾ Наставникъ познакомилъ ихъ съ многими новыми книгами по части наукъ философскихъ, выходящими въ ту пору на западѣ: всякую новую сколько-нибудь замѣчательную книгу онъ выписывалъ для академіи. Такъ онъ выписалъ въ одинъ разъ сочиненія Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби и другія. Видно, какъ глубоко любилъ онъ философію и какъ ревностно заботился о усовершеніи самообразованія. По свидѣтельству учениковъ его онъ отличался въ преподаваніи своего предмета строгою логическою послѣдовательностію, ясностію и твердымъ нравственно-религіознымъ направленіемъ.

Сперва помощникомъ, а потомъ преемникомъ Кутневича по классу философскихъ наукъ былъ Ѳ. А. Голубинскій, изъ студентовъ 1-го курса Московской академіи, преподававшій философскія науки 36 лѣтъ. Личность Голубинскаго, въ высокой степени оригинальная и самобытная, не выработалась, однакожъ, въ опредѣленный типъ, не сложилась въ законченныя формы. При вѣншей простотѣ и даже угловатости приемовъ онъ поражалъ глубиною мысли, но не развилъ своего міровоззрѣнія, не привелъ своихъ понятій въ законченную систему. Онъ жилъ въ постоянномъ умственномъ процессѣ и не довелъ его до конца. Коренившіяся въ его душѣ мистическія склонности увлекали его къ источникамъ таинственнымъ. Онъ обращался къ древнимъ преданіямъ, разсѣяннымъ у послѣдователей талмуда и каббалы, къ разсказамъ ясновидящихъ о явленіяхъ изъ міра духовнаго, собранныхъ у Мейера и Кернера, и книгу послѣдняго *Die Seherin von Prevoist* онъ перевелъ даже на русскій языкъ. Въ этомъ видится его стремленіе искать истины не въ глубинѣ духа, а въ преданіяхъ древности и вообще въ источникахъ вѣншихъ. Но во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ въ первое время своего преподаванія, большое вліяніе на своихъ слушателей и заслуга его состоитъ не въ созданіи какой-либо системы, а въ этомъ возбужденіи философскаго духа, которое дѣйствовало столь сильно.

¹⁾ Ист. Акад. стр. 46.

Церковная исторія имѣла достойнѣйшихъ представителей въ лицѣ Филарета Гумилевскаго и А. В. Горскаго. Слава преосв. Филарета, какъ замѣчательнаго изслѣдователя въ Русской Церковной исторіи, началась еще въ бытность его ректоромъ Московской академіи. Онъ возбудилъ стремленіе къ историческимъ занятіямъ въ А. В. Горскомъ, именемъ и заслугами котораго справедливо можетъ гордиться академія. Горскій 30 лѣтъ преподавалъ Церковную исторію. Перечень напечатанныхъ имъ трудовъ показываетъ, какъ многосторонни и глубоки были познанія его въ Церковной исторіи. «Евангельская Исторія» представляетъ образецъ ученыхъ достоинствъ и художественнаго изложенія. Труды его по Русской Церковной исторіи дали ему почетнѣйшее мѣсто между изслѣдователями въ этой области. А. В. Горскій былъ, безъ всякаго сомнѣнія, однимъ изъ самыхъ достойныхъ дѣятелей академіи. Но нельзя было не пожалѣть о томъ, что онъ сведенъ былъ съ ученой дороги на административную и на много лѣтъ прекратилъ свои любимыя занятія Исторіей.

Много было, и есть въ настоящее время, и другихъ почтенныхъ дѣятелей въ академіи, имена которыхъ вспоминаются и произносятся съ уваженіемъ: П. С. Делицынъ, П. С. Казанскій, Е. В. Амфитеатровъ, С. К. Смирновъ, архимандритъ, нынѣ преосвященный Михаилъ, Н. И. Субботинъ, В. Д. Кудрявцевъ и А. Ѳ. Лавровъ, нынѣ преосвященный Алексій.

IV.

Мы видѣли, что отношенія преосвященнаго Филарета къ Московской академіи начались ранѣе вступленіе его на Московскую кафедру, съ самаго преобразования академіи. Но они приняли видъ ближайшаго и непосредственнаго наблюденія послѣ перемѣщенія его на кафедру Московскихъ первосвятителей.

Отношенія его къ академіи можно разсматривать съ двухъ сторонъ: какъ высокообразованнаго богослова—къ ученой жизни и дѣятельности академіи, и какъ высшаго администратора—къ прочимъ сторонамъ академической жизни.

Чтобы оцѣнить благотворное вліяніе этого великаго ума на богословскую науку и учебныя заведенія, необходимо разсматривать его дѣятельность и исходившее отъ него направленіе въ связи съ направленіями понятій въ разныя эпохи его жизни. О немъ можно сказать справедливо, что онъ стоитъ на рубежѣ новаго просвѣ-

щенія и что онъ есть и первый человекъ и первый насадитель новаго просвѣщенія. Величіе его тѣмъ болѣе и выше, чѣмъ менѣе онъ имѣлъ внѣшнихъ способовъ высшаго образованія. Самъ онъ звалъ себя «самоучкою». Онъ въ одно и тоже время начертываетъ планъ преподаванія богословія, церковной археологіи, даетъ направленіе преподаванію исторіи и высокой образецъ изъясненія Писанія, — сверхъ того, что катихизисомъ далъ вѣроисповѣдную книгу основныхъ христіанскихъ православныхъ понятій.

Сравните это съ одной стороны съ тѣмъ, что было до него въ богословской наукѣ, и окажется все его превосходство. Съ другой стороны необходимо взять во вниманіе все разнообразіе направленій при которыхъ началась и среди которыхъ развивалась наша богословская наука, чтобы увидѣть, какъ прочны были положенныя имъ основанія для ея дальнѣйшаго развитія и какъ твердо онъ управлялъ ея движеніемъ и развитіемъ въ этомъ направленіи, устрояя ее отъ всякихъ крайностей. Какой хаосъ мнѣній и направленій былъ въ понятіяхъ, когда онъ начиналъ дѣло? Какое смѣшеніе понятій объ ученыхъ и церковныхъ предметахъ неученыхъ и недуховныхъ, хотя и вліятельныхъ людей, онъ долженъ былъ устранивать отъ церкви и духовной школы въ послѣдующее время своей жизни и служенія! Дѣятельность его по отношенію къ академіи была, такъ сказать, ближайшимъ приложеніемъ и примѣненіемъ его высокаго ума и образованія къ руководству высшимъ учебнымъ заведеніемъ, ведущимъ впередъ не только науку, но и дѣло церкви.

Такое руководственное отношеніе его проявлялось на экзаменахъ и при разсмотрѣніи сочиненій студентовъ на ученые степени

Академическимъ экзаменамъ, особенно выпускнымъ, онъ придавалъ весьма важное значеніе для испытанія студентовъ, для ознакомленія съ направленіемъ и достоинствомъ преподаванія и преподавателей, и наконецъ для разъясненія и разрѣшенія вопросовъ, требующихъ глубокаго разсужденія. Всѣмъ памяты рассказы бывшихъ студентовъ Московской академіи о томъ, что значило держать и сдать экзаменъ при Филаретѣ. Но испытаніе, направляясь на студентовъ, еще болѣе простиралось на самихъ преподавателей. Нельзя не примѣтить, что замѣчанія митрополита Филарета преподавателямъ бывали иногда довольно жестки и что исключеній изъ сего небыло ни для кого изъ академическихъ наставниковъ. Конечно это не могло имѣть особенно воодушевляющаго вліянія на наставниковъ, которыхъ не освобождали отъ страха

предъ этимъ, какъ называетъ его авторъ, «исполиномъ мысли и слова», ни званіе, ни продолжительность службы, ни присутствіе на экзаменѣ постороннихъ лицъ и пр.—Наконецъ высокообразованный богословъ предлагалъ на экзаменахъ множество вопросовъ, которые обеуждались и разрѣшались подѣ его руководствомъ. На этихъ испытаніяхъ, говоритъ авторъ Исторіи, постороннему наблюдателю представилась бы такая школа ученія, которая въ одинъ разъ обогатила бы его множествомъ свѣдѣній энциклопедическихъ. Наставники академіи съ напряженнымъ вниманіемъ ловили каждое его слово, которое глубоко западало въ душу, рѣшая трудные вопросы науки. Профессоры Голубинскій и Горскій записывали каждое слово Филарета во время испытанія. Это были своего рода ученые праздники, на которыя Филаретъ любилъ приглашать образованныхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, и которые всегда открыты были для всѣхъ любителей просвѣщенія.

Весьма важнымъ предметомъ испытанія было разсмотрѣніе сочиненій студентовъ на ученые степени. Митрополитъ самъ читалъ лучшія изъ нихъ и тѣ, которыя предназначались для чтенія на публичномъ испытаніи и потомъ для напечатанія. И здѣсь разсмотрѣнію подвергались и студенты и рецензентъ - наставникъ. Митрополитъ самъ писалъ цѣлыя и обширныя рецензіи на эти сочиненія. По окончаніи испытаній онъ давалъ предложеніе конференціи съ указаніемъ на предметы, обратившіе на себя его вниманіе.

Въ Исторіи Академіи есть нѣкоторыя намеки на то, что Филаретъ былъ будто-бы очень ревнивъ къ соперничеству съ нимъ въ ученыхъ трудахъ и съ неудовольствіемъ видѣлъ устраненіе его Библейской исторіи изъ числа учебныхъ руководствъ. Въ 1850 г. молодой бакалавръ Библейской исторіи Побѣдинскій написалъ въ отчетѣ, что онъ преподавалъ библейскую исторію по собственнымъ запискамъ. Митрополитъ написалъ на донесеніи: «желаю видѣть записки и узнать настоящую въ нихъ надобность, когда есть учебная книга и когда для студентовъ много письменной работы по предметамъ, неимѣющимъ учебныхъ книгъ.» Бакалавръ извинялся и просилъ Правленіе исходатайствовать ему у Митрополита прощеніе. Митрополитъ отвѣчалъ: «прощеніе не нужно. Вопросъ предложенъ былъ для полученія свѣдѣнія безъ предосужденія трудившемуся»¹⁾. Но тотъ же Митрополитъ писалъ, при другомъ случаѣ,

¹⁾ Истор. Акад. стр. 170, 42—43.

о своей книгѣ къ ректору архимандриту Филарету. «Вы въ оправданіе ссылаетесь на книги, писанныя почти за тридцать лѣтъ назадъ человѣкомъ, который тогда былъ гораздо неопытнѣ васъ и учился самоучкою: симъ образомъ, если угодно, можете имѣть свиновнаго но не оправданіе. Пора вамъ исправить то, что прежде недосмотрѣно людьми, которымъ предшественники глаза закрывали. Сочинителю Библейской (исторіи) некогда было пересматривать свой давній трудъ, а преподаватели по сей книгѣ брели до сихъ поръ по чужому слѣду, не разсуждая, хотя имъ о семъ часто напоминали». То-же писалъ и въ предложеніи конференціи: «Справедливо было бы разсудить, что классическія книги, писанныя людьми, самоучившимися по тѣмъ предметамъ, въ разные годы ихъ занятій, во времена меньшей взыскательности за строгую ученость, не должны усыплять дѣятельности нынѣшнихъ ученыхъ»¹⁾. Такимъ образомъ едвали можно подозрѣвать въ указанномъ фактѣ, какъ и во многихъ другихъ, ревность и самолюбіе такого высокодаровитаго человѣка, какъ преосвященный Филаретъ. Можно сказать только, что онъ требовалъ отъ писателей разныхъ учебныхъ руководствъ, и особенно отъ начинающихъ авторовъ, болѣе, нежели сколько они могли дать, что измѣряя все высотой своего таланта онъ не былъ довольно снисходителенъ къ обыкновеннымъ дарованіямъ со всегда присущими имъ недостатками. При желаніи все видѣть соотвѣтственнымъ разъ выработанному имъ идеалу, онъ предъявлялъ требованія слишкомъ высокія, и чѣмъ выше были требованія, тѣмъ рѣзче казались отступленія отъ нихъ, уже не оставлявшія мѣста поддержкѣ и ободренію. Во всякомъ случаѣ этимъ великимъ человѣкомъ руководила не мелкая придирчивость и зависть, а высокіе принципы, дорогіе для человѣка, посвятившаго имъ всю силу своего таланта и всю свою жизнь.

Административное отношеніе его къ академіи обнимало всѣ стороны ея жизни—внутреннее управленіе академіи, нравственную и хозяйственную часть и внѣшнее управленіе академическимъ округомъ.

Дѣятельный самъ, онъ ни въ чемъ не терпѣлъ распушенности, неряшливаго отношенія къ дѣлу, и приучалъ подчиненныхъ академическихъ къ порядку и законности. Авторъ приводитъ множество замѣчаній, указаній, выговоровъ Филарета ректорамъ и прочимъ членамъ корпораціи въ этомъ родѣ. Но читая ихъ, невольно пора-

¹⁾ Стр. 226.

жаешься обиліемъ поводовъ къ этимъ замѣчаніямъ, и тѣмъ болѣе цѣнишь терпѣливое, хотя иногда и жесткое, отношеніе Митрополита къ этимъ поводамъ и къ тѣмъ лицамъ, которые были виновны въ оныхъ. Напримѣръ, протоіерей Голубинскому поручено было въ 1832 г. обозрѣть семинаріи Калужскую и Тульскую. Отчетъ не былъ представленъ до 1836 года. Митрополитъ спрашиваетъ о причинѣ. Протоіерей отвѣчаетъ: «не могу ничего сказать въ извиненіе своей медленности». И это было не разъ, такъ что Митрополитъ написалъ на представленной ему вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ: «думаетъ ли онъ, что еще не довольно испытывалъ, имѣетъ ли начальство терпѣніе, и что не настало еще время испытывать, имѣетъ ли онъ послушаніе» ¹⁾. Нерѣдки также были и разныя упущенія со стороны Правленія. «Неужели оно, писалъ преосвященный Филаретъ въ 1832 г., думаетъ, что моя должность повѣрять цифры и буквы и что мое время не нужно для занятій нѣсколько болѣе важныхъ?» ²⁾.

Время управленія двухъ ректоровъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, особенно богато этими замѣчаніями. Ректоръ архимандритъ Поликарпъ (Гойтанниковъ) былъ грубъ и непокоренъ, не говоря уже о личныхъ недостаткахъ, и получалъ много рѣзкихъ замѣчаній, пока наконецъ не истощилъ терпѣнія Филарета и не былъ удаленъ изъ академіи. Преемникъ его, Филаретъ, (впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій), при вступленіи въ административную должность, былъ крайне неопытенъ въ управленіи и принужденъ былъ выслушивать отъ Митрополита множество замѣчаній. «Приучайтесь къ понятію о точности въ дѣлахъ. Не думайте, что приказныя дѣла превышаютъ разумъ человѣческій и что въ нихъ надобно по буквѣ дѣлать и то, что противно здравому смыслу. Разбирайте, давайте мѣсто разсужденію сочленовъ, совѣтуйтесь и поступая осмотрительно берегите достоинство мѣста, которому принадлежите. Не примите моихъ словъ за брань; не негодую, а объясняю дѣло и показываю, какъ ему быть надобно» ³⁾.

Неблагопріятно сложившіяся для преосвященнаго Филарета обстоятельства, сначала вслѣдствіе споровъ изъ-за Катихизиса и закрытія Библейскаго Общества, потомъ вслѣдствіе начавшихся

¹⁾ Стр. 93.

²⁾ Стр. 165.

³⁾ Стр. 253.

столкновеній съ графомъ Пратасовымъ, были причиною, что оный относился слишкомъ воспримчиво и чутко ко всему, что могло подать какой-либо поводъ къ придирамъ, и соразмѣрно съ тѣмъ развила свою требовательность относительно всего, что могло подать поводъ къ неприятностямъ для него съ какой бы то ни было стороны. Точно также онъ постоянно стоялъ, такъ сказать, на стражѣ Академіи, которая изданіемъ своихъ ученыхъ трудовъ особенно была открыта для нападеній со стороны недоброжелателей Митрополита. Этими обстоятельствами изъясняется странная исторія съ сочиненіемъ Руднева «О ересяхъ и расколахъ въ Русской Церкви», печатаніе котораго, съ различными исправленіями и приспособленіями ко взглядамъ Графа Пратасова на преданіе, длилось нѣсколько лѣтъ, тяжело отозвавшись на многихъ лицахъ, которыя оффиціально принимали въ этомъ дѣлѣ участіе (цензоръ протоіерей Делицынъ и ректоръ архимандритъ Филаретъ) ¹⁾.

V.

Судьбы студентовъ, по выходѣ ихъ изъ высшаго учебнаго заведенія, не предопредѣляются полученнымъ ими образованіемъ. Множество разнообразныхъ условій, иногда силетенія случайныхъ обстоятельствъ, имѣютъ весьма большое вліяніе не только на вѣншее ихъ положеніе, но и на ходъ и направленіе внутренней жизни. Но тѣмъ не менѣе полученное ими образованіе составляетъ основу дальнѣйшаго развитія ихъ и послѣдующей жизни въ качествѣ самостоятельныхъ членовъ общества. Поэтому всегда можетъ быть относима къ чести заведенія послѣдующая полезная и плодотворная дѣятельность ея воспитанниковъ, на какомъ бы поприщѣ служенія она ни была проходима. Личная исторія ихъ до нѣкоторой степени принадлежитъ исторіи воспитавшаго ихъ учебнаго заведенія. Съ этой стороны Московская академія, считающая между своими воспитанниками весьма много высокихъ и общеуважаемыхъ лицъ въ духовной іерархіи, много извѣстныхъ ученыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ, весьма многихъ почтенныхъ дѣятелей на разнообразныхъ поприщахъ общественнаго служенія, можетъ справедливо гордиться именами, трудами и заслугами этихъ своихъ питомцевъ.

¹⁾ Стр. 216—229.

Мы не будемъ перечислять здѣсь этихъ именъ. Но Исторія академіи, въ которой изложеніе судьбы бывшихъ ея воспитанниковъ занимаетъ почтенную часть книги, приобретаетъ отъ этого весьма живой интересъ, не только для бывшихъ ея воспитанниковъ, но и для всѣхъ интересующихся судьбами духовнаго и вообще отечественнаго просвѣщенія. Нельзя не быть благодарнымъ автору за то, что, за обозначеніемъ служебнаго положенія лицъ, онъ поименовалъ всѣ сочиненія, къ которымъ были изданы.

VI.

Сводя въ одно всѣ сдѣланныя замѣчанія, мы можемъ сказать, что книга протоіерея Смирнова, излагающая исторію Московской Академіи въ продолженіе пятидесятилѣтняго періода ея, отъ одного преобразования (въ 1814 г.) до другаго (въ 1870 г.), заключающая въ себѣ богатое собраніе матеріаловъ для исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи и вообще для исторіи отечественнаго просвѣщенія, любопытная по своимъ подробностямъ о судьбѣ лицъ, получившихъ высшее образованіе въ Московской духовной академіи и съ честію трудившихся и трудящихся на разныхъ поприщахъ церковнаго, общественнаго и гражданскаго служенія, сообщающая весьма много любопытныхъ данныхъ о высокочтимомъ Русскою церковію покойномъ Московскимъ святителѣ Филаретѣ, бывшемъ въ теченіе почти полулѣтка непосредственнымъ руководителемъ академіи,—составляетъ весьма почтенный вкладъ въ нашу историческую литературу. Служа продолженіемъ изданной авторомъ Исторіи Московской-Славяно-греко-латинской академіи, она отличается такими же достоинствами отчетливаго и занимательнаго изложенія, какими отличался первый его трудъ. Можно было бы желать болѣе полнаго изображенія собственно внутренней жизни академіи, болѣе цѣльныхъ и законченныхъ образовъ важнѣйшихъ ея дѣятелей—Филарета Гумилевскаго, Голубинскаго, Горскаго и другихъ, и болѣе полной оцѣнки ихъ ученой дѣятельности и заслугъ для науки и просвѣщенія: но всякому, знакомому съ этого рода трудами, известно такъ же, какъ не легко вести подобную критическую работу тамъ, гдѣ не собрано еще первоначальныхъ матеріаловъ для внѣшней исторіи учебнаго заведенія. Въ этихъ случаяхъ добросовѣстно собранный, очищенный и стройно расположенный матеріалъ составляетъ весьма важную подготовку для послѣдующихъ ученыхъ трудовъ на томъ же поприщѣ, которые безъ сомнѣнія тѣмъ менѣе

50 ОТЧЕТЪ О ДВАДЦАТЬ-ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕН. НАГРАДЪ ГР. УВАРОВА.

будуть возбуждать желанія, подобныя вышеизложенному, чѣмъ менѣе будутъ стѣснены этою первоначальною работою собранія и очистки матеріала. По уваженію къ изложеннымъ достоинствамъ сочиненія протоіерея Смирнова, я съ своей стороны полагаю бы совершенно справедливымъ отличить этотъ почтенный трудъ меньшею наградою графа Уварова.

II.

О сочиненіи Архимандрита Амфилохія подъ названіемъ: „Кондакарій въ греческомъ подлинникѣ XII—XIII в. по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 437 съ древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ кондаковъ и икосовъ какіе есть въ переводѣ, и съ приложеніемъ выписокъ кондаковъ и икосовъ изъ служебныхъ греческихъ рукописныхъ мнней съ славянскимъ древнѣйшимъ переводомъ и 2, изъ славянскихъ служебныхъ мнней рукописныхъ съ греческимъ текстомъ и безъ онаго и съ разночтеніями на обоихъ языкахъ съ снимками въ числѣ 229 страницъ“. Москва. 1879 г.

Рецензія Ординарнаго Профессора С.-Петербургской Духовной Академіи
И. Е. Троицкаго.

Задачи своего труда авторъ нигдѣ прямо и точно не опредѣляетъ, такъ что ее приходится опредѣлять по тому, что имъ сдѣлано. По видимому, въ началѣ для него вполнѣ ясно было одно, что Кондакарій, указанный ему г. Гезеномъ, какъ одна изъ рѣдкихъ и неизданныхъ книгъ, нужно издать. Вопросы же о томъ, какъ и для чего издать, выяснялись, рѣшались и даже перерѣшались во время самаго процесса труда.

Рѣшеніе издать его тѣми двумя способами, которыми онъ и дѣйствительно изданъ, т. е. посредствомъ снятія fac-simile и обыкновенной транскрипціи, было, по видимому первоначальнымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать на основаніи разъясненнаго имъ самимъ процесса его труда: «съ самаго начала, говоритъ онъ, я выписывалъ изъ греческаго Кондакарія по одному кондаку и икосу и одного творца, и другаго, и 3-го, и 4-го, гдѣ было, съ древнѣйшимъ Славянскимъ переводомъ и безъ перевода, если его не было. Потомъ выписалъ и остальные икосы: 2, 3, 4 и т. д. безъ перево-

довъ, а гдѣ находилъ переводъ 2, 3, или 4 икоса, тѣ приписывалъ къ первой тетради, гдѣ выписано по одному кондаку съ икосомъ съ переводомъ и безъ перевода. (Предисловіе, стр. V)». Часть первой изъ этихъ тетрадей онъ предполагалъ издать тѣмъ и другимъ способомъ, т. е. и посредствомъ факсимилированія и посредствомъ транскрипціи; остальную ея часть, равно какъ и всю вторую тетрадь лишь вторымъ способомъ. Но потомъ програма изданія расширилась и нѣсколько видоизмѣнилась. Авторъ пришелъ къ мысли издать не одни только, находящіеся въ Кондакаріѣ кондаки и икосы, но и всѣ, какіе только могли быть найдены въ другихъ богослужебныхъ книгахъ, какъ греческихъ, такъ и славянскихъ рукописныхъ.

Осуществленіе этой мысли повело къ цѣлому ряду дополненій къ объему тетрадемъ. Къ первой, которой въ томъ видѣ, въ какомъ она явилась въ свѣтъ, усвоено названіе «снимковъ», авторъ «прибавилъ 4 страницы недостающихъ икосовъ изъ Тріоди постной Севастьяновскаго собранія № 29 1460 г., а кондакъ съ икосами по неполному акростиху св. Романа Сладкопѣвца на Срѣтеніе Господне провѣрилъ по кондаку со всѣми и недостающими икосами по служебной февральской минеѣ № 151 Моск. Синод. библи. XII—XIII в. и недостающіе два икоса скопировалъ на одной страницѣ (Предисловіе стр. V)».

Ко второй, названной «Изслѣдованіемъ», сдѣлано два Дополненія. Первое носитъ слѣдующее заглавіе: «Дополненіе къ греческому Кондакарію изъ мѣсячныхъ миней» и распадается на два отдѣла, въ 1-мъ (стр. 200—234) подъ вышепрописаннымъ заглавіемъ помѣщенъ греческій и славянскій текстъ (en regard) кондаковъ и икосовъ, заимствованныхъ исключительно изъ мѣсячныхъ миней, во 2-мъ (стр. 234—260) подъ заглавіемъ: «Выписки кондаковъ и икосовъ изъ древле-славянскихъ письменныхъ служебныхъ Миней. Тріоди, Октоиха, Кондакарія, которыхъ нѣтъ въ греческихъ рукописяхъ Московской Синодальной библи. и собранія г. Севастьянова. кромѣ кондаковъ, помѣщенныхъ въ Святцахъ 1323 г. № 2 Севастьяновскаго собранія», — кондаки и икосы изъ поименованныхъ въ заглавіи книгъ ¹⁾.

Второе озаглавлено просто: «Дополненіе къ Кондакарію XII—XIII в.» съ особымъ выходнымъ листомъ и особымъ счетомъ лис-

¹⁾ Почему сдѣлано исключеніе для кондаковъ Севастьяновскихъ Святцевъ 1323 г., авторъ не объясняетъ.

товъ, подраздѣляется тоже на два отдѣла: въ 1-мъ (стр. 1—92) помѣщена часть Кондакарія, изданнаго Питрою въ 1876 г. въ Парижѣ, во 2-мъ, подъ заглавіемъ: «Выписки кондаковъ и икосовъ греческимъ святымъ и днямъ праздниковъ изъ рукописей моего собранія, которыхъ въ вышеприведенныхъ выпискахъ нѣтъ», — помѣщены кондаки и икосы — исключительно на славянскомъ языкѣ, извлеченные изъ разныхъ богослужебныхъ книгъ, составляющихъ собственную колекцію автора.

Вопросъ о томъ, для чего издавать, тоже, по видимому, рѣшался авторомъ по мѣрѣ развитія его труда. По крайней мѣрѣ, въ его книгѣ онъ рѣшается въ два приема, и притомъ не прямо, а косвенно. Въ Предисловіи, гдѣ авторъ указываетъ поводъ къ своему труду, перечисляетъ бывший въ его рукахъ письменный и печатный матеріалъ и разъясняетъ процессъ труда, онъ, по видимому, рѣшалъ этотъ вопросъ въ интересѣ филологическомъ. По крайней мѣрѣ, такое рѣшеніе подсказываютъ слѣдующія проектируемыя имъ здѣсь же детали его труда, — именно онъ обѣщаетъ 1) сохранить древнее правописаніе какъ греческое, такъ и славянское, 2) послѣ снимковъ приложить *Сравнительный Словарь* темныхъ словъ, встречающихся въ Кондакаріѣ, 3) словарныя словосокращенія объяснить въ началѣ Словаря. Если къ этому прибавить самый текстъ изданныхъ имъ многочисленныхъ древнихъ памятниковъ на обоихъ языкахъ, то само собою напрашивается заключеніе, что трудъ автора предпринятъ имъ былъ въ интересѣ филологіи. Но исчисливши свои обѣщанія въ интересѣ филологическомъ, авторъ непосредственно же присовокупляетъ, что онъ «при изслѣдованіи кондаковъ и икосовъ не забывалъ мысли покойнаго митрополита Филарета заниматься древностями не съ одною филологическою цѣлію, а и съ цѣлію опровергать неправильныя мнѣнія нашихъ старообрядцевъ. Для этого въ моемъ изслѣдованіи мною обращено особенное вниманіе на старопечатныя книги при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ и Іосифѣ. Гдѣ есть ошибки противъ древнихъ рукописныхъ въ книгахъ, печатанныхъ при патріархахъ, ни одной не оставлялъ безъ вниманія» (Предисловіе, стр. VI). Такимъ образомъ, трудъ автора былъ предпринятъ и въ интересѣ полемики съ расколомъ.

На стр. 30 «Изслѣдованія», говоря о важности греческаго Кондакарія и древняго его перевода славянскаго, авторъ важность эту полагаетъ, между прочимъ, въ томъ, что «кондаки и икосы св. Романа Сладкопѣвца объясняютъ намъ исторію праздниковъ и святыхъ, чтимыхъ въ его время, а «кондаки и икосы св. Козмы и

Анастасія и другихъ творцевъ, хотя и неизвѣстныхъ для насъ важны, какъ памятники до 1-ой половины X в. Они своими хвалебными пѣснопѣніями пополняютъ историческія свѣдѣнія о праздникѣ или святомъ, о которыхъ изъ церковныхъ пѣснопѣній ничего не осталось, кромѣ кондака съ икосомъ или двумя и болѣе. Такимъ образомъ, можно думать, что въ рѣшимости автора предпринять свой трудъ имѣли извѣстное значеніе и интересы церковно-историческіе и церковно-литургическіе.

Наконецъ, изданіе весьма значительнаго числа снимковъ посредствомъ fac-simile свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ имѣлъ въ виду и интересы палеографіи.

Такимъ образомъ, предпринимая трудъ изданія Кондакарія, авторъ надѣялся удовлетворить нѣсколькимъ интересамъ.

Понятно, что удовлетворить столь многимъ и столь разнообразнымъ интересамъ въ одной книгѣ, можно было лишь при ясномъ сознаніи требованій, предъявляемыхъ этими интересами, при строгомъ разграниченіи сферъ cadaго изъ нихъ и при гармонической выдержкѣ ихъ. Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ книга автора оставляетъ желать многого. Начнемъ съ палеографіи.

По видимому, задачи палеографіи авторъ понимаетъ широко и правильно. Для ихъ разрѣшенія онъ не только сдѣлалъ цѣлыхъ 229 страницъ снимковъ, но и обѣщалъ приложить 1) чтеніе 1-го кондака и икоса, а въ субботу мясопустную кондаки и всѣ икосы, 2) древнюю азбуку, словосокращеніе и связь нѣкоторыхъ словъ — для облегченія пользованія снимками. Но, во 1-хъ, послѣдняго своего обѣщанія авторъ не исполнилъ — въ его книгѣ нѣтъ ни древней азбуки, ни словосокращенія, ни связи какихъ-либо словъ; а первое имѣетъ второстепенное значеніе для цѣлей палеографіи. Во 2-хъ, какъ количество, такъ и выборъ кондаковъ и икосовъ для снимковъ опредѣлялись не потребностями палеографіи, а потребностями церковной гимнографіи. Съ одной стороны выбирались для снимковъ кондаки и икосы на дни особенно важные въ церковномъ отношеніи, съ другой — кондаки и икосы, составленные древнѣйшими и знаменатѣйшими пѣснописцами. Вслѣдствіе этого въ составъ сборника вошли кондаки и икосы на господскіе и богородичные праздники, на важнѣйшіе дни великаго поста и наиболѣе извѣстныхъ святыхъ, и притомъ преимущественно кондаки и икосы съ *Романа Сладкопѣвца* и такъ называемые *самомасны*, которые, по мнѣнію автора, «по всей вѣроятности, принадлежать ему же, какъ первому творцу кондаковъ и икосовъ (Исслѣдованіе, стр. 14)». По-

ятно, что при такомъ руководящемъ началѣ въ составъ сборника, предназначеннаго, по видимому, служить цѣлямъ палеографіи, должны были войти не тѣ страницы рукописи, которыя представляли наибольшій интересъ для палеографіи, а лишь тѣ, которыя были важны для церковной гимнографіи. Правда, не мало вошло въ него страницъ, интересныхъ и въ палеографическомъ отношеніи, но это было чистою случайностью. Во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть здѣсь смѣшенія разныхъ научныхъ сферъ, не желательнаго въ интересѣ той и другой.

Въ 3-хъ, для цѣлей палеографіи было бы весьма важно имѣть возможно обстоятельное, подробное и точное описаніе наружнаго вида рукописи, матеріала, на которомъ она писана, степени ея сохранности какъ со стороны матеріала, такъ и текста, формы буквъ, количества и особенностей почерковъ, цвѣта чернилъ, рисунка заставокъ (если онѣ есть), формы инициаловъ и пр. Въ удовлетвореніе этихъ требованій авторъ даетъ а) опредѣленіе почерка, называя его скорописью — что совершенно вѣрно въ нашемъ смыслѣ этого слова, но невѣрно въ Византійскомъ (слово *ταχυγράφη* въ Византіи имѣло другое значеніе, удерживаемое имъ и теперь въ палеографіи), — матеріала (пергамина), формы строкъ (въ одинъ столбецъ по нарѣзамъ), б) измѣреніе длины и ширины пергамина, и мимоходомъ дѣлаетъ замѣчанія о «колерахъ», встрѣчающихся въ рукописи, безъ точнаго опредѣленія, гдѣ они встрѣчаются, и коегдѣ подъ строками отмѣчаетъ фактъ поврежденія текста, (тогда какъ обходится молчаніемъ цѣлыя страницы, вылинявшія и отчасти подновленныя поздней рукой), и — только.

Въ 4-хъ, для цѣлей палеографіи весьма важно было бы имѣть обстоятельное и точное описаніе правописанія рукописи. Между тѣмъ для удовлетворенія этого требованія авторъ даетъ лишь двѣ замѣтки и притомъ не прямо съ этою цѣлію, а косвенно, по поводу другихъ вопросовъ, — именно первую онъ дѣлаетъ при опредѣленіи «палеографическихъ признаковъ письма XII—XIII в.», — здѣсь онъ замѣчаетъ, что «древнихъ дыханій полукрестиками, употребляемыхъ въ первой половинѣ XII в., здѣсь очень мало (Изслѣдованіе, стр. 9)», вторую — при разъясненіи важности греческаго Кондакарія, гдѣ, между прочимъ, важность его полагается въ томъ, что «правописаніе въ немъ самое древнее, какое встрѣчается въ рукописяхъ V и VI вѣка, напр. почти постоянно вмѣсто ϵ пишется η и наоборотъ, вмѣсто α — ϵ и наоборотъ, вмѣсто ω — σ и наоборотъ». (Тамъ же. стр. 30). И сами по себѣ эти бѣглыя замѣтки,

какъ-бы случайно оброненныя въ двухъ разныхъ мѣстахъ книги, неудовлетворительны для цѣлей палеографіи, а въ виду богатаго матеріала, представляемаго съ этой стороны разсматриваемой рукописью, просто ничтожны. Въ самомъ дѣлѣ, въ указанномъ отношеніи разсматриваемая рукопись представляетъ весьма интересное явленіе. Не только гласныя и дwoегласныя буквы, поименованныя и непоименованныя (ι, υ, σ), употребляются безразлично одна вмѣсто другой, но и дыханія и ударенія. Словомъ, правописаніе ея находится почти въ томъ-же фазисѣ развитія, въ какомъ оно, по справедливому замѣчанію автора, встрѣчается въ рукописяхъ V и VI в. Между тѣмъ это обстоятельство не вызвало въ авторѣ даже вопроса: какимъ образомъ правописаніе V—VI вв. могло очутиться въ рукописи XII—XIII вѣка? А вопросъ этотъ стоить того, чтобы на немъ остановиться. Не останавливается авторъ и на другой особенности правописанія, — именно на знакахъ препинанія и ихъ разстановкѣ, хотя она заслуживала особеннаго вниманія. Дѣло въ томъ, что во всей рукописи употребляются только три знака препинанія: колонъ, запятая и заключительный знакъ: или: — Самый употребительный изъ нихъ есть первый. Онъ ставится или вверху строки или посрединѣ ея. Запятая употребляется гораздо рѣже и ставится тоже въ половинѣ строки. Послѣдній обыкновенно ставится въ концѣ текста кондаковъ и икосовъ. Особеннаго вниманія эти знаки заслуживали потому между прочимъ, что они разставлены въ текстѣ не по требованію грамматики, а по требованію мелодіи, т. е. для показанія остановки голоса при пѣніи.

Въ 5-хъ, для цѣлей палеографіи желательно было бы не пропускать безъ вниманія ни одной самой незначительной подробности, хотя бы она и не имѣла, по видимому, ни прямаго, ни косвеннаго отношенія къ задачамъ палеографіи, — ни одной надписи — особенно современной тексту, — ни одной замѣтки, ни одного знака — особенно условнаго или техническаго и пр. Есть такія надписи и знаки и въ разсматриваемой рукописи. Такъ напр. на оборотѣ 236 листа, гдѣ заканчивается первая половина Кондакарія, писецъ, переписывавшій послѣдніе листы этой половины, приписалъ къ ней слѣдующія строки: † Ἐτληω τῷ παρῶν κοῦχάριον διὰ ἀντιψέως τοῦ ἀυτῆ ἡμῶν τοῦ ἀγίω, καὶ οἱ ἀναγινώσκοντες εὐχέσθε αὐτῷ ἀμήν. Правда, эта надпись не заключаетъ въ себѣ никакихъ точныхъ указаній. Самый смыслъ ея можетъ быть предметомъ спора. Но можетъ встрѣтиться въ другомъ рукописномъ сборникѣ надпись аналогическая съ этой, но болѣе точная и обстоятельная и даже писанная той же

рукой, и дать ключъ какъ къ ея смыслу, такъ и къ датѣ. Между тѣмъ авторъ не только не снялъ ее въ свои снимки, но и не упомянулъ объ ней въ Исслѣдованіи, точно ея совсѣмъ и нѣтъ въ рукописи.

На листѣ 213 есть на нижнемъ полѣ подпись [древняя] одного изъ владѣльцевъ рукописи: † αλ (μοναχοῦ) Νικολάου καὶ παρῆλλησι-ἀρχου, тоже не дающая ничего для палеографіи (кромѣ почерка), но при случаѣ могущая кое-что дать для исторіи рукописи.

На л. 109 почти цѣлая страница занята нотными знаками къ заключительнымъ словамъ икоса: ἤλθε εἰσάνης τὸ φῶς τὸ ἀπρόσπου. Нѣсколько такихъ же знаковъ есть также на лл. 122—123.

На л. 139 есть музыкальный знакъ $\overset{\alpha}{\text{N}}\overset{\alpha}{\text{N}}$.

На лл. 133 и 134 есть какія-то (позднія, впрочемъ) надписи надъ строками, по видимому, долженствовавшія замѣнить нотные знаки.

На л. 233 ч. строки: 6, 7, 8, 9, 10, 15, 16, 17 и 18 не дописаны почти на-половину (къ полю), очевидно, вслѣдствіе поврежденія рукописи, съ которой писалъ переписчикъ.

Все это нужно было бы не только отмѣтить, но и описать, а, если можно, то и объяснить въ интересѣ палеографіи; между тѣмъ нашъ авторъ изъ всѣхъ перечисленныхъ особенностей рукописи обратилъ вниманіе лишь на двѣ: а) на ноты на л. 109, скопировавши ихъ въ свои снимки безъ всякихъ объясненій, и б) на недописку строкъ на л. 233, ограничившись бѣглой замѣткой подъ строкой на стр. 132 Исслѣдованія, что «на строкахъ перваго икоса 1—6 не дописано, вѣроятно потому, что въ подлинникѣ, съ котораго списывалъ писецъ, или стерто это мѣсто или вырѣзано (почему же не истлѣло отъ времени или не изгладилось отъ продолжительнаго и частаго употребленія? И не здѣсь ли разгадка, почему въ рукописи XII—XIII в. встрѣчается правописаніе V—VI вѣка?); точно такія же недописи на 4-хъ строкахъ 2-го икоса». Остальное же оставлено безъ вниманія.

Вообще описаніе рукописи, данное авторомъ, нельзя не признать крайне неудовлетворительнымъ. Оно а) и неполно и б) отчасти неточно. а) Къ образчикамъ неполноты, указаннымъ выше, нужно прибавить еще то, что авторъ не сказалъ, сколькими руками писана рукопись, — что, какъ увидимъ, сказалось важными неудобствами при опредѣленіи ея даты. б) Неточность заключается въ томъ, во 1-хъ, что къ тропарямъ и икосамъ, написаннымъ на 1 л. (переплетномъ), не отнесены тропари и икосы, написанные на лл. 328 verso

и 329 recto, — тоже поздніе, и во 2-хъ, начало тропаря въ великій четвергъ и кондака изъ великаго канона Андрея Критскаго написаны по-славянски, тогда какъ текстъ ихъ греческій, и во избѣжаніе недоумѣній не сдѣлано никакой оговорки.

Но что особенно замѣчательно, такъ это то, что изъ всѣхъ вопросовъ, вызываемыхъ палеографіей рукописи, прямо ставится лишь одинъ, — именно вопросъ о датѣ рукописи, — всѣ же остальные возбуждаются и рѣшаются косвенно — или подъ другими рубриками (описаніе напр. дается подъ рубрикой: *Содержаніе греческаго Кондакарія*), или въ примѣчаніяхъ.

Вопросъ о датѣ рукописи рѣшается подъ рубрикой: *Палеографическіе признаки письма XII—XIII в.*

Въ редакціи этой рубрики дается уже и отвѣтъ на возбужденный вопросъ. Авторъ относитъ рукопись къ XII—XIII в. на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ ней мало встрѣчается древнихъ дыханій полукрестиками, употреблявшихся въ 1-ой половинѣ XII в., 2) сѣровая или свѣтлоричневая краска въ заглавіяхъ вмѣсто киновари встрѣчается въ рукописяхъ 2-ой половины XIII в. — А чисто вишневыи колеръ встрѣчается въ рукописи 1391 за № 269 (Синод. библ.), 3) въ заглавіи кондака 8 ноября на день Архистратига Михаила надписано: ἦχος β. ἰδιόμελον τὸ κοινὸν т. е. Кукузеля, жившаго въ послѣдней четверти XII в. при царѣ Комнинѣ (Изсгѣд. стр. 9)».

Но это рѣшеніе вопроса нельзя признать ни правильнымъ, ни основательнымъ.

Неправильно оно потому, что рукопись писана не одной рукой, а нѣсколькими (по моему, пятью различными руками, не считая 1 и 338—339 лл., которые въ свою очередь писаны еще пятью руками), и слѣдовательно вопросъ о датѣ рукописи нужно было рѣшать относительно каждой руки; къ общему же рѣшенію приступать не прежде, какъ удостовѣрившись, что всѣ эти руки современныя. Это тѣмъ необходимѣе было сдѣлать, что перечисленные авторомъ колера (съ присоединеніемъ и киновари — и притомъ двухъ оттѣнковъ — имъ опущенной) и служащіе для него однимъ изъ основаній для рѣшенія вопроса, не только не встрѣчаются заурядъ по всей рукописи, а прямо и ясно распредѣляются между разными руками, разбивая тѣмъ общій вопросъ на частные.

Неосновательно потому, что не вытекаетъ изъ тѣхъ основаній, на которыхъ строитъ его авторъ. За XII вѣкъ у него приведено два основанія: 1-е употребленіе дыханій полукрестиками и 2-е упо-

минаніе о Кукузелѣ, жившемъ будто бы «въ концѣ XII в. при царѣ Комнинѣ» (точно одинъ только и былъ царь Комнинъ!). Но 1-ое не выдерживаетъ никакой критики, а 2-ое совершенно ложно.

Въ греческой палеографіи давно уже установилось положеніе, что древнія дыханія и ударенія и вообще правописаніе удерживалось въ разныхъ степеняхъ въ большей части богослужебныхъ книгъ до XV в. включительно, благодаря тому, что книги эти списывались съ древнѣйшихъ экземпляровъ, часто съ дипломатическою точностью; слѣдовательно, присутствіе извѣстнаго количества дыханій древней формы не можетъ служить надежнымъ признакомъ для опредѣленія даты на маломъ пространствѣ времени.

Что же касается времени жизни Кукузеля, то изъ двухъ знаменитыхъ Византійскихъ композиторовъ, носившихъ эту фамилію, Іоаннъ былъ современникомъ императора Андроника Палеолога Старшаго (1282—1328) и слѣд. жилъ въ концѣ XIII и первой четверти XIV в. (См. Χρυσάνθου Θωροῦτικόν μέγα τῆς Μεσσηῆς, σελ. 29 ἐν ὑποσημείωσι), а Іоасафъ, названный въ отличіе отъ перваго новымъ Кукузелемъ (ὄρος κοινουζέλης), в еще позднѣе. Итакъ оба Кукузеля ведутъ автора — первый къ началу, второй къ концу XIV вѣка.

Къ XIV же вѣку ведетъ его и одно изъ остальныхъ двухъ основаній, заставившихъ его приурочить дату рукописи къ XIII в., именно: чистовишневый колеръ, встрѣченный имъ въ рукописномъ сборникѣ 1391 года.

А такъ какъ и сѣровая краска, остающаяся единственнымъ основаніемъ за XIII в., по словамъ самого автора, встрѣчается въ рукописяхъ 2-й половины этого вѣка; то на приведенныхъ имъ основаніяхъ вѣрнѣе относить рукопись къ XIII—XIV в. вмѣсто XII—XIII. — Но, повторяю, вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшаемъ огуломъ о всей рукописи, въ виду различія рукъ, которыми она писана.

На этомъ примѣрѣ наглядно сказывается не только недостаточность предварительнаго изученія палеографическихъ особенностей рукописи и неудовлетворительность ея описанія, но и невыгоды того и другаго для дѣла.

Правда, собранный авторомъ, на 229 л. снимковъ, богатый палеографическій матеріалъ восполняетъ до извѣстной степени недостатки изысканій автора и открываетъ опытнымъ палеографамъ возможность самимъ восполнить его опущенія. Но а) если авторъ не хотѣлъ ограничиться одними снимками, а рѣшился присоединить къ нимъ изслѣдованіе, то наука въ правѣ была ожидать отъ него

извѣстнаго вниманія къ ея требованіямъ, и б) на основѣ данныхъ имъ снимковъ нельзя восполнить недостатковъ его изслѣдованія, не имѣя подъ руками подлинника во 1-хъ потому, что не все можно было передать въ снимкахъ, и не все дѣйствительно передано, напр. различные колера, играющіе такую важную роль въ его выводахъ, многія заставки, украшающія рукопись, и въ томъ числѣ первая, лучшая и наиболѣе характерная изъ всѣхъ и пр., и во 2-хъ и то, что было можно, не представляетъ вполне надежнаго матеріала для изслѣдованій, благодаря множеству разныхъ недостатковъ.

Недостатки эти двоякаго рода: одни изъ нихъ обусловливались самымъ способомъ полученія снимковъ, другіе — нѣкоторой невнимательностью и небрежностью отчасти копировщика, отчасти литографа.

На послѣдней страницѣ своихъ снимковъ авторъ дѣлаетъ такое сообщеніе относительно способа воспроизведенія снимковъ: «перекопировано мною съ снимковъ, сдѣланныхъ карандашемъ въ 1869 г., литографической тушью 1879 года въ августѣ и сентябрѣ въ свободные дни отъ другихъ занятій», (стр. 227).

Изъ этого сообщенія видно, что авторъ а) снималъ текстъ карандашемъ въ 1869 г. б) черезъ 10 лѣтъ именно въ 1879 г. перекопировалъ его тушью и в) сдѣлалъ это въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, между другими дѣлами. Потомъ ретушеванный текстъ былъ, очевидно, переведенъ на камень, съ котораго и получено извѣстное число оттисковъ литографическимъ способомъ. Способъ этотъ нельзя признать благопріятнымъ для дѣла и дѣйствительно онъ отразился на трудѣ автора нѣкоторыми болѣе или менѣе серьезными недостатками.

Къ числу этихъ недостатковъ должны быть отнесены слѣдующіе:

1) При литографическомъ способѣ полученія снимковъ не дается никакого понятія о нынѣшнемъ состояніи пергамина, на которомъ писана рукопись, о его цвѣтѣ, степени сохранности или поврежденія и пр. Толстая желтоватая бумага, на которую переведены снимки съ литографскихъ камней, и которая предназначается, очевидно, для симуляціи пергамина, дала крайне неудовлетворительные результаты, такъ какъ а) самый цвѣтъ ея избранъ не совсѣмъ удачно и б) бумага, равно какъ и ея цвѣтъ повсюду являются одинаково ровными и свѣжими, чего вовсе нѣтъ въ подлинникѣ.

2) Не только не дается вѣрнаго понятія о состояніи текста рукописи въ разныхъ мѣстахъ, но и дается понятіе прямо ложное: въ

снимкахъ текстъ повсюду является съ одинаковой степенью сохранности какъ относительно цвѣта чернилъ, такъ и относительно *statu quo* буквъ, въ подлинникѣ же въ этомъ отношеніи существуетъ большое разнообразіе — встрѣчаются цѣлыя страницы до того выпцвѣтшія, съ словами и цѣлыми строками, до того стертыми, что едва допускаютъ чтеніе, напр. л. 176 на обор., между тѣмъ въ снимкѣ эта вылинявшая и неудобъ читаемая страница является столь же ярко и удобочитаемою, какъ и всѣ остальные страницы подлинника, дѣйствительно обладающія этими качествами.

3) Въ снимкахъ въ общемъ буквы выходятъ грубѣе и аляповатѣе, чѣмъ въ оригиналѣ; а нѣкоторыя изъ нихъ или совсѣмъ не вышли, или вышли только на половину; отъ того страницы подлинника, хорошо сохранившіяся, гораздо легче читаются, чѣмъ соответствующія имъ страницы снимковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ вышли до того неудачными, что не всѣ слова можно разобратъ безъ помощи подлинника, ср. напр. л. 73 подлинника икосъ Николаю Чудотворцу и л. 34 в. Снимковъ.

Къ недостаткамъ втораго рода должно быть отнесено:

1) то, что въ снимкахъ почти совсѣмъ ступшевывается различіе между почерками, какими писаны разные отдѣлы рукописи, — различіе болѣе или менѣе рельефно выступающее въ подлинникѣ. Произошло это отъ недостатка тщательности при копировкѣ карандашемъ и еще болѣе при ретушевкѣ. То и другое сдѣлано, по видимому, механически безъ серьезнаго предварительнаго изученія приѣмовъ и навыковъ древняго письма, далеко не тождественныхъ съ приѣмами и навыками нашего времени; такъ напр. въ рукописи, о которой рѣчь, всѣ буквы выводились съ одинаковой степенью ширины во всѣхъ своихъ частяхъ, безъ утолщенія въ срединѣ и безъ утоненія въ концахъ, между тѣмъ въ снимкахъ автора постоянно даютъ себя чувствовать приѣмы и навыки нашего времени — буквы постоянно обнаруживаютъ стремленіе утолщаться въ срединѣ и утончаться въ концахъ. Благодаря этому текстъ, по видимому, точно скопированный буква въ букву, въ общемъ получаетъ другую физиономію сравнительно съ текстомъ подлинника. Это тѣмъ легче могло произойти, что авторъ, ретушевывая его по карандашу 10 лѣтъ спустя послѣ копировки, по видимому, не имѣлъ въ это время предъ глазами подлинника, такъ что незамѣтно для себя самого могъ практиковать при этомъ приѣмы письма нашего времени. Остальное могло быть dokonчено при переведеніи текста на камень и наконецъ при печатаніи. Отъ чего бы, впрочемъ, это ни происхо-

дѣло, но на всѣхъ снимкахъ замѣчается что-то общее, однообразное, чего нѣтъ въ подлинникѣ, что затушевываетъ многія его особенности и прежде всего особенности разныхъ почерковъ. Этихъ привнесеніемъ къ процессу работы навыковъ нашего времени нужно объяснять и то, что нѣкоторыя буквы, напр. алфа, во всей рукописи являющаяся съ формою *α*, какъ еѣ и теперь изображаютъ грехи на письмѣ, въ снимкахъ автора весьма часто обнаруживаетъ поповеніе явиться съ печатною своею формою *α*.

Къ этому нужно еще прибавить, что въ рукописи вторая рука, которою, по моему мнѣнію, писаны листы: 4 verso до 35 v., 73—109, 237—338, отличается замѣчательно ровнымъ, твердымъ и выдержаннымъ почеркомъ, строки одинаковой ширины, буква къ буквѣ подобраны тщательно и плотно, между тѣмъ какъ въ снимкахъ всѣ эти качества почти утрачиваются—буквы не только теряютъ свою изящную ровность и округленность формъ, но и компактность общаго строя—смотреть врознь, даже строки кажутся по чему-то уже, чѣмъ въ оригиналѣ

Къ недостаткамъ этого-же рода должны быть отнесены а) многочисленные пропуски знаковъ препинанія (конечно не всѣ они остались на литографическихъ камняхъ), б) замѣна однихъ знаковъ другими—запятыхъ точками и наоборотъ, тонкихъ дыханій густыми и наоборотъ, даже удареній дыханіями и обратно, в) пропуски нѣкоторыхъ буквъ, какъ напр. на л. 108-мъ подлинника и 72-мъ снимковъ не дописано слово *κράτων* (въ снимкѣ только *κρά*). г) помѣщеніе лишнихъ буквъ въ текстѣ подлинника, напр. на л. 9-мъ подлинника и 2-мъ снимковъ на строкѣ 12-й въ словѣ *τίχα* прибавлено *ε*—*τίχτα*, на л. 220-мъ verso подлинника и 113 снимковъ на строкѣ 15-й къ слову *σαφῆ* прибавлено въ концѣ *σ*, д) невѣрное чтеніе и копировка буквъ, напр. на л. 43 снимковъ, на строкѣ 18-й прочитано *προορῆμανοι* вм. *προορῆμανοι* (л. 85 подлинника), на л. 214 строка 10 *συελεε* вм. *συεχεε* (л. 312 подлинника), на л. 227 строка 16 *ἐκδέχονται* вм. *ἐκδέχονται* (л. 319 подл.) и пр.

Благодаря значительному количеству указанныхъ недостатковъ, дополнять на основаніи снимковъ автора пробѣлы въ его изслѣдованіи текста рукописи оказывается не совсѣмъ удобнымъ. Во всякомъ случаѣ, съ увѣренностью можно сказать, что его снимки не замѣняютъ подлинника ни вообще, ни въ частности для палеографическихъ изслѣдованій.

Недостатки эти были почти неизбѣжны, съ одной стороны, при избранномъ авторомъ способѣ полученія снимковъ, съ дру-

гой — при ихъ многочисленности, дѣлающей почти невозможною одинаковую тщательность и точность копировки и отдѣлки деталей даже при крайней внимательности, упорствѣ и продолжительности труда; онъ же, какъ самъ признается, всѣ эти 229 страницъ отдѣлалъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ, и притомъ между дѣломъ Можно ли ожидать точности и отчетливости отъ такой спѣшной работы?.. И это тѣмъ болѣе жаль, что этотъ оказавшійся столь неблагодарнымъ трудъ авторъ предпринялъ совершенно напрасно. Съ палеографической точки зрѣнія не было никакой нужды въ такой массѣ снимковъ. Для ея цѣлей достаточно было бы снятъ нѣсколько страницъ, писанныхъ разными почерками и притомъ всего лучше фотографически. Онѣ дали бы гораздо болѣе вѣрное и точное представленіе не только объ особенностяхъ почерковъ, но и о statu quo самой рукописи, чѣмъ всѣ эти 229 страницъ сомнительной точности и слѣд. таковаго же достоинства. Еще менѣе требовалась эта масса снимковъ для цѣлей церковно-литургическихъ, въ пользу которыхъ, по видимому, поусердствовалъ авторъ. Для этихъ цѣлей важенъ самый текстъ священныхъ пѣснопѣній, а не ихъ графическая форма.

Такимъ образомъ, на дѣлѣ оказывается, что задачи палеографіи авторъ понялъ довольно узко и даже въ предѣлахъ своего пониманія разрѣшилъ не всѣ, а только нѣкоторые и притомъ несовсѣмъ удовлетворительно.

Не шире поняты и не лучше разрѣшены и задачи филологіи. Кромѣ транскрипціи большей части греческаго текста и точной копировки славянскаго съ удержаніемъ правописанія того и другаго, авторъ присоединилъ къ тому и другому разночтенія и предполагалъ присоединить сравнительный словарь темныхъ словъ встречающихся въ Кондакаріѣ.

Но, во 1-хъ, и здѣсь авторъ не все выполнилъ, что обѣщалъ, именно вмѣсто полнаго сравнительнаго словаря далъ лишь пробный отрывокъ, состоящій всего изъ 11 словъ [см. стр. VI — VII Предисловія]. Правда, въ замѣнъ того онъ далъ а) довольно длинный списокъ древнихъ словъ, выбранныхъ изъ кондаковъ и иконовъ (славянскихъ), которыхъ нѣтъ въ словарѣ Востокова (стр. 32 — 44 Исслѣдованія) (если только этотъ списокъ не есть тотъ самый словарь, о которомъ въ Предисловіи сказано, что онъ готовится къ печати, и изъ котораго тамъ приведено 11 словъ для образца, такъ какъ онъ составленъ по тому же плану,¹ по которому приведенный въ Предисловіи отрывокъ) и б) началъ

было составлять «Историко-филологическое изслѣдованіе каждаго кондака и икоса, имѣющаго древній переводъ, хотя-бы и печатный стр. 50—51)», — но а) списокъ словъ, отсутствующихъ въ словарѣ Востокова, какъ-бы длиненъ ни былъ, не можетъ, замѣнить Сравнительнаго Словаря и б) свое «Историко-филологическое изслѣдованіе» авторъ оборвалъ на первомъ же кондактѣ и икосѣ, обѣщая продолжать оное, такъ-же подробно въ «Сравнительномъ словарѣ», который тоже существуетъ пока *in voto*.

Во 2-хъ, и здѣсь не все сдѣлано такъ, какъ желательно было-бы въ интересѣ филологіи, — именно: предположивши «удерживать древнее правописаніе какъ греческое, такъ и славянское», авторъ не всегда строго выдерживаетъ свой планъ по крайней мѣрѣ относительно греческаго текста. Славянскаго текста, по неимѣнію подъ руками рукописей, съ которыхъ онъ скопированъ авторомъ, я не могъ провѣрить. Относительно греческаго текста онъ позволяетъ себѣ нерѣдко отступленія отъ его буквы, ничѣмъ не мотивированныя. Эти отступленія касаются главнымъ образомъ, словъ, написанныхъ по гречески сокращенно. Иногда онъ удерживаетъ эту сокращенную форму, а иногда развертываетъ ее и пишетъ сполна и притомъ не всегда удачно. Такая неудача постигла его на словѣ *προοβμιου* (подобенъ). Въ подлинникѣ оно постоянно пишется сокращенно въ формѣ *Γ*. Эту же форму иногда удерживаетъ и авторъ; но большею частію развертываетъ ее и пишетъ — въ началѣ: *προοβμιου* (предисловіе), а потомъ *προβμιου* (слово, ни въ одномъ словарѣ не встрѣчающееся). Такъ и до конца не удалось ему напасть на правильное чтеніе, хотя онъ могъ найти его въ любой изъ богослужебныхъ греческихъ книгъ, бывшихъ у него подъ руками. Того же приѣма держится онъ и относительно нѣкоторыхъ другихъ словъ. Вообще греческому тексту въ транскрипціи автора еще менѣе посчастливилось, чѣмъ въ снимкахъ. Авторъ дѣлаетъ надъ нимъ по истинѣ безжалостные эксперименты: а) произвольно распоряжается съ его знаками; такъ напр. кромѣ удареній — остраго, тяжелаго и облеченнаго въ подлинникѣ есть еще знакъ сокращенія, — который всегда аккуратно и правильно ставится только надъ словами, написанными сокращенно (и надъ собственными именами, гдѣ онъ имѣетъ другое назначеніе), и во всякомъ случаѣ никогда ни съ какимъ удареніемъ не смѣшивается. Напгъ авторъ почему-то не желаетъ этого знать и большею частію замѣняетъ его (изрѣдка удерживая) облеченнымъ удареніемъ и тѣмъ вноситъ путаницу въ ясную и точную систему знаковъ и со-

вершено напрасно запутываетъ и затрудняетъ чтеніе не только для неопытныхъ, но и для опытныхъ читателей, такъ напр. когда читатель сколько-нибудь знакомый съ системой знаковъ, принятыхъ въ рукописяхъ, встрѣчается въ подлинникѣ съ словомъ $\epsilon\nu\acute{\iota}\epsilon$, то онъ знаетъ, какъ его прочесть, а когда встрѣтитъ тоже слово въ транскрипціи нашего автора въ формѣ $\epsilon\nu\acute{\iota}\epsilon$, то по-неволѣ задумается, что это такое? Нѣкоторыя изъ такихъ словъ, прикрытыхъ обличеннымъ удареніемъ, просто дѣлаются загадкою, напр. $\pi\rho\acute{\omega}\nu$. Кто бы подумалъ, что здѣсь скрывается $\kappa\alpha\tau\epsilon\rho\omega\nu$. Между тѣмъ удержи авторъ правописаніе рукописи: $\pi\rho\acute{\omega}\nu$, даже и малоопытный читатель не затруднился бы ни на минуту. β) Столь же произвольно авторъ распоряжается связью и раздѣленіемъ словъ — сочетаваетъ то, что въ подлинникѣ раздѣлено, и раздѣляетъ то, что тамъ соединено. Особенно часто онъ позволяетъ себѣ послѣднее и притомъ въ мѣстахъ, наиболѣе характеристичныхъ для рукописи въ палеографическомъ отношеніи, напр. буква σ особенно въ предлогахъ повсюду въ рукописи стремится къ сочетанію съ слѣдующимъ словомъ, именно вмѣсто $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma\ \tau\omicron\nu$, или $\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \tau\omicron\nu$ постоянно пишется $\pi\rho\omicron\varsigma\tau\omicron\nu$, или $\epsilon\acute{\iota}\varsigma\tau\omicron\nu$, или $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma\ \tau\omicron\nu$ и $\epsilon\acute{\iota}\ \varsigma\tau\omicron\nu$, а въ транскрипціи нашего автора она всегда пишется въ связи съ тѣмъ словомъ, которому принадлежитъ, т. е. по нынѣшнему. Гдѣ же старое правописаніе, которое обѣщалъ удерживать авторъ? γ) Съ знаками дыханій, удареній и препинаній здѣсь авторъ еще менѣе церемонится, чѣмъ въ Снимкахъ: опущенія ихъ, замѣны однихъ другими, произвольная разстановка встрѣчаются чуть не на каждой строчкѣ. Выше я замѣтилъ, что въ рукописи употребляются всего три знака препинанія: колонъ, запятая и заключительный знакъ: или : ~ и что первые два ставятся большею частію въ срединѣ строки и лишь изрѣдка и какъ бы по ошибкѣ внизу ея на линейкѣ; въ транскрипціи же нашего автора царитъ почти безраздѣльно точка и постоянно ставится внизу строки.

Такимъ образомъ, заявленіе автора объ удержаніи въ транскрипціи правописанія рукописи нельзя понимать — по крайней мѣрѣ относительно греческаго текста — въ буквальномъ смыслѣ.

Въ 3-хъ, система подбора разночтеній, принятая авторомъ, возбуждаетъ не мало недоумѣній и не можетъ быть одобрена съ филологической точки зрѣнія. Вотъ она. «Изъ рукописей славянскихъ (онъ) дѣлалъ разночтенія, не болѣе какъ изъ одной, или *древнѣйшей* близкой къ XI, XII, XIII и XIV вв., или *позднѣйшей* XV в. и старопечатныхъ, чтобы множествомъ разночтеній не

испестрить текста сличаемаго. Если же гдѣ выбиралъ разночтеніе изъ 3-й рукописи, или и 4-й, то его или тутъ же означалъ вѣкомъ и N рукописи, или же относилъ его къ изслѣдованію, или къ сравнительному словарю. Точно также я дѣлалъ и съ греческимъ текстомъ. Если не встрѣчалъ гдѣ другаго списка рукописнаго для разночтенія, тамъ оставлялъ безъ разночтеній; а по старопечатнымъ и новопечатнымъ или въ изслѣдованіи, или въ словарѣ объ этомъ упоминалъ» (Предисловіе, стр. V).

Изъ этихъ словъ видно, что основаніемъ для выбора разночтеній служило для автора *начало эстетическое* — некрасиво было пестрить текстъ множествомъ разночтеній. Но это неудобство можно было устранить, отнеся всѣ варианты подъ черту, какъ это обыкновенно дѣлается въ ученыхъ изданіяхъ текстовъ, а не помѣщать ихъ въ самомъ текстѣ, ограждая ихъ скобками, какъ это дѣлаетъ авторъ. При его же системѣ размѣщенія вариантовъ, помѣщеніе многихъ было бы не только не эстетично, но и невозможно, такъ какъ текстъ каждаго кондака и икоса растянулся бы на нѣсколько страницъ: и притомъ до того испестрился бы разными скобками въ скобкахъ, что трудно было бы въ нихъ разобраться. Далѣе, — выборъ разночтеній изъ *древтѣйшихъ* рукописей еще можетъ быть понятъ и безъ указанія основаній и мотивовъ, но выборъ разночтеній изъ *позднѣйшихъ* рукописей и старопечатныхъ книгъ, безъ разъясненія этихъ основаній, понятъ быть не можетъ. Ужъ не повліяла ли на этотъ выборъ полемиическая тенденція автора, направленная на обличеніе раскола? Во всякомъ случаѣ, потребности филологіи здѣсь принесены въ жертву другимъ интересамъ. Затѣмъ, при выборѣ разночтеній изъ 3-й рукописи или 4-й мало было обозначить ея вѣкъ и N, а нужно было указать филологическія основанія для предпочтенія одного чтенія другому, или—всего лучше—привести оба. Разбрасываніе же разночтеній то въ Изслѣдованіе, то въ Сравнительный Словарь по произволу безъ нужды—лишь затрудняетъ пользованіе трудомъ автора.

Въ 4-хъ, греческій текстъ въ транскрипціи испещренъ ошибками и притомъ не типографскими только (этими послѣдними можно было бы наполнить не одинъ листъ). Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ: на стр. 52 въ началѣ 2 го икоса напечатано βίον вм. χάριν, на стр. 53 въ концѣ кондака преподобному Анонму и предъ 1-мъ икосомъ пропущены слова: ἥ ὁ μετὰ τρίτην, на той же страницѣ въ концѣ 1-го икоса пропущено: Ταῖς σαΐς, тутъ же

въ началѣ 2-го икоса напеч. ποιμένα вм. ποιμῶνας, тутъ же въ кондакѣ св. Василиссѣ напеч. ἕρανόν вм. ἕρανισόν и на той же строкѣ пропущено слово τόν, тамъ же въ началѣ 2-го икоса напеч. ἀνρισαμένη вм. ἀνδρισαμένη и черезъ 2 строки на 3-й ὑψίστου вм. ὑψίστου, на стран. 60-й на 2-й строкѣ сверху пропущены слова: τίνες δέ, на страницѣ 62-й въ началѣ 2-го икоса св. Діонисію Ареопагиту пропущено слово θεορῶς и черезъ 2 строки слова Τῆ ὑπερμάχῳ, на стр. 64 въ началѣ 3-го икоса муч. Евлампію и Евлампіи напечат. κλήματος вм. βήματος, на стр. 67 въ концѣ кондака преп. Аверкію пропущены слова пр. αὐτὸν μόνον, на стр. 73 въ кондакѣ I. Златоусту пропущено ἔλεον, на стр. 74 въ началѣ кондака ап. Филиппу пропущены слова: ἦχ π̄ 3 Γ̄ ὡς ἀπαρχάς, на стр. 77 пропущено начало 5 икоса на Введение во Храмъ Пресв. Богородицы: Ἀρρήτων ὄντως ποιήτης, на стр. 78 въ концѣ 1-го икоса ап. Андрею пропущено слово εὐρήχαμεν, на стр. 81 въ началѣ 1-го икоса на зачатіе св. Анны на 2-й строкѣ послѣ слова τρέμω пропущены слова τρωδῆς ἀμαρτίας βέλη. τρέμω, на той же стр. въ кондакѣ мученикамъ Минѣ, Гермогену и Евграфу слова: Ἐρμούγενῶν τὸν θεῶν напеч. прежде словъ μηνῶν τὸν (а не τῶν, какъ у автора) ἀλλοφόρων тогда какъ въ подлинникѣ на оборотѣ, тутъ же чрезъ 6 строкъ пропущено слово ζητὸν въ ἵκοςѣ тѣмъ же мученикамъ, на стр. 88 въ началѣ кондака на Обрѣзавіе пропущены слова: ἡμῶν ἰὺ χ̄υ, на стр. 93 пропущено начало 2-го и 3-го икоса преп. Антонію.

Списокъ погрѣшностей этого рода можно было бы еще значительно удлиннить, но для характеристики транскрипціи автора и степени пригодности ея для цѣлей филологіи достаточно и этого.

Транскрипціей и подборомъ разночтеній и исчерпываются задачи филологіи въ трудѣ автора.

Главное вниманіе автора было обращено на требованія церковной гимнографіи и полемики съ расколомъ. Мы видѣли, что потребности той и другой были однимъ изъ главныхъ побужденій, заставившихъ его приняться за изданіе Кондакарія. Эти же потребности заставили его расширить первоначальную програму изданія чрезъ присоединеніе къ кондакамъ и икосамъ, находящимся въ Кондакаріѣ, и всѣхъ недостающихъ въ немъ какъ греческихъ, такъ и славянскихъ. Эти же потребности заставили его ввести въ составъ сборника снимковъ текстъ кондаковъ и икосовъ важныхъ въ церковномъ, а не въ палеографическомъ отношеніи. Эти же потребности, по видимому, руководили имъ отчасти

и при выборѣ разночтеній къ славянскому тексту кондаковъ и икосовъ. Наконецъ удовлетворенію этихъ потребностей посвящена и большая часть «Изслѣдованія».

Здѣсь онъ 1) даетъ понятіе о кондакаріѣ, кондакѣ и икосѣ, 2) дѣлаетъ критическія замѣчанія на краткое изслѣдованіе кондакарія греческаго XII—XIII в. архіепископомъ Черниговскимъ Филаретомъ, помѣщенное въ его сочиненіяхъ: въ «Историческомъ обзорѣ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви» и въ «Ученіи объ отцахъ церкви»; 3) распространяется «о творцахъ кондаковъ съ икосами и напечатаніи ихъ и ненапечатаніи», 4) о «важности греческаго Кондакарія и древняго его перевода славянскаго», 5) объ «образцахъ, по которымъ составлялись кондаки и икосы», 6) о томъ, «гдѣ помѣщались и помѣщаются кондаки и икосы въ богослужебныхъ книгахъ», и наконецъ 7) даетъ «опытъ перевода нѣкоторыхъ икосовъ св. Романа Сладкопѣвца».

Опредѣленіе Кондакарія взято изъ славянскаго Кондакарія XI в. N 1 Синод. типографской библіотеки; опредѣленіе кондака есть обычное—ходячее; опредѣленіе икоса взято изъ греко-англійскаго церковнаго словаря Софокла. Остальные, затронутые авторомъ вопросы рѣшаются имъ болѣе или менѣе самостоятельно.

Погрѣшности преосвящ. Филарета Черниговскаго относительно греческаго Кондакарія, изданнаго авторомъ, сводятся—

1) къ неправильному названію пѣснопѣній Кондакарія: кондаки у него часто называются икосами, а икосы кондаками;

2) къ неправильному исчисленію тѣхъ и другихъ, напр. вмѣсто того, чтобы сказать — 4 икоса и 1 кондакъ, у него сказано 4 кондака и икосъ, или вмѣсто 24 икосовъ и одного кондака исчислено всего 20 кондаковъ и икосъ;

3) къ излишнему довѣрію къ акростихамъ Кондакарія и вслѣдствіе этого къ неправильному опредѣленію количества пѣснопѣній на основаніи количества буквъ акростиха; такъ напр. на Срѣтеніе Господне въ Кондакаріѣ акростихъ: *той тапелюу Рѣманси*, на основаніи котораго преосвящ. Филаретъ исчислилъ количество пѣснопѣній въ 18 икосовъ и 1 кондакъ, тогда какъ въ дѣйствительности 16 икосовъ и 1 кондакъ;

4) къ недосмотрамъ въ родѣ слѣдующаго: въ подлинникѣ извѣстное число кондаковъ и икосовъ показано въ *Субботу сырную*, а у него въ *Недѣлю сырную*;

5) къ неправильному переводу нѣкоторыхъ словъ, напр. τῆς μεσοσηφίμου у него переведено словомъ *помощница* вмѣсто средней или средикрестной недѣли;

6) къ неправильному чтенію нѣкоторыхъ пѣснопѣній, напр. 1-го кондака и икоса св. Романа Сладкопѣвца на Пасху;

7) къ неправильному принятію заключительнаго слова (πολυέλεε) кондаковъ и икосовъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ за оглавление ихъ;

8) къ неправильному показанію числа кондаковъ.

Всѣ эти погрѣшности тщательно исправляются о. Амфилохіемъ и это составляетъ немаловажную заслугу его предъ церковной гимнографіей, такъ какъ освобождаетъ ее отъ значительнаго числа невѣрныхъ данныхъ, которыя, подъ защитою авторитета ученаго архіепископа, могли вести къ неправильнымъ выводамъ.

Подъ рубрикой: «О творцахъ кондаковъ съ икосами и напечатаніи ихъ и ненапечатаніи» дается собственно классификація кондаковъ и икосовъ, заключающихся въ Кондакаріѣ, съ отмѣткой противъ cadaго кондака и икоса — напечатанъ онъ (и гдѣ) или не напечатанъ.

Вся масса кондаковъ и икосовъ (тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 1427) разбивается на 13 категорій; въ основу ихъ сортировки полагаются а) ихъ надписи и б) начальныя буквы. Первый признакъ даетъ автору 5 категорій, послѣдній 8.

Здѣсь же авторъ разсматриваетъ и рѣшаетъ вопросъ о составителѣ такъ называемаго Акаѣиста Божіей Матери. Оспоривая гипотезу, принятую большинствомъ ученыхъ, о принадлежности Акаѣиста Георгію Писидійскому, онъ старается поддержать гипотезу о принадлежности его Роману Сладкопѣвцу.

Важность Кондакарія съ церковно-гимнографической точки зрѣнія авторъ видитъ въ томъ, что кондаки и икосы, въ немъ заключающіеся, «объясняютъ исторію праздниковъ и святыхъ, чтимыхъ во времена составленія этихъ священныхъ пѣснопѣній».

По вопросу «объ образцахъ, по которымъ составлялись кондаки и икосы», авторъ приходитъ къ слѣдующему рѣшенію:

1) «Первые образцы, безъ сомнѣнія, образцы кондаковъ и икосовъ св. Романа Сладкопѣвца и образцы стихами».

2) «кромѣ того подражали и образцу кондака св. Козмы на Успеніе Божіей Матери и образцамъ сѣдальновъ»;

3) «авторы кондаковъ и икосовъ Русскимъ святымъ не всегда подражали составу (?) греческихъ кондаковъ и икосовъ».

Отвѣчая на вопросъ о томъ: «гдѣ помѣщались и помѣщаются кондаки и икосы въ богослужебныхъ книгахъ», называетъ эти книги и перечисляетъ, сколько въ какой помѣщено.

Переведено имъ на русскій языкъ въ общей сложности 18 икосовъ на разные праздники.

Всѣми этими вопросами далеко не исчерпывается сфера потребностей церковной гимнографіи и не всѣ они рѣшаются удовлетворительно.

Одну изъ давнишнихъ и настоятельнѣйшихъ потребностей церковной гимнографіи составляетъ разъясненіе ея исторіи вообще и въ частности происхожденія формы пѣснопѣній, извѣстныхъ подъ названіемъ кондаковъ и икосовъ. Этой потребности книга автора совсѣмъ не удовлетворяетъ. Оставлены имъ также въ сторонѣ и всѣ вопросы, связанные съ композиціей этихъ пѣснопѣній и съ способомъ ихъ исполненія при богослуженіи и много другихъ не менѣе важныхъ.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что при современномъ состояніи источниковъ церковной гимнографіи и ученыхъ изслѣдованій въ этой области и невозможно сколько-нибудь удовлетворительное разъясненіе исторіи стихотворной и музыкальной композиціи церковныхъ пѣснопѣній вообще и въ частности кондаковъ и икосовъ безъ предварительныхъ и притомъ широкихъ изысканій въ области Византійскаго театра и музыки, — а изысканія эти лишь начинаются.

Такимъ образомъ, строго говоря, нельзя претендовать на автора за то, что онъ ограничилъ кругъ вопросовъ изъ области церковной гимнографіи сравнительно немногими и притомъ не особенно важными.

Затронутые авторомъ вопросы разсматриваются и рѣшаются имъ въ связи съ ближайшими потребностями изданнаго имъ кондакаря и въ тѣсныхъ предѣлахъ этихъ потребностей, — въ кондакаріѣ же большею частію берутся и данныя для отвѣтовъ. Такъ напр. вопросъ о составителяхъ, или на языкѣ автора, «творцахъ кондаковъ съ икосами» вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что надъ одними кондаками и икосами прямо надписывается имя ихъ составителей, имя другихъ скрывается въ начальныхъ буквахъ этихъ кондаковъ и икосовъ или въ такъ называемомъ акростихѣ ихъ, имя третьихъ совершенно умалчивается, и все изслѣдованіе автора состоитъ въ разоблаченіи этихъ именъ. Самое же разоблаченіе состоитъ въ констатированіи того, въ какомъ положеніи находится

ния составителя въ кондакаріѣ т. е. прописано ли оно вполне, или сохранилось только отчасти въ акростихѣ и въ какомъ количествѣ буквъ.

Подобнымъ же образомъ рѣшаются вопросы «объ образцахъ, по которымъ составлялись кондаки и икосы» и «о томъ, гдѣ помѣщались и помѣщаются кондаки и икосы въ богослужебныхъ книгахъ?» Въ первомъ случаѣ авторъ перечисляетъ образцы, во второмъ — книги.

Отвѣты на вопросы, требующіе не одного простаго описанія, даются аподиктически. Такъ формулируется отвѣтъ на вопросъ «объ образцахъ, по которымъ составлялись кондаки и икосы», въ первомъ изъ вышеприведенныхъ пунктовъ. Здѣсь авторъ считаетъ достаточнымъ ограничиться заявленіемъ, что «первые образцы *безъ сомнѣнія* образцы кондаковъ и икосовъ св. Романа Сладкопѣвца». Это *безъ сомнѣнія* и рѣшаетъ у него все дѣло. А вытекаетъ оно изъ убѣжденія автора, что Романъ Сладкопѣвецъ былъ *первымъ* составителемъ этого рода пѣснопѣній. Убѣжденіе же это основано на томъ, что въ богослужебныхъ книгахъ онъ называется *творцемъ кондаковъ*. Но дѣло въ томъ, что какъ смыслъ этого названія, такъ и право на него св. Романа служатъ еще предметомъ спора.

Удачнѣе аргументируетъ авторъ въ пользу авторства св. Романа въ спорномъ вопросѣ о составителѣ Акаѳиста.

Аргументы его, направляемые имъ противъ гипотезы о принадлежности Акаѳиста Георгію Писидійскому, могутъ быть сформулированы въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Противъ гипотезы объ авторствѣ Георгія Писидійскаго говорить молчаніе о имени составителя кондаковъ и икосовъ на Благовѣщеніе послѣ наименованія ихъ Акаѳистомъ у писателей ближайшихъ по времени.

Сила этого аргумента заключается въ томъ, что, по сказанію такъ называемой «Повѣсти о несѣдальномъ», кондаки и икосы, которые пѣли въ Константинополѣ въ 625 г., во время осады города персами и аварами, не были сочинены тогда вновь специально для этого случая, а были выбраны уже готовые, бывшіе до тѣхъ поръ въ церковномъ употребленіи, и именно кондаки и икосы на Благовѣщеніе, по мнѣнію автора, безспорно принадлежащіе св. Роману Сладкопѣвцу, — и все различіе ихъ пѣнія въ знаменательную ночь послѣдняго приступа отъ пѣнія ихъ въ предшествовавшее этому время состояло лишь въ томъ, что прежде ихъ пѣли сидя, а въ эту

ночь стѣя, — отсюда и названіе Акаѣиста (Несѣдаленъ). При предположеніи, что св. Романъ жилъ въ V в. и былъ авторомъ кондаковъ и икосовъ на Благовѣщеніе, молчаніе писателей, ближайшихъ по времени къ факту превращенія этихъ кондаковъ и икосовъ въ Акаѣистъ, объ имени составителя Акаѣиста дѣйствительно можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что было излишне называть это имя, такъ какъ въ сущности самаго факта сочиненія Акаѣиста не было, а было лишь приспособленіе къ потребностямъ положенія пѣснопѣній, давно уже бывшихъ въ употребленіи, имя автора которыхъ, какъ всѣмъ извѣстно, излишне было называть.

2) Трудно предположить, чтобы св. Романъ, почтившій кондаками и икосами всѣ существовавшіе въ его время праздники, сдѣлалъ исключеніе для Благовѣщенія — одного изъ важнѣйшихъ праздниковъ.

3) Первый кондакъ (Взбранной Воеводѣ) и первый икосъ (Ангель предстатель), какъ въ древности, такъ и теперь поются по 6 пѣсни въ канонѣ на Благовѣщеніе.

4) Всѣ кондаки и икосы на Благовѣщеніе помѣщаются — а) въ Синодальной типогр. служебной Мартовской минеѣ XIV в., б) въ разсматриваемомъ Кондакаріѣ и в) въ славянскомъ Кондакарѣ XI в. (№ 1 Синод. типогр. библ.) и нигдѣ не называются Акаѣистомъ. (Значить это названіе не было первоначальнымъ и постояннымъ ихъ названіемъ).

5) Исторически не доказано, чтобы Георгій Писидя сочинялъ кондаки и икосы, не подражая никому. Въ изслѣдуемомъ Кондакаріѣ есть кондакъ и 3 икоса 9 декабря на зачатіе св. Анны съ начальными буквами икосовъ Гѣо. На этотъ же день Георгіемъ сочиненъ и канонъ, но Писидой ли, это — еще вопросъ.

6) Во время осады некогда было составлять такіа превосходныя по глубинѣ мыслей пѣснопѣнія.

7) Сходство нѣкоторыхъ выраженій Акаѣиста съ выраженіями встрѣчающимися въ стихотвореніяхъ Писиды, ничего не доказываетъ. Подобное же сходство можно констатировать между Акаѣистомъ и нѣкоторыми твореніями св. Златоуста; но на этомъ основаніи никто и никогда не приписывалъ акаѣиста этому отцу церкви.

8) Первый икосъ: *Ангель предстатель* говоритъ въ пользу того мнѣнія, что кондаки и икосы на Благовѣщеніе на этотъ именно праздникъ и составлены св. Романомъ. Св. Романъ въ 1 икосѣ всегда продолжаетъ описывать пространно то, что вкратцѣ имъ сказано въ

кондакъ. И припѣвъ икосовъ: *Радуйся*... есть ангельское привѣтствіе при Благовѣщеніи.

9) Варианты въ текстѣ, указывающіе, повидимому, на связь Акакиста съ событіемъ освобожденія Константинополя отъ осады *персозъ*, не выяснены со стороны происхожденія и значенія.

Не всѣ эти аргументы одинаково серьезны и въ общемъ не даютъ рѣшительнаго результата ни противъ оспариваемой, ни въ пользу защищаемой авторомъ гипотезы, такъ какъ остается нерѣшеннымъ главный вопросъ, съ судьбою котораго связана вся аргументація автора, — именно вопросъ о времени жизни св. Романа. Авторъ держится мнѣнія, что онъ жилъ при императорѣ Анастасіѣ I (491—518); но имѣеть за себя извѣстныя основанія и мнѣніе, пріурочивающее появленіе его въ Константинополѣ и его гимнографическую дѣятельность здѣсь ко времени царствованія Анастасія II (713—716), и пока эти основанія не опровергнуты, нельзя успокоиваться на простомъ признаніи перваго мнѣнія болѣе вѣроятнымъ.

Во всякомъ случаѣ если аргументація автора и не можетъ быть признана рѣшительною, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ полнаго вниманія по своей серьезности. Авторъ является здѣсь не простымъ описателемъ фактической стороны дѣла и отмѣтчикомъ ея деталей, какъ въ большей части своего труда, но и дѣйствительнымъ изслѣдователемъ.

Къ роли отмѣтчика онъ возвращается и остается ей вѣренъ до конца въ той части своего труда, въ которой ведетъ полемику съ расколомъ. Она, впрочемъ, вполне гармонируетъ съ его взглядомъ на причины происхожденія русскаго раскола и на болѣе дѣлесообразный способъ его обличенія и опроверженія. Объясняя происхожденіе раскола слѣпой привязанностью къ буквѣ испорченныхъ старопечатныхъ книгъ, лучшее средство къ обличенію онъ видитъ въ указаніи погрѣшностей, вкравшихся въ эти книги частію вслѣдствіе неправильныхъ переводовъ съ греческаго, частію вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ, и въ силу этого съ скрупулезною тщательностью отмѣчаетъ всѣ случаи неправильнаго перевода того или другаго слова въ до-никоновскихъ старопечатныхъ книгахъ съ греческаго или неправильной замѣны болѣе точнаго перевода этихъ словъ въ древнихъ рукописныхъ славянскихъ богослужебныхъ книгахъ. Съ этой точки зрѣнія полемическій приемъ автора правиленъ; но въ настоящее время этотъ взглядъ немного уже можетъ насчитать сторонниковъ и еще менѣе охотниковъ раздѣлять надежды автора, что еслибы раскольники провѣрили текстъ своихъ старопечатныхъ книгъ

и исправили ихъ погрѣшности по греческому тексту, то «расколъ палъ бы самъ собою» (Предисловіе, стр. 17).

Такимъ образомъ и церковно-гимнографическія задачи поняты о. Амфилохіемъ не широко и разрѣшены лишь въ предѣлахъ ближайшихъ потребностей Кондакарія.

При всемъ томъ книга его представляетъ большую цѣнность для церковной гимнографіи. Потребность въ возможно-полномъ собраніи и критическомъ изданіи оригинальнаго текста древнѣйшихъ и наиболѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній, какими являются кондаки и икосы, чувствовалась давно въ этой области. Авторъ одинъ изъ первыхъ послѣдшихъ на помощь этой потребности и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удовлетворилъ ей такъ полно, какъ никому до сихъ поръ это не удавалось. По богатству собраннаго имъ матеріала его книга превосходитъ аналогическіе съ нею труды кардинала Питры, цитованные выше, и Параники: *Anthologia graeca sagminum christianorum*. Lipsiae 1871 (куда кондаки и икосы вошли только отчасти), и такъ какъ а) большая часть матеріала извлечена имъ изъ рукописныхъ источниковъ и б) въ составъ книги вошли и недостававшіе въ источникахъ автора кондаки и икосы изъ собранія Питры; то съ этой стороны его книга представляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе. Цѣнность ея, кромѣ вариантовъ, подведенныхъ къ греческому тексту, увеличивается еще массою драгоценныхъ славянскихъ текстовъ, извлеченныхъ изъ первоисточниковъ и обогащенныхъ вариантами. Пользованіе этимъ богатымъ матеріаломъ значительно облегчается тѣмъ, что большая часть черновыхъ и слѣд. самыхъ кропотливыхъ и неблагодарныхъ работъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, выполнена самимъ авторомъ и притомъ, вообще говоря, удовлетворительно. Не мало также разсѣяно въ книгѣ автора вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній дающихъ полезныя указанія для будущихъ изслѣдователей въ этой сравнительно очень мало изслѣдованной области.

И потому, не смотря на указанные выше недостатки, вредно отражающіеся на палеографической и филологической сторонѣ громаднаго и въ своемъ замыслѣ грандіознаго и въ высшей степени своевременнаго и цѣлесообразнаго труда автора, онъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ награжденія малою Уваровскою преміей.

III.

СЕМЕЙСТВО РАЗУМОВСКИХЪ. А. А. ВАСИЛЬЧИКОВА. ТОМЪ ПЕРВЫЙ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1880.

Рецензія Академика М. И. Сухомлинова.

Въ общественной и государственной жизни Россіи видную роль играли въ прошломъ столѣтіи такъ называемые *временщики*. Авторъ разсматриваемаго труда отиѣчаетъ три эпохи въ исторіи русскихъ временщиковъ. Впервые появились они на Руси при Петрѣ Великомъ, когда для новыхъ порядковъ нужны были и новые дѣятели, и дѣятели въ настоящемъ смыслѣ этого слова — труженики неутомимые и способные. Иными свойствами отличались временщики второй эпохи — эпохи дворцовыхъ переворотовъ, продолжавшейся отъ кончины Петра Великаго до восшествія на престолъ Екатерины II: они выдвигались слѣпою игрою случая, и вся дѣятельность ихъ состояла въ придворныхъ интригахъ и проискахъ. Третья эпоха наступила съ воцареніемъ Екатерины II, при которой достигали государственнаго значенія только люди дѣйствительно талантливые и притомъ природные русскіе, любившіе Россію и дорожившіе ея интересами. При ней возвысились, какъ государственные дѣятели: Орловъ, Потемкинъ, Завадовскій, а другіе, какъ напримѣръ: Зоричъ, Римскій-Корсаковъ, Ланской, получили только богатые подарки да камергерскіе ключи.

По времени и по случайности своего возвышенія, Разумовскіе принадлежатъ ко второй эпохѣ, ко второму типу временщиковъ; но по своему образу дѣйствій они, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, составляютъ блестящее исключеніе. Разумовскіе умѣли заслужить сочувствіе и расположеніе современнаго имъ общества; они оставили по себѣ добрую память и въ народѣ. По свидѣтельствѣ Екатерины II, никто и никогда изъ временщиковъ не пользовался

до такой степени общою любовью, какъ семейство Разумовскихъ. «Причину этой любви — говоритъ авторъ монографіи — угадать не трудно: Разумовскіе, не чуждаясь просвѣщенія, жили жизнью народною, любили все отечественное, и къ нимъ вполне можно было примѣнять стихи Державина:

Я — князь, коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю,
Боляринъ — коль за всѣхъ богѣю,
Царю, отчизнѣ, церкви другъ.

Привода стихи эти, припомнимъ, что Державинъ заимствовалъ ихъ изъ *Письма о достоинствѣ* Сумарокова. Сумароковъ долгое время былъ генеральскій-адъютантомъ при гр. Разумовскомъ. Лучшаго идеала достоинства, какъ въ начальникѣ своемъ, найти онъ не могъ, и нѣтъ сомнѣнія, что письмо свое онъ написалъ съ натуры».

Судьба Разумовскихъ, любопытная и сама по себѣ, представляя скоростижное превращеніе украинскихъ пастуховъ въ русскихъ Моиморанси, заслуживаетъ вниманія и въ томъ отношеніи, что въ ней отражаются болѣе или менѣе ярко тогдашніе нравы и тогдашніе общественные порядки. По этому нельзя не привѣтствовать счастливой мысли г. Васильчикова представить рядъ монографій, относящихся къ семейству Разумовскихъ. Подобныя монографіи необходимы какъ существенныя части того цѣлаго, истолкованіе и оцѣнка котораго составляютъ задачу русской исторической науки. Они даютъ твердую основу и живыя краски для полнаго и всесторонняго изображенія русской жизни въ ту или другую эпоху. Матеріалы для нихъ разсѣяны во многихъ архивахъ, общественныхъ и частныхъ, и для того, чтобы собрать ихъ въ одно цѣлое, требуется много труда, любви къ дѣлу и умѣнья вести его.

Авторъ монографіи: «Семейство Разумовскихъ» пользовался для своего труда какъ печатными, такъ и рукописными матеріалами, собранными имъ въ большемъ количествѣ въ различныхъ архивахъ, общественныхъ и семейныхъ. Многочисленные и въ высшей степени любопытныя данныя извлечены имъ: изъ государственнаго архива; изъ архивовъ: графа Алексѣя Сергѣевича Уварова; князя Н. В. Рѣпина, князя Андрея Кириловича Разумовскаго; изъ рукописнаго дневника Ханенки; изъ бумагъ семейства Тянскихъ; изъ рукописнаго историческаго словаря Казадаева и т. д. Многія интересныя бумаги и преданія сообщены автору Г. П. Галаганомъ и М. А. Крыжановскою, рожденною Перовскою, и т. д.

Отыскивая, собирая и группируя разнообразныя матеріалы, авторъ имѣлъ въ виду «возсоздать возможно вѣрно и полно старинный бытъ русскихъ баръ прошлаго времени». Онъ говоритъ: «Мы старались въ трудѣ нашемъ, по мѣрѣ возможности, возсоздать ежедневную жизнь добраго стараго времени, и какъ можно чаще говорить, если не устами, то по крайней мѣрѣ перомъ нашихъ героевъ. Чтобы еще ближе познакомить читателя съ бытомъ прошлаго времени, мы въ приложеніяхъ помѣстили всѣ грамоты, рядныя записи, хозяйственныя распоряженія, штаты, и проч., относящіяся до семейства Разумовскихъ. Быть можетъ, насъ упрекнутъ въ томъ, что мы не довольно строго разбирали имѣвшіеся у насъ подъ руками документы, и что въ трудъ нашъ вкралось многое, что вовсе не имѣетъ интереса. Если это такъ, то это произошло отъ того, что при непрестанномъ стремленіи нашемъ къ новизнѣ, при общемъ небреженіи, съ которымъ у насъ относятся къ остаткамъ прошедшаго, мы невольно вдалились въ противоположную крайность, и не захотѣли жертвовать ни единымъ лоскутомъ старины».

Изобиліе помѣщенныхъ матеріаловъ едва ли можно поставить автору въ вину. Въ трудахъ, предпринятыхъ съ подобною цѣлю, лучше помѣстить нѣсколько вещей безцвѣтныхъ, нежели пропустить хотя бы одну вещь, дѣйствительно любопытную и важную. Выборъ бываетъ затруднителенъ потому особенно, что иногда то, что само по себѣ не представляетъ интереса, оказывается пригоднымъ для разъясненія той или другой черты въ дѣятельности лицъ и въ ходѣ событій, неимѣющихъ прямого отношенія къ предмету монографіи. Что же касается распредѣленія матеріаловъ, собранныхъ въ такомъ изобиліи, то значительную часть ихъ удобнѣе было бы помѣстить въ приложеніяхъ, а въ текстѣ передать только суть ихъ, вслѣдствіе чего впечатлѣніе, производимое ими, было бы и сильнѣе и опредѣленнѣе. Притомъ это вполне соответствовало бы намѣренію автора — *возсоздать* прежній бытъ, а для возсозданія недостаточно одного только накопленія бытовыхъ чертъ, которыя надо отыскивать въ грудѣ матеріаловъ, расположенныхъ въ чисто-внѣшнемъ хронологическомъ порядкѣ. Но если нѣкоторыя подробности и затрудняютъ чтеніе книги, вообще весьма интересной по своему содержанию, то съ другой стороны многое и весьма многое изъ того, что приведено подлинными словами документовъ, наглядно, живо и ярко рисуетъ нашу недавнюю старину.

Въ первомъ томѣ монографіи всего подробнѣе говорится о двухъ братьяхъ Разумовскихъ, Алексѣѣ Григорьевичѣ и Кириллѣ Григорь-

евичѣ. По чертамъ, разсѣяннѣмъ въ трудѣ г. Васильчикова и сгруппированнымъ имъ въ одно цѣлое, можно составить живое понятіе о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ «обыкновенной исторіи», разсказываемой авторомъ. Добродушный, спокойный, оставшійся навсегда такимъ, какимъ создала его украинская природа, Алексѣй Разумовскій не увлекся водоворотомъ столичной и придворной жизни, чуждался интригъ и домогательствъ, и если иногда слѣдовалъ по словицѣ: «моя хата съ краю», то никогда не поддавался чувству мести, не рылъ ямы своимъ соперникамъ, и даже пригрѣвалъ ихъ подъ своимъ гостепріимнымъ кровомъ. Въ складѣ его понятій, въ его неподвижности и наружномъ спокойствіи, въ его покорности судьбѣ, нельзя не узнать свойствъ истаго малороса. Не таковъ былъ братъ его Кириллъ. Слишкомъ рано оторванный отъ роднаго очага, слишкомъ быстро брошенный въ омутъ столичной жизни, онъ скоро разорвалъ живую связь съ родиной. Бальная атмосфера была ему милѣе воздуха родныхъ полей; его постоянно тянуло въ Петербургъ, въ Парижъ и т. п., а отнюдь не въ Малороссію.

Алексѣй Разумовскій возвысился при Елисаветѣ, и былъ не только терпимъ, но и любимъ и при Петрѣ III и при Екатеринѣ II. Чему же всего болѣе обязанъ онъ положеніемъ своимъ втеченіе трехъ царствованій? Отвѣтъ на это находимъ въ тѣхъ данныхъ, которыя извлечены авторомъ изъ первыхъ источниковъ, а также въ тѣхъ соображеніяхъ, которыя высказаны имъ на основаніи этихъ же источниковъ.

Сынъ украинскаго пастуха, Алексѣй Розумъ, случайно замѣченъ былъ полковникомъ Вишневымъ, возвращавшимся изъ Венгріи, куда онъ ѣздилъ покупать вина для императрицы Анны Ивановны, и вывезенъ имъ изъ Малороссіи въ Петербургъ. За свой прекрасный голосъ Розумъ былъ опредѣленъ въ придворный хоръ, но оставался тамъ недолго. Возвышеніе Розума авторъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Цесаревна просила уступить ей молодаго пѣвчаго. Красота его поразила великую княжну еще болѣе, чѣмъ голосъ. До 1731 года первымъ лицомъ при дворѣ цесаревны Елисаветы Петровны былъ сержантъ семеновскаго полка Шубинъ. Онъ какъ-то неосторожно выразилъ при свидѣтеляхъ мысль, что напрасно избрали Анну Ивановну и не вспомнили про дочь Петра Великаго. Слова эти были немедленно переданы, куда слѣдуетъ. Шубина схватили, пытали, заключили въ такъ называемый каменный мѣшокъ, и наконецъ, послѣ наказанія кнутомъ и вырѣзанія языка, сослали въ Камчатку. Арестъ Шубина и горестная судьба его сдѣ-

дали сильное впечатлѣніе на великую княжну. Она долгое время была неутѣшна по своему любимцу, и есть преданіе, что Елисавета намѣревалась принять иноческій чинъ въ александровскомъ успенскомъ монастырѣ. Когда первые порывы грусти прошли, цесаревна почувствовала себя совершенно одинокою среди непріязненнаго къ ней петербургскаго двора. Дочь Екатерины, напомнившей родства, возросшая среди птенцовъ великаго Петра, которыхъ грозный царь набиралъ на всѣхъ ступеняхъ общества, Елисавета Петровна была вполне чужда родовымъ предразсудкамъ и аристократическимъ понятіямъ. Постоянно подозрѣваемая, окруженная шпионами, она поневолѣ жила въ сомкнутомъ кружкѣ своего маленькаго двора, избѣгая всякаго новаго знакомства, всякаго сближенія съ лицами, игравшими важную роль въ свѣтѣ. Но если бы Елисавета Петровна и желала окружить себя рюриковичами или потомками Гедимины, едва ли бы удалось ей это. Оставшись на 18-мъ году отъ рожденія, одна, безъ руководителей, во всемъ блескѣ красоты необыкновенной, получивши въ наслѣдіе отъ родителей страстную натуру, отъ природы одаренная добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ, кое-какъ или, вѣрнѣе, вовсе невоспитанная, среди грубыхъ нравовъ, испорченныхъ еще лоскомъ обманчиваго полуобразованія, бывши предметомъ постоянныхъ подозрѣній и недовѣрія со стороны двора, цесаревна видѣла ежедневно, какъ ея избѣгали и даже нерѣдко отъ нея отворачивались сильные міра сего, и поневолѣ искала себѣ собесѣдниковъ и утѣшителей между меньшею братією. Послѣ ссылки Шубина, Елисавета обратила свое вниманіе на молодаго Розума, потерявшаго свой голосъ и переименованнаго въ придворные бандуристы. Вскорѣ изъ бандуристовъ уже не *Розумъ*, а *Разумовскій* произведенъ былъ въ управляющіе однимъ изъ цесаревнинныхъ имѣній. Мало-по-малу и другія недвижимыя имущества, а вслѣдъ за этимъ и весь небольшой дворъ Елисаветы Петровны, очутились подъ вѣдѣніемъ Алексѣя Григорьевича. Однимъ словомъ, онъ вполне занялъ мѣсто ссыльнаго Шубина. Сама Елисавета называетъ его въ письмахъ другомъ нелицемернымъ, и. т. д.

Преемникъ Елисаветы постоянно оказывалъ Алексѣю Разумовскому вниманіе и благоволеніе. «Въ день переѣзда императора въ новый зимній дворецъ, Алексѣй Григорьевичъ поднесъ ему богатую трость и просилъ дозволенія присоединить къ этому миліонъ рублей. Петръ III, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, охотно принялъ оба подарка, и сталъ еще благосклоннѣе къ Разумовскому».

Екатерина II была глубоко тронута поступкомъ Алексѣя Разумовскаго, истребившаго всѣ бумаги, бросавшія тѣнь на отношенія его къ покойной императрицѣ. Екатерина сказала по этому поводу о Разумовскомъ: «почтенный старикъ предупредилъ меня: Я ожидала этого отъ свойственнаго малороссіянину самоотверженія».

Кириллъ Разумовскій въ дѣтствѣ былъ также пастухомъ, а пятнадцати лѣтъ отъ роду отправленъ былъ за границу для довершенія образованія, которое едва только начиналъ въ Петербургѣ. Восемнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ назначенъ былъ президентомъ академіи наукъ. Въ дипломѣ на графское достоинство сказано: «въ разсужденіи разсмотрѣнной въ немъ особливою способности и приобрѣтеннаго въ наукахъ искусства нашей академіи наукъ въ президенты всемилостивѣйше пожалованъ». Понятно, что въ такіе года и съ такой подготовкой Разумовскій неизбежно подпалъ чужому влиянію. Главнымъ руководителемъ его по управленію академіею былъ Тепловъ. Но какъ ни сильно было влияніе Теплова и его сторонниковъ, Разумовскій становился иногда выше партій, слѣдуя въ подобныхъ случаяхъ своему вѣрному, природному чутью. Особенно ярко обнаруживается это въ означеніяхъ его къ Ломоносову, которыя авторъ монографіи очерчиваетъ такимъ образомъ. «Къ не-счастію, крайне неуживчивый Ломоносовъ съумѣлъ поссориться со всѣми лицами, окружавшими Разумовскихъ. Вражда его съ Сумароковымъ извѣстна. Объ Елагинѣ онъ иначе и не отзывался, какъ о *Перфильевичѣ*, въ самыхъ презрительныхъ выраженіяхъ. Съ Тепловымъ онъ тоже былъ на ножахъ. Понятно, что и Тепловъ, и Елагинъ, и Сумароковъ, съ своей стороны, его не щадили, и что отовсюду доходили до президента самые невыгодные для поэта-академика отзывы. Не смотря на это, Разумовскій безсознательно, самъ собою, понялъ, что Ломоносовъ не походилъ на окружавшихъ его; что въ этой грубой личности было что-то, вселявшее и сочувствіе и удивленіе, и какое-то невольное почтеніе къ заносчивому профессору. Русскому вполне, каковъ былъ Разумовскій, нравилась даже эта размахистая натура, которую не удерживали ни приличія свѣта ни торжественность академическихъ засѣданій, и наперекоръ всѣмъ стоявшимъ близъ президента, какъ въ официальной сферѣ, такъ и въ семейномъ кружкѣ, онъ, гдѣ только могъ, подавалъ Ломоносову руку помощи».

Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій былъ, какъ извѣстно, и гетманомъ Малороссіи. Живя во Глуховѣ, онъ старался сдѣлать изъ него подобіе столицы: при своемъ маленькомъ дворѣ устраивалъ

пиры и банкеты, давалъ торжественныя аудіенціи, и т. п. Обаяніе власти сильно подѣйствовало на гетмана; онъ часто выходилъ за предѣлы своихъ правъ: раздавалъ мѣста и награды единственно по своему усмотрѣнію, мечталъ даже упрочить наследственное гетманство въ своемъ родѣ, и т. п. Эти честолюбивыя замыслы и погубили его: черезъ нихъ онъ потерялъ и значеніе свое при Дворѣ, и власть. По замѣчавію г. Лазаревскаго — одного изъ лучшихъ въ наше время знатоковъ исторіи и быта Малороссіи, управление Разумовскаго было тяжелою порою для Малорусскаго народа: «При Разумовскомъ, старшина окончательно взяла верхъ, и пользуясь родственными связями съ гетманомъ, снѣшила забирать оставшіяся еще свободными села *въ вѣчное и потомственное свое и наследниковъ своихъ владѣніе* — формула совершенно новая, впервые явившаяся въ гетманскихъ универсалахъ при Разумовскомъ. Закрѣпощеніе крестьянъ, узаконенное черезъ двадцать лѣтъ послѣ гетманства Разумовскаго, было логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ отношеній старшины къ народу, которыя окончательно установились при Разумовскомъ» (стр. 323).

Не одни только главныя дѣйствующія лица, но и многія другія очерчены болѣе или менѣе ярко въ монографіи г. Васильчикова. Двѣ крайности составляютъ: простодупная Разумиха, Наталья Демьяновна, мать временщика, и хитрый, дальновидный и вѣчно интригующій канцлеръ Бестужевъ.

Послѣ коронованія императрицы Елисаветы Петровны отправленъ былъ нарочный за Натальею Демьяновною; изъ малорусскаго хутора ее привезли въ Петербургъ, чтобы предстать ко Двору. Ее напудрили, нарумянили, одѣли въ роскошное платье, и повезли во дворецъ, предупредивши, что она должна пасть на колѣни при появленіи государыни. Во дворцѣ старушка очутилась передъ большимъ зеркаломъ, во всю вышину стѣны; увидавъ себя въ роскошномъ нарядѣ въ зеркалѣ, она приняла себя за государыню, и пала на колѣни.

Личность канцлера Бестужева обрисовывается весьма рельефно въ разсказѣ о бракѣ Разумовскаго, устроенномъ Бестужевымъ, о стараніяхъ канцлера выдвинуть Бекетова, красиваго юношу, игравшаго роли первыхъ любовниковъ, и т. п.

Авторъ говоритъ: «Бестужевъ былъ настолько хитеръ, чтобы сразу понять, сколь необходима была для него при дворѣ сильная подпора: онъ ухватился за Разумовскаго Бывшій камеръ-юнкеръ короля великобританскаго Георга I, близко знакомый съ англійскою

литературу, живо помнилъ изреченіе Шекспира: frailty—thy name is woman, т. е. слабость, переменчивость—твое имя женщина. Государыня было всего 33 года, красоты она была необыкновенной. Имя Россіи громко звучало по всей Европѣ; въ продолженіе 60 лѣтъ бездомные иностранцы стекались сюда со всего свѣта и находили здѣсь обильную добычу для кармановъ и честолюбія. Того гляди, какой-нибудь принцъ-искатель приключеній, въ родѣ инфанта португальскаго, принцевъ гессенъ-гомбургскихъ, и т. п. приглянется императрицѣ, и, чего добраго, надѣнетъ вѣнецъ и бармы мономаха. Тогда—конецъ всѣмъ честолюбивымъ замысламъ Бестужева; тогда, пожалуй, опять на сцену выйдетъ Остерманъ, и мѣсто великаго канцлера, на которое уже мѣтилъ Алексѣй Петровичъ, придется промѣнять на хижину въ Березовѣ» (стр. 17). Чтобы предупредить грозившую ему или по крайней мѣрѣ возможную для него опасность, Бестужевъ задумалъ устроить бракъ императрицы Елисаветы Петровны съ любимцемъ ея, Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, и повелъ дѣло такъ искусно, что старанія его увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

Бракъ императрицы Елисаветы Петровны, совершенный въ величайшей тайнѣ, породилъ много толковъ и разсказовъ, которые сливаются въ легендѣ о княжнѣ Таракановой. Легенда эта вызвала цѣлую литературу. Авторъ монографіи сопоставляетъ различныя свидѣтельства, русскія и иностранныя, о загадочной судьбѣ Таракановой и критически разсматриваетъ ихъ. Онъ полагаетъ, что за дѣтей Разумовскаго приняты племянники его *Дараманы*. Фамилію *Дараманъ* придворные служители, какъ видно изъ камеръ-фурьерскихъ журналовъ, передѣляли въ *Дарамановы*, а изъ *Дарамановыхъ* петербургскіе нѣмцы, по свойству своего произношенія, сдѣлали *Таракановыхъ*, и т. д.

Не расиространяясь болѣе о содержаніи почтеннаго труда г. Васильчикова, замѣтимъ, что большую заслугу автора составляетъ и обиліе собранныхъ имъ матеріаловъ, и умѣнье представить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Онъ пользовался такого рода источниками, которые по справедливости считаются наиболѣе надежными и существенно необходимыми при разработкѣ внутренней исторіи Россіи восемнадцатаго столѣтія. Если бы авторъ только собралъ, систематически расположилъ и издалъ такое количество матеріаловъ, то и въ такомъ случаѣ книга его была бы цѣннымъ приобретеніемъ для русской литературы. Но г. Васильчиковъ, не ограничиваясь этою скромною задачею, принялъ на себя трудъ критически разсмотрѣть

и обработать собранные имъ матеріалы. Рисуя картину мнувшаго быта, онъ заимствуетъ краски для нея изъ первыхъ источниковъ не отступая отъ нихъ ни ради бѣльшей яркости, ни ради какой либо предвзятой мысли. Онъ не ставитъ героевъ своихъ на пьедесталъ и не скрываетъ темныхъ сторонъ въ тѣхъ событіяхъ и лицахъ, за которыми признаетъ высокое значеніе въ умственной и общественной жизни Россіи. Сочувствія его имѣютъ законную, исторически вѣрную основу, и едва ли можно сомнѣваться, что временщики, въ родѣ Разумовскаго, были для Россіи гораздо болѣе сносными, нежели тѣ большіе и малые Бироны, которые появлялись у насъ въ несчастную пору дворцовыхъ переворотовъ и господства иностранцевъ, нелюбившихъ Россіи и надѣлавшихъ много бѣдъ Русскому народу.

Какъ добросовѣстное и богатое собраніе матеріаловъ и какъ весьма удачный опытъ изобразить по нимъ нашъ старинный бытъ, книга г. Васильчикова заслуживаетъ радушнаго приѣма со стороны Академіи наукъ, которая всегда выражаетъ полную готовность поддержать и поощрить всякій разумный и дѣльный трудъ въ области Русской литературы и науки.

IV.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ В. УСПЕНСКАГО: „ОБРАЗОВАНИЕ ВТОРАГО БОЛГАРСКАГО ЦАРСТВА“,

составленный профессоромъ М. С. Дриновымъ.

Исторія втораго Болгарскаго царства до недавняго времени оставалась въ той первоначальной разработкѣ, въ какой была передана нынѣшнему столѣтію Райчемъ и Энгелемъ. Только въ послѣднія 10—12 лѣтъ трудами покойнаго Карла Гопфа, профессора Макушева, г. Голубинскаго, д-ра Иречка и другихъ этотъ темный періодъ Болгарской исторіи нѣсколько изслѣдованъ и освѣщенъ. Новые изслѣдователи, однако, обращали преимущественно вниманіе на внутреннія и вѣшнія отношенія уже готоваго, вполне сформированнаго втораго Болгарскаго царства и мало касались самаго рожденія его, его образованія.—Этому любопытному вопросу посвящена главная часть книги, заглавіе которой приведено выше. Разработкѣ главной своей темы авторъ предпослалъ небольшое изслѣдованіе «О состояніи Болгаріи подъ Византійскимъ игомъ». Съ этого изслѣдованія, которое составляетъ первую часть книги и занимаетъ первыя 73 страницы, мы и начнемъ разсмотрѣніе труда г. Успенскаго.

Византійское господство въ Болгаріи, обнимающее болѣе 150 лѣтъ (1018—1185), еще менѣе изслѣдовано, чѣмъ освобожденіе Болгаръ отъ Византійскаго ига, или образованіе втораго Болгарскаго царства. Мы можемъ назвать только одну серьезную попытку къ разработкѣ этого періода болгарской исторіи, именно попытку д-ра Рачкаго¹⁾, оставшуюся, къ сожалѣнію, неизвѣстной г. Успен-

¹⁾ См. въ «Rad jugoslav. akademije» XXV, XXVII, XXXI, статья: «Borba južnih slovena u XI veku.»

скому. Эту попытку, однако, вопросъ не изслѣдованъ, да и не могъ быть изслѣдованъ всесторонне. Исторія Византійскаго господства въ Болгаріи находится въ тѣснѣйшей связи въ внутреннюю исторію Византіи въ XI и XII в.в., а эта часть Византійской исторіи до сихъ поръ остается мало извѣстною.

При такомъ состояніи вопроса о Византійскомъ господствѣ въ Болгаріи нельзя было и ожидать всесторонняго его изслѣдованія въ книгѣ г. Успенскаго, гдѣ этому вопросу могло быть удѣлено весьма немного мѣста. Первою частью своей книги авторъ лишь желалъ, по видимому, оказать съ своей стороны нѣкоторое содѣйствіе къ выясненію малоизвѣстнаго періода болгарской исторіи, непосредственно примыкающаго ко времени образованія втораго болгарскаго царства. — Между матеріалами для исторіи чужеземнаго господства въ Болгаріи (1018—1185) весьма видное мѣсто занимаютъ извѣстія, находящіяся въ письмахъ Теофилакта, архиепископа болгарскаго, извѣстія, «которымъ не дано еще подобающаго мѣста между источниками Болгарской исторіи». Разработкѣ этихъ извѣстій и посвящена главнымъ образомъ первая часть книги г. Успенскаго. Авторъ задался счастливою мыслью «извлечь изъ писемъ Теофилакта содержаніе, относящееся къ вопросу о состояніи Болгаръ подъ Византійскимъ господствомъ» (стр. 2), «освѣтить факты, почерпнутые изъ писемъ Теофилакта, другими извѣстіями тогоже времени» (стр. 5) и тѣмъ «бросить нѣкоторый свѣтъ на событія конца XII в.» (стр. 2), кончившіяся образованіемъ втораго Болгарскаго царства.

Каждый, кто хоть по наслышкѣ знакомъ съ содержаніемъ писемъ Теофилакта, затрогивающимъ самыя разнообразныя стороны обыденной жизни, легко пойметъ, съ какими трудностями пришлось г. Успенскому бороться при извлеченіи помѣщенныхъ въ его книгѣ многочисленныхъ выписокъ изъ этихъ писемъ, и не будетъ, надѣемся, слишкомъ строго судить автора за то, что онъ не вездѣ одинаково удачно преодолѣлъ такъ часто попадавшіяся ему тутъ препятствія. Не смотря на встрѣчающійся иногда въ разсматриваемыхъ извлеченіяхъ несовсѣмъ удачный переводъ нѣкоторыхъ особенно трудныхъ мѣстъ, на которыя отчасти указалъ профессоръ Васильевскій (см. его замѣчательную рецензію на книгу г. Успенскаго въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1879 г. июль, августъ»), мы не затрудняемся сказать, что этими извлеченіями г. Успенскій оказалъ немаловажную услугу Болгарской исторіи. Общій смыслъ особенно важныхъ для послѣдней извѣстій Теофилакта въ переводѣ

г. Успенскаго переданъ вѣрнѣе, чѣмъ въ существующихъ латинскихъ переводахъ, которыми главнымъ образомъ пользовались изслѣдователи. Немало выиграло историческое значеніе извѣстій Теофилакта и отъ прекрасной группировки ихъ въ разбираемой книгѣ, гдѣ однородныя извѣстія болгарскаго архіепископа, взаимно дополняющія и освѣщающія одно другое, поставлены рядомъ. Вообще нужно сказать, что въ обработкѣ г. Успенскаго многія изъ извѣстій Теофилакта явились въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Укажемъ на одинъ—два примѣра. Уже давно извѣстно, что Теофилактъ, въ своихъ письмахъ, весьма часто жалуется на Византійскихъ сборщиковъ податей, которые причиняли ему большія непріятности, доводившія его до отчаянія. На эти *горькія жалобы* Теофилакта обыкновенно ссылались изслѣдователи, какъ на доказательство того, что *жизненные Византійскіе чиновники* безнаказанно грабили и разоряли Болгаръ. «Если они не щадили архіепископа», замѣчалъ еще не такъ давно професоръ Васильевскій («Византія и Печенѣги», стр. 150), «родомъ грека, человѣка, имѣвшаго важныя связи при дворѣ, то что было и что дѣлалось съ простымъ болгаринномъ?» Но довольно полное изложеніе въ книгѣ г. Успенскаго жалобъ Теофилакта показываетъ, что подобные выводы изъ нихъ дѣлались слишкомъ поспѣшно. Оказывается, что эти жалобы большею частію были вызваны личными столкновениями Теофилакта съ Византійскими чиновниками, столкновениями, въ которыхъ правда находилась не всегда на сторонѣ архіепископа. «Свѣтская власть, весьма основательно замѣчаетъ г. Успенскій, стремилась поставить въ извѣстность число церковныхъ людей и постоянно открывала на церковныхъ земляхъ бѣльшее число крестьянъ, чѣмъ какое установлено дарственными грамотами. Съ своей же стороны, высшее духовенство считаетъ нарушеніемъ исконныхъ правъ притязанія свѣтской власти узнать дѣйствительное число церковныхъ людей и старается всѣми мѣрами не допускать въ свои земли переписчиковъ» (стр. 20). Тутъ можно, однако, упрекнуть г. Успенскаго въ томъ, что онъ этимъ замѣчаніемъ и ограничилъ свою оцѣнку встрѣчающихся въ его извлеченияхъ жалобъ Теофилакта на сборщиковъ податей, писцовъ дозорщиковъ, и не счелъ нужнымъ остановиться на нихъ подробнѣе и «освѣтить ихъ другими извѣстіями тогоже времени». Да и вообще, какъ увидимъ и на слѣдующемъ примѣрѣ, г. Успенскій мало заботился объ освѣщеніи извлеченнаго имъ изъ писемъ Теофилакта важнаго историческаго матеріала. — Въ разсматриваемыхъ извлеченияхъ мы находимъ многіе отзывы Теофилакта о Болгарахъ вообще,

и въ частности объ охридянахъ и мокрянахъ (жителей области Мокры, лежавшей на западномъ берегу Охридскаго озера). Мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые изъ этихъ отзывы. *Изъ письма къ Великому Доместику:* «У Эмпедокла вражда производитъ головы безъ туловищъ, а здѣшнее безначаліе породило безчисленное множество туловищъ безъ головы. Ибо не каждый ли охридянинъ есть безголовое существо, не вѣдающее ни Бога чтить, ни человѣка» (Успенскій 13 стр.). *Изъ письма къ Паниперсевасту Врѣннио:* рассказывая о борьбѣ, которую велъ противъ него какой-то болгаринъ Лазарь (изъ париковъ), Теофилактъ замѣчаетъ: «Болгарская природа—кормилица всякой злобы» (стр. 34) ¹⁾. *Изъ письма къ Видинскому епископу:* «Команы дѣлаютъ набѣги? Но это ничто въ сравненіи съ охридянами, дѣлающими на насъ набѣги изъ столицы ²⁾; ибо кто можетъ противостоять гражданамъ?.. Что твои злодѣи въ сравненіи съ нашими мокрянами?» (стр. 44—45). *Изъ письма къ Перилептику:* «Ты самъ знаешь, каковы дѣла болгарскія: кто держитъ власть, тотъ всегда имѣетъ предъ глазами образы (идолы) войны» (стр. 31). Укажемъ еще и на любопытную и въ другомъ отношеніи жалобу архіепископа на охридянъ за то, что они не позволяютъ ему ловить рыбу въ Охридскомъ озерѣ (39 стр.).

Опредѣляя смыслъ какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ подобныхъ же отзывовъ Теофилакта о Болгарахъ, г. Успенскій въ многихъ словахъ повторилъ лишь то, что неоднократно до него высказывали на этотъ счетъ другіе изслѣдователи, не изучавшіе съ такимъ вниманіемъ, какъ онъ, переписки Теофилакта. Въ нѣкоторыхъ отзывахъ Теофилакта, по мнѣнію автора, высказывается «только брезгливость образованнаго грека и пренебреженіе его къ Болгарамъ», въ другихъ же имѣется указаніе «на рѣзкую вражду» между архіепископомъ и его паствою (стр. 11, 15 въ примѣчаніи, 30). Намъ кажется, что такую краткою и слишкомъ уже стереотипною

¹⁾ Слѣдуетъ любопытное для насъ мѣсто, которое невѣрно переведено г. У—мъ. Приводимъ его въ переводѣ г. Васильевскаго: «Какъ будто ему (Лазарю) было мало, что онъ вывелъ на войну противъ насъ въ видѣ своихъ союзниковъ жителей Охриды; онъ обходитъ другія Болгарскія области» и т. д. (Ж. М. Н. Пр. 1879, Апрель, стр. 419).

²⁾ Это упоминаніе о Куманяхъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайно любопытно. Оно доказываетъ, что еще около конца XI в. Куманамъ была известна очень удобная переправа черезъ Дунай у Видина, которая еще въ XIV в. называлась «Коумански бродъ» Petriceicu—Hasdeu: «Originile craiovei» Вусевси, 1878 16—19.

оцѣнкою разсматриваемаго историческаго матеріала г. Успенскій только умалилъ значеніе своего труда, потраченнаго на подборъ и переводъ этого матеріала. У нѣкоторыхъ изъ современныхъ Теофилакту Византійскихъ писателей находятся извѣстія, которыя сами, такъ сказать, напрашиваются на сопоставленіе съ разсматриваемыми извѣстіями Болгарскаго архіепископа. Укажемъ, напримѣръ, на замѣчаніе Кедрина (Бонское изданіе, 527 стр.) о томъ, что народъ Болгарскій трудно мирился съ Византійскимъ игомъ «и сильно домогался своего освобожденія». Укажемъ также и на извѣстіе Анны Комнины о томъ, что во время первой норманской войны Охридяне сами обратились къ Бѣзмунду съ приглашеніемъ поспѣшить занятіемъ ихъ города, чѣмъ тотъ и не замедлилъ воспользоваться (Бонск. изд. 236). И это происходило въ 1083 г., т. е. въ то время, когда, по мнѣнію г. Успенскаго, Теофилактъ уже занималъ архіепископскій престолъ въ Охридѣ. Только-что приведенныя извѣстія Анны и Кедрина, на которыя авторомъ не обращено вниманія, открываютъ, по нашему мнѣнію, въ отзывахъ Теофилакта о Болгарахъ весьма важное историческое значеніе, особенно цѣнное для историка событій конца XII в., приведшихъ къ образованію втораго Болгарскаго царства.

Въ богатыхъ содержаніемъ извлеченіяхъ г. Успенскаго изъ писемъ Теофилакта мы могли бы указать еще нѣсколько извѣстій, которыя, при освѣщеніи ихъ «другими извѣстіями тогоже времени, могли бы также бросить нѣкоторый свѣтъ на событія конца XII в., которымъ посвящена главная часть разсматриваемой книги. И мы не сомнѣваемся, что если бы авторъ обратилъ больше вниманія на эту сторону дѣла, то разбираемая первая часть его книги составила бы существенную, необходимую часть изслѣдованія объ образованіи втораго Болгарскаго царства, *была бы связана со второй частью книги органически*, а не казалась бы *какъ-бы не совсѣмъ умѣстной*, на что уже указано однимъ рецензентомъ («Критическое Обзорѣніе» 1879 г. № 10 стр. 42). Матеріалъ для такого освѣщенія извѣстій Теофилакта нашелся бы у Византійскихъ писателей XI и XII в.в., которые далеко не такъ бѣдны извѣстіями о Болгарахъ, какъ утверждаетъ г. Успенскій на 1-ой стр. своей книги. Для освѣщенія извѣстій Теофилакта можно найти весьма любопытный матеріалъ и у нѣкоторыхъ изъ западныхъ писателей XI и XII в.в., на которыхъ авторъ совсѣмъ не обратилъ вниманія, какъ увидимъ ниже.

Послѣ извлеченій изъ писемъ Теофилакта въ разсматриваемой части книги г. Успенскаго слѣдуютъ довольно обширныя выписки

изъ сочиненій другаго византійца, писавшаго въ самомъ концѣ XII в., именно Евстафія Солунскаго. Но въ этихъ выпискахъ, взятыхъ преимущественно изъ большаго сочиненія Евстафія «Объ исправленіи монашеской жизни» мы, вопреки утверженію г. Успенскаго, не нашли ни новыхъ фактовъ, ни какого-нибудь освѣщенія извѣстій Теофилакта. Здѣсь мы имѣемъ отзывы Евстафія о монахахъ, отзывы, хотя и весьма изящно выраженные, но слишкомъ стереотипные. Такого рода отзывы о монахахъ имѣются не только у писателей, жившихъ задолго до Евстафія, но и у писателей болѣе позднихъ вѣковъ, даже нашего времени. Чтобы не заходить слишкомъ далеко, укажемъ на Досифея Обродовича (+1118), а также и на жившаго около конца X в. обличителя Болгарскаго духовенства, Козьму Пресвитера. Въ выпискахъ г. Успенскаго изъ большаго сочиненія Евстафія заслуживаютъ вниманія только слѣдующія слова: «Прежніе цари придумали хорошее средство, чтобы дать монастырямъ спокойствіе. Они приставляли къ великимъ обителямъ свѣтскихъ чиновниковъ, чтобы монахи занимались божественными дѣлами, а чиновники пеклись объ многомъ... Нѣкоторые же изъ монастырей добровольно закладывались за сильныхъ лицъ, предоставляя имъ внѣшнія дѣла, какъ иски въ судахъ, сами же спокойно занимались душевнымъ строеніемъ» (стр. 62). Тутъ мы имѣемъ любопытное указаніе на обычай, который былъ распространенъ въ Византійской имперіи еще до подчиненія ей Болгаріи и противъ котораго еще въ 1028 г. на мѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ были постановлены нѣкоторыя запрещенія и ограченія ¹⁾. Но изъ словъ Евстафія не видно, былъ ли распространенъ этотъ обычай въ Болгаріи въ періодъ Византійскаго господства. — Любопытныя письма Теофилакта къ Софійскому епископу (у г. Успенскаго 47—52) даютъ скорѣе отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ по отношенію къ Софійской епархіи, въ которой было особенно много монастырей (въ настоящее время ихъ тамъ насчитываютъ около двадцати).

Переходимъ къ главнѣйшимъ выводамъ и заключеніямъ, къ которымъ авторъ пришелъ въ первой части своей книги. На стр. 57 онъ заявляетъ, что въ XII в., именно «при императорахъ Іоаннѣ и Мануилѣ Комнинахъ (1118—1180) самое имя Болгаріи и Болгарь какъ-будто изъято было изъ обращенія». Тоже самое почти дословно, только въ болѣе опредѣленномъ видѣ, повторяется и во

¹⁾ См. статью пр. Васильевскаго «Матеріалы для внутренней исторіи Византии въ XVII в.», Ж. М. Н. Пр. 1859 г. Апрель, стр. 401—405.

второй части книги г. Успенскаго, на стр. 104. Тутъ встрѣчаемъ слѣдующія рѣшительныя утвержденія: «Имя Болгарь не упоминается больше у писателей XII в., а если и встрѣчается, то не въ политическомъ и не этническомъ смыслѣ», а совершенно въ другомъ, «какъ напр. у западныхъ писателей «haeresis Bulgarorum... haereticos, quos Bulgaros vocant»... «Путешественники XII в. согласно уже называютъ Валахіей страну, входившую прежде въ область державы болгарскаго царя Симеона».—Эти слова не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, по мнѣнію г. Успенскаго, имя Болгаріи и Болгарь изъято было изъ употребленія не только у византійскихъ, но и у западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ XII в. А между тѣмъ именно у путешественниковъ и писателей западно-европейскихъ того времени мы встрѣчаемъ чаще всего упоминаніе о Болгаріи и Болгарахъ. Причина этого будетъ понятна для каждаго, если мы напомнимъ только, что XII в. есть вѣкъ крестовыхъ походовъ, большихъ и малыхъ, и что главный путь крестоносныхъ войскъ пролегалъ чрезъ Балканскій полуостровъ. Чтобъ не входить въ подробное перечисленіе всѣхъ западно-европейскихъ писателей XII в., имѣвшихъ случаи говорить о Балканскомъ полуостровѣ, мы назовемъ Альберта Аквенскаго, Реймунда Агильскаго, Роберта монаха, Петра Тудебода, Эккарда Оттона Фризингенскаго, Одо Діогильскаго, Вильгельма Тирскаго, Тагино, Ансберта. Всѣ эти и многіе другіе, современные имъ, западно-европейскіе писатели и путешественники неоднократно упоминаютъ о Болгаріи и Болгарахъ, которыхъ прямо называютъ ихъ именемъ, за исключеніемъ лишь одного, писавшаго въ самомъ концѣ XII в., Ансберта, который *имѣла* смѣшиваетъ Болгарь съ Валахами. Большинству писателей XII в., упоминающихъ о Болгарахъ, даже совсѣмъ неизвѣстно имя Валаховъ. Но что особенно любопытно и особенно невыгодно для разсматриваемаго заключенія г. Успенскаго, это то, что писатели XII в. подъ именемъ Болгаріи разумѣютъ именно «страну, входившую прежде въ область державы болгарскаго царя Симеона». Нѣкоторые изъ нихъ включаютъ въ Болгарію и г. Дурацо (Драчь) на Адриатическомъ морѣ. Такъ поступаетъ, между прочимъ, Норвежская сага, которая, повѣствуя о томъ, что Норвежскіе крестоносцы заѣзжали въ 1154 г. въ Дурацо, поясняетъ, что этотъ городъ находится «en Bolgaraland»¹⁾—Переходя къ ви-

¹⁾ Матковичъ, «Putovanja po Balkanskom poluotoku za srednjega veka». U Zagrebu 1878. 30.

зантійскимъ писателямъ XII в., мы остановимся только на трехъ изъ нихъ, ссылкой на которыхъ авторъ подтверждаетъ свое, разбираемое здѣсь, заключеніе, именно на Аннѣ Комниной, Кинамъ и Никитѣ Акоминатѣ. Анна Комнина довольно часто говоритъ о Болгарахъ, которыхъ всякій разъ и называетъ ихъ же именемъ. Имя Влаховъ у нея попадаетъ только въ двухъ мѣстахъ и, по общепринятому мнѣнію, въ обоихъ этихъ мѣстахъ разумѣются настоящіе Влахи, а не Болгаре. Если г. Успенскій понимаетъ дѣло иначе, то ему слѣдовало выставить свои основанія. Кинамъ только одинъ разъ упоминаетъ о Влахахъ, указывая, однако, при этомъ, что подъ Влахами онъ разумѣетъ людей, «которыхъ считаютъ древними итальянскими колонистами». Последнее объясненіе прямо указываетъ на то, что Кинамъ не смѣшивалъ Влаховъ съ Болгарами. Изъ поименованныхъ г. Успенскимъ византійцевъ только Никита Акоминатъ, писавшій въ самомъ концѣ XII и началѣ XIII в., дѣйствительно смѣшиваетъ Влаховъ съ Болгарами, но при этомъ нельзя сказать, чтобы Никита *старательно обходилъ имя Болгаръ*, такъ какъ онъ многократно называетъ Болгаръ ихъ собственнымъ именемъ.

Мы не совсѣмъ согласны и съ другимъ высказаннымъ здѣсь заключеніемъ г. Успенскаго, именно, что въ періодъ византійскаго господства «славянское населеніе было оттѣснено съ юга на сѣверовостокъ греческими, турецкими и еврейскими колонистами» (стр. 66—7 ср. стр. 71). Ссылки, которыми авторъ оправдываетъ это заключеніе, намъ кажутся несовсѣмъ удачными. Къ турецкимъ колонистамъ, напр., принимавшимъ участіе въ предполагаемомъ вытѣсненіи Болгаръ изъ южныхъ областей въ періодъ византійскаго господства, авторъ относитъ и Вардарскихъ турокъ (стр. 67), о которыхъ положительно извѣстно, что они жили на р. Вардарѣ около 200 лѣтъ почти до подчиненія Болгаръ Византію. Еще древнѣе еврейскія поселенія въ областяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Но кромѣ того, еврейскіе колонисты, по нашему мнѣнію, совершенно некстати упомянуты въ рассматриваемомъ утвержденіи г. Успенскаго и потому, что они жили только въ городахъ, преимущественно приморскихъ, да къ тому же были сравнительно немногочисленны, какъ показываютъ статистическія свѣдѣнія, сообщаемыя Веніаминомъ Тудельскимъ († 1173). Мы не думаемъ, чтобы и греческій элементъ слишкомъ усилился въ древнихъ болгарскихъ областяхъ въ періодъ византійскаго господства въ Болгаріи. По крайней мѣрѣ г. Успенскій не представилъ относительно этого ника-

кихъ, сколько-нибудь убѣдительныхъ, данныхъ. — На стр. 58, въ доказательство нѣкоторой эллинизации Болгаріи въ XI и XII вв., авторъ говоритъ: «Обращая вниманіе на строй, который вводятъ въ Болгаріи цари XIII и XIV вв., и встрѣчая слѣды византійскаго вліянія въ мѣропріятіяхъ правительства, въ литературныхъ памятникахъ, въ особенности же въ разнообразныхъ проявленіяхъ общественной жизни, историкъ не можетъ не относить значительную долю этого наслѣдія на періодъ подчиненія Болгаріи власти Византіи». Но это доказательство, по нашему мнѣнію, не можетъ имѣть убѣдительной силы въ виду того, что слѣды такого же византійскаго вліянія мы находимъ въ государственномъ устройствѣ, въ литературныхъ памятникахъ, а также въ разныхъ проявленіяхъ общественной жизни и перваго Болгарскаго царства.

Находя заключеніе автора объ отгѣсненіи славянскаго элемента съ юга на сѣверовостокъ «турецкими, еврейскими и греческими колонистами» въ XI и XII вв., не совсѣмъ вѣрнымъ, мы, однако вполнѣ соглашаемся съ нимъ въ томъ, что «составъ населенія Болгаріи значительно измѣнился подъ византійскимъ господствомъ» (66 стр.) и что въ этомъ дѣлѣ игралъ важную роль «переходъ за Дунай Половецкихъ и печенѣжскихъ кочевниковъ» (тамъ же). Но, къ сожалѣнію, авторъ обратилъ слишкомъ мало вниманія на печенѣжскихъ и половецкихъ колонистовъ, поселившихся въ это время въ разныхъ частяхъ Болгаріи. Мы не сомнѣваемся, что болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о печенѣжскихъ и половецкихъ поселеніяхъ въ Болгаріи не только выяснило бы нѣкоторыя стороны вопроса о положеніи Болгаръ подъ византійскимъ господствомъ, но и пролило бы нѣкоторый свѣтъ на событія, разсматриваемыя во второй части изслѣдованія г. Успенскаго, къ разбору которой мы и переходимъ.

Вторая, главная часть изслѣдованія г. Успенскаго раздѣлена на 10 главъ. Въ вступительныхъ замѣткахъ къ этой части своего труда г. Успенскій весьма основательно говоритъ: «Въ борьбѣ, начавшейся съ 1185 г. и имѣвшей результатомъ восстановление политической свободы Болгаръ, сохранившіяся извѣстія представляютъ важное значеніе не только славянскому элементу, но также турецко-татарскому и романскому. Роль послѣдняго тѣмъ любопытнѣе, что именно въ этой борьбѣ впервые выступаютъ на сцену Румыны, народъ мало замѣтный и ничѣмъ не заявлявшій о себѣ до сихъ поръ. Роль татарско-турецкаго элемента (Половцы=Куманы) также имѣетъ право на вниманіе историка: Куманы оказали весьма

цѣнную услугу Болгарамъ, подкрѣпивъ быстрыми наѣздами, сопровождавшимися грабежемъ и опустошеніями, весьма слабо на первый разъ поставленныя предводителями движенія требованія къ Византіи» (стр. 74—75). Эти слова служатъ достаточнымъ оправданіемъ рѣшенія автора начать изслѣдованіе главнаго своего вопроса съ Половцевъ и Румынъ, которымъ и посвящены начальныя двѣ главы второй части, именно: первая — Половцамъ, вторая — Валахамъ.

Вопроса о родствѣ Половцевъ съ Татарами и Турками касался не такъ давно профес. Васильевскій, въ извѣстной статьѣ «Византія и Печенѣги». Въ этой статьѣ указана и важная роль, которую Половцы въ свое время играли въ исторіи европейскаго востока и Азии. Профес. Васильевскій представилъ тутъ и превосходную характеристику степняковъ, оказавшихъ Болгарамъ важную услугу ¹⁾. Этими общимъ вопросамъ о Половцахъ посвящена и большая часть главы, которую начинается вторая часть изслѣдованія г. Успенскаго. Изъ болѣе специальныхъ и менѣе изслѣдованныхъ вопросовъ о Половцахъ вниманіе автора здѣсь остановилъ на себѣ лишь вопросъ о постепенномъ распространеніи «хищниковъ» къ западу отъ Дона по направленію къ нижнему Дунаю. Относительно этого вопроса авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы, которые мы передаемъ его же словами: «Послѣ Мономаха... половцы снова усилились, овладѣвъ теченіемъ Днѣпра. Скоро за тѣмъ не только южная Русь, но и вся полоса отъ Дона до Дуная сдѣлалась достояніемъ половцевъ... Загородивъ Русь отъ Дуная и оторвавъ ее отъ Чернаго моря, половцы заняли всѣ пути, которыми сносилась Русь съ Византіей и держали первую въ постоянномъ страхѣ. То было время, когда по землѣ сѣялись и росли усобицы, и въ княжихъ крамолахъ сокращался вѣкъ людской, когда въ русской землѣ рѣдко слышались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля себѣ трупы, часто говорили свою рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу» (стр. 79—80). Нѣсколько ниже г. Успенскій точнѣе выражается о времени приближенія Половцевъ къ Дунаю. Упомянувъ о пораженіи Сѣверскихъ князей въ 1185 г. и о плѣнѣ князя Игоря, онъ продолжаетъ: «Еслибы русская лѣтопись и не отмѣтила того факта, что въ ближайшее за тѣмъ время половецкій напоръ, минуя русскіе предѣлы, направился къ югозападу, мы имѣли бы несомнѣнное право

¹⁾ Эту характеристику г. Васильевскій дополнилъ въ другомъ изслѣдованіи «Изъ исторіи Византіи въ XII в.» Славянскій Сборникъ т. II, стр. 219—223.

сдѣлать выводъ объ ослабленіи движенія на Днѣпрѣ и Дону изъ разсмотрѣнія событій, которыя происходили, или собственно подготовлялись на Дунаѣ. Но лѣтопись нѣсколько разъ объясняетъ успѣхъ русскихъ въ степи именно такъ: «Половцы были на Дунаѣ, половецкихъ вежъ не нашли». «Тое же зимы (6695 г.) сдумавъ Святославъ со сватомъ своимъ съ Рюрикомъ, посласта Черны Клобукъ на вѣжа за Днѣпръ, и Романа Нѣздиловича воеводою, и взяша вѣжа за Днѣпромъ и возвратишася во свояси, со славою и честию великою: Половци бо бяхуть шли въ Дунай, и не бѣ ихъ дома въ вѣжахъ своихъ» (стр. 80—81).—И такъ, по мнѣнію автора, Половецкая орда придвинулась къ Дунаю около 1185 г., т. е. около самаго начала борьбы Болгаръ за независимость.

На болѣе раннихъ появленіяхъ Половцевъ на нижнемъ Дунаѣ и на Балканскомъ полуостровѣ, на ихъ сношеніяхъ съ Болгарами въ XI и XII вв. г. Успенскій почему-то не счелъ нужнымъ остановиться, не смотря на то, что объ этомъ имѣются любопытныя извѣстія у писателей XI и XII вв., какъ византійскихъ, такъ и западныхъ. Между этими извѣстіями есть и такія, которыя указываютъ на весьма раннія дружественныя отношенія между Болгарами и Куманами. Укажемъ, напримѣръ, на извѣстіе Атталоуты о томъ, что въ царствованіе Никифора Вотаниата (1077—1081) болгаринъ Добромиръ изъ Месемвріи вступалъ съ Печенѣгами и Куманами въ сношенія, наущая ихъ противъ Византійцевъ. Въ 1096 г. Куманы, вмѣстѣ съ Печенѣгами и Болгарами, по свидѣтельству Реймонда Агильскаго, безпокоили крестonosное войско Реймунда Тулузскаго по пути между Драчемъ и Родосто. Такого рода извѣстія, встрѣчающіяся и у нѣкоторыхъ другихъ писателей, доказываютъ, что еще за 100 лѣтъ до начала болгарскаго возстанія Куманы уже были хорошо знакомы съ Болгарами и съ того времени постоянно находились съ ними въ сношеніяхъ, если не всегда дружественныхъ, то и не постоянно враждебныхъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, на чемъ слѣдовало г. Успенскому сосредоточить главнымъ образомъ свои изслѣдованія въ главѣ о Куманахъ. Въ такомъ случаѣ онъ могъ бы нѣсколько освѣтить ту роль, которую Куманы играли въ основаніи втораго Болгарскаго царства. Не коснувшись этой стороны дѣла, авторъ оставляетъ читателя въ недоумѣніи, какимъ образомъ могло такъ легко состояться *военное братство* между Половцами и Болгарами, — братство, о которомъ говорится на 133 стр. разбираемой книги и которому Половцы оставались вѣрными во все время войны Болгаръ за независимость.

Недостатокъ, замѣченный нами въ главѣ, посвященной г. Успенскимъ Половцамъ, повторяется и въ слѣдующей главѣ, въ которой рѣчь идетъ о Валахахъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь мы встрѣчаемъ слишкомъ подробныя разсужденія о вопросахъ, не столь важныхъ для историка Болгаріи, и не находимъ никакого почти упоминанія о предметахъ, имѣющихъ для такого историка первостепенное значеніе. Въ главѣ о Валахахъ нашъ историкъ главнымъ образомъ обратилъ вниманіе на вопросъ «о происхожденіи Румынъ Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи». Тутъ имъ мастерски изложены и подтвергнуты сравнительной оцѣнкѣ существующія по этому вопросу противорѣчивыя мнѣнія Реслера, Юнга, Томашека. При этомъ (на стр. 101) онъ заявляетъ, что не сѣверные Румыны, а южные Валахи (балканскіе) принимали участіе «въ событіяхъ, сопровождавшихся освобожденіемъ Болгаріи отъ власти Византіи». Но объ этихъ Валахахъ въ разсматриваемой главѣ мы не находимъ ни слова. Повидимому г. Успенскій и не совсѣмъ знакомъ со всѣми древнѣйшими извѣстіями, касающимися южныхъ Валаховъ. Тѣмъ не менѣе онъ вступаетъ въ полемику съ «румынскими патріотами», приписывающими валашскому элементу въ борьбѣ Болгаръ за независимость преимущественное значеніе, доказывающими, что и самая династія Асѣней была румынскаго происхожденія. Авторъ опровергаетъ теорію румынскихъ патріотовъ лишь общими соображеніями, изъ коихъ нѣкоторыя весьма основательны. Такими доводами, впрочемъ, врядъ ли можно поколебать румынскую теорію, которая въ послѣднее время приобрѣла себѣ новаго поборника въ лицѣ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Гёфлера¹⁾. Соображенія г. Успенскаго тѣмъ менѣе могутъ имѣть убѣдительную силу для приверженцевъ румынской теоріи, что въ нихъ иногда попадаются такія обмолвки и противорѣчія, которыя прямо обнаруживаютъ недостаточное знакомство автора съ фактической стороною вопроса. Эта слабая сторона доводовъ автора превосходно выяснена въ рецензіи проф. Васильевскаго²⁾. Намъ кажется, однако, что г. Васильевскій не совсѣмъ правъ, считая невѣрною и самую постановку въ книгѣ г. Успен

¹⁾ См. его статью: «Abhandlungen aus dem Gebiete der slavischen Geschichte» *Sitzungsbereichte der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften. Philos. - Histor. Cl. Wien*, 1879, Juli.

²⁾ Страницы (173—182), посвященныя въ рецензіи проф. Васильевскаго разсматриваемому вопросу, появились и на нѣмецкомъ языкѣ въ «*Arch. für Slav. Phil.*» IV, 4.

скаго вопроса о происхожденіи династіи Асѣней. Мы не можемъ согласиться съ ученымъ рецензентомъ въ томъ, что «Никита Акминатъ выразительно и прямо, слѣдов., и вполне сознательно обозначаетъ двойственность элементовъ, участвовавшихъ въ возстаніи, отдаетъ обоимъ должное и могъ бы въ этомъ отношеніи служить, пожалуй, примѣромъ и образцомъ и для новыхъ изслѣдователей» (стр. 176). Примѣры, которые приводитъ г. Васильевскій изъ исторіи Никиты въ подтвержденіе своихъ словъ, опровергають утвержденіе г. Успенскаго, будто Никита «старательно обходитъ имя Болгаръ, замѣняя его выраженіемъ: Мизійцы или Валахи» (стр. 104). Но эти примѣры г. Васильевскаго не даютъ еще права къ такому заключенію, которое такъ рѣшительно высказано имъ въ вышеприведенныхъ его словахъ, такъ какъ въ исторіи Никиты можно найти довольно много другихъ примѣровъ, которые до известной степени говорятъ въ пользу утвержденія г. Успенскаго. Слишкомъ большая увѣренность въ умѣнья Никиты отличать Болгаръ отъ Валаховъ привела ученаго рецензента къ совершенно новой постановкѣ занимающаго насъ здѣсь вопроса. «По нашему мнѣнію, говоритъ г. Васильевскій, нужно признать... и то, что предводители возстанія вели свой родъ отъ прежнихъ (Прѣславскихъ?) царей, и то, что они въ известномъ смыслѣ были Влахами» (стр. 179). Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, г. Васильевскій придумалъ для него и рѣшеніе. Оно основано на двухъ, почерпнутыхъ изъ известной книги Раковскаго («Нѣколко рѣчи о Асѣню првому»), известіяхъ, въ которыхъ говорится, что Асѣнь и Петръ «были отъ рода царскаго, внуци Гавріила, сына Самойлова, что «они жили во Влахіи», гдѣ былъ заточенъ Самуиломъ еще отецъ Асѣня, Гавріиль, и откуда были призваны Болгарами (патріархомъ) для обновленія царства Болгарскаго. На основаніи этихъ известій, содержащихъ будто бы «отголоски національнаго болгарскаго историческаго преданія», г. Васильевскій рѣшаетъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «Петръ и Асѣнь были потомки прежнихъ болгарскихъ царей, выросшіе среди валахскаго населенія, въ такой мѣстности Болгаріи, гдѣ оно преобладало, вслѣдствіе того усвоившіе языкъ этого племени и т. д. Они могли считаться и Валахами, и Болгарами, могли обращаться къ тѣмъ и другимъ, какъ къ своимъ родичамъ и т. п.» (стр. 181). Мы не можемъ согласиться съ такимъ рѣшеніемъ вопроса. Известія, на которыхъ оно основано, не заключаютъ въ себѣ никакихъ отголосковъ народнаго болгарскаго преданія. Они попали въ книгу Раковскаго изъ известной книги

іеромонаха Паисія ¹⁾, и, по нашему мнѣнію, въ нихъ мы имѣемъ не болѣе, какъ домыслы, если не самаго Паисія, то непременно какого-нибудь его предшественника, домыслы, построенные не совсѣмъ складно на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ книгъ, а не изъ народныхъ преданій. По нашему мнѣнію, и самая постановка вопроса у г. Васильевскаго не совсѣмъ правильна. Мы скорѣе готовы согласиться съ г. Успенскимъ, полагающимъ, что невѣрное мнѣніе о румынскомъ происхожденіи династіи Асѣней держится на несправедливомъ отрицаніи приверженцами румынской теоріи смѣшенія какъ у Никиты, такъ и у нѣкоторыхъ его современниковъ, имени Болгарь съ именемъ Влаховъ. И намъ кажется, что окончательнаго рѣшенія спорнаго вопроса можно ожидать лишь послѣ удовлетворительнаго объясненія причинъ этого смѣшенія и поводовъ къ нему.

Указанные нами недостатки первой и второй главы главной части изслѣдованія г. Успенскаго объясняются до извѣстной степени, быть можетъ, тѣмъ, что авторъ слишкомъ торопился приступить къ разсмотрѣнію главнаго вопроса—борьбы за независимость, къ чему манили его выдвинутые имъ новые матеріалы для исторіи этой любопытной борьбы.

Третья глава посвящена подробному анализу одного неизданнаго и двухъ хотя и изданныхъ, но еще не употребленныхъ надлежащимъ образомъ въ дѣло документовъ, относящихся къ началу возстанія Болгарь, извѣстія о которомъ до сихъ поръ черпались исключительно изъ «Исторіи» Никиты Акомината. Документы эти слѣдующіе: 1) *Слово* (неизданное) *Никиты Акомината*, составленное по случаю бракосочетанія Исаака Ангела съ Угорской принцесой, 2) *Панегирикъ*, произнесенный Аѳинскимъ митрополитомъ Михаиломъ Акоминатомъ въ честь тогоже Исаака Ангела, и 3) *Извѣстительное посланіе* къ патріарху и синоду, составленное Никитою Акоминатомъ, сопутствовавшимъ императору Исааку въ походѣ на Болгарь.

На основаніи добытыхъ г. Успенскимъ новыхъ данныхъ, въ четвертой главѣ излагается начало возстанія и первый періодъ борьбы за независимость. Новые матеріалы дали автору возмож-

¹⁾ Вотъ какъ читаются эти «извѣстія» въ одномъ принадлежащемъ мнѣ спискѣ Паисіевой исторіи. На листѣ 42: «Болгары изгнаи Гаврила сына Самонлева въ Влахію»... На листѣ 47: «Патріархъ по повеленію Божию призвалъ Ясена и Петра брата его отъ Влахію: были отъ рода царска внуцы гаврилови, сии Самойлови, що былъ изгнать, якоже речесе, въ Влахію»...

ность исправить смутныя сказанія исторіи Никиты Акомината, по которымъ доселѣ излагался ходъ борьбы. Въ особую заслугу тутъ можно поставить автору выясненіе важнаго значенія, которое имѣло для Болгарскихъ дѣлъ возмущеніе Византійскаго полководца Алексѣя Враны, отправленнаго съ военными силами имперіи противъ возставшихъ Болгаръ. Исслѣдованіе г. Успенскаго не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что «заговоръ Враны былъ благопріятнымъ для Асѣней обстоятельствомъ, которое дало имъ возможность лучше организовать возстаніе и подкрѣпить свои силы частію превращенцевъ павшаго генерала». Высказанное тутъ авторомъ предположеніе о существованіи связи между дѣломъ Враны и Болгарскимъ движеніемъ, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Г. Успенскій не нашелъ однако въ своихъ новыхъ матеріалахъ какихъ-нибудь новыхъ указаній, которыя бы дали возможность исправить извѣстныя сказанія Никиты о ближайшихъ и непосредственныхъ причинахъ возстанія Болгаръ. По этому вопросу авторъ предлагаетъ кое-какія соображенія, которыя намъ показались неполными и односторонними.

Указывая, напримѣръ, на войну Нормановъ (Вильгельма, короля Сицилійскаго) съ Византіей въ 1185 г., авторъ говоритъ: «Нашествіе Нормановъ не могло не сопровождаться разнообразными потрясеніями установленнаго строя не только въ тѣхъ областяхъ, которыя подвергались временному занятію, но и въ сопредѣльныхъ. Населеніе селъ и деревень разбѣжалось въ горы и гѣса, куда не могли проникнуть непріатели... Бѣжавшіе изъ южной Македоніи Славяне были первыми вѣстниками той молвы, которая облетѣла Болгарію и которую воспользовались предводители Болгарскаго движенія, что великомученикъ Дмитрій покинулъ Солунь и переселился къ Болгарамъ, дабы, по повелѣнію Божию, быть имъ помощникомъ и сотрудиномъ въ борьбѣ съ Ромеями, оставленными божествомъ» (стр. 126—7). Но, признавая за норманскимъ походомъ, задѣвшимъ только самыя югозападныя Болгарскія окраины, такое значеніе для возстанія въ сѣверовосточной Болгаріи, авторъ ни слова не говоритъ тутъ о происходившей въ это время войнѣ между Византіей и Уграми, въ союзѣ съ которыми дѣйствовали Сербы. Захвативъ придунайскіе города — Бѣлградъ, Браничево, Угры во время этой войны черезъ Нишъ заходили далеко вглубь Болгаріи, до самой Софіи, откуда мощи св. Іоанна Рыльскаго были увозимы тогда на нѣкоторое время въ Угрію, именно въ Гранъ. Движеніе Угровъ къ

Софіи происходило въ 1183 г., но что враждебныя дѣйствія ихъ противъ Византіи продолжались и послѣ этого года, въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія то обстоятельство, что нѣкоторые изъ захваченныхъ ими Византійскихъ городовъ (Бѣлградъ, Браничевъ) оставались въ ихъ рукахъ до заключенія родственнаго и политическаго союза между новымъ императоромъ, Исаакомъ и королемъ Белою, что произошло въ началѣ 1186 г. О походѣ Угровъ мы имѣемъ славянскія сказанія—сербскія и болгарскія; послѣднимъ, находящимся въ житіи Іоанна Рыльскаго, мы придаемъ особое значеніе, не сомнѣваясь, что они попали въ житіе изъ какого-нибудь современнаго походу сказанія или записи. На связь болгарскаго возстанія съ угорско-сербскимъ движеніемъ противъ Византіи, по нашему мнѣнію, прямо указываетъ и то обстоятельство, что еще въ первые годы борьбы Болгаръ за независимость Сербы являются ихъ союзниками. Умолчаніе о враждебныхъ отношеніяхъ Угровъ и Сербовъ къ Византіи и о вторженіи ихъ во внутреннія области Болгаріи тѣмъ менѣе извинительно г. Успенскому, что, по его мнѣнію, болгарское возстаніе предшествовало бракосочетанію Исаака, т. е. началось въ то время, когда непріязненныя отношенія Угровъ и Сербовъ къ Византіи еще продолжались.

Пятая глава безспорно принадлежитъ къ самымъ удачнымъ мѣстамъ изслѣдованія г. Успенскаго. Здѣсь прежде всего хорошо выяснены причины принятаго Уграми враждебнаго отношенія къ южно-славянскому движенію, получившему совершенно неожиданно для нихъ слишкомъ широкіе размѣры. Превосходно обрисованы и отношенія Фридриха Барбаросы, во время перехода его чрезъ Балканскій полуостровъ, къ Византіи и къ вождямъ южно-славянскаго движенія— Стефану Неманю, Асѣнѣ и Петру. Изслѣдованія г. Успенскаго бросили яркій свѣтъ не только на результаты, достигнутые Болгарами къ 1189 г., но и на слишкомъ смѣлую програму болгарскихъ вождей относительно будущихъ ихъ дѣйствій. Впрочемъ—тутъ пропущены авторомъ нѣкоторыя, хотя и незначительныя, но не безъ интересныя извѣстія. Не упомянуто о сербскомъ посольствѣ, пріѣзжавшемъ въ Германію къ Фридриху Барбаросѣ съ изъясненіемъ радости сербскаго великаго жупана по случаю предпринимаемаго императоромъ крестоваго похода и съ извѣщеніемъ о томъ, что Стефанъ Неманя готовитъ торжественную встрѣчу крестonosному войску въ городѣ Нишѣ. — Говоря о переговорахъ которые Фридрихъ Барбароса велъ изъ Филиппополя съ византійскимъ императоромъ, авторъ, повидимому, совершенно опу-

стиль изъ виду одинъ изъ мотивовъ, которыми Исаакъ Ангель оправдывалъ свое недовѣріе къ крестоносцамъ. Исаакъ между прочимъ заявлялъ, что, по полученнымъ имъ извѣстіямъ отъ королей французскаго и англійскаго, а также отъ византійскаго правителя въ Браничевѣ, Нѣмцы намѣрены подчинить себѣ Грековъ и корону Болгарскую возложить на голову Швабскаго герцога ¹⁾).

На стр. 149, касаясь извѣстія Ансберта о томъ, что отрядъ крестоносцевъ, отправившійся къ югозападу отъ Филиппополя, нечаянно попалъ на какого-то жупана или сатрапа Болгарскаго (*jurani vel satrapum Bulgariae*), г. Успенскій высказываетъ предположеніе, что этотъ жунанъ или сатрапъ есть одно и тоже лицо съ извѣстнымъ Болгарскимъ вождемъ Хризомъ или Стрѣзомъ, который около десяти лѣтъ спустя, по удаленіи крестоносцевъ съ Балканскаго полуострова, фигурировалъ въ качествѣ полунезависимаго князя въ Македоніи, именно въ той области, гдѣ находятся города Струмица и Просѣкъ. Это предположеніе мы считаемъ неосновательнымъ, о чемъ будемъ имѣть случай говорить подробнѣе.

На стр. 144, гдѣ идетъ рѣчь о движеніи крестоносцевъ чрезъ Софію къ Филиппополю, авторъ замѣчаетъ, что крестоносцы двигались къ *Македоніи*. Если слово «Македонія» употреблено тутъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ источникахъ, то оно совершенно умѣстно. Но въ такомъ случаѣ нужно было пояснить дѣло читателю, который безъ такого поясненія весьма легко можетъ подумать, что Фридрихъ Барбароса заходилъ и въ страну, которую въ настоящее время называютъ Македоніей, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Въ шестой главѣ излагается исторія движенія на Балканскомъ полуостровѣ отъ 1190 по 1196 г. Мы не можемъ согласиться съ высказаннымъ въ началѣ этой главы предположеніемъ, что въ 1189—90 г.г. Болгаре «едвали стояли въ открытой войнѣ съ Византійцами» (стр. 153). Неоднократныя обращенія Болгаръ къ Фридриху Барбаросѣ въ это время съ предложеніемъ союза противъ Византіи, заявленная ими готовность выставить къ веснѣ 1190 г. 40,000 Болгаръ и Половцевъ въ подкрѣпленіе Германскому императору, отъ котораго, въ замѣнъ этой помощи, просили обезпечить за Петромъ императорскій титулъ, едвали оправдываютъ такое предположеніе. Но кромѣ того, въ исторіи Никиты Акомината прямо говорится о томъ, что Влахи (Болгаре) и Скиевы (Половцы) въ это

¹⁾ Матковичъ. *Putovanja po Balkanskom poluotoku etc.* 65, 75, 76.

время огнемъ и мечемъ опустошали владѣнія имперіи. Такое же указаніе мы находимъ и въ одномъ изъ неизданныхъ словъ Никиты, выдержку изъ котораго г. Успенскій приводитъ на 155 стр. своей книги. Въ виду этихъ указаній мы не сомнѣваемся, что Болгаре воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ для нарушенія Ловченскаго мира и для расширенія своихъ владѣній на счетъ Византіи, постановленной въ затруднительное положеніе походомъ Фридриха Барборосы. Это-то обстоятельство и заставило императора Исаака Ангела предпринять походъ противъ Болгаръ сейчасъ же послѣ того, какъ его отношенія къ Фридриху уладились, весною 1190 г. Самый походъ, о ходѣ и гибельномъ для Византіяцевъ исходѣ котораго не упоминають другіе памятники, г. Успенскій подробно описываетъ по исторіи Никиты Акомината, при чемъ останавливается на нѣкоторыхъ топографическихъ опредѣленіяхъ, съ которыми мы не совсѣмъ согласны. Если допустить съ авторомъ, что «Греки прошли въ Болгарію однимъ изъ самыхъ восточныхъ проходовъ, на Анхіялъ къ Варнѣ» (стр. 157), то трудно согласиться, что они во время этого похода, не продолжавшагося и двухъ мѣсяцевъ, могли успѣть подойти къ Тернову, откуда г. Успенскій заставляеть ихъ идти обратно къ Вероѣ (Эски-Загрѣ) ханн-кѣйскимъ проходомъ, получившимъ громкую извѣстность въ послѣднюю русско-турецкую войну. При тѣхъ природныхъ и искусственныхъ укрѣпленіяхъ, на которыя Византіяцы, къ изумленію своему, наткнулись при самомъ вторженіи своемъ въ Болгарію, при тѣхъ отчаянныхъ нападеніяхъ, которыя дѣлали на нихъ на каждомъ шагу Болгаре съ своихъ неприступныхъ горъ, трудно допустить, чтобы императоръ Исаакъ въ столь короткое время могъ совершить такой длинный путь по горнымъ частямъ Болгаріи.

Относительно дальнѣйшихъ событій болгаро-византіяскихъ отношеній въ исторіи Никиты сообщаются крайне скудныя и неясныя свѣдѣнія, смыслъ которыхъ таковъ. *Влахи (Болгаре), ободренные одержанною побѣдою, не довольствовались болѣе опустошеніемъ полей и селъ, но начали нападать и на укрѣпленные города, — захватили, на востокъ, крѣпости Анхіялъ и Варну, а на западъ — Сардыку (Софію), Стобъ, доходимы и до Ниша. Императоръ осенью прибылъ въ Филиппополь, куда была переведена и женская половина двора, и отсюда отражалъ набѣги Влаховъ (Болгаръ) и Скивовъ (Половцевъ). Онъ предпринималъ походъ и противъ сербскаго жупана, доходившаго тогда до Скопья, и одержавъ надъ нимъ побѣду на р. Моравъ, имѣлъ на р. Савъ свиданіе съ своимъ тестемъ, угорскимъ королемъ. Пробивъ*

съ послѣднимъ нѣскольکو времени, императоръ возвратился въ Филиппополь, минуя балканскіе проходы. — Этотъ сухой разсказъ исторіи Никиты, слегка затрогивающій цѣлый рядъ событій, о которыхъ до сихъ поръ не имѣлось другихъ извѣстій, служилъ камнемъ преткновенія для изслѣдователей, которые вообще полагали, что тутъ соединены въ одну кучу событія нѣсколькихъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ 4 или 5. Нѣкоторыя изъ встрѣчающихся въ этомъ разсказѣ указаній казались даже невѣроятными и вслѣдствіе того или оставлены были безъ всякаго вниманія, или же служили поводомъ къ разнымъ догадкамъ, болѣе или менѣе остроумнымъ. При такомъ положеніи дѣла каждый легко пойметъ, какую услугу оказалъ г. Успенскій, внесши въ свое изслѣдованіе нѣсколько весьма важныхъ, частію малоизвѣстныхъ, частію совершенно новыхъ документовъ, проливающихъ яркій свѣтъ на занимающія насъ событія. Изъ этихъ документовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе два: 1) неизданное слово Никиты Акомината, произнесенное по случаю военныхъ дѣйствій императора Исаака въ Сербіи, и 2) слово Евстафія Солунскаго, произнесенное въ Филипполѣ въ 1191 г. Въ словѣ Никиты заключаются нѣкоторыя подробности о походѣ Исаака противъ Сербовъ. Мы считаемъ нужнымъ привести, съ нѣкоторыми сокращеніями, сообщаемый г. Успенскимъ отрывокъ изъ этого слова: «Какъ женихъ, говоритъ ораторъ, обращаясь къ императору, исходящій изъ чертога своего, свѣтлыми лучами ты разогналъ алеманскую силу, вытѣснивъ ее изъ ромейскихъ предѣловъ; обратившись затѣмъ къ сѣверу, ты оживилъ наши тамошнія дѣла, какъ бы оцѣпенѣвшія отъ варварскихъ нападений. Бросивъ свой жгучій лучъ на балканскихъ отступниковъ, ты ослѣпилъ ихъ. Племя отступническое, поднявшее на тебя руки, и скиены, полагающіеся на свой лукъ, какъ змѣи или мыши попрыгали въ подземныя пещеры. Затѣмъ ты прошелъ на западъ, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія и, какъ огонь всепожирающій, явился передъ несчастнымъ далматинцемъ. Неманя, склонный на всякую злобу, растаялъ какъ воскъ и просилъ на концѣ пальца утолить его жажду. Сложивъ съ-себя символы власти и обнаженный отъ господства надъ далматами, онъ пришелъ коснуться прекрасныхъ ногъ твоихъ и пытался ослабить удары неумолимой сѣкиры твоей, посланной на него съ неба» (166 стр.). Слово Евстафія, въ которомъ также упоминается о сербскомъ походѣ, еще важнѣе для уясненія хода славянскаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ въ разсматриваемый періодъ времени. Весною 1191 г., именно во время

Пасхи, Филиппополь подвергался нападеніямъ со стороны Куманъ ¹⁾. Два отряда хищниковъ были прогнаны византійскими войсками, при чемъ въ дѣлѣ принималъ участіе и самъ императоръ Исаакъ, находившійся тогда въ Филиппополѣ. Это-то обстоятельство и вызвало слово Евстафія, который тутъ, обращаясь къ императору, говоритъ: «Я былъ пораженъ ужасомъ въ ту ночь, когда ты, оставъ отъ сна, сражался во спасеніе наше съ непріятелями, которые, пользуясь темнотою ночи, разбойнически опустошали страну по ту сторону рѣки (конечно, Марицы). Я не могъ еще выйдти изъ оцѣпенѣнія, въ которое былъ погруженъ, и не прошло еще полныхъ четырехъ дней, какъ тебя призвалъ новый и тяжкій подвигъ. Ибо скиескій (куманскій) отрядъ, переправившись черезъ рѣку въ другомъ мѣстѣ, замышлялъ сдѣлать нѣчто страшное. Онъ воспользовался такимъ же временемъ, что и прежде, т. е. темною ночью съ проливнымъ дождемъ и ужаснымъ вѣтромъ. . . И на этотъ разъ ты надѣлъ вооруженіе и сталъ во главѣ отряда. И я не могу изъяснить даже теперь, въ какомъ страхѣ всѣ были; и было чего страшиться! Боялись всѣ тѣ, которые размышляли о несчастіяхъ войны; но были и спокойные, это тѣ, которымъ извѣстна была царская распорядительность, сила и мужество». За описаніемъ филиппопольскихъ подвиговъ, ораторъ дѣлаетъ намекъ на сербскія дѣла. «Чего же теперь ждать имъ (врагамъ имперіи), когда они знаютъ, какъ недавно поправа императоромъ сербская сила и надменность? Стоило бы имъ взглянуть на эту землю, за годъ передъ тѣмъ стѣсненную великимъ народомъ, тѣми тяжкими бѣдствіями, причиненными алеманнами, суровымъ народомъ полчищемъ непобѣдимымъ и коварнымъ. . ., нынѣ же освобожденную отъ него царскимъ промышленіемъ и многимъ смысломъ, и мужествомъ» (стр. 162—3). Въ приведенныхъ выпискахъ изъ внесенныхъ г. Успенскимъ въ его изслѣдованіе новыхъ документовъ заключаются драгоцѣнныя данныя для опредѣленія сербскаго похода. На основаніи этихъ данныхъ г. Васильевскій въ своей рецензіи (стр. 199) нашелъ точную дату этого похода, который несомнѣнно происходилъ осенью 1190 г., вскорѣ послѣ неудачнаго похода Исаака противъ Болгаръ.—Набѣги Половцевъ на Филиппополь, вызвавшіе рѣчь Евстафія, и происходившіе во время праздника Пасхи 1191 г., значить почти

¹⁾ Г. Успенскій ошибочно относитъ произнесеніе рѣчи, а равно и вызвавшіе ее куманскіе набѣги на Филиппополь, къ концу 1191 г. (стр. 164—5). Эта ошибка исправлена въ рецензіи профессора Васильевского (стр. 201—2).

черезъ полгода послѣ сербскаго похода, г. Васильевскій при этомъ весьма основательно отождествляетъ съ набѣгами Валаховъ и Скавовъ на этотъ же городъ, извѣстіе о которыхъ (набѣгахъ), какъ мы видѣли, помѣщено въ исторіи Никиты передъ краткой замѣткой его о сербскомъ походѣ, т. е. не на своемъ мѣстѣ. Извѣстіе Евстафія о набѣгахъ Половцевъ на Филиппополь въ 1191 г., по нашему мнѣнію, имѣетъ особое значеніе, такъ какъ оно бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на одно, особенно любопытное для болгарской исторіи мѣсто въ вышеприведенномъ сухомъ разсказѣ исторіи Никиты. Для насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что болгарско-куманскіе отряды, явившіеся весною 1191 г. подъ Филиппополемъ и послѣ перваго отраженія ихъ, снова прибывшіе черезъ четыре дня пытать счастье подъ стѣнами временной резиденціи императора, имѣли, такъ сказать, своимъ операціоннымъ базисомъ не Балканскія горы, которыя отдѣлены отъ Филиппополя обширной равниной, а западную часть такъ называемой Средней горы, окружающую Филиппопольскую равнину съ сѣверозапада и отдѣляющую ее отъ Софійской долины. Весьма вѣроятно, что въ названіи «Куманичево», какое носила еще въ XV вѣкѣ одна мѣстность на этой части Средней горы¹⁾, мы имѣемъ слѣдъ отъ куманъ, съ которыми императоръ Исаакъ имѣлъ дѣло подъ Филиппополемъ. Какъ бы то ни было, но появленіе болгарскихъ и куманскихъ отрядовъ подъ Филиппополемъ въ 1191 г., можетъ служить доказательствомъ того, что въ это время и Софійская долина была уже доступна ихъ набѣгамъ. Тутъ мы имѣемъ подтвержденіе извѣстія Никиты (исторіи) о томъ, что вскорѣ послѣ одержанной побѣды надъ императоромъ Исаакомъ въ 1190 г. Болгаре заняли Софію. Занятіе этого города, который лежитъ на дорогѣ, ведущей изъ Филиппополя въ Сербію, повидимому, произошло сейчасть же послѣ возвращенія Исаака изъ сербскаго похода. Любопытное замѣчаніе Никиты (исторіи) о томъ, что Исаакъ на своемъ обратномъ пути изъ Сербіи шелъ необыкновеннымъ путемъ, а миновавъ Балканскіе проходы, указываетъ, быть можетъ, на то, что еще тогда примыкающая къ Софіи часть Балканскихъ горъ была уже объята болгарскимъ движеніемъ. Принявъ въ соображеніе, что городъ Стобъ, который тогда тоже перешелъ въ руки Асѣней, находится къ югу отъ Софіи, по ту сторону горы Витоши, у верховьевъ рѣки

¹⁾ Чолаковъ, «Описаніе на село Панигюрище» Цариградъ 1866, стр. 14.

Струмы ¹⁾, мы легко поймемъ ходъ болгарскаго движенія по р. Струмѣ въ окрестностяхъ Сѣра и даже Амфиополя въ 1193—5 г.г., движенія, о которомъ также находимъ лишь смутныя извѣстія въ исторіи Никиты.

Вотъ какое освѣщеніе даютъ, по нашему мнѣнію, введенные въ изслѣдованіе г. Успенскаго новыя памятники движеніямъ на Балканскомъ полуостровѣ отъ 1190 по 1196 г. Г. Успенскій, какъ намъ кажется, не совсѣмъ удачно воспользовался своими драгоценными памятниками. За сербскимъ походомъ императора Исаака онъ оставилъ общепринятую почти дату, именно 1193 годъ, не смотря на то, что памятники его такъ явственно изобличаютъ ошибочность этой хронологіи. Имъ не обращено вниманія и на значеніе важнаго извѣстія Евстафія о куманскихъ набѣгахъ на Филиппополь въ 1191 г. Не удивительно послѣ этого, что краткая замѣтка Никиты (исторіи) о томъ, что Болгаре въ 1190 или 1191 г. доходили до Софіи и Стоба, показалась автору странною (стр. 161). Эту мнимую странность онъ старается объяснить предположеніемъ, что движеніе къ Софіи и Стобу предпринято было если не Сербами (которыхъ, значить, Никита здѣсь смѣшалъ съ Болгарами), то Болгарами Хриза (стр. 161), о дѣятельности котораго высказано въ разсматриваемой главѣ, нѣсколько весьма смѣлыхъ предположеній и заключеній. Тутъ Хризь фигурируетъ уже какъ совершенно самостоятельный болгарскій вождь, какъ глава южноболгарскаго движенія, не имѣвшаго будто бы ничего общаго съ движеніемъ, которымъ заправляли Асѣнь и Петръ. На счетъ Хриза г. Успенскій отнесъ и извѣстія, находящіяся въ исторіи Никиты о движеніи Болгаръ въ окрестностяхъ Сѣра, на рѣкѣ Струмѣ, и у Амфиополя, не смотря на то, что Никита прямо указываетъ, что и этимъ движеніемъ заправлялъ непосредственно самъ Асѣнь. Мы ниже увидимъ, насколько эти предположенія и заключенія неосновательны.

Седьмая глава посвящена событіямъ, послѣдовавшимъ за болгарскою смутою, жертвою которой сдѣлались Асѣнь и Петръ въ 1196 г. и которая чуть не погубила болгарское дѣло. Здѣсь говорится о попыткѣ новаго императора Алексѣя Ангела, при помощи перешедшихъ на сторону Византіи двухъ болгарскихъ вождей — Ивана, убійцы Асѣня, и Хриза, или Стрѣза, — положить предѣлъ

¹⁾ Новыя любопытныя свѣдѣнія о положеніи этого города сообщены въ недавно появившейся книгѣ извѣстнаго іеромонаха Неофита «Описаніе болгарскаго монастыря Рылскаго». Софія 1879 г. стр. 8.

распространенію новаго государства на югъ отъ Балканскихъ горъ, а, можетъ быть, и совершенно уничтожить это государство. Попытка эта хорошо рассчитанная Византією, быть можетъ и удалась бы, еслибы болгарское дѣло не попало въ искусныя и сильныя руки знаменитаго Іоанна, или Калояна, третьяго брата Асѣня. Въ изслѣдованіе событій, которымъ посвящена эта глава, г. Успенскій внесъ два недавно открытыхъ произведеній Никиты Акомината, проливающихъ яркій свѣтъ на замыслы, которые Византія имѣла въ виду осуществить при помощи перешедшихъ къ ней болгарскихъ бояръ, Ивана и Хриза, а также на ловкость, съ которою царь Іоаннъ не только отпарировалъ направленный противъ него ударъ, но и сумѣлъ весьма искусно направить его противъ самой Византіи. Царь Іоаннъ, который, по словамъ одного изъ вышепоименованныхъ документовъ, «положивъ въ свое сѣдалище заоблачный Балканъ, пускалъ оттуда искусственные громы» (201 стр.), въ время успѣлъ переманить на свою сторону новыхъ союзниковъ византійскаго императора и направить противъ Византіи собранныя ею для нихъ военныя силы. Мало того, ему удалось приобрести для своего дѣла поборниковъ и между византійцами въ лицѣ вліятельнѣйшаго вельможи, протостратора Мануила Камизи, и правителя Смолянскаго области Спиридоуана. Къ ужасу Византіи и совершенно неожиданно для нея, славянское движеніе, руководимое искусною рукою царя Іоанна, приняло самыя широкіе размѣры, отразившись въ Албаніи, Фессаліи и собственной Греціи. Разработкою ораторскихъ произведеній Никиты Акомината ¹⁾, заключающихъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя для вышеизложенныхъ событій, г. Успенскій оказалъ немаловажную услугу болгарской исторіи. Недостатки, замѣчаемые въ этой разработкѣ, касаются преимущественно трудныхъ хронологическихъ вопросовъ, превосходно рѣшенныхъ проф. Васильевскимъ въ его рецензіи (стр. 203—212, 337 и сл.). Любители болгарской исторіи будутъ, конечно, благодарны г. Успенскому и за приведенную имъ, на стр. 205—6, выписку изъ неизданнаго письма Михаила Акомината.

Въ восьмой главѣ идетъ рѣчь о сношеніяхъ царя Іоанна съ папою Иннокентіемъ III по дѣлу объ уніи. Сохранившаяся переписка по этому дѣлу между папою и болгарскимъ царемъ превосходно разработана въ русской исторической наукѣ проф. Маку-

¹⁾ Одно изъ нихъ, изданное Саеой, въ 1872-мъ г., довольно подробно разработано въ магистерской диссертациі г. Успенскаго: «Византійскій писатель Никита Акоминитъ». СПб. 1874 г. 198—205 стр.

шевымъ «Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII в.» стр. 17—25)—и въ книгѣ г. Голубинскаго («Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской» 264—280). Г. Успенскій ограничился только краткимъ пересказомъ содержанія упомянутой переписки, при чемъ имъ обращено особенное вниманіе на появленіе и постепенное развитіе въ ней мысли о римскомъ происхожденіи болгарскаго царя. На страницахъ 210—11 авторомъ приведены всѣ относящіяся сюда мѣста изъ переписки въ хронологическомъ порядкѣ писемъ. Сопоставленіе этихъ мѣстъ, сдѣланное г. Успенскимъ, можно бы порекомендовать вниманію Гефлера и другихъ, доказывающихъ, на основаніи переписки Иннокентія III съ Иоанномъ, что послѣдній самъ считалъ себя румыномъ, а не болгаринномъ. Нельзя не пожалѣть однако, что въ сопоставленіе г. Успенскаго не вошло извѣстное мѣсто письма папы Иннокентія къ венгерскому королю, отъ 15 сентября 1204 г., гдѣ папа утверждаетъ, что царь Иоаннъ, какъ и его братъ Петръ, происходили изъ рода прежнихъ болгарскихъ царей. Это мѣсто еще явственнѣе показало бы, какое смутное и неопредѣленное мнѣніе имѣлъ Иннокентій о происхожденіи Асѣней. Извѣстія о сношеніяхъ Иоанна съ Римомъ по дѣлу объ уніи въ настоящее время можно было бы дополнить еще однимъ указаніемъ, встрѣчающимся въ недавно изданной исторіи Клари ¹⁾ и, повидимому, извѣстнымъ и г. Успенскому, который однако имъ не воспользовался. — Вторая половина разсматриваемой главы посвящена полемикѣ съ новыми историками Болгаріи, подъ которыми г. Успенскій разумѣетъ г.г. Макушева и Иречка, по вопросу объ участіи богомиловъ въ событіяхъ борьбы болгаръ за независимость. Мы вполне согласны съ г. Успенскимъ, доказывающимъ, вопреки утверженію вышеназванныхъ ученыхъ, — что филиппопольскіе павликіяне, участіе которыхъ въ болгарскомъ движеніи засвидѣтельствовано дошедшими до насъ памятниками, не были богомилами. Что же касается вопроса о религіозномъ и этнографическомъ отношеніи этихъ павликіанъ къ Армянамъ, то намъ кажется, что къ окончательному разрѣшенію этого вопроса можно будетъ приступить лишь послѣ болѣе близкаго ознакомленія съ живущими и до сихъ поръ въ Филиппполѣ и его окрестностяхъ павликіянами, въ которыхъ мы безспорно имѣемъ потомковъ прежнихъ филиппопольскихъ павликіанъ. Въ настоящее время о нихъ извѣстно лишь то, что они считаютъ бол-

¹⁾ Норф, «Chroniques Gréco-Romanes» Berlin, 1873. 52, 53.

гарскій языкъ своимъ роднымъ языкомъ, что своимъ говоромъ и, кажется, типомъ нѣсколько отличаются отъ сосѣднихъ православныхъ Болгаръ, которые все еще продолжаютъ называть ихъ павликіанами, не смотря на то, что еще въ прошломъ столѣтіи они промѣняли свое павликіанство на римскій католицизмъ. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, число нынѣшнихъ филиппопольскихъ павликіанъ доходитъ до 18,000 ¹⁾).

Девятая глава носитъ заглавіе: «Слѣды антиболгарскаго движенія на Балканскомъ полуостровѣ: Угры, Сербы и князь Просѣкъ Хризь, 1202—1205 гт.» Тутъ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми не совсемъ вѣрными заключеніями г. Успенскаго о второй половинѣ дѣятельности извѣстнаго уже намъ Хриза, или Стрѣза. Прежде чѣмъ указать на нихъ, мы должны нѣсколько остановиться на также невѣрныхъ, по нашему мнѣнію, сужденіяхъ г. Успенскаго о болѣе ранней дѣятельности этого болгарскаго вождя,—сужденіяхъ, которыхъ мы уже касались мимоходомъ. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, Хризь, или Стрѣзь, выступаетъ уже по смерти Асѣня и Петра въ качествѣ владѣтеля части македонской Болгаріи съ городами Струмицей и Просѣкомъ. Г. Успенскій, отождествляя, какъ намъ уже извѣстно, Хриза съ жупаномъ, или сатрапомъ Ансберта, заключаетъ, что онъ дѣйствовалъ въ названной области, какъ самостоятельный вождь, и гораздо ранѣе смерти Асѣня и Петра. «Въ то время, говоритъ авторъ, какъ родъ Асѣней утвердился въ сѣверо-восточной Болгаріи, другой родъ или нѣсколько вождей, не желая повиноваться имъ, начали независимо отъ Асѣней вести борьбу съ Византіей. Струмица и Просѣкъ были центромъ этого отдѣльнаго движенія» (стр. 171—172). «Хризь, читаемъ на 180 стр., почти одновременно съ Асѣнями началъ движеніе на югѣ и нѣмъ исполнѣ справедливыя притязанія основать независимое ни отъ Византіи, ни отъ державы Асѣней славянское княженіе въ Македоніи». Въ другомъ мѣстѣ г. Успенскій замѣчаетъ: «Если можно гдѣ искать потомка болгарскихъ царей, то не тамъ, гдѣ дѣйствуютъ Петръ и Асѣнь, а около Струмицы и Просѣка, гдѣ выступаетъ сатрапъ Ансберта» (стр. 142).

Прежде всего мы должны сказать, что отождествленіе Хриза съ сатрапомъ, о которомъ говоритъ Ансбертъ, подъ 1190 г., по нашему мнѣнію, сдѣлано г. Успенскимъ совершенно произвольно. Мѣст-

¹⁾ «Български гласъ» (издающаяся съ Софіи болгарская газета) 1887, № 54 (отъ 29 іюня).

ность, въ которой, по разсказу Ансберта, отрядъ крестоносцевъ въ 1190 г. нечаянно наткнулся на жупана, или сатрана болгарскаго, находилась на Родопскихъ горахъ, можетъ быть, у юго-западной подошвы ихъ, около рѣки Струмы. Мѣстность эта никомъ образомъ не можетъ быть принимаема за область, въ которой впоследствии, около 1197 г., встрѣчаемъ Хриза, владѣтеля Струмицы и Просѣка: княжество Хриза находилось далеко отъ Родопскихъ горъ, на рѣкѣ Вардарѣ, куда отрядъ крестоносцевъ не могъ, да и не имѣлъ надобности заходить. Далѣе, вопреки утверженію г. Успенскаго, что Хризь, или Стрезь, происходилъ изъ другаго совсѣмъ рода, чѣмъ Асѣни, быть можетъ даже изъ рода прежнихъ болгарскихъ царей, мы ни мало не сомнѣваемся, что онъ былъ близкимъ родственникомъ основателей болгарскаго царства и происходилъ изъ одного съ ними рода. Въ этомъ вполне удостовѣряютъ насъ слѣдующія свидѣтельства. Доментіанъ, въ житіи Стефана Немани, называетъ Стрѣзя *ближникомъ Иоанна царя* (Изд. Даничича стр. 209), а въ житіи Саввы—*ужникомъ его* («ужика сы Калояна, царя загорскаго». Изд. Данич. стр. 103—107). Тоже самое утверждаетъ и императоръ Генрихъ, хорошо знавшій Стрѣзя («Stratius, peros Johannitii») ¹⁾. Въ извѣстномъ болгарскомъ Синодикѣ царя Борила Стрѣзь названъ *севастократоромъ*. Это указаніе, невѣрно, какъ увидимъ, понятое г. Успенскимъ, весьма важно. Званіе севастократора въ Болгаріи, какъ и въ Византіи того времени, давалось только ближайшимъ родственникамъ царей. Въ выше-названномъ болгарскомъ Синодикѣ, рядомъ съ севастократоромъ Стрѣземъ, поставленъ севастократоръ Александръ, о которомъ тутъ же замѣчено, что онъ былъ братомъ великаго царя Асѣня («Временникъ моск. общ. истор. и древн. росс.» кн. 21, стр. 11). Въ одной древнеболгарской надписи (отъ 1259 г.), находящейся въ церкви села Бояны, въ 5 верстахъ отъ Софіи ²⁾, упоминается севастократоръ Калоянъ, названный здѣсь племянникомъ («братучада») царя Константина Асѣня (1258 — 1277). Имѣется и третій памятникъ съ весьма любопытнымъ упоминаніемъ о болгарскомъ севастократорѣ. Это договорная грамота (отъ 1253 г.) Дубровничанъ съ болгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣнемъ (1246 — 1257), изъ которой мы узнаемъ, что званіе севастократора тогда носилъ

¹⁾ См. Макушева «Болгарія въ концѣ XI и въ первой половинѣ XII в.» стр. 60.

²⁾ «Гласникъ Држ. Срп. Слов.» кн. VII 1855 г. Ср. Любича: «Ogledalo Kniz. Jugoslav. I, 289.

зять царя Михаила, по имени Петръ (См. новое изданіе Шафариковыхъ «Ramatku» стр. 16—20). Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что и въ Сербіи званіе севастократора носилъ ближайшій родственникъ главы государства (Миклошинча «Monumenta serbica» 443).—Въ вышеупомянутой договорной грамотѣ Дубровничанъ съ Михаиломъ Асѣнемъ находится любопытное указаніе, изъ котораго видно, что въ болгарскомъ государствѣ съ званіемъ севастократора соединялись весьма важныя права,—именно мы узнаемъ изъ этого памятника, что севастократоръ Петръ былъ правителемъ почти полунезависимой болгарской области, удѣльнымъ княземъ или васаломъ болгарскаго царя. Въ этой грамотѣ Дубровничане говорятъ болгарскому царю: «... Лудье и купци прѣславнаго града Дюбровника, еже приходеть въ земле светаго ти царства и въ земле зете светого ти царства Петра севастократора, да си купуютъ и продають своботно».—Указаніе это, проливающее свѣтъ и на политическія, такъ сказать, отношенія владѣтеля Просѣка и Струмицы, севастократора Стрѣзя (Хризъ) къ Асѣнямъ, особенно важно для оцѣнки слѣдующихъ предположеній, высказываемыхъ г. Успенскимъ, въ разсматриваемой 9-ой главѣ. «Судьба славянскаго княженія, которое основалъ этотъ бояринъ (Хризъ, или Стрѣзь) болгарскаго происхожденія въ Струмицѣ и Просѣкѣ, остается совсѣмъ неизвѣстною со времени 1201 г. (т. е. со времени окончанія войны Калояни съ Византіяцами, во время которой Стрѣзь былъ союзникомъ болгарскаго царя)...¹⁾ Можно предполагать одно изъ двухъ: или Хризъ, лишенный княженія въ 1201 г., перешелъ на службу къ болгарскому царю, или же, оскорбленный его притязаніями и боясь лишенія всѣхъ выгодъ, тогда же присоединился къ врагамъ его, принявъ участіе въ антиболгарскомъ движеніи, начавшемся изъ Сербіи. Правда, въ извѣстномъ Синодикѣ царя Борила помянутъ севастократоръ Срѣзь²⁾, что могло

¹⁾ Война эта кончилась не въ 1201 г., а въ 1202; какъ доказать проф. Васильевскій въ своей рецензій (стр. 211—212).

²⁾ Тутъ, какъ и на слѣдующей страницѣ въ примѣчаніи, г. Успенскій пишетъ «Срѣзь» вмѣсто Стрѣзя, ссылаясь на Синодикъ, въ которомъ, однако, стоитъ «Стрѣзь» (Временник. М. О. И. и Древ. Р. кн. 21, стр. 11). Въ дополненіе къ указаніямъ г. Иречка объ употребленіи имени Стрѣзя у македонскихъ Болгаръ и далматинскихъ славянъ прибавимъ, что это имя употребляется и въ другихъ частяхъ Болгаріи, какъ свидѣтельствуемъ одинъ памятникъ XV в., изъ котораго узнаемъ, что на средней горѣ, именно въ окрестностяхъ Панигюрища, находился тогда источникъ, носившій имя Стрѣзя: «Стрѣзовъ кладенецъ». См. Чолакова: «Описаніе на село Панагюрище», 14.

бы указывать на санъ, которымъ его почитали при дворѣ болгарскаго царя; но мы не можемъ остановиться на предположеніи, что Хризъ прижирился со скромной долей севастократора на службу у Иоанна, вводившаго у себя и дурные и хорошіе обычаи византійскаго двора. Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что Хризъ послѣ 1201 г. искалъ закрѣпить союзомъ съ великимъ жупаномъ Сербіи то положеніе, котораго хотѣлъ его лишить царь болгарскій» (236—7). Эти предположенія касательно причинъ, заставившихъ Хриза искать союза съ Сербами, предположенія, въ основѣ которыхъ лежитъ невѣрное пониманіе того важнаго положенія, которое въ Болгаріи, при Асѣняхъ, соединялось съ саномъ севастократора мы находимъ неосновательными, и какъ увидимъ ниже, излишними. Далѣе, въ разбираемой главѣ, г. Успенскій останавливается на довольно обстоятельномъ разсмотрѣніи Славянскихъ извѣстій о Хризѣ, въ особенности объ его отношеніяхъ къ Сербамъ. Извѣстія эти приводятъ автора къ слѣдующимъ выводамъ: «Хризъ вслѣдствіе неудовольствій съ болгарскимъ царемъ, искалъ себѣ помощи въ Сербіи, которая также находилась тогда въ враждебныхъ съ Болгаріей отношеніяхъ. Стефанъ Первовѣчанннй нашелъ для себя выгоднымъ поднять, при помощи Хриза, славянское населеніе южной Македоніи противъ болгарскаго царя, что ему легко удалось, такъ какъ Хризъ былъ уже прежде владѣтелемъ Струмицы и Просѣка и пользовался извѣстностью въ странѣ... Всѣ извѣстія о дружественныхъ отношеніяхъ Хриза къ сербскому князю должны бы были относиться къ періоду отъ 1202 до 1205 г.» (стр. 240). Для насъ тутъ имѣетъ особенную важность хронологическая часть этихъ выводовъ, на которой мы только и остановимся. Относя дружественныя отношенія Хриза къ Стефану Первовѣчанному и совмѣстную борьбу ихъ съ болгарскимъ царемъ къ періоду отъ 1202—1205 г., авторъ упустилъ изъ виду одно немаловажное обстоятельство, то именно, что въ 1202 г. Стефанъ Первовѣчанннй былъ согнанъ съ великокняжескаго сербскаго престола своимъ братомъ Волканомъ и не возвращался на оный до 1206 г. Стефану Первовѣчанному во все это время, конечно, некогда было думать о поднятій славянскаго населенія южной Македоніи противъ болгарскаго царя или о возстановленіи правъ Хриза, такъ такъ онъ самъ оставался лишеннымъ своихъ великожупанскихъ правъ въ Сербіи. Повидимому, г. Успенскій не обратилъ должнаго вниманія на заключающіяся въ славянскихъ извѣстіяхъ о дружественныхъ отношеніяхъ Хриза или Стрѣзья къ сербамъ, хронологическія указанія, которыя не остав-

ляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти дружественныя отношенія, какъ и самая война Сербовъ съ Болгарами изъ-за Стрѣзя, происходили по вторичномъ занятіи Стефаномъ Первовѣчаннымъ велико-жупанскаго престола и уже послѣ смерти болгарскаго царя Калояна, при преемникѣ послѣдняго, узурпаторѣ Борилѣ, занявшемъ болгарскій престолъ въ 1207 г. Не трудно въ такомъ случаѣ понять и настоящую причину, заставившую Стрѣзя искать помощи Сербовъ. Едвали нужно прибавлять, что ошибка, которую сдѣлалъ г. Успенскій, заставивъ Хриза принять участіе въ *антиболгарскомъ* движеніи Сербовъ и Угровъ въ 1202—1205 г., помѣшала ему уяснить настоящій характеръ и ходъ этого движенія.

Послѣдняя глава разсматриваемой книги посвящена выясненію роли, которую юному болгарскому царству суждено было играть въ событіяхъ, вызванныхъ завоеваніемъ Латинянами Царяграда въ 1204 г. (12 Апрѣля). Не вдаваясь въ подробное изслѣдованіе предмета, авторъ въ общихъ чертахъ, но съ большимъ знаніемъ дѣла, обрисовалъ дѣятельность Калояна, рѣшившагося «выступить защитникомъ православія и греко-болгарской народности противъ католическо-латинскаго преобладанія и съ тѣмъ вмѣстѣ принять на себя задачу оживленія *оскудѣвшаго въ Византіи императорства*» (стр. 245—6). Особенно рельефно очерчено здѣсь роковое значеніе для судьбы латынской имперіи поднятаго болгарскимъ царемъ противъ латынчанъ движенія. Такъ же наглядно представлено и значеніе борьбы Иоанна съ крестоносцами для упроченія никейской имперіи, не замедлившей выступить противъ стремленія болгарскаго царя «основать греко-болгарское царство на Балканскомъ полуостровѣ съ столицею въ Константинополѣ» (стр. 255).

Къ своему изслѣдованію г. Успенскій присовокупилъ восемь приложений, занимающихъ 76 стр. Они состоятъ главнымъ образомъ изъ разныхъ документовъ, частію малоизвѣстныхъ, частію совершенно новыхъ, впервые обнародованныхъ здѣсь авторомъ. Закрывающійся въ нихъ историческій матеріалъ превосходно оцененъ пр. Васильевскимъ, доказавшимъ какую большую услугу оказалъ наукѣ г. Успенскій своими приложениями. Нѣкоторые изъ заключающихся тутъ документовъ имѣютъ общенсторическое содержаніе; другіе болѣе относятся къ византійской и болгарской исторіи. Между послѣдними есть одно, особенно важное для насъ, извѣстіе (въ приложеніи V), указывающее на то, что въ 1186 г., въ войнѣ Болгаръ съ Византійцами, первымъ помогали Русскіе. При объясненіи этого извѣстія, находящагося въ неизданной рѣчи

Никиты Акомината, произнесенной въ 1190 г., г. Успенскимъ не обращено вниманія на извѣстное свидѣтельство Акрополиты о томъ, что сынъ Асѣня, Иоаннъ Асѣнь, тѣснимый узурпаторомъ Бориломъ, въ 1207 г. убѣжалъ къ Русскимъ. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился оттуда съ русскимъ отрядомъ и началъ войну съ узурпаторомъ за отцовскій престолъ. Это извѣстіе, по нашему мнѣнію, вполне заслуживаетъ сопоставленія съ извѣстіемъ о помощи, которую Русскіе оказали отцу Иоанна Асѣня.

Обобщая изложенныя въ нашемъ разборѣ замѣтки, мы, кажется, въ правѣ сказать слѣдующее: г. Успенскій внесъ въ свое изслѣдованіе много новаго матеріала, частью изданнаго, но не употребленнаго надлежащимъ образомъ въ дѣло, не обслѣдованнаго, частью и не изданнаго. Огромный трудъ, котораго стоили собраніе, переводъ, изученіе и вообще обработка этого матеріала, оставляя мало времени для тщательнаго пересмотра общеизвѣстныхъ источниковъ. Отсюда тѣ пробѣлы и, пожалуй, ошибки, на которые было указано. Но за то выдвинутый авторомъ новый матеріалъ, который дѣйствительно долженъ, по своей важности, занимать первое мѣсто между источниками болгарской исторіи, далъ ему возможность пролить много новаго свѣта на изслѣдуемый вопросъ, принадлежащій къ самымъ важнымъ и самымъ темнымъ историческимъ вопросамъ. Если въ иныхъ случаяхъ авторъ и не совсѣмъ удачно воспользовался своимъ матеріаломъ, то это зависѣло отъ самаго свойства послѣдняго: такого рода матеріалы никогда не исчерпываются вполне первымъ обслѣдованіемъ, какъ бы тщательно оно ни было. Будущіе изслѣдователи въ области южнославянской, а также и византійской исторіи XI, XII и начала XIII вв., не могутъ обойтись безъ книги г. Успенскаго. Они не мало будутъ благодарны автору и за помѣщенные имъ, какъ въ «приложеніяхъ», такъ и въ самомъ текстѣ книги, обширныя извлеченія изъ памятниковъ, или совершенно новыхъ, или такихъ, которые сдѣлались библиографическою рѣдкостью. Въ виду всего этого мы считаемъ трудъ г. Успенскаго весьма цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу и вполне заслуживающимъ Уваровской награды.

V.

О СОЧИНЕНІИ Г. ШАФРАНОВА „О СКЛАДѢ НАРОДНО-РУССКОЙ ПѢСЕННОЙ РѢЧИ, РАЗСМАТРИВАЕМОЙ ВЪ СВЯЗИ СЪ НАПѢВАНІИ“.

Рецензія Ал. С. Фаминцына.

Русская народная пѣсня въ прошедшемъ столѣтіи была благо-склонно принята не только въ домахъ многихъ знатныхъ лицъ, но даже и при дворѣ. Императрица Елизавета Петровна во время пребыванія въ своихъ дачныхъ резиденціяхъ нерѣдко увеселялась со своимъ дворомъ крестьянскими хороводами, простонародными пѣснями и играми. Здѣсь ее самое видѣли иногда переряженною въ сарафанъ и кокошникъ и лично принимающею участіе въ деревенскихъ забавахъ, пѣсняхъ и пляскахъ.¹⁾ Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, на такъ называемые эрмитажные вечера, по свидѣтельству П. И. Сумарокова, «иногда призывали музыку, танцовали, плясали по русски... пѣли хоромъ подблюдныя пѣсни». Кромѣ того, для забавы придворной публики нерѣдко призывались на этихъ вечерахъ дворцовые пѣвчіе, которые и пѣли, кромѣ любимыхъ хоровъ и арій изъ оперъ,—разнообразныя пѣсни *народныя* и искусственныя. Русскія и цыганскія пѣсни—народныя и подражательныя—вошли въ моду. «Послѣ обѣда»—пишетъ въ своихъ «запискахъ» г-жа Виже-Лебренъ, возвращавшаяся въ кругу высшаго Петербургскаго общества въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II,—«совершали прогулки въ изящныхъ лодкахъ, разукрашенныхъ малиновымъ бархатомъ и золотою бахра-

¹⁾ В. Михневичъ, Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи. Стр. 162.

мою; въ боги скромной лодкѣ ѣхалъ впереди насъ хоръ пѣсенниковъ и услаждалъ насъ своимъ пѣніемъ.» Въ пѣніи этомъ авторъ «Записокъ» находилъ «какую-то своеобразную дикость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какую-то унылость и мелодичность.»²⁾ Допущенная ко двору, гдѣ, со времени введенія въ столицу итальянской оперы, въ музыкальномъ отношеніи царствовалъ итальянскій вкусъ, гдѣ блистали своими произведеніями выписываемые изъ за-границы знаменитые иноземные, преимущественно итальянскіе, композиторы (Арайя, Сальери, Йомелли, Галуппи, Сарти, Паэзіелло, Чимароза и др.), изъ коихъ нѣкоторые писали музыку въ итальянскомъ стилѣ и къ русскимъ опернымъ и пѣсеннымъ текстамъ³⁾, русская народная пѣсня стала мало по малу вводиться, сперва, разумѣется, въ иноземномъ гармоническомъ костюмѣ, и въ музыкально-драматическія придворныя увеселенія, а именно въ опереты или «комедіи на музыкѣ съ пѣніемъ и танцами», въ драмы съ музыкою и даже въ оперы. Русскіе композиторы конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія, воспитанные по преимуществу въ итальянской школѣ (Волковъ, Поповъ, Матинскій, Фомиинъ, Пашкевичъ и др.) старались иногда придавать музыкѣ, въ которую они облакали драматическіе тексты современныхъ имъ писателей (литераторовъ и дилетантовъ) характеръ народный, вводя въ нее русскіе мотивы, но, съ одной стороны, не постигнувъ дѣйствительнаго духа русскаго народнаго пѣнія, а съ другой—не будучи въ состояніи сбросить съ себя оковы иноземной школы, они навязывали избираемымъ ими народнымъ, или въ подраженіе имъ изобрѣтеннымъ, мотивамъ мало или вовсе несвойственную имъ, западно-европейскую гармонизацію. Они создали, такимъ образомъ, не оригинальный и самообытный, а псевдо-народный русскій музыкальный стиль, достигшій своего апогея въ массѣ слащавыхъ «русскихъ романсовъ», наводившихъ музыкальный рынокъ нашъ въ первыя десятилѣтія нынѣшняго столѣтія и въ которыхъ, по выраженію князя К. В.

²⁾ Тамъ же: стр. 272 и 273.

³⁾ Музыку къ первой оперѣ съ оригинальнымъ русскимъ текстомъ—«Цезаль и Прокрисъ» Сумарокова—написалъ Арайя (въ 1755 г.), послѣ него изъ числа иностранцевъ въ теченіи 18 столѣтія сочиняли музыку къ русскимъ опернымъ текстамъ: Раупахъ, Старцеръ, Мартини, Буланъ, Керцелли Сарти и др.—Послѣдній писалъ также музыку къ русскимъ пѣсеннымъ текстамъ (См. Штаффордъ, Исторія музыки, русскій переводъ съ дополненіемъ Воронова, стр. 380, примѣч).

Одоевскаго, «господствуютъ итальянскія фразы на нижегородск ладь, и наоборотъ». ⁴⁾

Какъ бы ни были несовершенны и «ненародны» эти первыя попытки къ созданію художественно-музыкальнаго народнаго стиля, тѣмъ не менѣ нельзя отрицать важность проявленія въ нихъ твердаго, опредѣленнаго стремленія къ этой цѣли. Русская народная пѣсня обратила на себя вниманіе образованнаго міра, она сдѣлалась предметомъ художественной разработки (первоначально конечно несовершенной), она даже сдѣлалась предметомъ научнаго изслѣдованія. Начали издаваться сборники русскихъ народныхъ пѣсенъ, сперва по большей части безъ напѣвовъ, позже— и съ напѣвами и притомъ снабженными гармонизаціей. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ сборники Прача (1790 г.), съ «предувѣдомленіемъ» о русскихъ пѣсняхъ, ⁵⁾ затѣмъ изданные уже въ нынѣшнемъ столѣтіи сборники Кашина, Стаховича, Вильбоа, Воротникова, Рожнова, Аванасьева, Бернара и другихъ. Во всѣхъ этихъ сборникахъ русскіе народные напѣвы оказываются по большой части насильственно втиснутыми въ рамки нѣмецко-итальянской гармонизаціи и вслѣдствіе того нерѣдко въ болѣе или менѣе значительной степени искаженными. Подобной же участи подверглось у насъ и древне-русское церковное пѣніе, при гармонизаціи нерѣдко претерпѣвавшая такіа же искаженія, какъ въ мелодическомъ, такъ и ритмическомъ отношеніяхъ ⁶⁾.

⁴⁾ Кн. Одоевскій, Русская и такъ называемая общая музыка, въ газетѣ «Русскій» № 11 и 12. 1867 г.

⁵⁾ По свидѣтельству кн. Одоевскаго («Русск. и т. называем. общая музыка») предувѣдомленіе это написано Н. А. Львовымъ.

⁶⁾ Господство у насъ, въ прошедшемъ столѣтіи, итальянскихъ композиторовъ распространилось и на церковное наше пѣніе, итальянское концертное пѣніе вторглось и въ область русской церкви. Итальянскіе мастера, писавшіе музыку въ своемъ національномъ стилѣ къ русскимъ опернымъ и пѣсеннымъ текстамъ, стали сочинять и духовные концерты для русской церкви. «Въ царствованіи достохвальныя Елизаветы — пишетъ митрополитъ Евгеній—*) въ Россійское пѣніе начала вводиться совершеннѣйшая итальянская музыкальная гармонія и показались уже знаменитые въ Россіи пѣнія реенты: каковыя суть наипаче Рачинскій и Березовскій. . . еще новѣйшая эпоха въ употребленіи церковнаго нашего пѣнія послѣдовала въ царствованіи блаженныя памяти императрицы Екатерины II. Сія мудрая Государыня, пекшаяся о распространеніи искусства въ Россіи, посылала нѣсколькихъ своихъ подданныхъ въ Италію для заимствованія вкуса итальянской музыки. . . Отъ сего то Россія полу-

*) Историческое разсужденіе о богослужбномъ пѣніи (1804 г.) стр. 14.

Насилованіе и переименованіе русскихъ народныхъ (а равно и древне-церковныхъ) напѣвовъ, производимое гармонизаторами ихъ, смотрѣвшими на эти напѣвы чрезъ призму новѣйшаго западно-европейскаго ученія о музыкѣ и ставившими себѣ задачею, во чтобы то ни стало подчинять ихъ законамъ этого ученія, вызвало наконецъ, въ средѣ образованныхъ русскихъ музыкантовъ и читателей и цѣнителей народнаго творчества, энергическій протестъ. Стали ближе изучать характеръ народнаго (а равно и древне-церковнаго) русскаго пѣнія, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ твореніяхъ Глинки и его послѣдователей русская художественная музыка стала проявлять дѣйствительно своеобразный, самобытный стиль. ⁷⁾ Появился цѣлый рядъ изслѣдованій о русскомъ народ-

чила себѣ знаменитыхъ въ пѣвчествѣ учителей и сочинителей, изъ коихъ знаменитѣе всѣхъ другихъ есть до нынѣ Дмитрій Бортнянскій... Кромя сего знаменитаго реента (Бортнянскаго), въ наши времена принимались за сочиненіе пѣсносложеній грекороссійскія церкви и многіе иностранные капельмейстеры, каковы напр. Галуши (учитель Бортнянскаго), Керцелли, Димилеръ и славный капельмейстеръ Сартти. Но, съ дозволенія ихъ, нельзя не сказать правды, что они по незнакомію ли силы и выразительности многихъ мѣстъ церковныхъ нашихъ стиховъ, или по предубѣжденію единственно къ музыкальнымъ своимъ правиламъ, пренебрегли часто о благопристойности мѣста и предмета своихъ концертовъ, такъ что вообще не музыка у нихъ припоровлена къ поемымъ словамъ священнымъ, но слова сіи только что приложены къ музыкѣ и часто весьма принужденно. Кажется, они хотѣли болѣе удивлять слушателей концертантною симфоніею, нежели трогать сердца благочестивою словесною мелодіею, и часто, при пѣсносложеніяхъ ихъ, церковь болѣе походитъ на итальянскую оперу, нежели на домъ благоговѣйнаго молитвословія ко Всевышнему... Надлежитъ однакоже признаться — говорить тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ своего «разсужденія» — что христіанская православная наша церковь не все то приличнымъ себѣ почитаетъ, что происходитъ отъ вымысла ихъ (т. е. знаменитыхъ искусниковъ) и искусства*).

До какихъ предѣловъ доходило чужеземное вліяніе въ нашемъ церковномъ пѣніи, можно судить по тому, что даже стали исполняться въ церкви молитвы, подведенныя подъ музыку современныхъ свѣтскихъ сочиненій, напр. изъ ораторіи Гайдна «Твореніе міра» было составлено «гармоническое положеніе херувимской пѣсни», арія жреца изъ оперы «Весталка» Спонтини «приспособлена къ литургійскому пѣснопѣнію: Тебѣ поемъ», и пр. **)

⁷⁾ По этому поводу *Кн. Одоевскій* писалъ между прочимъ: «Довольно трудно для многихъ выразумѣть, что музыкальное произведеніе можетъ не содержать въ себѣ ни одного народнаго напѣва, а музыка быть вполнѣ русскою, и что, напротивъ, можно такъ переименовать ноты любой народной пѣсни, что

*) Тамъ же, стр. 36.

***) Д. Разумовскій, церковное пѣніе въ Россіи. стр. 231.

номъ (и древне-церковномъ) пѣснопѣвіи, преимущественно въ формѣ газетныхъ и журнальныхъ статей, въ которыхъ авторы старались выяснитъ характеръ, духъ твореній «безыменныхъ сочинителей» русскихъ, главнымъ же образомъ останавливались на техническомъ устройствѣ напѣвовъ и притомъ почти исключительно на строеніи лежащей въ основаніи упомянутыхъ напѣвовъ гаммы (діатонической), а слѣдовательно и способовъ ихъ гармонизаціи. Надо замѣтитъ, что изслѣдователи напѣвовъ только изрѣдка разсматривали мелодическій рисунокъ и ритмъ ихъ и почти вовсе не касались вопроса о формѣ ихъ вообще, т. е. о составѣ ихъ изъ мелодическихъ членовъ, колѣнъ, періодовъ; еще менѣе обращалось ими вниманіе на соотношеніе напѣвовъ и составныхъ частей ихъ съ соответствующими частями пѣсенной рѣчи, между метрическимъ устройствомъ текста пѣсенъ и ритмическимъ—напѣва. Дѣятельность авторовъ указанныхъ изслѣдованій была почти исключительно направлена противъ насильственныхъ операцій, производимыхъ гармонизаторами народныхъ (и древне-церковныхъ) напѣвовъ надъ этими напѣвами и лишаящихъ ихъ свойственнаго имъ строгаго діатонизма; въ статьяхъ и брошюрахъ своихъ они, такъ сказать, излили накопившуюся въ сердцахъ ихъ скорбь о жестокихъ истязаніяхъ, которымъ подвергались дорогія имъ произведенія народнаго творчества, и не переставали твердить и повторять на разные лады о діатонизмѣ тѣхъ напѣвовъ, недопускающемъ гармонизаціи ихъ съ точки зрѣнія новѣйшаго западно-европейскаго мажора и минора; кромѣ того они обращали вниманіе и на то, что многіе напѣвы въ устахъ народа, въ полномъ соответствіи съ пѣсенными текстами естественно изливаются въ свободныхъ, несимметрическихъ или взаимно смѣняющихся ритмахъ, которые безъ явнаго надъ ними насилія, не могутъ быть приведены къ западноевропейскому симметрическому, единообразному такту.

она едѣлается всѣмъ чѣмъ вамъ угодно: итальянскою, нѣмецкою, французскою, испанскою — только не русскою... Въ «Жизни за Царя» Глинки взяты изъ народныхъ пѣсенъ (и съ намѣреніемъ) лишь *два* первыя ноты перваго хора, а между тѣмъ кажется, что всѣ мелодіи Глинки мы когда-то, гдѣ-то слышали, что онѣ намъ родныя. Здѣсь вся и задача. Дѣло не въ томъ, чтобы перенести въ какое либо сочиненіе народный напѣвъ, а нѣчто гораздо труднѣйшее: переноса, или не переноса его, воспроизвести въ себѣ тотъ процессъ посредствомъ котораго съ незапамятныхъ временъ, творилось русское народное пѣніе — сочинителями безыменными». (Русск. и такъ назыв. обща музыка).

Однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ неприкосновенности русскихъ, какъ народныхъ, такъ и древне-церковныхъ напѣвовъ, настаивавшихъ на примѣненіи къ нимъ особой гармонизаціи, соотвѣтствующей характеру этихъ напѣвовъ и строенію лежащихъ въ основаніи ихъ гаммъ («погласиць»), былъ Князь К. В. Одоевскій. Въ вышеупомянутой статьѣ своей (Русск. и такъ назыв. общ. музыка) авторъ, между прочимъ, пишетъ: «Надлежало бы записывать наши народные напѣвы какъ они дѣйствительно поются народомъ, съ мѣстными вариантами; записывать *точно*, безъ всякаго притязанія подводить ихъ подъ уровень общей музыки, или *поправлять* кажущіяся погрѣбности или же подклонять подъ какой либо симметрической ритмъ, или, что всего хуже, подводить подъ тотъ или другой тонартъ, прибавлять дѣззы или бемоли для удовлетворенія требованія такъ называемаго Генералъ-Баса... Какъ бы убѣдить господъ записывателей — продолжаетъ авторъ — что въ Велико-русскихъ пѣсняхъ *нѣтъ ни минорнаго, ни мажорнаго тона*, а есть діатоническая погласица ⁹⁾ *сама по себѣ*, какъ русскій языкъ не есть смѣсь какихъ либо разныхъ языковъ, какъ напр. какое либо нарѣчіе, но существуетъ *сама по себѣ*, какъ чистое нарожденіе славянскаго племени... Относительно переложеній и вообще гармонизаціи нашихъ древнихъ церковныхъ и мірскихъ напѣвовъ, а равно сочиненій въ русскомъ стилѣ, мы желали бы художественнаго воспроизведенія нашей исконной мелодіи во всей ея самобытности, со всѣми такъ называемыми ея погрѣбностями (въ западномъ смыслѣ)... Мы желали бы художественнаго воспроизведенія нашихъ гласовъ и погласиць какъ они есть,—желали бы не только изобрѣтенія напѣвовъ въ томъ или другомъ гласѣ или погласицѣ, но и, такъ сказать, драматическаго сопоставленія характера одного гласа характеру другаго; желали бы и гармонизаціи свойственной каждому изъ гласовъ въ особенности, желали бы господства діатонизма и допущенія хроматизма лишь въ сопровождающихъ партіяхъ, въ видѣ исключенія, на сколько это окажется нужнымъ для какого либо драматическаго движенія. *Pia desideria!* ⁹⁾. Въ статьѣ

⁹⁾ Поясненіе понятія «погласица» авторъ даетъ какъ въ этой статьѣ, такъ и въ письмѣ, служащемъ предисловіемъ къ 5-му выпуску сборника «Калѣки переходіе» Безсонова.

⁹⁾ Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ обращаетъ вниманіе на то, что, древнія музыкальныя рукописи еще ожидаютъ ученой подробной разработки что такая разработка пояснитъ нѣкоторыя характеристическія особенности въ нашихъ народныхъ мелодіяхъ «столь рѣзко отличающихся отъ западныхъ».

«Мірская пѣсня, написанная на восемь гласовъ крюками съ кино-варными помѣтами», напечатанной уже послѣ его смерти ¹⁰⁾, Кн. Одоевскій, не переставая указывать на отличіе древняго народнаго и церковнаго пѣснопѣнія отъ музыки западно-европейской, на необходимость иной гармонизаціи нашихъ напѣвовъ, въ весьма мѣткихъ выраженіяхъ характеризуетъ взаимное отношеніе между смысломъ рѣчи и напѣвомъ въ народныхъ пѣсняхъ: «Пѣсня простолюдина—говорить онъ—какъ волна,—... и гульлива и вольна. Если художникъ простолюдинъ человекъ бездарный, то выходитъ просто галиматья; если онъ человекъ гениальный,—его произведенія имѣютъ полное право не только на сочувствіе, но и на изученіе; ибо эти созданія идутъ изъ такихъ тайниковъ души человѣческой, которыхъ далеко еще не изслѣдовала наука... Художника простолюдина не останавливаетъ недостатокъ связки между отдаленными понятіями, шероховатость рѣчи, неправильность фразы, или ударенія, въ словахъ. Внутреннимъ чувствомъ онъ мчится помимо всѣхъ этихъ требованій; зародилось въ немъ какое либо ощущеніе, поразило его какой либо внѣшній образъ (заходъ солнца, полетъ птицы, волны рѣки), фантазія унесла его за тридцать земель этого физическаго явленія, — оно процессомъ быстрѣйшимъ электрическаго, слилось съ его ощущеніемъ, превратилось въ скорбь, въ радость, въ воспоминаніе, и оба явленія соприсутствуютъ въ простонародномъ созданіи безъ промежутка, ускользнувшаго въ вѣчность:

Не шумъ шумить, не громъ гремитъ,
Младой Турчинъ полонъ дѣлать...

или:

Безъ поры только, безъ времени,
Стала травка сохнуть,
Безъ прикуки, безъ разлуки
Съ иною слюбился...

«Мы какъ будто забываемъ — прибавляетъ онъ—что изъ всѣхъ искусствъ преимущественно въ музыкѣ выразилась наша народная самобытность; всему виною (рѣчь идетъ здѣсь о подражаніи западной музыкѣ въ переложеніяхъ нашихъ напѣвовъ) беззаботное равнодушіе къ нашимъ народнымъ художественнымъ сокровищамъ». (Музыкальная грамматика или основаніе музыки для не-музыкантовъ стр. 7.)

¹⁰⁾ См. труды Археологическаго съѣзда (въ Москвѣ) 1871 г.

Найдите внѣшнюю связь между этими понятіями,—они раздѣлены необъятнымъ пространствомъ. Прислушайтесь къ напѣву этихъ пѣсенъ, и соединеніе этихъ разнородныхъ понятій для васъ сдѣлается понятнымъ; неуловимая между ними связка находитъ себѣ выраженіе въ общемъ чувствѣ всей пѣсни, т. е. въ ея музыкальной мелодіи. Это явленіе мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ словахъ нашихъ пѣсенъ. Кажется, иногда онѣ или обвиваютъ какую либо невыговоренную мысль, или скользятъ между сотнями разныхъ понятій, не захватывая ни одного. Но въ этихъ, для ученаго, отчетливаго искусства, разрозненныхъ частяхъ есть жизненная цѣлость,—та цѣлость, которую мы замѣчаемъ во многихъ дѣятеляхъ, оставившихъ наиболѣе сильныя слѣды въ жизни всего человѣчества. Далеко не все выговаривается ими... Въ музыкѣ созданія безотчетнаго искусства еще важнѣе. Музыка сама по себѣ есть искусство безотчетное, искусство выразить невыразимое, т. е. то, что никакимъ другимъ способомъ не можетъ быть выражено, кромѣ самой музыки. Чего не можетъ высказать словами простолюдинъ, то онъ выражаетъ музыкой: слова для него служатъ лишь матеріальною подставкою; напѣвъ творится иногда какъ бы въ противорѣчіе съ отдѣльными словами; но вы всегда найдете связь между напѣвомъ и общимъ смысломъ всей пѣсни».

А. Н. Сѣровъ въ статьяхъ своихъ: «О великорусской пѣснѣ и особенностяхъ ея музыкальнаго склада»¹¹⁾ и «Русская народная пѣсня, какъ предметъ науки»¹²⁾ разсматриваетъ русскую народную пѣсню, подобно князю Одоевскому, но съ большею обстоятельностью, преимущественно со стороны музыкально-техническаго ея строенія, только поверхностно касаясь вопроса о текстахъ народныхъ пѣсень, при оцѣнкѣ, опять-таки почти исключительно съ точки зрѣнія музыкально-технической, различныхъ сборниковъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Подобно кн. Одоевскому, и Сѣровъ изслѣдуетъ русскую пѣсню въ ея противоположеніи музыкѣ западно-европейской. Онъ находитъ, что пѣсня наша, въ своихъ первобытныхъ формахъ, въ складѣ своемъ, обнаруживаетъ не только родство, но и буквальную тождественность съ древне-греческою музыкою, а именно, что она зиждется не на октавномъ звукорядѣ, какъ западно-европейская, а на семи-звучномъ, состоящемъ изъ слитныхъ діатони-

¹¹⁾ Въ газетѣ «Москва» 1868 г. №№ 19 и 20.

¹²⁾ Въ газетѣ «Музыкальный сезонъ» 1869—70 № 18 и 1870—71 №№ 6 и 13.

ческихъ тетрахордовъ трехъ видовъ, а слѣдовательная русская пѣсня не знаетъ ни минора, ни мажора, въ смыслѣ западнаго ученія о музыкѣ¹³⁾, и никогда немодулируетъ. Народная пѣсня—по выраженію Сѣрова—есть произведеніе чисто почвенное, растительное, оно представляетъ «неисчерпаемый родникъ народнаго музыкальнаго творчества, принадлежитъ къ памятникамъ народной жизни не-литературнымъ, не-письменнымъ». Народный напѣвъ нечто иное какъ *тема*, повторяемая столько разъ, сколько того требуютъ слова пѣсни. «Пѣнія безъ словъ, такъ же какъ и самостоятельной, эманципированной отъ слова, музыки инструментальной, народъ нашъ не признаетъ, повторяя въ этомъ на себѣ явленіе музыки древне-греческой и всей восточной.... Есть цѣлая сокровищница напѣвовъ—продолжаетъ авторъ—оригинальнѣйшихъ, прелестнѣйшихъ—потому что созданныхъ *изнутри*, а не сочиненныхъ, напѣвовъ не похожихъ на западно-европейскую музыку, потому что не подпавшихъ подъ вліяніе общей музыкальной культуры, но напѣвовъ люда безграмотнаго, сохраняющихся только устнымъ преданіемъ, вмѣстѣ со словами пѣсенъ, и вмѣстѣ съ ними же подвергающихся ежечасному, болѣе или менѣе важному видоизмѣненію, иногда искаженію, напѣвовъ деликатнѣйшаго свойства въ своихъ мелодическихъ изгибахъ и оттого способныхъ потерять всю прелесть отъ неуклюжей разработки, какъ радужная пыль съ крыльевъ бабочки разрушается однимъ прикосновеніемъ къ ней грубой руки. Записывая мотивы русскихъ пѣсенъ и пытаясь украсить ихъ гармонизацію, акомпаниментомъ на привычный западноевропейскій ладъ «музыкальные мастерские (музыканты-техники)—говоритъ Сѣровъ—натолкнулись на матеріалъ весьма непокорный, неподатливый, но этого, разумѣется, не замѣтили, и, руководясь своими тупѣйшими и ограниченными идеалами, гордясь своею «образованностью», подошли къ русскимъ народнымъ напѣвамъ съ совершенно ложной стороны, прикоснулись къ нимъ грубою ремесленною лапою и—стерли радужную пыль съ крыльевъ музыкальнаго мотылька, т. е. *искажали, обезобразили* руссконародныя мелодіи иногда до неузнаваемости». Приводя бѣглый обзоръ наиболѣе распространенныхъ сборниковъ напѣвовъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, Сѣровъ замѣчаетъ, что исторія этихъ сборниковъ «съ конца прошлаго столѣтія вплоть до

¹³⁾ Сѣровъ и Кн. Одоевскій приходятъ здѣсь къ одинаковому заключенію, хотя «слитные тетрахорды», признаваемые первымъ за основу русскаго народнаго пѣнія, нѣсколько и разнятся отъ «погласицъ» втораго.

позднѣйшаго времени, представляетъ рядъ печальныхъ заблужденій и въ выборѣ пѣсенъ, и въ записываніи, и въ приемахъ гармонизаціи. Только со сборника г. Балакирева, изданнаго въ 1866 году, начинается отчасти здоровый, свѣтлый (хотя еще не критическій) взглядъ на дѣло». Изъ всѣхъ сборниковъ великорусскихъ пѣсенъ, перечисленныхъ Сѣровымъ (а имъ названы главнѣйшіе, вышедшіе до 1870 г.), кромѣ вышеупомянутаго труда Балакирева, заслужилъ отчасти одобреніе автора еще изданный Стелловскимъ въ началѣ 60-хъ годовъ сборникъ: «100 русскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ съ народнаго напѣва и аранжированныхъ для одного голоса, съ акомпаниментомъ фортепіано К. П. Вильбоа». Въ этомъ сборникѣ, по справедливому замѣчанію Сѣрова, замѣтенъ положительный прогрессъ. «Выборомъ пѣсенъ и редакцію ихъ текста (отчасти и музыки) занимался цѣлый кружокъ специалистовъ по русской пѣсни, куда принадлежали: извѣстный народный нашъ драматургъ А. Н. Островскій, чрезвычайный любитель и знатокъ русскаго почвеннаго творчества, критикъ Аполлонъ Григорьевъ и замѣчательный практическій знатокъ русской пѣсни Т. Филиповъ. К. П. Вильбоа, какъ практикъ по части записыванія и гармонизаціи(!), былъ только, такъ сказать секретаремъ, письмоводителемъ коллективныхъ редакторскихъ работъ этого кружка. Сказать правду, отъ такого рода работы слѣдовало бы ожидать результатовъ болѣе блистательныхъ, чѣмъ изданный Ѡ. Стелловскимъ сборникъ, въ сущности только посредственный. Но хорошо, что и то сдѣлано. Редакція текста многихъ пѣсенъ, чрезъ критическое сравненіе разныхъ вариантовъ, значительно лучше въ этомъ сборникѣ, чѣмъ во всѣхъ предъидущихъ и послѣдующихъ. Варианты напѣвовъ выбрапы также съ достаточнымъ толкомъ, хотя и замѣтно, что въ кружкѣ недоставала музыкальной силы для того, чтобы руководить работою, какъ слѣдуетъ. Нѣкоторыя пѣсни чрезвычайно типичны (въ томъ числѣ и лучшія изъ сборника Стаховича). Что касается гармонизаціи, то она—не смотря на то, что для г. Вильбоа идеаломъ служилъ Глинка въ «Жизни за Царя»—весьма слаба вообще, а мѣстами и совсѣмъ неправильна. Попадаются случайно и хорошіе приемы гармоническіе, но рѣдко. Строжайшій *діатонизмъ* русской пѣсни еще не сознанъ, и тональность за частую сбита, что иногда заразило и самыя напѣвы... Въ 1866 году появился сборникъ 40 русскихъ пѣсенъ, составленный М. Балакиревымъ. Тутъ въ первый разъ, при записываніи русскихъ народныхъ напѣвовъ, сознанъ и осуществленъ принципъ строжайшаго діатонизма... От-

сюда начинается совсѣмъ новая струя для работъ надъ русскими пѣснями, и въ этомъ отношеніи заслуга г. Балакирева весьма-почтенна. Съ дѣломъ вѣрнаго записыванія—продолжаетъ авторъ—совпадаетъ дѣло выбора лучшихъ варіантовъ напѣва и текста. Подробная сравнительная провѣрка сборниковъ въ этомъ отношеніи требуетъ обширнаго спеціальнаго труда. Далѣе Сѣровъ обращаетъ вниманіе на лишенное надлежащей критики записываніе г. Балакиревымъ, и напѣва и текста пѣсенъ, какъ ему случилось ихъ услышать, хотя бы въ до-нельзя искаженномъ видѣ, и приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ искаженій и между прочимъ даже смѣшенія въ одной пѣсни текстовъ двухъ различныхъ пѣсенъ: «Молодка, Молодка, Молоденькая» и «купался боберъ» (№ 14) также указываетъ на принятый Балакиревымъ въ свой сборникъ (№ 10: «солнце закаталось») текста съ «галантерейными высокопарными оборотами сомнительно литературнаго происхожденія», оказавшагося искаженными стихами Ломоносова: «Ночью темною покрыты небеса».

Не буду останавливаться на статьяхъ другихъ авторовъ о томъ же предметѣ, такъ какъ въ нихъ лишь съ нѣкоторыми варіантами повторялись мысли и взгляды на русское народное пѣніе, уже высказанные кн. Одоевскимъ и Сѣровымъ. Прибавлю только, что въ сборникахъ, изданныхъ послѣ сборника Балакирева, напѣвы являются уже гармонизованными съ соблюденіемъ свойственнаго имъ діатонизма (иногда впрочемъ, проведеннаго въ свою очередь съ нѣкоторыми натяжками и неуклюжею тяжеловѣсностью), таковы сборники гг. Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Рубца, Мельгунова. Здѣсь не мѣсто дѣлать разборъ этихъ сборниковъ, достаточно указать лишь на то, что въ молодомъ поколѣніи русскихъ музыкантовъ исчезли уже и слѣды прежняго исключительно западно-европейскаго взгляда на народные напѣвы, которыхъ своеобразный характеръ, нынѣ достаточно понятый, сталъ наконецъ сохраняться въ гармонизаціяхъ, и самые напѣвы избавились отъ насильственнаго навязыванія имъ хроматизма и несвойственныхъ имъ ритмовъ ¹⁴⁾.

¹⁴⁾ Одновременно съ заботой о сохраненіи въ полной неприкосновенности народнаго пѣнія, почитателями русскихъ древностей, во главѣ которыхъ, изъ числа любителей музыки, стоялъ тотъ же кн. Одоевскій, было приложено не-меньшее попеченіе къ сохраненію въ совершенной чистотѣ и русскаго древне-церковнаго пѣснопѣнія:

А. Ф. Львовъ, въ сочиненіи своемъ: «О свободномъ или несимметрическомъ

Итакъ дѣятельность русскихъ музыкантовъ въ области народнаго пѣнія нашего ограничивалась почти исключительно собираніемъ и гармонизаціею народныхъ пѣсенъ, а равно и изученіемъ технически-музыкальнаго ихъ склада, вызвавшемъ въ послѣднее время столь дружный и энергическій протестъ противъ иноземнаго вліянія на гармонизацію какъ народныхъ, такъ и древне-церковныхъ русскихъ пѣснопѣній.—Русская пѣсня служила, однако, предметомъ изученія не только для музыкантовъ, но и для другихъ любителей и пѣвнителей русской старины, русскаго народнаго творчества—

ритмъ ратовалъ за вѣрное произношеніе текста церковныхъ пѣсенъ, съ соблюденіемъ естественнаго въ нихъ, несимметрическаго ритма.

Кн. Одоевскій, работавшій надъ рукописями нашихъ древне-церковныхъ напѣвовъ, старался, черезъ сличеніе ихъ между собою и съ изданіями синода, выяснитъ законы древней мелодіи и наиболѣе соответствующей ей гармонизаціи, въ упомянутыхъ выше статьяхъ энергически возставалъ противъ господства и въ церковномъ пѣніи нашемъ западноевропейскаго вліянія (въ переложеніяхъ Бортиянскаго, Турчанинова, Воротникова).

Н. М. Потуловъ, проникнутый тѣмъ же стремленіемъ, посвятилъ многіе годы на изученіе нашихъ церковныхъ мелодій и отысканіе способа ихъ гармонизаціи съ сохраненіемъ не только полной неприкосновенности напѣвовъ, но и настоящаго характера ихъ. По свидѣтельству лицъ, слышавшихъ церковные напѣвы, гармонизованные Потуловымъ, ему удалось разрѣшить поставленную имъ себѣ задачу. Онъ гармонизовалъ напѣвы синодальнаго изданія, сохранивъ «какъ святыню» каждую ноту ихъ, мелодіи этихъ напѣвовъ покоются въ его гармонизаціи на самыхъ простыхъ, безстрастныхъ, но полныхъ торжественнаго величія трезвучіяхъ, съ строгимъ соблюденіемъ діатонизма. О трудахъ Потулова писали кн. Одоевскій въ статьѣ: къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи, въ газетѣ «День» 1864 г. № 17, и Д. Разумовскій въ сочиненіи: «Церковное пѣніе въ Россіи» стр. 255 и сл.

Въ томъ же духѣ, какъ Потуловъ, трудился надъ изученіемъ церковнаго пѣснопѣнія нашего, во всѣхъ его видахъ, Г. І. Ламакинъ, производившій въ гармонизаціи церковныхъ напѣвовъ, по свидѣтельству кн. Одоевскаго, «замѣчательные опыты», оставшіеся, однако, ненапечатанными.

Я позволилъ себѣ сдѣлать это небольшое отступленіе отъ главнаго предмета предисловія моего къ разбору сочиненія г. Шафранова потому, что вопросъ о ближайшемъ изученіи народнаго пѣснопѣнія нашего, а также объ избавленіи его отъ чужеземнаго ига, и по времени, и по существу своему, отчасти даже и по отношенію къ дѣятелямъ, подвизавшимся на этомъ поприщѣ, совпадаетъ съ тѣмъ же вопросомъ въ области древне-церковнаго пѣнія. Связующимъ звеномъ древне-церковнаго и народнаго пѣнія нашего служитъ лежащая въ основаніи того и другаго діатоническая гамма. Въ церковномъ пѣніи гамма эта является построенною изъ слитныхъ тетрахордовъ. Такое же строеніе Сѣровъ, какъ показано было выше, приписываетъ и гаммѣ, на которой зиждется и мірское народное наше пѣніе.

не-музыкантскою, изслѣдовавшихъ наши пѣсни со стороны ихъ содержанія и стихосложенія.

Въ издававшихся, начиная съ 70-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, сборникахъ текстовъ народныхъ пѣсень, сія послѣдніе долгое время подвергались (подобно напѣвамъ въ сборникахъ музыкальныхъ) всевозможнымъ искаженіямъ и передѣлкамъ, по личному вкусу и произволу издателей. Въ сборники эти помѣщались нерѣдко, вмѣстѣ съ народными пѣснями и стихотворенія, сочиненныя современными писателями, а также тексты арій изъ любимыхъ оперъ и комедій. «По большой части—пишетъ Сахаровъ—редакція (сборниковъ пѣсень) выполнялась мелкими книжными торговцами, въ надеждѣ на выгодный сбытъ. Самая малая часть удостоилась только знатоковъ, принимавшихся за дѣло безъ всякихъ видовъ. Рыночныя издатели заботились только объ огромномъ заглавіи, многотомномъ собраніи, отъ этого зависѣлъ выгодный сбытъ... Ни одинъ изъ этихъ издателей не хотѣлъ вполнѣ передать народной пѣсни. Для однихъ они казались мужицкими, какими-то чудовищными изданіями, не имѣвшими никакого достоинства, для другихъ, очищенныхъ вкусомъ чужеземныхъ произведеній, надобны были исправленія, сообразныя понятіямъ редакторовъ. Вотъ отъ чего въ пѣсенникахъ печатались народныя пѣсни въ обезображенномъ видѣ»¹⁵⁾. Въ позднѣйшіе сборники Сахарова, Кирѣевскаго, Якушкина, Шейна и др., изданные съ надлежащею любовью и уваженіемъ къ предмету изданія, вошли дѣйствительныя произведенія народнаго творчества, въ разныхъ вариантахъ. Эти сборники могутъ и даже должны служить будущимъ издателямъ пѣсень съ напѣвами, для провѣрки и исправленія, въ настоящемъ народномъ духѣ, тѣхъ, иногда испорченныхъ, текстовъ, которые нерѣдко поются народомъ съ тѣмъ или другимъ напѣвомъ, и которые находили себѣ мѣсто въ сборникахъ пѣсень съ напѣвами, составленныхъ малоразборчивыми, по отношенію къ текстамъ,

¹⁵⁾ Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. I, стр. 26.—О томъ, какъ въ прежнія времена издатели сборниковъ русскихъ пѣсень распоряжались съ ними, можно судить, между прочимъ, по предисловію, которое предпослалъ своему сборнику подъ заглавіемъ «Россійская Эрата» (1792), нѣкто М. Поповъ. Писавшій слѣдующее: «Со старинными пѣснями поступалъ я такимъ образомъ: По учиненіи оныхъ изъ преогромнаго стаи очень малаго выбора, потщася въ нѣкоторыхъ исправить не токмо разногласія и жрну во стихахъ, но и переставляя оныя въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею». (Сказ. русс. нар. I. 28).

музыкантами ¹⁶). Оставляя въ сторонѣ труды ученыхъ, разсматривавшихъ русскія пѣсни съ бытовой ихъ стороны, я ограничусь здѣсь приведеніемъ главнѣйшихъ результатовъ лишь тѣхъ изслѣдованій, которыя имѣли предметомъ народно-русское стихосложеніе.

Во главѣ ученія о народно-русскомъ стихосложеніи стоитъ, безъ сомнѣнія, Востоковъ, изложившій свое ученіе въ сочиненіи: «Опытъ о русскомъ стихосложеніи» (2-е изд. 1817 г.) ¹⁷). Въ стихахъ «русскаго размѣра» онъ прежде всего замѣчаетъ преобладаніе краткихъ (неударяемыхъ, понижаемыхъ) слоговъ, между тѣмъ какъ во всемъ стихѣ слышны только два или три долгіе (ударяемые, повышаемые) слога. «Риѣмическую основу» стиха составляютъ по его мнѣнію, послѣдніе слоги стиха, прочія же части его, т. е. начало и середина не имѣютъ опредѣленнаго стопосложенія, что, впрочемъ, не мѣшаетъ стихамъ быть равными, ибо мѣра ихъ состоитъ въ удареніяхъ, коихъ число не измѣняется. Востоковъ находитъ затѣмъ названія слоговъ: «долгіи» и «краткіи» несвойственными, «ибо повышеніе голоса совсѣмъ не то, что *протяженіе* онаго. Сего послѣдняго нѣтъ въ русскомъ языкѣ, а потому и нѣтъ у насъ собственно долгихъ слоговъ... Они (*долгіе* слоги) столь же коротко и скоро произносятся, какъ прочіе слоги, на коихъ голосъ понижается и которые слывятся *краткими*». Сказанное относится до мѣры слоговъ въ разговорномъ языкѣ. «Я здѣсь не говорю—продолжаетъ Востоковъ—о мѣрномъ чтеніи стиховъ или о возгласеніи (декламаци) важной прозы, гдѣ слова произносятся уже нѣкоторымъ образомъ на распѣвъ, и гдѣ конечно русскій языкъ, какъ и всякій другой, воленъ давать словамъ протяженіе для выразительности или живописности». Рядъ словъ, въ коемъ одному

¹⁶) Г. Римскій-Корсаковъ въ своемъ «Сборникѣ русск. нар. пѣсенъ» (1876 г.) уже сдѣлалъ къ тому попытку, указывая на варианты нѣкоторыхъ пѣсенъ, существующіе въ другихъ сборникахъ.

¹⁷) Авторъ «Предувѣдомленія», предпосланнаго сборнику русскихъ пѣсенъ (съ напѣвами) Прача, изданному въ 1-й разъ въ 1790 г., говоритъ о русскихъ пѣсняхъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, не имѣющихъ серьезнаго научнаго значенія: «Оное (стихосложеніе)—пишетъ онъ—представляетъ стихи многоразличныхъ родовъ и мѣръ. Во всѣхъ однако же разнообразныхъ его видахъ замѣчается правильность просодіи, удивительное согласіе сей послѣдней съ музыкою, пріятная для слуха плавность и частыя и естественныя отдохновенія для голоса, которымъ оно наиболѣе отличается отъ стихосложенія всѣхъ другихъ народовъ и потому преимущественнѣе».

слогу, повышаемому, подчиняются прочіе слоги, понижаемые, напр. «пѣй дѣшь-лй тѣ съ мнѣю» Востоковъ называетъ *прозодическимъ періодомъ*. Въ народно-русскихъ стихахъ считаются не стопы, не слоги, а прозодическіе періоды, т. е. считаются ударенія, по которымъ и должно измѣрять стихи старинныхъ русскихъ пѣсень. Слѣдовательно, сколько удареній, столько и періодовъ, бываетъ же ихъ въ стихахъ, по мнѣнію Востокова, отъ одного до четырехъ.

Стихи русскихъ старинныхъ пѣсень Востоковъ дѣлитъ на *лирическіе* (пѣсенные) и *эпическіе* (сказочные). «Главное свойство тѣхъ и другихъ есть *равночисленность удареній*, но пѣсенные стихи бываютъ притомъ по большей части *равносложны* и имѣютъ (по большей же части) порядокъ удареній *неизмѣняющійся*. . . *Пѣсенные стихи во всякомъ языкѣ бываютъ правильнѣе или лучше сказать одномѣрнѣе повѣствовательныхъ, будучи сочиняемы подъ ладъ къ музыкѣ. Такъ и въ Русскомъ*». Востоковъ дѣлитъ пѣсенные стихи на виды, по числу въ каждомъ стихѣ прозодическихъ удареній, съ подраздѣленіями по числу слоговъ въ стихѣ и по роду окончанія его (дактилическому, хорейческому, трибрахическому).

Русскіе пѣсенные стихи имѣютъ свои *куплеты* или *строфы*. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, названныхъ Прачемъ *протяжными*, мелодическіе періоды «объемлютъ только по одному стиху, и таковыя пѣсни можно назвать безстрофными; но въ другихъ пѣсняхъ по два и по четыре стиха входятъ въ составъ періода мелодическаго, чѣмъ естественно образуются куплеты. Въ русскихъ пѣсняхъ куплеты не содержатъ въ себѣ никогда болѣе 4-хъ стиховъ короткихъ, или 2-хъ длинныхъ, да и то послѣдній стихъ бываетъ нерѣдко только *повтореніемъ* перваго, предшествуемое обыкновенно какимъ нибудь общимъ *припѣвомъ* ¹⁸⁾. Иногда припѣвомъ куплеты оканчиваются. . . Припѣвы сіи употребительны болѣе въ плясовыхъ, хороводныхъ и свадебныхъ пѣсняхъ». Далѣе Востоковъ упоминаетъ о составленіи куплетовъ помощью разнаго рода повтореній цѣлыхъ стиховъ или частей ихъ, а именно: повторяется послѣдняя половина одного стиха въ первой половинѣ другаго ¹⁹⁾; повторяются первыя слова каждаго стиха или обѣ половины его по два, по три раза и болѣе ²⁰⁾; повторяется весь второй стихъ

¹⁸⁾ Напр. «Ой Дидъ и Ладю», «Ой люли», «Ой жги».

¹⁹⁾ Напр. «А чтожъ ты, голубчикъ, невеселъ сидишь, *Невеселъ сидишь и нерадостень*».

²⁰⁾ Напр. «По горамъ, *по юрамъ*
И я *по юрамъ* ходила».

одного куплета, составляя такимъ образомъ уже начало слѣдующаго куплета ²¹⁾. «Русская народная поэзія любить сіи повторенія и сію четность стиховъ и составляетъ куплеты свои чаще съ помощію повтореній, нежели изъ стиховъ неповторяемыхъ». «Нельзя ожидать отъ простыхъ нашихъ русскихъ пѣснеслагателей—прибавляетъ Востоковъ—какихъ либо непремѣнныхъ правилъ какъ въ разсужденіи порядочнаго расположенія куплетовъ, такъ и по всѣмъ другимъ принадлежностямъ стихосложенія. Часто разныя формы у нихъ перемѣшаны. Но сіе случайное наблюденіе правилъ доказываетъ только то, что правила еще не утверждены и не приведены въ извѣстность, а не то чтобы оныхъ совсѣмъ не было». Затѣмъ онъ упоминаетъ о допускаемыхъ вольностяхъ, каковы: разное слогаудареніе (дѣвица, дѣвѣица), частицы наполнительныя («А и конь подъ нимъ»...), вставки наполнительныхъ слоговъ для мѣры («И тѣмъ попамъ всѣмъ соборнымъ»), выбрасываніе слоговъ, не входящихъ въ мѣру («Горючьми слезьми»), усѣченія («бѣлу руку»).

Въ заключеніи о гармоніи русскаго стиха Востоковъ говоритъ между прочимъ: «поелику размѣръ сей (т. е. русскихъ народныхъ стиховъ) основанъ не на равносложности и не на порядкѣ стопъ то и не составляетъ въ немъ *разночисленность слоговъ* и *разномѣстность удареній* существенной негладкости или разноголосицы. Вольность сія нерѣдко еще благоприятствуетъ непринужденному выраженію и языку чувствъ». *Римы* были незнакомы стариннымъ пѣснотворцамъ русскимъ и, если иногда и встрѣчаются, то только случайно. Наконецъ Востоковъ обращаетъ вниманіе на то, что «переносы изъ одного стиха въ другой (enjambements) въ русскихъ стихахъ совсѣмъ не позволительны: у русскаго пѣснотворца или сказочника *въ каждомъ стихѣ полный смыслъ рчи заключается*, и расположеніе словъ ничѣмъ не отличается отъ простаго разговорнаго».

Пѣніе, по мнѣнію Востокова, не имѣетъ ничего общаго съ размѣромъ стиховъ. Пѣніе по большей части уравниваетъ долгіе слоги съ краткими и нерѣдко сіи послѣдніе протягиваетъ еще бо-

²¹⁾ Напр. «Ходила младшенька по борочку,
Брала, брала ягодку земляничку.
Брала брала ягоду земляничку,
Наколола ноженьку на тресочку,
Наколола ноженьку на тресочку,

и т. д.

лѣе первыхъ, превращая ихъ изъ пиррихіевъ въ спондеи и даже въ диспндеи. «При такомъ превращеніи естественно пропадаютъ ударенія, составляющія основу стиха русскаго. Но тѣмъ удивительнѣе то, что основа сія столь ощутительна при чтеніи стиховъ, кои конечно для пѣнія собственно, а не для чтенія сочинены, въ одно время съ ихъ голосами! Не берусь разъяснить сего противорѣчія между мелодіею и просодіею русскихъ пѣсень, но оно существуетъ; а природа, единственная учительница стихосложенію, умѣла согласить независимое существованіе въ русскомъ стихѣ двухъ разныхъ мѣръ, т. е. пѣнія и чтенія».

Дубенскій, слѣдовавшій ученію Востокова, говоритъ объ отношеніи напѣвовъ къ тексту пѣсень также въ самыхъ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: «Въ распредѣленіи ихъ (т. е. стопъ) слагатели пѣсень не держались никакихъ теорій, вдохновеніе и чувство вели ихъ; *напѣвъ стѣнный имъ спутникъ* соразмѣрлялъ слова по нѣкоторому тайному закону». ²²⁾

Перевлѣсскій ²³⁾ основываетъ свою теорію народнаго русскаго стихосложенія на результатахъ изслѣдованія Востокова. Удареніе, составляющее какъ бы вершину просодическаго періода, не получившее у Востокова особеннаго названія, Перевлѣсскій называетъ не совсѣмъ справедливо *логическимъ*, просодическому же періоду онъ даетъ также не совсѣмъ удачное названіе *тактъ*. Каждый тактъ, какъ цѣлое, долженъ быть отдѣленъ цезурою или паузою. О встрѣчающейся нерѣдко въ русской народной поэзіи неравносложности Перевлѣсскій замѣчаетъ, что «она не нарушаетъ единства ихъ ритма какъ въ отдѣльныхъ просодическихъ періодахъ, такъ и въ цѣломъ составѣ стиха: потому что удареніе, сосредоточивая силу произношенія на ударяемомъ слогѣ, можетъ *протягивать* или *сокращать* его, смотря по тому, недостаетъ ли слога въ періодѣ, или находится въ немъ слогъ лишній, и такимъ образомъ пополнить недостающіе слоги, скрадывать или дѣлать незамѣтными слоги лишніе».

Классовскій ²⁴⁾, отличая три рода удареній: грамматическое, логическое и стихотворное, называетъ ритмъ, происходящій отъ увеличенной важности стихотворнаго ударенія, *тоническимъ* и нахо-

²²⁾ «Опытъ о русскомъ народномъ стихосложеніи» 1828 г. см. Сахаровъ: Сказанія русс. нар. I.

²³⁾ «Русское стихосложеніе», 1853 г.

²⁴⁾ «Версификація», 1863 г.

дитъ *тоническую версификацію*, «самую естественную и по преимуществу музыкальную», — свойственно русскимъ народнымъ стихотвореніямъ. Версификацію же, свойственную русскимъ литературнымъ стихамъ, онъ называетъ *тонико-метрическою*. Въ главныхъ чертахъ ученіе его о тонической версификаціи основывается также на вышеозначенномъ трудѣ Востокова. Повышенію голоса (ударенію), производящему ритмъ въ тоническихъ стихахъ, онъ даетъ названіе *тоническаго ударенія*, а сумму слоговъ или словъ, подавляемыхъ тоническимъ удареніемъ, со включеніемъ въ нее и слога ударяемаго (т. е. прозодическій періодъ Востокова, тактъ Перевлѣскаго) называетъ *тоническимъ періодомъ*. Подобно Востокову, Классовскій подраздѣляетъ тоническіе стихи по числу тоническихъ въ нихъ удареній, складъ же стиха онъ опредѣляетъ счетомъ неударяемыхъ (подавляемыхъ) промежуточныхъ слоговъ между тоническими удареніями, обращая притомъ вниманіе на *начало* и *окончаніе* стиха. По примѣру Востокова, Классовскій обращаетъ вниманіе на наиболѣе часто встрѣчающіеся виды *куплетовъ* или *строфъ*, съ повтореніями стиховъ буквальными, или съ незначительными измѣненіями ²⁵⁾, съ пригѣвами простыми или двойными (повторяющимися) ²⁶⁾, съ пригѣвами въ видѣ одного неизмѣняющагося слова ²⁷⁾, съ повтореніями первыхъ словъ каждаго стиха или обѣихъ его половинъ, по два, по три раза и болѣе ²⁸⁾. «Другія особенности въ народныхъ лирическихъ пѣсняхъ — прибавляетъ Классовскій — какъ напримѣръ весьма распространенное повторе-

25) Напр.: «Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.» } повтореніе небуквальное.

26) Напр.: «Люди, люди стояла,
Люди, люди стояла.» } двойной пригѣвъ, составляющій продолженіе приведеннаго въ пр. 24 двустипшія.

27) Напр.: «Лѣнивая лѣнивица
Слава!
Лѣнилася она.
Слава!»

28) Напр.: «Во лужахъ, во лужахъ
Еще во лужахъ, зеленыхъ лужахъ,
Еще во лужахъ, зеленыхъ лужахъ
Выросла, выросла» и т. д.

ніе послѣдней половины одного стиха въ первой половинѣ другого, съ пояснительною прибавкою, напр.

Чтожь ты голубчикъ невесель сидишь,
Невесель сидишь и нерадостень?» и т. д.

должны быть разсматриваемы въ стилистикѣ, а не въ версификаціи».

Срезневскій²⁹⁾, изслѣдуя размѣръ народныхъ стиховъ славянъ вообще, замѣчаетъ, что «древнѣйшій и у всѣхъ славянъ одинаково распространенный *эпическій* стихъ заключаетъ въ себѣ десять слоговъ съ двумя удареніями, такъ что или къ каждому слогу, обозначенному удареніемъ, относится одинаково по четыре слога безъ удареній (напр. Ужь какъ палъ туманъ — на синем море), или же къ одному изъ слоговъ съ удареніемъ относится три, а къ другому пять слоговъ безъ ударенія (напр. Aj wltawo — se mustiši wodu, — два се звука у брѣзгу колѣу)³⁰⁾. *Древнѣйшій* и также у всѣхъ славянъ распространенный *лирическій* стихъ заключаетъ въ себѣ шесть или восемь слоговъ тоже съ двумя удареніями, такъ что къ каждому принадлежитъ по два или по три слога безъ удареній. Позже появились стихи съ тремя удареніями въ двѣнадцать и болѣе слоговъ и съ однимъ удареніемъ на четыре и пять слоговъ. Каждая стопа, т. е. каждая часть стиха, отмѣченная отдѣльнымъ удареніемъ и заключающая въ себѣ определенное количество слоговъ,³¹⁾ должна была быть и по содержанию отдѣльною частію мысли или фразы; съ окончаніемъ стопы должно было оканчиваться и слово... на томъ же условіи соотвѣтствія, по которому въ одномъ и томъ же стихѣ могла быть одна стопа о четырехъ, а другая о шести слогахъ, образовалась также издревле сочетаніе паръ стиховъ, изъ которыхъ въ одномъ восемь, а въ другомъ шесть, или же въ одномъ семь или шесть слоговъ, а въ другомъ пять или четыре. Вмѣстѣ съ парованьемъ стиховъ положено начало куплетамъ: два равные стиха составляли сами по себѣ куплетъ; такъ что къ каждому стиху относилась половина

²⁹⁾ «Мысли объ исторіи русскаго языка», 1850 г. гл. VII.

³⁰⁾ Положеніе это авторъ подтвердилъ многочисленными примѣрами въ статьѣ: «Нѣсколько замѣчаній объ эпическихъ размѣрахъ Славянскихъ народныхъ пѣсень», напечатанной въ Извѣстіяхъ Имп. Ак. Наукъ по Отдѣлу Русск. яз. и словесности. Т. IX, вып. I.

³¹⁾ «Стопа» соотвѣтствуетъ здѣсь, слѣдовательно, приведенному выше «столбическому періоду» Классовскаго.

музыкальнаго напѣва; два неровныя стиха сочетавались съ такою же другою паркою неровныхъ стиховъ, и въ такомъ случаѣ на половину напѣва приходилось по два стиха. Дальнѣйшее развитіе формъ куплетовъ принадлежатъ къ позднѣйшему времени. Изъ этого надобно исключить только употребленіе припѣвовъ, которые издревле были въ обычаѣ не только при окончаніи куплетовъ, но и каждаго стиха и даже каждой стопы. Нѣкоторые изъ этихъ припѣвовъ сочетавались послѣдними своими звуками съ послѣдними звуками той части стиха, за которою повторялись: это положило начало употребленію риемъ. Нельзя сказать, что риема есть изобрѣтеніе новое: въ древнѣйшихъ пословицахъ славянскихъ, сохранившихся у многихъ славянъ въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ видѣ, видимъ риемы; въ сказочныхъ присказкахъ, неизмѣняемыхъ по волѣ расказчика, всюду повторяемыхъ дословно, тоже встрѣчаются риемы. Тѣмъ не менѣе риемованіе стиховъ въ пѣсняхъ есть явленіе позднее: многіе славяне до сихъ поръ или совсѣмъ не знаютъ обычая украшать стихи своихъ пѣсенъ риемами или употребляютъ риемы очень рѣдко. У Великоруссовъ и всѣхъ югозападныхъ славянъ употребленіе риемъ очень мало обычно; у Малоруссовъ и у Славянъ сѣверозападныхъ, за исключеніемъ Сербовъ Лужичанъ, риемы очень употребительны, но и у нихъ не вездѣ: такъ между прочимъ большая часть пѣсенъ обрядныхъ у всѣхъ народовъ Славянскихъ остается безъ риемъ.... Свобода несоблюдать въ стихахъ пѣсенъ опредѣленнаго количества слоговъ на опредѣленное количество удареній... увеличивалась все болѣе, увеличивалась съ отдаленіемъ языка отъ своего первообразнаго древняго вида, — и языкъ народной словесности, удаляясь отъ древнихъ условій гармоніи, все болѣе сближался съ языкомъ простаго, обыденнаго разговора. Вслѣдствіе этого сдѣлались возможными *такія народныя пѣсни, которыя отличаются отъ обыкновенной разговорной рѣчи только музыкальнымъ напѣвомъ*, и въ которыхъ выраженія по своей формѣ такъ мало завязать даже отъ напѣва, что одну и ту же пѣсню можно прилаживать къ напѣву и такъ и иначе, и вставляя слова, и выпуская, и мѣняя ихъ порядокъ». Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи авторъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду преимущественно русскія народныя пѣсни.

Приведенными извлеченіями изъ указанныхъ сочиненій Востокова, Перевлѣскаго, Классовскаго и Срезневскаго исчертываются главнѣйшіе результаты изслѣдованій народно-русскихъ пѣсенныхъ стиховъ со стороны техническаго ихъ устройства.

Г. Шафрановъ, въ разсужденіи своемъ «*О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами*», становится на совершенно новую точку зрѣнія, между музыкантами и не-музыкантами, и, разсматривая русскую народную пѣсню, какъ состоящую изъ неразрывно связанныхъ въ ней двухъ элементовъ: текста и напѣва, распространяетъ свои изслѣдованія одновременно на музыкальную и словесную ея стороны. Авторъ самъ очевидно не принадлежитъ къ числу музыкантовъ, — въ этомъ убѣждаютъ читателя нѣкоторыя высказываемыя имъ мнѣнія о вопросахъ специально-музыкальныхъ или даже бѣглый взглядъ на многочисленныя, приложенныя къ труду его, музыкальныя примѣры (народныя напѣвы), обнаруживающіе не только очевидную неопытность, въ дѣлѣ нотописанія, руки, начертавшей эти примѣры, но и довольно сомнительный вкусъ автора въ выборѣ напѣвовъ, нерѣдко принадлежащихъ именно къ разряду такихъ, въ которыхъ, по выраженію кн. Одоевскаго, «господствуютъ итальянскія фразы на нижегородскій ладъ, и на оборотъ». Это, впрочемъ, не помѣшало автору въ главномъ предметѣ своего изслѣдованія стать на твердую почву и, подобно тому, какъ новѣйшіе русскіе музыканты повели борьбу противъ западно-европейскаго гнета, тяготѣвшаго многія десятилѣтія надъ русскими народными напѣвами, повести по отношенію къ стихосложенію народныхъ пѣсенъ борьбу противъ теоріи версификаціи, разсматривавшей сложеніе текстовъ ихъ совершенно независимо отъ соотвѣтствующихъ имъ напѣвовъ, видѣвшей основу, «на коей утверждается гармонія стиховъ русскихъ» въ числѣ удареній (Востоковъ). Исходной точкой послужила автору мысль, почти только вскользь вымолвленная Востоковымъ, что пѣсенныя стихи вообще, въ томъ числѣ и народно-русскіе, сочиняются «подъ ладъ къ музыкѣ». Конечный результатъ, къ которому авторъ приходитъ въ своемъ изслѣдованіи, слѣдующій: *народно-русское стихосложеніе есть стилистическое, не имѣющее ничего общаго съ просодією, но оно тѣмъ не менше не уступаетъ въ музыкальности стихотвореніямъ просодическимъ. Главнѣйшую особенность склада нашей народной пѣсенной рѣчи составляютъ повторенія и параллелизмъ. Истинная основа строя пѣсенной рѣчи заключается въ пѣсенномъ ея напѣвѣ.*

Разсужденіе г. Шафранова распадается на четыре статьи. Разсмотрѣнію народно-русскаго пѣсеннаго склада рѣчи авторъ препосылаетъ изложеніе «господствующихъ въ теоріи стихотворства воззрѣній на основныя элементы ритмики и метрики, сопровождаая ихъ замѣчаніями съ точки зрѣнія народно-русскаго пѣсеннаго

стихосложенія, чтобы такимъ образомъ выяснилось, какія положенія греко-латинской метрики, усвоенныя и нѣмецкою и нашею литературою, примѣнимы къ народно-русской пѣсенной рѣчи, и какія метрическія формы выработались въ ней совершенно самостоятельно».

Нервную статью своего труда авторъ посвящаетъ разсмотрѣнію основъ количественнаго греко-латинскаго стихосложенія по сочиненіямъ: R. Westphal, *Metrik der Griechen* и W. Brambach, *Rhythmische und metrische Untersuchungen*, изъ которыхъ (въ особенности изъ сочиненія Вестфала) онъ приводитъ весьма пространныя цитаты и извлеченія, пополняя и связывая ихъ своими собственными разсужденіями объ *отношеніи основъ количественнаго стихосложенія къ народно-русскому пѣсенному*.

«Греческая метрика имѣетъ предметомъ формальную сторону греческой поэзіи, поколику сія послѣдняя представляетъ собою выраженіе ритмическихъ формъ въ словѣ... Ритмическія формы не составляютъ принадлежности языка (*sind etwas ausserhalb der Sprache liegendes*). Языкъ имѣетъ только способность къ ритмической обработкѣ и по этому свойству своему означаемъ былъ у древнихъ *ρῦθμικὸν*, но самый ритмъ есть произведеніе чело-вѣческаго духа, и различныя формы ритма создаются умомъ поэта, который напечатлѣваетъ на языкѣ прирожденное свое чувство порядка и соразмѣрности». Приведа эти слова Вестфала, г. Шафрановъ упрекаетъ его въ томъ, что «послѣ совершенно вѣрнаго различенія терминовъ — *метръ* и *ритмъ* — изъ которыхъ первый служитъ выраженіемъ ритмическихъ формъ въ словѣ, ... тотчасъ начинается уже (у Вестфала) смѣшиваніе метрическихъ формъ съ ритмическими», и прибавляетъ, что, «разъ установивъ понятіе о ритмѣ, какъ о складѣ напѣва и музыкальнаго произведенія вообще, и о метрѣ, какъ о складѣ стихотворной рѣчи, ... нельзя уже сказать, что языкъ имѣетъ способность къ ритмической обработкѣ. Упрекъ этотъ нельзя признать вполне справедливымъ, такъ какъ Вестфаль именно въ данномъ мѣстѣ понимаетъ слово «ритмъ» въ самомъ обширномъ его значеніи, какъ проявленіе упомянутаго выше прирожденнаго чело-вѣку чувства порядка и соразмѣрности вообще, которому, по выраженію Вестфала, приведенному г. Шафрановымъ далѣе «въ поэзіи подлежатъ слова, въ музыкѣ звуки, въ пляскѣ (орхестикѣ) тѣлодвиженія, причемъ самое движеніе составляетъ какъ бы матеріалъ, а ритмъ представляетъ собою упорядочивающій, формальный элементъ, нѣчто совершенно

независимое отъ сущности слова, звука и тѣлодвиженія». Нельзя, однако, не признать большаго удобства въ принятомъ авторомъ и проведенномъ черезъ все рассматриваемое сочиненіе его строгомъ разграниченіи понятій метръ и ритмъ, при чемъ словомъ *метръ* называется имъ складъ пѣсенной *рѣчи*, т. е. текста, а словомъ *ритмъ* — складъ пѣсеннаго *напѣва*, т. е. складъ музыкальный.

Далѣе авторъ, указывая на то, что у древнихъ грековъ поэзія была неразрывно связана съ пѣніемъ, а слѣдовательно подчинялась, при исполненіи, и метру, и ритму, знакомить читателя, помощью цитатъ изъ сочиненій нѣкоторыхъ древнихъ писателей (заимствованныхъ изъ того же сочиненія Вестфала) со сходствомъ и различіемъ между *метрическими стопами* и *ритмическими тактами*. «Изъ этихъ свидѣтельствъ убѣждаемся — пишетъ г. Шафрановъ — что естественная протяжность слоговъ (просодія) была искусственно измѣняема, какъ метрикою, въ стихотворномъ складѣ рѣчи, такъ еще болѣе ритмикою, въ напѣвѣ, именно метристы на мѣсто естественной, разнообразной и собственно неизмѣримой долготы и краткости гласныхъ, установили протяжность краткаго слога въ одну мѣру ($\chi\rho\nu\nu\sigma\ \tau\rho\acute{\iota}\tau\omicron\varsigma$, $\beta\rho\alpha\chi\epsilon\acute{\iota}\alpha\ \mu\omicron\nu\acute{o}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma = \frac{1}{8}$ такта)³²⁾, а протяжность долгаго слога въ двѣ мѣры ($\sigma\upsilon\lambda\lambda\alpha\beta\eta\ \mu\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\ \delta\acute{\iota}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma = \cup\cup$ или —). Ритмисты, слагатели напѣвовъ, пошли далѣе: они и короткому слогу, когда хотѣли, давали протяженіе болѣе одной мѣры, а долгому слогу болѣе чѣмъ двѣ мѣры, именно три, четыре и пять мѣръ ($\mu\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\ \tau\rho\acute{\iota}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma = \cup\cup\cup$ или —, $\mu\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\ \tau\epsilon\tau\rho\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma = \cup\cup\cup\cup$ или —, $\mu\alpha\chi\rho\acute{\alpha}\ \pi\epsilon\nu\tau\acute{\alpha}\sigma\eta\mu\omicron\varsigma = \cup\cup\cup\cup\cup$ или ш).³³⁾ Метрика, разошедшись такимъ образомъ съ ритмикою въ опредѣленіи протяжности слоговъ, не могла уже остаться въ согласіи съ нею и относительно тактовъ».

Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, словами Вестфала, составныхъ частей пѣсенной рѣчи: «Время, употребляемое для произношенія

³²⁾ Принятіе $\frac{1}{8}$ такта за величину, равную наименьшей долѣ времени греческаго ритма, т. е. одномѣрной краткости ($\chi\rho\nu\nu\sigma\ \tau\rho\acute{\iota}\tau\omicron\varsigma$), можетъ быть допускаемо только условно, такъ какъ дѣйствительная длительность $\frac{1}{8}$ въ музыкѣ вполнѣ зависитъ отъ темпа: въ медленномъ темпѣ $\frac{1}{8}$ можетъ оказаться болѣе продолжительною, чѣмъ $\frac{1}{4}$, $\frac{3}{8}$ и даже $\frac{1}{2}$ въ темпѣ быстромъ.

³³⁾ «Для насъ же — продолжаетъ г. Шафрановъ — удивительно, если греческіе композиторы и на томъ остановились, т. е. связали себя пятимѣрностью слога: нынѣшніе относительно этого пользуются полною свободою; такъ въ пѣснѣ «Не бѣлы то снѣги послѣдній слогъ слова *сими* тянется шесть четвертей такта, равняющіяся 12-ти мѣрамъ греческимъ, если каждую изъ нихъ принять за $\frac{1}{8}$ такта».

($\lambda\acute{\epsilon}\xi\iota\varsigma$) или для выговора слоговъ и словъ стихотворенія, можетъ быть разлагаемо на отдѣлы, различаемые слухомъ вслѣдствіе того, что въ каждомъ отдѣлѣ (группѣ слоговъ) одинъ слогъ выдвигается изъ среды прочихъ особеннымъ напряженіемъ голоса (durch eine stärkere Intention der Stimme). Это напряжение голоса называется *ритмическимъ иктомъ* ... Технический терминъ для группы слоговъ, составляющихъ одно цѣлое, съ отдѣльнымъ ритмическимъ иктомъ, называется нынѣ тактомъ, у грековъ называется $\rho\acute{o}\delta\varsigma$, у латинянъ *pes* (нога, стопа).»³⁴) Утвержденію Вестфала, что такты и икты выводятся изъ произношенія ($\lambda\acute{\epsilon}\xi\iota\varsigma$), а не изъ пѣнія ($\mu\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$), авторъ противопоставляетъ слова Вестфала же, что греческіе поэты вмѣстѣ съ тѣмъ были и композиторами своихъ текстовъ, изъ чего авторъ выводитъ, что *ритмическія формы у древнихъ существенно основывались на музыкѣ*. Указывая за тѣмъ на то, что въ пѣніи употреблялись многообразныя фигуры мѣръ, а именно не только двухмѣрныя, но и трех-, четырех- и пяти-мѣрныя долготы, кромѣ того дробныя (ирраціональныя) мѣры и пустые такты (паузы), авторъ подтверждаетъ уже выше приведенное различіе между метрическими (стихотворными) и ритмическими (напѣвными) мѣрами, которыя аналогичны лишь до тѣхъ поръ, пока напѣвъ ведется въ простыхъ тактахъ, т. е. состоящихъ только изъ одномѣрныхъ и двухмѣрныхъ протяженій, но и въ такомъ случаѣ метрическія стопы и ритмическіе такты только аналогичны, а не тождественны, такъ какъ все же значительная разница между пѣніемъ и декламаціей, ибо въ первомъ двухмѣрная долгота принимается за наименьшую, а во второй за наибольшую, и (одномѣрная) краткость, т. е. единица времени въ пѣніи растяжимѣе, чѣмъ въ говореніи.

Изъ тактовъ (стопъ), соединяемыхъ въ группы, образуются *члены* или *коляна* ($\kappa\acute{o}\lambda\alpha$), или, другими словами, членъ или колено составляется изъ мѣръ или стопъ и есть какъ бы сложная стопа, колено же по два (иногда и болѣе) соединяются въ *періодъ* (стихъ), при чемъ у грековъ первое колено (предъидущій членъ періода) называлось лѣвымъ, а второе (послѣдующій членъ періода) — правымъ. У древнихъ пѣсня дѣлилась на стихи сообразно съ строе-

³⁴) Такты въ пѣніи отмѣчались у древнихъ ударами ноги (отсюда и названіе $\rho\acute{o}\delta\varsigma$, *pes*, стопа), при чемъ членъ такта, соответствовавшій поднятію ноги, т. е. неударяемый, легкій, назывался *арсисъ* ($\acute{\alpha}\rho\sigma\iota\varsigma$), а соответствовавшій опусканію (удару) ея, т. е. ударяемый, тяжелый — *тезисъ* ($\theta\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$). Нѣкоторые (въ томъ числѣ и Классовскій) ошибочно понимали эти названія въ обратномъ смыслѣ.

ніемъ періодовъ мелодіи, именно каждый стихъ въ теченіи всего соотвѣтствовавшаго ему музыкальнаго періода заключалъ въ себѣ непрерывающуюся рѣчь, представлявшую по отношенію къ слѣдующему періоду самостоятельное цѣлое, такъ что конецъ періода совпадалъ съ концомъ слова. Въ древнѣйшихъ періодахъ (стихахъ) соблюдалась кромѣ того *цезура*, т. е. каждое изъ колѣнъ (полустипій) его заканчивалось съ концомъ слова. Впрочемъ, періоды бывали и одноколѣнные. Изъ періодовъ образуются, наконецъ, *строфы* ³⁵⁾. Основанія всѣхъ приведенныхъ раздѣленій поэтической рѣчи заключаются въ напѣвѣ (μελος). Данныя здѣсь объясненія составныхъ частей пѣсенной рѣчи выведены изъ разбора сохранившейся древнѣйшей пѣсни (текста съ напѣвомъ) «къ музѣ», извлеченнаго авторомъ изъ сочиненія Вестфала, при чемъ перепечатана въ разсматриваемомъ трудѣ и самая пѣсня эта съ нотами и текстомъ.

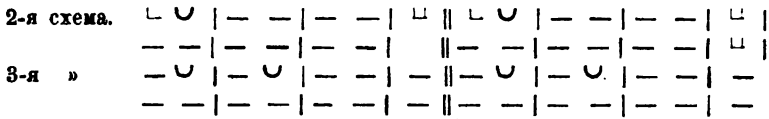
«Всѣ вышеупоминаемыя метрическія (стихотворныя) формы—пишетъ авторъ — имѣющія одинаковыя названія съ соотвѣтствующими имъ формами ритмическими (напѣвными) и происходящія изъ основаній, общихъ какъ тексту, такъ и напѣву, мы встрѣтимъ и въ народно-русской пѣсенной рѣчи», въ примѣръ чего приведена пѣсня «Дуня»:

	1-е колѣно	2-е колѣно
Строфа {	Періодъ (стихъ): Дуня, Дуня румяна! За что любишь Ивана?	
	то же: За то люблю Ивана, головушка кудрява.	

Изъ сравненія трехъ схемъ этой пѣсни: 1) *основанной на грамматическихъ удареніяхъ*, сливающихся съ усиленною протяжностью, 2) *ритмической*, заимствованной изъ напѣва и изображенной вышеприведенными древне-греческими ритмическими знаками и 3) *метрической*, помощью обыкновенныхъ метрическихъ знаковъ (только двухъ: — и ∪) изображающей предыдущую (ритмическую) схему:

1-я схема: $\begin{array}{cccccccccccccccc} \acute{\cup} & \cup & \acute{\cup} & \cup & \cup & \acute{\cup} & \cup & \parallel & \cup & \acute{\cup} & \acute{\cup} & \cup & \cup & \acute{\cup} & \cup & | \\ \cup & \acute{\cup} & \cup & \acute{\cup} & \cup & \acute{\cup} & \cup & \parallel & \cup & \acute{\cup} & \cup & \cup & \cup & \acute{\cup} & \cup & | \end{array}$

³⁵⁾ «Соотвѣтственность строкъ—пишетъ Вестфаль—имѣетъ смыслъ только въ такихъ стихотвореніяхъ, которыя исполняются съ повторяемыми построѣнно мелодіями, или въ стихотвореніяхъ, составленныхъ по образцу такихъ, выполняемыхъ съ музыкою, стихотвореній».

г. Шафрановъ выводитъ, что въ этой пѣснѣ «есть строфы, соотвѣтствующія полному напѣвному обороту, есть и періоды или стихи, въ которыхъ мелодическое предложеніе совпадаетъ съ логическимъ, есть колѣна или полустипія, соотвѣтствующія главнымъ членамъ мелодіи», но что вмѣстѣ съ тѣмъ пѣсенная рѣчь не укладывается въ такты или стопы, «хотя она совершенно удобно распѣвается, въ полномъ соотвѣтствіи съ ритмическими движеніями напѣва, ходъ которыхъ въ народной пѣснѣ постоянно отличается необыкновенною простотою, ясностью и опредѣленностью» ³⁶). Затѣмъ авторъ указываетъ на то обстоятельство, что, такъ какъ древнѣйшіе греческіе композиторы и поэты въ ходѣ и распредѣ-

³⁶) При этомъ авторъ прибавляетъ, что разнотактность, какая видна въ вышеупомянутой древнегреческой пѣснѣ «Къ музѣ» ($\frac{3}{8}$, $\frac{2}{8}$, $\frac{3}{4}$) и какую пытаются ввести въ русскія народныя пѣсни нѣкоторые изъ нынѣшнихъ нашихъ композиторовъ (напр. г. Балакиревъ), не встрѣчается ни въ одной изъ помѣщенныхъ въ «Приложеніи» къ его труду пѣсенъ. Косвенный упрекъ, сдѣланный здѣсь г. Балакиреву, не совсѣмъ справедливъ, такъ какъ изъ сорока собранныхъ г. Балакиревымъ пѣсенъ разнотактность встрѣчается только въ семи напѣвахъ и притомъ вызвана по большей части необходимостью, обусловлена требованіями соотвѣтствующихъ текстовъ, и пѣсни эти, при исполненіи ихъ голосомъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ записаны въ указанномъ сборникѣ (т. е. съ разнотактностью), вслѣдствіе тѣсной связи въ нихъ напѣва съ текстомъ, звучать совершенно плавно и естественно. Г. Шафрановъ вѣроятно самъ до нѣкоторой степени раздѣляетъ это мнѣніе, вопреки высказанному имъ косвенному упреку г. Балакиреву, такъ какъ вопреки же приведенному завѣренію своему, онъ самъ помѣстилъ въ «Приложеніи» заимствованную изъ сборника г. Балакирева пѣсню «На Иванушкѣ чепанъ» (№ 117 приложенія, № 17 сб. Балакирева), представляющую чередующуюся разнотактность: $\frac{2}{4}$ и $\frac{7}{4}$; кроме того въ пѣснѣ № 127 «Приложенія: «Ночи темны» г. Шафрановъ допустилъ въ одномъ мѣстѣ вставку такта въ $\frac{2}{4}$, между тѣмъ какъ весь остальной напѣвъ написанъ въ $\frac{4}{4}$. Извѣстно, что въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ не особенно рѣдко встрѣчаются счеты въ $\frac{5}{4}$ и $\frac{7}{4}$, обыкновенно рассматриваемые какъ чередующіеся счеты $\frac{2}{4} + \frac{3}{4}$ ($= \frac{5}{4}$) и $\frac{3}{4} + \frac{4}{4}$ ($= \frac{7}{4}$). Таковы напр. пѣсни: «Не тесанъ теремъ» и «Зеленое мое ты винограды» (См. Сборн русс. нар. пѣсенъ Римскаго-Корсакова, №№ 76 и 57). Въ первой изъ нихъ каждый стихъ совершенно естественно поется на $\frac{5}{4}$, во второй — на $\frac{7}{4}$. Поричать или даже отрицать такую разнотактность въ напѣвахъ нѣкоторыхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ равносильно поричанію или отрицанію въ текстахъ многихъ изъ нихъ напр. неравносложности, столь же въ нихъ естественной и несомнѣнной.

леніи напѣвныхъ (музыкальныхъ) тактовъ, принимали въ расчетъ и просодію текста, т. е. естественную долготу и краткость гласныхъ, то, не смотря на принимаемыя ими въ пѣніи «многообразныя фигуры мѣръ» (см. выше стр. 136), стопы, отдѣленные отъ напѣва, всетаки сохраняли на себѣ какъ бы слѣдъ или нѣкоторое отраженіе тактовъ. «Въ русской же пѣсенной рѣчи не остается и такихъ слѣдовъ тактнаго построенія напѣва: въ ней *нѣтъ стопъ*, потому что, хотя и въ русскихъ словахъ одинъ слогъ выговаривается протяжнѣе другихъ, но протяжность эта не прикрѣплена къ извѣстнымъ гласнымъ, а сливается обыкновенно съ удареніемъ, постановка котораго опредѣляется совсѣмъ иными причинами, не имѣющими ничего общаго съ природою гласныхъ. И такъ въ народно-русскомъ пѣсенномъ стихосложеніи нѣтъ стопъ, а если нѣтъ стопъ, то *нѣтъ и иктовъ*».

Авторъ формулируетъ выводы изслѣдованія объ основныхъ элементахъ ритмики и метрики, въ ихъ примѣненіи къ народно-русской пѣсенной рѣчи, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ритмъ состоитъ въ размѣренности протяженій голосовой (вокальной) или инструментальной музыки. Въ той и другой протяжность звуковъ опредѣляется по отношенію къ движеніямъ мелодіи (къ движеніямъ звуковъ вверхъ и внизъ), а въ голосовой, сверхъ того, и по отношенію къ слогамъ словъ пѣсенной рѣчи. Ритмическій и мелодическій строй взаимно соприкасаются, такъ какъ всякій звукъ имѣетъ опредѣленную высоту и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленную протяжность. Въ полной подчиненности тому и другому строю находится третій элементъ пѣсни—пѣсенная рѣчь или текстъ, потому что каждый слогъ текста выполняется звукомъ или звуками извѣстной высоты и извѣстной протяжности». (Нельзя согласиться съ выраженіемъ «въ полной подчиненности», потому что въ народной русской пѣсни,—главнымъ образомъ занимающей насъ здѣсь,—нерѣдко проявляетъ очевидное вліяніе на строй ритма и мелодіи именно этотъ «третій элементъ», т. е. текстъ пѣсни. Этимъ вліяніемъ текста объясняется и оправдывается, между прочимъ, ненавистная автору, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно существующая въ народномъ пѣніи, разнотактность, а еще болѣе то мощное усиленіе, которое, независимо отъ выражаемаго въ напѣвѣ общаго настроенія пѣсни, приобрѣтаютъ отдѣльныя слова текста въ связи съ извѣстными нотами или фразами напѣва, какъ напр. въ чрезвычайно характерной, могучей пѣснѣ «эй ухнемъ» (№ 40 сборн. Балакирева, № 195 Приложенія къ сочиненію г. Шафранова) и во многихъ другихъ пѣс-

нихъ, доказывающихъ *не подчиненіе* текста ритму и мелодіи, а напротивъ—управленіе имъ въ данныхъ случаяхъ ритмомъ и мелодіей, въ пользу собственной своей выразительности. Тамъ-же, гдѣ не видно непосредственнаго вліянія отдѣльныхъ частей текста на строй ритма и вообще на ходъ мелодіи напѣва, сей послѣдній управляется только настроеніемъ, коимъ проникнута пѣсенная рѣчь, служа именно выраженіемъ его въ звукахъ.) «Въ древнѣйшее время — продолжаетъ авторъ — греческіе пѣснеслагатели были въ одно и тоже время поэты (даже и музыканты), а потому, слагая мелодію, они принимали въ соображеніе и естественную просодію своего языка, различавшаго гласныя долгія отъ короткихъ. Отсюда возникъ разнообразный складъ пѣсенной рѣчи, въ нѣкоторой степени возможный только для языковъ, сохранившихъ количественность гласныхъ: это количественный метръ, состоящій въ искусственномъ подборѣ и расположеніи словъ текста, для достиженія извѣстной послѣдовательности въ немъ долгихъ и короткихъ слоговъ, въ соотвѣтствіи разнообразному ритмическому (музыкальному) строю пѣсенъ. Хотя такимъ образомъ метръ есть какъ бы сколокъ ритма, но ни ритмъ, какъ принадлежность собственно музыкальнаго творчества, не имѣетъ самъ по себѣ никакого отношенія къ языку, ни греко-латинскій метръ, допускающій только двѣ условно принятыя мѣры протяжности слоговъ (\cup , —, краткость и долготу), и притомъ протяжности, неподвижно прикрѣпленной къ извѣстнымъ гласнымъ, не имѣетъ почти ничего общаго съ музыкою, въ которой композиторъ гораздо свободнѣе располагаетъ звуковою протяжностью (ритмомъ), хотя все-таки остается связанъ различіемъ протяжности между долгими и краткими гласными. Въ народно-русскихъ пѣсняхъ оба творчества, музыкальное и поэтическое, дѣйствуютъ съ совершенною свободою, не стѣсняя себя взаимными ограниченіями; любой слогъ текста, при распѣваніи, можетъ быть протянутъ, сколько то требуется напѣвомъ, а въ произношеніи, отдѣльномъ отъ напѣва, каждый слогъ произносится снова какъ въ обыкновенной рѣчи. Складъ русско-народной поэтической рѣчи опредѣляется, наравнѣ со складомъ напѣвнымъ, внутренними логическими законами выраженія мысли и чувства, относительно логическихъ дѣленій на строфы, періоды и колѣна почти совершенно такъ, какъ въ греко-латинской версификаціи; но съ внѣшней звуковой стороны древне-классическое и народно-русское стихосложеніе расходятся какъ въ цѣляхъ своихъ, такъ и въ средствахъ.

Тогда какъ въ первомъ искусственными метрическими приемами, чрезъ уподобленіе ихъ, впрочемъ лишь по наружности, ритмическимъ, какъ будто имѣлось въ виду придать рѣчи, не безъ ущерба ея вразумительности, музыкальность, для насъ теперь мало понятную,—главною заботою творца нашей народной пѣсни, какъ увидимъ на своемъ мѣстѣ, было не дать напѣву заслонить собою текстъ, а напротивъ усилить средствами напѣва впечатлѣніе рѣчи, содѣйствуя тому и различными своеобразными риторическими способами.» (Эти слова находятся въ противорѣчіе съ вышеприведеннымъ выраженіемъ автора, будто бы текстъ пѣсни вполне подчиняется строю ритма и мелодіи и подтверждаютъ сдѣланное мною выше, по этому поводу, замѣчаніе.) «Поэтическая рѣчь, какъ въ древне-греческомъ, такъ и въ народно-русскомъ языкѣ, возникла на одной и той же почвѣ — пѣсенной, но въ разные возрасты самыхъ языковъ: греческое стихосложеніе образовалось въ ту эпоху, когда въ языкѣ еще живо чувствовалось различіе долгихъ и высокихъ слоговъ; русское же тогда, когда звуковая долгота слилась уже съ высотой. Поэтому то и другое стихосложенія являются совершенно своеобразными. У грековъ творчество композитора сперва нѣсколько стѣсняемо было необходимостью сообразоваться съ просодіей языка, а поэтическая рѣчь, чрезъ уподобленіе, хотя отчасти только внѣшнее, строю напѣвному, усвоила себѣ чрезвычайное разнообразіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, искусственность формъ въ рукахъ гениальныхъ художниковъ слова; русская же пѣсенная рѣчь, не налагавшая на напѣвный ритмъ никакихъ просодическихъ узъ, и сама сохранила полную свободу движенія; но будучи исключительнымъ достояніемъ простонародья, она осталась какъ бы въ элементарномъ состояніи, не раскрывшись въ такомъ разнообразіи стихотворныхъ формъ, какое достижимо только въ поэзіи литературной».

Во второй статьѣ авторъ разсматриваетъ *стихосложенія слоучислительное и тоническое по отношенію къ народно-русскому пѣсенному*. Въ первой части этой статьи главнымъ источникомъ послужило автору опять вышеназванное сочиненіе Вестфала. *Слоучислительное* стихосложеніе было, по мнѣнію Вестфала, первоначально общимъ для всѣхъ индо-европейскихъ племенъ, начиная съ зендскаго или иранцевъ, на языкѣ которыхъ написаны священныя преданія религіи Агура-мазда, извѣстныя подъ именемъ Авесты или Зендавесты, изложенныя частью въ прозѣ, частью въ метрической формѣ. «Метрическую часть составляютъ пѣсни религиоз-

наго содержанія, такъ называемыя *gathas*, т. е. оды, раздѣленные на стихи и строфы различныхъ метровъ. Метрическая форма стиха состоитъ въ опредѣленномъ числѣ слоговъ и въ цезурѣ. Въ остаткахъ эпической поэзіи (сохранившихся въ Авестѣ въ отдѣлѣ прозы) стихъ состоитъ изъ 16 слоговъ, съ цезурою послѣ восьмага:

— — — — — | — — — — —

Вмѣстѣ со стихомъ заканчивается обыкновенно и предложеніе, оба полустипія или ритмическія колѣна, по смыслу, обыкновенно составляютъ двѣ части предложенія. Каждый два стиха по содержанію составляютъ строфу, двоестипіе. Другія стихотворенія написаны метромъ изъ другаго числа слоговъ и въ строфахъ, содержащихъ болѣе чѣмъ два стиха, даже до пяти. О слоговой количественности и о грамматическомъ удареніи въ зендскомъ языкѣ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній... Стихосложеніе въ Авестѣ не количественное, а только слогочислительное. Подобное же стихосложеніе Вестфаль находитъ въ индійскихъ Ведахъ. «Метръ мифическихъ пѣсенъ въ Зендавестѣ и Ведахъ почти тождественны. Въ пѣсняхъ Ведъ мы встрѣчаемъ почти всѣ тѣ же метры Зендавесты съ совершенно одинаковымъ числомъ слоговъ, съ такою же цезурою и съ такимъ же распредѣленіемъ строфы. Но при этомъ встрѣчается одно видоизмѣненіе, которое мы считаемъ переходомъ отъ слогочислительнаго стихосложенія къ количественному, именно конецъ каждаго стиха, а часто и конецъ колѣнъ, внутри стиха, въ Ведахъ твердо опредѣленъ просодически. Вышеприведенный эпическій стихъ изъ Зендавесты является въ Ведахъ въ слѣдующемъ видѣ:

— — — — — | — — — — —

И здѣсь цезура послѣ восьмага слога, и здѣсь съ концомъ стиха, по возможности, оканчивается и предложеніе; и здѣсь два такъовыя стиха соединяются, по связи мысли, въ одну строфу—двоестипіе... Какъ въ вышеприведенномъ стихѣ, такъ и во всѣхъ стихотвореніяхъ Ведъ, всѣ стихи слогочислительные, періоды состоятъ изъ двухъ колѣнъ, съ постоянною между ними цезурою... Отъ чего количественность соблюдалась только въ концѣ стиха, а не во всемъ стихѣ? оттого, что когда стихъ поется, то заключеніе его составляетъ наиболѣе выдающуюся часть; а стихи Ведъ пер-

воначально, конечно, пѣлись, какъ бы ни былъ монотоненъ напѣвъ ихъ. По той же самой причинѣ въ послѣдствіи времени Романскіе народы и Византійцы, принявъ тоическое стихосложеніе, соблюдали совпаденіе ритмическаго икта съ грамматическимъ удареніемъ только въ концѣ стиховъ, или колѣнъ, а не соблюдали въ первыхъ частяхъ ихъ. По этой же причинѣ явилась приѣма во всѣхъ стихосложеніяхъ въ средніе вѣка.» Г. Шафрановъ по этому поводу высказываетъ предположеніе о вѣроятномъ сходствѣ выполнения стиховъ Авесты и Ведъ съ однотоннымъ выполненіемъ нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ пѣснопѣній, напр.:

«Чѣстнѣйшюу... сѣрафѣмъ, || бѣзъ ислѣвнѣй... вѣлѣчаѣмъ»,

въ которыхъ только значительные слоги произносятся нѣсколько протяжнѣе и съ бѣльшимъ напряженіемъ голоса, всѣ же прочіе выполняемы кратко и безъ соблюденія грамматическихъ удареній.

«Итакъ—продолжаетъ авторъ—приводимыя Вестфалемъ примѣры изъ Авесты и Ведъ несомнѣнно относятся къ стихосложенію слогочислительному, потому что въ нихъ каждый стихъ или періодъ состоитъ изъ одинаковаго числа слоговъ, раздѣляясь на два колѣна, состоящіе также изъ равнаго числа слоговъ; въ этомъ единственно состоитъ метръ или складъ.» И затѣмъ, для доказательства того, что русская пѣсенная рѣчь не слогочислительная, какъ и древне-греческая, авторъ приводитъ еще слѣдующія слова Вестфала: «Древніе (греческіе) ритмисты принимали слогъ за единицу мѣры и утверждали, что слогъ такъ относится къ ритму, какъ мѣра къ измѣряемому. Аристоксенъ первый училъ, что не слогъ, а *χρόνοι πρότοι* (т. е. одномѣрная краткость, см. выше стр. 136) суть единица ритмической мѣры», и прибавляетъ: «Отвергнутое Аристоксеномъ мнѣніе древнихъ ритмистовъ о слогочислительности греческаго стихосложенія могло образоваться только вслѣдствіе господствованія въ древней ритмикѣ такъ называемыхъ *числныхъ тактовъ*, т. е. такихъ, въ которыхъ каждому звуковому движенію въ напѣвѣ соотвѣтствуетъ особый слогъ текста, какъ это почти всегда наблюдать можно въ приводимыхъ у Вестфала (ч. I Supplement, стр. 45) древне-греческихъ пѣсняхъ, напр.:

КЪ МУЗЪ.

1-й стихъ: Ἄ | εἶδε | μούσα | μοι φί | λη, || μόλ | πῆς δ' ἔ | μῆς κατ | ἀρ | χου.
(ритмъ 2-го стиха тождественъ ритму 1-го).

3-й » Καλλί | ού | πεῖσ | σό | φᾱ μου- || σῶν προ | φᾱ | Σαῡ ἔτι | τερω̄ν.
(ритмъ 4-го стиха тождественъ ритму 3-го).

Въ первыхъ двухъ (трохейческихъ, съ анакрузой [т. е. за-тактомъ]) стихахъ, въ восьми тактахъ (стопахъ) cadaго, полагая по два слога на тактъ, надобно было ожидать по 16-ти слоговъ; а ихъ насчитывается только по 15-ти, вслѣдствіе того, что стихосложеніе это не слогочислительное, а количественное, и тактъ должно считать не въ два слога, а въ три единицы мѣры (— ∪) Несмотря на неодинаковое число слоговъ и самыхъ тактовъ (въ первыхъ двухъ стихахъ по 15-ти слоговъ, въ послѣднихъ двухъ по 18-ти; въ первыхъ такты трехмѣрные; въ послѣднихъ четырехмѣрные), количество музыкальнаго времени во всѣхъ четырехъ стихахъ одинаково, именно 24 единицы мѣры ($\chi\rho\nu\nu\sigma\iota\ \pi\rho\omega\tau\omicron\iota = \cup$). Уравненіе достигнуто тѣмъ, что тогда какъ во всѣхъ тактахъ первыхъ двухъ стиховъ по одному двухмѣрному и по одному одномѣрному слогу, въ предпослѣднихъ тактахъ тѣхъ же стиховъ одному слогу дано три мѣры. Доказательство это могло быть извлечено только изъ напѣва, а не изъ количественнаго метра, который не знаетъ слоговъ протяженіемъ свыше двухъ мѣръ».— Авторъ называетъ «уравненіемъ» ритмическаго содержанія приведенныхъ стиховъ изъ пѣсни «къ Музѣ»—одинаковое въ каждомъ стихѣ количество единиц мѣры, а именно 24. Но «уравненіе» это нельзя не признать въ данномъ случаѣ только внѣшнимъ или даже случайнымъ: ритмъ въ первыхъ двухъ стихахъ трехвременный ($\frac{3}{8}$), а въ послѣднихъ двухъ — четырех- или двухвременный ($\frac{4}{8} = \frac{2}{4}$); каждый стихъ перваго двоестішя выразилась въ 8 (музыкальныхъ) тактахъ въ $\frac{3}{8}$ ($\frac{3}{8} \times 8 = \frac{24}{8}$), а каждый стихъ втораго двоестішя—въ 6 тактахъ въ $\frac{2}{4}$ ($\frac{2}{4} \times 6 = \frac{12}{4} = \frac{24}{4}$). Ни одинъ слушатель, однако, будь онъ музыкантъ, или не музыкантъ, не признаетъ равенства ритмическаго содержанія столь отличныхъ другъ отъ друга, по ритмической группировкѣ составныхъ частей своихъ, стиховъ перваго и втораго изъ данныхъ двоестішій, подобно тому какъ два зданія, совершенно различныя по архитектурнымъ формамъ своимъ, не могутъ быть признаны равными потому только, что на постройку cadaго изъ нихъ пошло одинаковое количество кирпичей. Такое же доказательство—продолжаетъ авторъ—можно представить и въ народно-русскомъ пѣсенномъ стихосложеніи, именно—что оно не слогочислительное. Вотъ примѣръ:

Ритмическая схема текста:

- 1) Вдоль по | морю | вдоль по | морю *) | — 8 слоговъ, 22 мѣры (U).
- 2) Вдоль по | морю, морю си | нему, || вдоль по | морю морю
си | нему | — 18 слоговъ, 26 мѣръ.
- 3) Плыветъ лебедь... (слѣдуютъ стихи съ совершенно одинаковымъ количествомъ слоговъ до стиха):
- 17) Лебедя | токь всѣхъ | лебедя | токь всѣхъ | — 10 слоговъ,
22 мѣры.
- пан:
- 17) Лебедя | тушекъ всѣхъ || лебедя | тушекъ всѣхъ | — 12 слоговъ,
22 мѣры.
- 18) Лебедятъ всѣхъ сиротать пустилъ (bis).

Въ 17-мъ стихѣ вмѣсто восьми слоговъ, какъ въ первомъ (и во всѣхъ нечетныхъ стихахъ пѣсни), встрѣчаемъ 10 слоговъ, двумя слогами болѣе, а въ его вариантѣ даже 12 слоговъ, слѣдовательно четырьмя слогами болѣе: но ни тотъ, ни другой стихъ ни мало не разстроиваютъ ритма, потому что ведется счетъ не слоговъ, а единицъ музыкальнаго времени, которыхъ и въ томъ и въ другомъ

*) Недостающая для полноты музыкальнаго періода четверть такта переносится на первые два слога слѣдующаго четнаго стиха, и чрезъ то оба стиха сливаются въ одно цѣлое, въ строфу. Оба музыкальные періода (стихи) окажутся совершенно равными по объему музыкальнаго времени, если первый періодъ пополнить двумя начальными мѣрами втораго, а ко второму прибавить двѣ мѣры, служащія переходомъ къ третьему періоду. Эти переходныя звуки служатъ для связи смежныхъ строфъ. Прим. г. Шафранова.

стихѣ 22, ровно столько же, какъ въ прочихъ нечетныхъ стихахъ. Уравненіе ³⁷⁾ достигнуто такимъ образомъ, что въ 17-мъ стихѣ для двухъ лишнихъ слоговъ двѣ двухмѣрныя ноты разложились каждая на двѣ одномѣрныя, а въ вариантѣ этого стиха для четырехъ лишнихъ слоговъ четыре двухмѣрныя ноты разложились каждая на двѣ одномѣрныя.

Ясно, что въ народо-русской пѣсенной рѣчи, какъ и въ греко-латинской, стихотвореніе не слогочислительное, потому что число слоговъ въ стихахъ можетъ быть неодинаковое, и не смотря на то, стихи въ ритмическомъ отношеніи, т. е. по количеству музыкальнаго въ нихъ времени, совершенно равны между собою, такъ какъ при этомъ считаются не слоги, а мѣры времени (*χρόνοι πρότοι*),¹ которыхъ количество во всѣхъ стихахъ одинаково. Изъ того же сравненія строя греческой и народно-русской пѣсни оказывается, что счетъ количества ведется въ той и другой по ритму, а не по метру, и что народно-русская пѣсенная рѣчь, хотя сама по себѣ не количественная, въ напѣвѣ принимаетъ количественность и въ этомъ смыслѣ становится ритмическою».

Приведенные здѣсь слова автора вызываютъ слѣдующія замѣчанія: я уже раньше высказалъ предположеніе, что авторъ не музыкантъ. Данный нотный примѣръ можетъ служить къ подтвержденію моего предположенія. Пѣсня «Вдоль по морю» выписана здѣсь въ счетѣ $\frac{3}{4}$. Она же въ приложеніи къ разсматриваемому труду (№ 31) выписана въ счетѣ $\frac{2}{8}$, при чемъ указанъ источникъ, откуда она заимствована, а именно сборникъ Балакирева; а между тѣмъ у Балакирева она написана въ счетѣ $\frac{3}{2}$. Авторъ очевидно совѣмъ не ощущаетъ различія между характеромъ трехчетвертнаго, двухчетвертнаго и трехполовиннаго счетовъ, не ощущаетъ различія между сильнымъ и слабымъ временами музыкальнаго такта, словомъ незнакомъ съ элементарными положеніями ученія о музыкальномъ ритмѣ. Эта нечувствительность автора къ различію между ритмами (счетами) двух- и трехвременными доказывается между прочимъ и тѣмъ, что, измѣняя счетъ, въ коемъ напѣвѣ указанной пѣсни записанъ у Балакирева, а именно $\frac{3}{2}$ въ $\frac{2}{4}$ (черезъ раз-

³⁷⁾ Здѣсь «уравненіе» ритмическаго содержанія четныхъ и нечетныхъ стиховъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто и не есть только внѣшнее, случайное, какое мы видѣли выше въ первомъ и второмъ двустипіи древне-греческой пѣсни «къ Музѣ», имѣющихъ первое нечетный, трехвременный, а второе—четный, двухвременный музыкальный ритмъ.

дробленіе каждаго такта Балакирева на три части: $\frac{3}{4} = \frac{2}{4} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4}$, онъ даже не счелъ нужнымъ оговорить сдѣланное имъ измѣненіе. Подобное же обстоятельство повторяется и дагѣе: на стр. 99 помѣщена пѣсня (съ напѣвомъ) «Ужь какъ пагъ туманъ» въ счетѣ $\frac{3}{4}$, въ приложеніи же авторъ пишетъ ту же пѣсню (№ 184) въ счетѣ $\frac{4}{8}$, очевидно опять не ощущая различія между трехчетвертными и четырехчетвертными счетами. Надо замѣтить, что при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ двухъ музыкальныхъ редакцій названной пѣсни оказывается, что обѣ онѣ невѣрны, а именно ее слѣдуетъ писать въ счетѣ $\frac{3}{4}$, но съ затактомъ (анакрузою) на слова «ужь какъ» съ тѣмъ чтобы слово «пагъ» приходилось на первое, сильное, время такта.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о болѣе или менѣе вѣрныхъ способѣ изображенія данной пѣсни въ музыкальныхъ знакахъ, разсмотримъ сущность выведеннаго авторомъ заключенія, что «русская народная пѣсенная рѣчь, хотя сама по себѣ не количественная, въ напѣвѣ принимаетъ количественность и въ этомъ смыслѣ становится ритмическою». Авторъ высчитываетъ для этой цѣли количество слоговъ нѣкоторыхъ стиховъ данной пѣсни, нерѣдко измѣняющееся, и указываетъ на то, что несмотря на различіе числа слоговъ, соответствующее даннымъ стихамъ количество единицъ музыкальнаго времени въ напѣвѣ остается одно и то же, и дѣйствительно оказывается въ напѣвѣ съ одной стороны, для четныхъ стиховъ, 26 мѣръ (т. е. $\frac{26}{8}$), съ другой же, для нечетныхъ — 22 мѣры ($\frac{22}{8}$), всего же въ строфѣ (двостипшіи) 48 мѣръ ($\frac{48}{8}$).—Это доказательство было бы дѣйствительно чрезвычайно убѣдительно, если бы каждый новый стихъ или каждая новая строфа пѣсни пѣлась на новый каждый разъ напѣвъ, и если бы въ каждомъ изъ этихъ новыхъ напѣвовъ дѣйствительно удерживалась постоянно такая строгая музыкальная равномерность въ его частяхъ и въ ихъ совокупности. Но вѣдь мы имѣемъ дѣло съ напѣвами строфными, т. е. такъ сказать, обязательно повторяющимися съ каждой новой строфой пѣсеннаго текста, а потому равномерность въ каждомъ соответствующемъ стихѣ строфы, а также въ каждой строфѣ, становится необходимою, и не представляется возможности, даже намѣренно, вводить въ теченіе пѣсни музыкальную разномѣрность, не искажая самаго папѣва, который, принявъ, однажды, известную форму, не можетъ не выдерживать вьсьгь (т. е. всегда равное число) заключающихся въ немъ мѣръ, при повтореніи съ каждымъ новымъ стихомъ или новой строфой текста.

Сказанное относится вообще до всякаго рода строфныхъ пѣсенъ, къ какому бы роду стихосложенія тексты ихъ ни принадлежали, а потому указанная «равномѣрность» и не можетъ служить характеристическимъ признакомъ одного лишь народно-русскаго пѣснопѣнія. Слѣдую примѣру г. Шафранова, можно о всякой строфной пѣсенѣ, напр. нѣмецкой (написанной въ тоническомъ стихосложеніи) французской (въ слогочислительномъ), сказать тоже, что г. Шафрановъ, на основаніи выведеннаго имъ исчисленія количества музыкальныхъ мѣръ въ напѣвѣ, говоритъ о народно-русской пѣсенной рѣчи, а именно что счетъ количества ведется въ каждой изъ нихъ «по ритму», и что каждая изъ нихъ «въ напѣвѣ принимаетъ количественность и въ этомъ смыслѣ становится ритмическою, прибавивъ при этомъ, что онѣ, независимо отъ того, въ стихахъ сохраняютъ— первая свое тоническое, а вторая свое стогочислительное сложеніе.

Напр. 1-я строфа: 1 ст. Bringet des | treu-sten | Herzens | Grüsse |
 (9 слоговъ) = 23 мѣры и пауза: ♪ = 24 мѣры.

2 » Ei-len-de | Wel-len | zu ihr|hin... ♪ ♪
 (8 слоговъ) = 20 мѣръ и паузы: ♪ ♪ = 24 мѣры.

2-я » 1 » Sieh der | Wind zieht | ihr ent- | ge-gen,
 (8 слоговъ) = 23 мѣры и пауза: ♪ = 24 мѣры.

2 » Ihr ent- | ge-gen | eilt der | Bach... ♪ ♪
 (7 слоговъ) = 20 мѣръ и ♪ ♪ = 24 мѣры.

(«Reiselied» текстъ Эберта, музыка Мендельсона.)

Еще примѣръ: Mal- | brough s'en va t'en | guer-re, (7 слоговъ) = 11 мѣръ.

Miron|ton, mironton, miron|taine, (10 ») = 13 »

Mal- | brough s'en va t'en | guerre, (7 ») = 12 »

Né | sait quand revien-|dra. (6 ») = 12 »

и т. д.

Слѣдующіе куплеты по количеству какъ слоговъ, такъ и музыкальныхъ мѣръ тождественны съ этой первой строфой.

Тожѣ самое можно было бы даже отнести и къ прозѣ, подведенной подъ напѣвъ и раздѣленной на строфообразные отрѣзки, которые бы пѣлись съ даннымъ напѣвомъ, подобно строфамъ пѣ-

сни, что совсѣмъ не такъ невозможно, какъ полагаетъ авторъ, утверждающій (на стр. 129), будто бы проза можетъ быть пѣта «только речитативомъ». Это совершенно невѣрно: многія замѣчательнѣйшія произведенія, напр. ораторіи Генделя, Баха и др., заключающія въ себѣ, кромѣ речитативовъ, большія хоровыя пьесы, аріи, дуэты и проч., сочинены на тексты, написанные въ прозѣ³⁸⁾.

Авторъ обращается затѣмъ къ разсмотрѣнію *тоническаго стихосложенія*, при чемъ опять приводитъ пространныя выписки изъ сочиненія Вестфала. Изъ сопоставленія этихъ выписокъ, по словамъ автора, «становится яснымъ, что такъ называемое тоническое стихосложеніе возникло первоначально не у Германцевъ, а у тѣхъ же самыхъ народовъ, у которыхъ господствовало и вполнѣ развившееся количественное стихосложеніе, именно у Византійскихъ Грековъ и Римлянъ. Происхожденіемъ своимъ оно обязано тому неизбежному для всѣхъ языковъ процессу, по которому слоговая долгота, существовавшая сперва отдѣльно и независимо отъ слоговой высоты, мало по малу утрачивается и переносится на ударяемые слоги, которые отселѣ совмѣщаютъ въ себѣ звуковую высоту и протяжность. Возникло новое стихосложеніе тамъ же, гдѣ подготавлилось и перерожденіе языка, т. е. въ простомъ народѣ, мало знакомомъ съ литературными образцами и еще менѣе съ учеными о нихъ изслѣдованіями, и возникло на общей почвѣ исто-народной поэзіи, именно на почвѣ пѣсни, слѣдовательно въ подчиненіи условіямъ вокальной музыкѣ, стало быть и ритму. Подчиняясь ритму или музыкальному размѣру, при распѣваніи, греко-латинская народная (впослѣдствіи и церковная) пѣсня, подобно народно-русской, могла конечно остаться совершенно свободною отъ ритмическихъ узъ въ говореніи или въ декламаци; но при господствѣ въ то же время въ высшихъ сословіяхъ стихосложенія количественнаго, усвоившаго себѣ, хотя отчасти только номинально, ритмическій

³⁸⁾ Гибкость рѣчи, при соединеніи ея съ напѣвомъ, вообще изумительна. Доказательствомъ тому могутъ служить напр. изданные мною два сборника: «Русскій дѣтскій пѣсенникъ» (собраніе народныхъ напѣвовъ великорусскихъ, малорусскихъ и польскихъ) и «Баянъ» (собраніе напѣвовъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ), въ которыхъ, такъ какъ изданія эти предназначены для употребленія въ школахъ, подъ готовые, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, и притомъ лишь весьма незначительно измѣненные народные напѣвы всѣхъ націй, подложены избранныя стихотворенія русскихъ авторовъ, написанныя въ разныхъ размѣрахъ. Всѣ эти пѣсни строчныя и вполнѣ естественно сливаются съ данными, весьма разнохарактерными, напѣвами.

(напѣвный) строй, она не только не избѣгла вліянія ученой метрики, но приняла даже виѣшнія метрическія формы, какія только могла. Съ такимъ сравнительно новымъ стихосложеніемъ латинскій языкъ въ средніе вѣка сдѣлался въ западной Европѣ языкомъ литературы и церкви, и тонически сложенные богослужебныя пѣсни не могли не послужить образцами версификаціи и для свѣтской поэзіи туземныхъ нарѣчій.

Итакъ тоническое стихосложеніе, по сущности своей, не оправдываетъ своего названія, потому что основалось не на высотѣ слоговъ, ни на грамматическомъ удареніи, которое никакъ не можетъ служить основой напѣвнаго ритма (звуковая высота и долгота суть совершенно разнородные элементы въ музыкѣ, и одна другую замѣнить никакъ не могутъ), а на такомъ же чередованіи долготы и краткости, съ тою лишь разностью, что долгота оказывается перемѣщенной на ударяемые слоги; а если пѣть придется на слогъ неударяемый, то и этому послѣднему фактивно присвоивается долгота, хотя въ живомъ произношеніи и невыполняемая. Принятіе фиктивныхъ долготъ оказалось необходимымъ для тонического стихосложенія, вслѣдствіе подражанія количественному, съ которымъ оно не могло сравниться метрическими средствами, такъ какъ ударяемыхъ слоговъ въ рѣчи гораздо менѣе, чѣмъ долгихъ, которыхъ можетъ въ одномъ быть по два въ одномъ словѣ и болѣе, а ударяемый обыкновенно только одинъ, нѣкоторые слова даже и того не имѣютъ. Такимъ образомъ, по общей участи всякихъ подражаній, тоническое стихосложеніе усвоило себѣ частью только виѣшнія формы образца своего, — стихосложенія количественнаго — безъ его сущности, подобно тому, какъ само количественное стихосложеніе первоначально было виѣшнимъ сколкомъ съ напѣвнаго ритма, лишь отчасти напоминающимъ его сущность». Затѣмъ авторъ возражаетъ противъ мнѣнія Вестфала, утверждающаго, что главнымъ формамъ нѣмецкаго стихосложенія неправильно придаютъ названіе трохеевъ и ямбовъ, которые не похожи на греческіе трохеи и ямбы, а суть скорѣе такты четные (*grade*, не «прямые», какъ переводитъ это выраженіе г. Шафрановъ), въ которыхъ *тяжелый и легкий члены, при чтеніи, совершенно равны по протяженію*, хотя бы композиторъ, при положеніи ихъ на ноты, и придалъ имъ различную протяженность. Нечетные (*ungrade*, — г. Шафрановъ невѣрно переводитъ: «непрямые») или трехмѣрные такты, каковы они въ греческомъ стихосложеніи, по Вестфалу могутъ быть приравняемы не къ трохеямъ и ямбамъ нѣмецкимъ, а скорѣе къ нѣмецкимъ дактилямъ

и анапестамъ, т. е. къ нѣмецкимъ метрамъ, состоящимъ изъ трехъ-сложныхъ тактовъ (съ двойнымъ пониженіемъ), «потому что каждый изъ трехъ слоговъ въ этихъ метрахъ мы (нѣмцы) произносимъ съ одинаковою протяжностью, а не такъ, чтобы повышаемый слогъ, по протяженію, одинъ равнялся обимъ понижаемымъ слогамъ взятымъ вмѣстѣ... У насъ (нѣмцевъ) стихотворенія пишутся для чтенія, пожалуй для декламаціи; музыка сдѣлалась вполнѣ самостоятельнымъ искусствомъ, и вполнѣ отъ усмотрѣнія композитора зависитъ, на сколько онъ захочетъ соблюсти распредѣленіе тактовъ стихотворнаго текста. Другое существенное различіе въ метрику нѣмецкой и древнегреческой состоитъ въ томъ, что ритмическая протяжность слоговъ въ текстѣ нашихъ (нѣмецкихъ) стихотвореній совершенно независима отъ грамматической просодіи. Кто повышеніе голоса въ нашемъ (нѣмецкомъ) стихосложеніи называетъ протяженіемъ и долготою, тотъ еще не умѣетъ различать понятіе объ удареніи и о просодіи».

Отрицаніе Вестфалемъ большей протяжности ударяемыхъ слоговъ ново-верхне-нѣмецкаго стиха сравнительно съ неударяемыми г. Шафрановъ старается опровергнуть двумя способами: во первыхъ онъ ссылается на композиторовъ, которымъ считаетъ необходимымъ предоставить «первенство тонкости слуха», и приводитъ четыре примѣра нѣмецкихъ пѣсенъ, съ напѣвами Рейхардта, Кулау, К. М. Вебера и Гривеца, въ которыхъ дѣйствительно музыкальный ритмъ придаетъ долгимъ слогамъ протяжность вдвое большую противъ короткихъ, такъ что въ данныхъ случаяхъ, въ пѣніи, нѣмецкіе хоры, дактили и проч. въ ритмическомъ отношеніи оказываются равными греческимъ (при двухмѣрной протяжности долгихъ слоговъ). Это *первое* доказательство не вполнѣ убѣдительно, такъ какъ можно привести не мало напѣвовъ, въ которыхъ протяжность такъ называемыхъ долгихъ и короткихъ слоговъ нѣмецкихъ стиховъ оказывается совершенно равною, при чемъ все различіе между тѣми и другими заключается лишь въ постановкѣ «долгихъ» слоговъ на сильныя времена, какъ извѣстно, всегда несущія на себѣ выдающееся удареніе. Напр.:

Als | ich ein Jung-ge | sellē war, nahm | ich ein stein-alt | Weib....
(Нѣмецкая народная пѣсня).

или: Wenn | Jemand eine | Reise thut, so | kann er was er- | zählen.... («Urian's
Reise» муз. Цельтера).

или: $\tilde{D}\tilde{a}\tilde{s}$ | $\tilde{k}\tilde{l}\tilde{i}\tilde{n}\tilde{g}\tilde{e}\tilde{t}$ $\tilde{s}\tilde{o}$ | $\tilde{h}\tilde{e}\tilde{r}\tilde{l}\tilde{i}\tilde{c}\tilde{h}$, $\tilde{d}\tilde{a}\tilde{s}$ | $\tilde{k}\tilde{l}\tilde{i}\tilde{n}\tilde{g}\tilde{e}\tilde{t}$ $\tilde{s}\tilde{o}$ | $\tilde{s}\tilde{c}\tilde{h}\tilde{o}\tilde{n}$ (Изъ оперы «Волшебная флейта» муз. Моцарта).

или: $\tilde{L}\tilde{e}\tilde{i}$ $\tilde{s}\tilde{e}$ | $\tilde{l}\tilde{e}\tilde{i}$ $\tilde{s}\tilde{e}$ $\tilde{f}\tilde{r}\tilde{o}\tilde{m}\tilde{m}\tilde{e}$ | $\tilde{W}\tilde{e}\tilde{i}$ $\tilde{s}\tilde{e}$ (Изъ оперы «Волшебный стрѣлокъ» К. М. Вебера).

Какъ примѣры, приведенные г. Шафрановымъ, говорятъ въ пользу его мнѣнія о протяжности въ нѣмецкомъ языкѣ долгихъ слоговъ, такъ въ этихъ примѣрахъ, на оборотъ, находятъ себѣ полное подтвержденіе оспариваемое г. Шафрановымъ мнѣніе Вестфала о равномерности долгихъ и короткихъ слоговъ. Г. Шафрановъ совершенно упускаетъ изъ виду выдающееся въ ритмическомъ отношеніи значеніе сильныхъ временъ музыкальныхъ тактовъ и то обстоятельство, что, кромѣ ритма, въ музыкѣ немалую роль играютъ еще мелодія и гармонія, въ совокупности съ которыми въ напѣвѣ ритмъ нерѣдко дѣлается до того разнообразнымъ, что по извлеченной изъ напѣва ритмической схемѣ очень часто совсѣмъ невозможно бываетъ угадать размѣръ текста, положеннаго на данный напѣвъ. Напр. трудно догадаться, что слѣдующая ритмическая схема: $\overset{\sim}{|}$ $\overset{\sim}{\cup}$ $\overset{\sim}{\cup}$ $\overset{\sim}{\cup}$ $\overset{\sim}{\cup}$ — соотвѣтствуетъ словамъ: «Ich bleib indessen hier», которыхъ метрическая схема выражается такъ $\overset{\sim}{\cup}$ — $\overset{\sim}{\cup}$ — $\overset{\sim}{\cup}$ —, а между тѣмъ въ живомъ исполненіи этой фразы по указанной ритмической схемѣ съ соотвѣтствующей мелодіей и гармоніей и при данной сценической обстановкѣ (примѣръ замѣствованъ изъ оперы «Волшебная флейта» Моцарта) различіе и даже кажущееся противорѣчіе ритмическаго движенія съ метрической основной схемой приведеннаго текста слушателемъ вовсе не ощущается. О чрезвычайной гибкости и эластичности рѣчи, не связанной количественною просодією, я уже имѣлъ случай упомянуть выше, въ примѣчаніи на стр. 150.

Сказаннымъ мною о присутствіи сильныхъ временамъ музыкальныхъ тактовъ удареній и вышеприведенными примѣрами ритмическихъ схемъ, извлеченныхъ изъ наиболѣе популярныхъ пѣсень и музыкально-драматическихъ сочиненій знаменитыхъ германскихъ композиторовъ, опровергается справедливость и *etoratio* доказательства г. Шафранова противъ положенія Вестфала о равномерности (равенствѣ по протяжности) долгихъ и короткихъ слоговъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Г. Шафрановъ утверждаетъ, что, отказывая своимъ ударяемымъ слогамъ въ долготѣ, Вестфаль «лишаетъ нынѣшнее нѣмецкое стихосложеніе ритмической, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

всякой основы, потому что удареніе, относясь къ высотѣ звука, само по себѣ не можетъ служить основой ритма, если не соединено будетъ съ протяжностью», и затѣмъ, говоря объ усиленіи голоса въ пѣніи и въ декламациі стиховъ, которое Вестфаль прикрѣпляетъ къ иктовому (ударяемому) слогу, г. Шафрановъ прибавляетъ: «такое отрывистое налеганіе голоса надъ каждымъ однимъ изъ двухъ или трехъ слоговъ придавало бы дикціи отнюдь не музыкальность, не пѣвучесть, а совершенное подобіе рывканія. Не думаю, чтобы г. Шафрановъ при правильномъ, осмысленномъ, выразительномъ исполненіи приведенныхъ мною примѣровъ (въ которыхъ долгіе и короткіе слоги въ мелодіи оказываются равномерными), нашелъ въ нихъ воображаемое имъ «рывканіе»; правильность же, осмысленность и выразительность сочиненія и исполненія вокальной музыки заключаются именно въ распредѣленіи ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ текста на главныхъ, сильныхъ, и второстепенныхъ, слабыхъ, временахъ тактовъ, на высокихъ или низкихъ нотахъ, на болѣе или менѣе выдающихся изъ общаго гармоническаго хода аккордахъ, и въ исполненіи ихъ пѣвцомъ съ особеннымъ выдѣленіемъ, акцентуаціей (реторической) главныхъ слоговъ (и словъ) текста, при точномъ, въ тоже время, соблюденіи избраннаго композиторомъ, но въ устахъ пѣвца подлежащаго нѣкоторой модификаціи ритма. Механическое исполненіе пѣсенной рѣчи въ пѣніи (или декламациі), въ которомъ исполнитель сталъ бы, если можно такъ выразиться, «рубить» рѣчь на равномерныя доли (по Вестфалю) или на неравномерныя (съ соблюденіемъ двойной протяжности долгихъ слоговъ противъ короткихъ, по требованію г. Шафранова) было бы въ обоихъ случаяхъ одинаково мертво и невыносимо для слушателя.

Какъ въ нѣмецкихъ, такъ и въ русскихъ литературныхъ стихахъ, которые читаются и поются совершенно такъ же, какъ нѣмецкіе, исполнитель (т. е. декламаторъ съ одной стороны, композиторъ же и пѣвецъ въ совокупности ³⁹⁾)—съ другой волею и даже долженъ, смотря по содержанію текста, отгнать тѣ или другіе слоги

³⁹⁾ Дѣятельность композитора и пѣвца должны въ данномъ случаѣ бытъ разсматриваемы слитно, такъ какъ музыкальная декламациа текста, въ главныхъ, самыхъ существенныхъ, частяхъ своихъ фиксируется композиторомъ въ нотахъ, оживляемыхъ исполненіемъ пѣвца, который, вращаясь въ точнo указанныхъ композиторомъ предѣлахъ, тѣмъ не менѣе вноситъ субъективный элементъ въ исполненіе, *воспроизводитъ* сочиненіе.

и слова его имѣющимися въ распоряженіи его средствами: декламаторъ или чтець можетъ позволять себѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ придавать ударяемымъ слогамъ большую, а неударяемымъ — меньшую протяжность, можетъ ускорять или замедлять вообще теченіе рѣчи, повышать и понижать голосъ въ предѣлахъ интерваловъ сего послѣдняго; композиторъ же напѣва (и пѣвецъ) имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо болѣе обширную скалу музыкальныхъ тоновъ, со всѣми безчисленными отгѣнками силы ихъ звука, отъ самаго тихаго *pianissimo* до самаго громкаго *fortissimo*, и со всѣми промежуточными степенями силы звука, то нарастающей, то спадающей, контрастами тихихъ и громкихъ, высокихъ и низкихъ тоновъ, быстрыхъ и медленныхъ ходовъ, имѣя возможность облекать текстъ въ разнообразныя ритмы (четные и нечетные, съ соблюденіемъ равномерности и неравномерности слоговъ текста), также подлежащія соотвѣтствующимъ модификаціямъ (замедленію, ускоренію), и т. д., долженъ умѣть помощію этихъ богатыхъ средствъ оживлять облеченную въ напѣвъ рѣчь, придавая тому или другому слогу, слову или фразѣ болѣе акцентъ, вѣсъ, выразительность и, пользуясь присущимъ главному времени каждаго такта акцентомъ, вносящимъ въ напѣвъ ритмъ, дробящимъ его на равномерныя группы тоновъ (такты), тѣмъ не менѣе не допускать и возможности возникновенія въ слухателѣ мысли о какомъ то «рявканіи», котораго опасается г. Шафрановъ, утверждающій, будто бы удареніе само по себѣ, т. е. не будучи соединено съ протяжностью, не можетъ служить основой ритма. Вышеуказанные мною примѣры убѣждаютъ, однако, въ возможности противнаго. Уже самое возникновеніе спора о томъ, соблюдается, или нѣтъ, большая протяжность такъ называемыхъ долгихъ слоговъ въ новѣйшихъ нѣмецкихъ (въ русскихъ литературныхъ) стихахъ, одинаково читаемыхъ сторонниками обоихъ противоположныхъ мнѣній, — спора, неразрѣшеннаго, какъ видно изъ примѣровъ, и композиторами, за котормъ г. Шафрановъ признаетъ «первенство тонкости слуха» — можетъ служить доказательствомъ неопредѣленности и неуловимости этой протяжности, *точная мѣра* которой въ тоническомъ стихосложеніи очевидно совсѣмъ *утрапилась*.

Далѣе авторъ подвергаетъ разбору мнѣнія русскихъ изслѣдователей народно-русскаго стихосложенія, Востокова и Классовскаго. Онъ протестуетъ, какъ раньше противъ Вестфала, по отношеніи къ нѣмецкому языку, такъ здѣсь противъ Востокова за то, что послѣдній не признаетъ въ русскомъ стихосложеніи протяжности такъ

называемыхъ долгихъ слоговъ. Ударенію, служащему по мнѣнію Востокова, основою народно-русскаго стихосложенія и оставленному имъ безъ опредѣленнаго названія, г. Шафрановъ даетъ наименованіе «реторическаго». Замѣчая, что въ одномъ и томъ же предложеніи, смотря по намѣренію говорящаго, каждое слово можетъ получить реторическое удареніе и лишиться его, напр.

- Утромъ (а не вечеромъ) ты пойдешь со мною на базаръ.
- Утромъ ты (а не кто другой) пойдешь со мною на базаръ.
- Утромъ ты пойдѣшь (а не поѣдешь) со мною на базаръ,

и т. д.

Г. Шафрановъ спрашиваетъ: «можетъ ли быть положено въ основу пѣсеннаго стиха, складывающагося въ каждой пѣснѣ и иначе, какъ по однообразной и непремѣнно соотвѣтствующей напѣвному ритму схемѣ, такое начало, которое отличается именно своею зыбкостью и непостоянствомъ?» Кроме того авторъ дѣлаетъ различныя замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ опредѣленій Востокова, а именно находитъ, что въ «просодическомъ періодѣ» неудаемые слоги не всѣ произносятся съ равнымъ пониженіемъ голоса, какъ утверждаетъ Востоковъ, подтверждая это словами Востокова же, признающаго въ русскомъ произношеніи періодовъ три перевода голоса: высокій, средній и низкій; что, «отвергая въ русскихъ народныхъ стихахъ» присутствіе тоническихъ стопъ, основывающихся на грамматическихъ удареніяхъ, онъ (Востоковъ) однако дѣлитъ стихи именно по роду ихъ конечныхъ стопъ; что, «не признавая равносложности въ народныхъ стихахъ, Востоковъ однако вездѣ высчитываетъ въ нихъ слоги и выводитъ дѣленіе ихъ на семи-сложные, въ сочетаніе съ пяти—или восьми-сложными и т. п., хотя не объясняетъ причины таковой ихъ разносложности»; что, «полагая въ основу русскаго стиха удареніе, конечно реторическое, Востоковъ признаетъ однако же его разномѣстность и считаетъ достаточною основою строя стиховъ единственно равночисленность въ нихъ реторическихъ удареній»,—которая однако не вездѣ строго соблюдается; что «разномѣстность реторическихъ удареній въ стихѣ, долженствующемъ соотвѣтствовать данному напѣвному ритму, отнюдь не мыслима, потому что, при каждомъ перемѣщеніи ударенія, стихъ выбивался бы изъ своей ритмической колеи и не могъ бы быть пропѣтъ по данной мелодіи»; что, наконецъ, разномѣстность удареній нарушаетъ всякую послѣдовательность въ просодическихъ

періодахъ. Авторъ заключаетъ разборъ сочиненія Востокова слѣдующими словами: «вообще складъ народно-русской пѣсни, по ея первобытной безыскусственности, подобно складу древнѣйшихъ греческихъ стиховъ, не можетъ быть объясняемъ независимо отъ музыкальнаго элемента, и потому слѣдовало показать, какимъ напѣвнымъ свойствамъ соотвѣтствуютъ стихотворныя ударенія съ ихъ просодическими періодами, какъ укладываются стихи неравносложные, съ разномѣстными удареніями, подъ одну и ту же мелодію. Но Востоковъ, хотя приписывалъ относительно большую единомѣрность пѣсенныхъ стиховъ именно ихъ пѣсенности, вовсе однако не коснулся соотношенія между музыкальною стороною пѣсенъ и ихъ стихосложеніемъ».

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что при изслѣдованіи предмета, состоящаго изъ двухъ взаимно проникающихъ другъ друга элементовъ, какова народно-русская пѣсня, состоящая изъ тѣсно связанныхъ въ ней текста и напѣва, необходимо, опредѣляя строеніе пѣсни въ ея сложности, а равно той или другой изъ составныхъ ея частей, отнюдь не упускать изъ виду указаннаго соотношенія этихъ частей, и главная заслуга г. Шафранова въ разбираемомъ сочиненіи его заключается именно въ томъ, что, приступая къ изслѣдованію склада народной пѣсни нашей, онъ *первый*, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне сознательно, избралъ эту новую точку зрѣнія, между тѣмъ какъ предшественники его ограничивались лишь намеками на то, что «пѣсни слагались подъ ладъ музыки», при чемъ «естественно пропадаютъ ударенія, составляющія основу стиха русскаго» (Востоковъ), что напѣвъ пѣсенъ, «вѣрный имъ спутникъ соразмѣрялъ слова по нѣкоторому тайному закону» (Дубенскій).

Обращаясь затѣмъ къ «Версификаціи» Классовскаго, авторъ указываетъ на неудачный, по его мнѣнію, выборъ Классовскимъ названій для удареній (грамматическаго, логическаго и стихотворнаго) и прибавляетъ: «Востоковъ, предложившій въ основу русскихъ народныхъ стиховъ риторическое удареніе, а за нимъ Классовскій, давшій этому самому ударенію названіе стихотворнаго, были введены въ заблужденіе самымъ произношеніемъ этихъ стиховъ. Народные стихи дѣйствительно, при чтеніи, не могутъ быть иначе произнесены, какъ съ соблюденіемъ риторическихъ удареній, которыхъ въ одной и той же пѣснѣ приблизительно бываетъ поровну въ каждомъ стихѣ, потому что въ этомъ и состоитъ отличительный признакъ искусственной пѣсенной рѣчи, что стихи въней

большую частью равны по самому объему содержанія своего, слѣдовательно и по числу входящихъ въ нихъ предложеній (или частей ихъ), произносимыхъ каждое со своимъ особымъ риторическимъ удареніемъ. Но изъ этого *не слѣдуетъ, что стихи эти строятся на риторическихъ удареніяхъ*, а слѣдуетъ только, что они *произносятся съ соблюденіемъ такихъ удареній*, такъ какъ соблюденіе ихъ равно обязательно и при осмысленномъ чтеніи прозы и при декламациі тоническихъ стиховъ». Говоря далѣе о разнообразныхъ раздѣленіяхъ Классовскимъ народныхъ стиховъ по числу удареній, по мѣсту перваго ударенія считая отъ начала стиха, по мѣсту ударенія, считая отъ конца стиха, авторъ замѣчаетъ, что Классовскій приводитъ въ примѣры безразлично не только стихи пѣсенныя и былинныя, но даже пословицы и поговорки, не имѣющія конечно напѣвовъ и не складывающіяся, вслѣдствіе того, по напѣвнымъ требованіямъ.

Въ заключеніе второй статьи труда своего авторъ между прочимъ замѣчаетъ, что вообще въ стихосложеніяхъ слогочислительномъ, количественномъ и тоническомъ (тонико-метрическомъ по опредѣленію Классовскаго), «господствуютъ два основныя начала, по своей искусственности равно чуждыя складу народно-русской пѣсенной рѣчи, а именно внѣшняя равнообъемность или внутренняя (условная) единомѣрность. Первая соблюдается въ слогочислительномъ стихосложеніи, основывающемся на неудобовнятной для слуха равночисленности слоговъ въ римающихся стихахъ; внутренняя же единомѣрность выражается въ количественномъ и въ составившемся по образцу его тоническомъ стихосложеніи, тактнымъ построеніемъ... Затѣмъ народная пѣсенная рѣчь наша является свободною какъ отъ силлабической шнуровки, такъ и отъ искусственныхъ узъ мнимо-тактнаго построенія... *Истинной основой строя своеобразной русской народной пѣсенной рѣчи слѣдуетъ искать тамъ же, гдѣ найдена основа и древне-греческой: это пѣсенные напѣвы*». Этимъ заканчивается историко-литературный отдѣлъ, предпосланный авторомъ изслѣдованію народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія, съ цѣлью, указать ему, по выраженію автора, «подобающее мѣсто въ ряду другихъ стихосложеній, извѣстныхъ въ европейскихъ литературахъ».

Третья статья сочиненія г. Шафранова, посвященная разсмотрѣнію «*народно-русскаго пѣсеннаго стихосложенія*», начинается съ изложенія мнѣнія г. Олесницкаго (извлеченнаго изъ сочиненія сего послѣдняго: Ритмъ и метръ въ ветхозавѣтной поэзій [Труды

Кіевск. Духовн. Академіи, сентябрь 1872 г.) о тождествѣ вародно-русскаго пѣсеннаго размѣра съ древне-еврейскимъ. Между прочимъ идетъ рѣчь и о *параллелизмѣ*, т. е. поэтической формѣ, свойственной какъ библейской, такъ и народно-русской пѣсенной рѣчи, и которю, по мнѣнію г. Шафранова, «существенно отличается отъ версификацій просодическихъ, движущихся въ ритмическихъ око-вахъ (количественной и тонической) версификація *стилистическая*, основывающаяся на особенностяхъ слога и на своеобразномъ поступательномъ движеніи рѣчи». Затѣмъ приводятся различныя объясненія поэтическаго параллелизма, изъ которыхъ г. Шафрановъ отдаетъ предпочтеніе объясненію Зальшютца (Saalschütz, Von der Form der hebräischen Poesie): параллелизмъ есть то ближайшее, то отдаленное родство въ содержаніи отдѣльныхъ строкъ или предложеній, обнаруживающееся то въ строкахъ слѣдующихъ одна за другою, то въ смѣшанномъ порядкѣ, напр. такъ, что первой строкѣ будетъ соотвѣтствовать содержаніе третьей», и приводитъ слѣдующіе примѣры:

Еврейск.: 1) Небо дождило и облака лили воду.

2) Вознесись молитва, словно дымъ съ кадила! Воздыму
я къ небу руки свои — это моя вечерняя жертва!

Русск.: 1) О чемъ ты дѣвица плачешь?

О чемъ ты слезы льешь?...

2) Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,

А злодѣй тоска въ ретиво сердце...

«По объясненію Лофта — продолжаетъ г. Шафрановъ, цитируя слова Олесницкаго — къ которому склоняется и Блинкъ, параллелизмъ вышелъ изъ первоначальной неумѣлости человѣческаго слова овладѣвать мыслию, вслѣдствіе которой человѣкъ говорилъ *разбросанными* предложеніями, не имѣющими между собою внутреннихъ отношеній и связи, но однако же параллельными съ внѣшней стороны, потому что всѣ они стремились овладѣть одною и тою же мыслию»... Далѣе г. Шафрановъ возстаетъ противъ мнѣнія Лея, который объясняетъ происхожденіе параллелизма изъ началъ аллитерациі, утверждая, что, «подобно тому какъ повтореніе буквъ, учащаясь болѣе и болѣе, перешло въ повтореніе цѣлыхъ словъ, въ теченіи времени, при дальнѣйшемъ интеллектуальномъ развитіи, повтореніе словъ замѣнилось повтореніями мыслей, потому что съ

усиленіемъ интереса въ мысли, фонетическій интересъ пересталъ обращать на себя вниманіе и постепенно затерся мыслию». Г. Шафрановъ находитъ это объясненіе крайне невѣроятнымъ: «въ фигурѣ звукоподражанія—возражаетъ онъ—единственно-допустимой для русской народной поэзіи, подобозвучію словъ должно во всякомъ случаѣ предшествовать сходство сопоставляемыхъ явленій физическаго и нравственнаго міра, напр.: мірская молва морская волна». Доказательствомъ тому, что параллелизмъ въ библейской поэзіи не представляетъ дальнѣйшей фазы аллитераціи, Олесницкій приводитъ то обстоятельство, что параллелизмъ полюбѣ именно въ древнѣйшихъ пѣсняхъ, съ теченіемъ же времени ослабѣваетъ, и въ тѣхъ библейскихъ книгахъ, гдѣ нѣтъ аллитераціи, тамъ весьма мало и параллелизма. Наконецъ Эвальдъ, стоящій во главѣ нѣмецкой библейской критики, утверждая, что языкъ ветхозавѣтной поэзіи недоразвился до метрической поэзіи, «признаетъ въ библии только независимый отъ внѣшнихъ обыкновенныхъ формъ, внутренней поэтической рѣчь мысли (Gedankenrhythmus), то опускающейся, то поднимающейся и такимъ образомъ образующей *Tanz der Gedanken* (пляску мыслей), замѣняющій просодію». . . Эвальдъ принимаетъ три рода параллелизма, изъ которыхъ однако, по мнѣнію Олесницкаго, съ которымъ соглашается и г. Шафрановъ, только одному принадлежитъ повтореніе членовъ и который Эвальдъ опредѣляетъ такъ: «самый сильный и прекрасный метръ бываетъ въ томъ случаѣ, когда мысль находитъ полное отзвучіе во второмъ членѣ, когда вполне повторяется предложеніе (*Wiederhall des ganzen Satzes*). Здѣсь не имѣетъ мѣста тавтологія или повтореніе словъ; но метръ держится только въ области мысли. Такимъ образомъ, гдѣ въ прозѣ два предмета стоятъ одинъ при другомъ, какъ два подлежащихъ, здѣсь для каждаго изъ нихъ отдѣляется особенное предложеніе. Напр.

Притч. 1, 10: Слушай, сынъ мой, наставленія отца твоего

И не отвергай назиданія матери твоей.

Въ прозѣ подлежащія *отецъ* и *мать* короче были бы названы въ одномъ предложеніи». Далѣе словами Олесницкаго же приводятся слѣдующіе факты: 1) независимо отъ поэтическихъ книгъ ветхаго завѣта, параллелизмъ встрѣчается во всѣхъ прозаическихъ, историческихъ книгахъ ветхаго завѣта, начиная съ книги Бытія

(Быт. 2. 2:) «и кончилъ Богъ въ день седьмый дѣла, которыя дѣлалъ, и почилъ въ день седьмый отъ дѣлъ, которыя дѣлалъ», (Быт. 2, 5:) «прежде чѣмъ какой либо кустъ появился на землѣ, прежде чѣмъ какой либо злакъ полевой выросъ». 2) Очень много стиховъ съ параллельными членами встрѣчаются въ новомъ завѣтѣ, написанномъ прозой и на греческомъ, а не на еврейскомъ языкѣ, напр. Мате. 10, 26: «Нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы, и тайнаго, что не было бы узнано». 3) Параллелизмъ встрѣчается у всѣхъ древнихъ восточныхъ народовъ, даже тѣхъ, которые имѣютъ опредѣленную просодію звуковъ: у Египтянъ, у Индійцевъ, у Китайцевъ, у древнихъ и новыхъ нѣмцевъ, въ каждой русской народной былинѣ и пѣснѣ:

Ужь ты батюшка, свѣтелъ мѣсяць!
 Что ты свѣтишь не постарому,
 Не постарому, не попржему? . . .

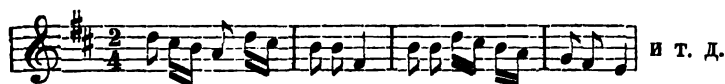
Параллелизмъ можно встрѣтить отчасти у всѣхъ нашихъ поэтовъ до Пушкина, особенно у Державина, Жуковского и Кольцова. И такъ параллелизмъ есть нѣчто всеобщее, существующее въ самыхъ различныхъ степеняхъ у всѣхъ народовъ, какъ въ прозаическихъ, такъ и «въ поэтическихъ сочиненіяхъ, независимо отъ того, будетъ ли поэзія просодическая (т. е. имѣющая какой либо особенный метръ, независимый отъ метра мысли) или непросодическая, и постепенно исчезающее у всѣхъ народовъ съ развитіемъ аналитическаго движенія мысли вмѣсто первоначальнаго синтетическаго. Другими словами: параллелизмъ есть обыкновенный древній способъ выраженія мысли всѣхъ народовъ, не только не отличающій поэзіи отъ прозы, но именно представляющій нѣчто связывающее прозу и поэзію. . . Съ теченіемъ времени у всѣхъ народовъ этотъ естественный рѣзъ скрывается, отъ того что возникающія въ сознаніи противоположности (Олесницкій называетъ всякую связь между мыслями связью противоположности, въ широкомъ смыслѣ этого выраженія) отъ продолжительной практики мысли постепенно болѣе и болѣе сближаются между собою, такъ что мысль, вмѣсто прямого параллельнаго движенія по противоположностямъ, начинаетъ двигаться, такъ сказать, по діагонали параллелограмма. Напримѣръ, вмѣсто того чтобы сказать:

Гибель на языкѣ нечестивыхъ;
 Кто слушаетъ ихъ, погибнетъ,

мы говоримъ: совѣты нечестивыхъ пагубны; т. е. изъ двухъ параллельныхъ предложеній дѣлаемъ одно, стоящее посрединѣ между тѣмъ и другимъ предложеніемъ, но не совпадающее ни съ однимъ изъ этихъ предложеній взятыхъ отдѣльно. Съ своей стороны г. Шафрановъ прибавляетъ, что «вышеприведенной перефразировкой не только изъ двухъ предложеній сдѣлано одно, но вмѣстѣ съ тѣмъ два конкретныя, образныя представленія замѣнены однимъ отвлеченнымъ; поэтическая рѣчь превращена въ прозаическую именно вслѣдствіе уничтоженія параллелизма».—Я выписалъ здѣсь изъ пространныхъ извлеченій, сдѣланныхъ г. Шафрановымъ изъ статьи Олесницкаго, ту часть, съ содержаніемъ которой нашъ авторъ совершенно соглашается и въ которой выяснилось понятіе о *параллелизмѣ*, коему, вмѣстѣ съ *повтореніями*, какъ увидимъ далѣе г. Шафрановъ придаетъ столь важное значеніе въ русско-народной пѣсенной рѣчи.

Все вышеизложенное служить, такъ сказать, пьедесталомъ, на которомъ авторъ строитъ свое новое ученіе о складѣ нашихъ народныхъ пѣсень. Разсматривая сіи послѣднія одновременно съ напѣвной и стихотворной ихъ сторонъ, ему нерѣдко приходится касаться вопросовъ спеціально-музыкальныхъ, и въ этой области опредѣленія и поясненія его нерѣдко страдаютъ неточностью, недомолвками и даже погрѣшностями. Приступая къ разсмотрѣнію отношенія напѣва русской народной пѣсни къ ея тексту, авторъ утверждаетъ, что, «такъ какъ метръ во всѣхъ версификаціяхъ не имѣетъ никакого отношенія къ тональности напѣвовъ (къ мелодическому движенію звуковъ вверхъ и внизъ по октавной лѣстницѣ) и можетъ состоять въ связи только съ ихъ ритмическимъ построеніемъ, т. е. съ ихъ музыкальными размѣрами, то мнимо-народно-русскій тоническій или слоударительный размѣръ долженъ бы былъ состоять въ соотвѣтствіи риторическихъ удареній текста съ наибольшими напѣвными протяженіями; такъ слова (или вѣрнѣе слоги) риторически ударяемая, пѣлись бы самыми длинными нотами, ударяемая только грамматически—не столь длинными, во все же неударяемые слоги были бы постоянно пѣты самыми краткими или наиболѣе дробными нотами». Разбираемый затѣмъ примѣръ (пѣсня «Катенька веселая») приводитъ автора къ заключенію, что «какъ совпаденіе, такъ и несовпаденіе удареній съ протяженіями совершенно случайныя и не находятся между собою ни въ какомъ соотношеніи». Заключеніе это во многихъ случаяхъ дѣйствительно оправдывается, но оно не можетъ имѣть вполнѣ того

значенія, которое придаетъ ему авторъ, потому что несовпаденіе протяженій напѣвныхъ тоновъ съ ударяемыми слогами текста никакъ не можетъ служить доказательствомъ того, что въ напѣвѣ не соблюдены ударенія текста. Приведенные мною на стр. 152 и 153 примѣры текстовъ съ напѣвными схемами служатъ подтвержденіемъ тому, что такъ называемые долги (ударяемые) слоги нѣмецкихъ (а также русскихъ) стиховъ могутъ въ пѣніи довольствоваться лишь акцентомъ, присущимъ сильнымъ временамъ тактовъ) и могутъ легко обходиться безъ большаго противъ такъ называемыхъ короткихъ (неударяемыхъ) слоговъ протяженія. Прибавлю еще что авторъ, утверждая, что метръ не имѣетъ никакого отношенія къ мелодическому движенію звуковъ вверхъ и внизъ, упускаетъ изъ виду и всѣ тѣ средства, которыми, *кромя протяженія*, обладаетъ музыка для акцентуаціи, т. е. для выдѣленія даннаго ударяемаго слога напѣва изъ среды прочихъ, сосѣднихъ съ нимъ, неударяемыхъ слоговъ. Такими средствами могутъ служить: 1) поставленіе подлежащаго ударенію слога на главное, сильное время такта, какъ уже замѣчено выше, всегда несущее на себѣ самое сильное въ тактѣ удареніе; 2) поставленіе даннаго слога на болѣе высокій (при нѣкоторыхъ условіяхъ даже на болѣе низкій), сравнительно съ прочими сосѣдними слогами, тонъ, 3) произвольное на тонѣ, соответствующемъ данному слогу, усиленіе голоса, *кромя* того въ 4) въ пѣсняхъ, исполняемыхъ многоголосно, достаточно бываетъ иногда даже, не мѣняя тона ведущаго главную мелодію голоса, придавать ему, посредствомъ измѣненія, въ прочихъ голосахъ, аккорда, другое гармоническое значеніе, чтобы выдѣлить соответствующій этому тону слогъ напѣва изъ среды всѣхъ прочихъ. Итакъ вышеуказанное г. Шафрановымъ несовпаденіе протяженія напѣвныхъ тоновъ съ риторическими удареніями текста пѣсни еще не можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ совершеннаго отсутствія этого ударенія въ соответствующемъ тонѣ ея напѣва. Разсмотримъ ближе примѣръ, на которомъ г. Шафрановъ строилъ свои доказательства, а именно начало пѣсни:

Ка-тень-ка ве - се-ла-я, Ка-тя чер-но - бро-ва-я...

Г. Шафрановъ выписываетъ тоническую и напѣвную (ритмическую) схемы этой пѣсни, выражающіяся такъ:

Схема тоническая: — — — — — — — — — — || — — — — — — — — — —
 » напѣвная: — — — — — | — — — — — || — — — — — | — — — — —

принимая при этомъ исключительно во вниманіе протяженіе каждаго слога въ напѣвѣ, и изъ сопоставленія этихъ схемъ выводить, что не только не оказывается повсемѣстнаго совпаденія слоговъ ударенія съ наибольшими напѣвными протяженіями, но какъ разъ противное тому. Взглянувъ же на данный напѣвъ но ближе и не только со стороны напѣвныхъ протяженій, мы напротивъ того найдемъ, что напѣвъ совершенно вѣрно передаетъ помѣченныя надъ тонической схемою ударенія, а именно пѣсня поется въ счетѣ: $\frac{3}{4}$, и главные ударенія приходятся естественно на первую восьмую каждаго такта: — — — — — | — — — — — || — — — — — | — — — — — —. Кроме того короткіе слоги текста, приходящіеся на вторую половину 2-го и 4-го тактовъ, несмотря на большее протяженіе свое (— = $\frac{1}{4}$), не только не несутъ ударенія, такъ какъ они стоятъ на слабыхъ временахъ тактовъ, но въ тоже время поются на самыя низкія ноты данной мелодіи, вслѣдствіе чего эффектъ отъ этихъ слоговъ еще болѣе ослабляется. Не слѣдуетъ вообще упускать изъ виду, что о музыкальномъ произведеніи, будь оно простая пѣсня или многосложная симфонія, должно судить не на основаніи кропотливаго взвѣшиванія протяженія каждой отдѣльной ноты, но по тому непосредственному впечатлѣнію, которое оно производитъ на слушателя въ живомъ исполненіи, дѣйствуя на него *всѣми* своими сторонами, всѣми свойственными ему средствами. Всякій, кто безъ предвзятой мысли прослушаетъ стихъ: «Катенька веселая, Ката чернобровая» съ приведеннымъ у г. Шафранова напѣвомъ, долженъ согласиться, что непосредственный эффектъ отъ нея таковъ, что тоническія ударенія текста вполне воспроизводятся даннымъ напѣвомъ. Въ числѣ слѣдующихъ стиховъ этой пѣсни есть и такіе, въ которыхъ риторическія ударенія текста утрачивается въ пѣніи (объ отношеніи напѣва къ *первой* и къ слѣдующимъ строфамъ пѣсеннаго текста, оставленномъ г. Шафрановымъ безъ вниманія, я скажу нѣсколько словъ ниже), и въ результатъ нельзя, вслѣдствіе того, не согласиться съ авторомъ, что риторическія ударенія не могутъ быть разсматриваемы какъ главная основа, на которой строятся русскія народныя пѣсни. Такого результата мы дости-

гаемъ тѣмъ путемъ, который избранъ г. Шафрановымъ, но съ извѣстными поправками, а именно обращая вниманіе на несопадѣніе въ нѣкоторыхъ стихахъ риторическихъ удареній не съ одними только *протяженіями* соответствующихъ тоновъ напѣва, но вообще съ музыкальной акцентуаціей ихъ, какими бы средствами таковая въ напѣвѣ ни достигалась.

Во второй статьѣ своего сочиненія г. Шафрановъ привелъ слова Брамбахъ о способѣ образованія формъ древнѣйшаго греческаго стиха на почвѣ народной пѣсни, который, по замѣчанію г. Шафранова, какъ бы повторился черта въ черту на русской народной пѣсенной рѣчи. «Въ древности — говоритъ Брамбахъ — какъ и во всѣ времена, пѣніе является сочетаніемъ мелодическихъ и ритмическихъ предложеній или фразъ. Эти фразы угрековъ такъ и назывались членами ($\chi\omega\lambda\alpha$, по русски пѣсенное колѣно). Члены (колѣна) греческой пѣсни такъ располагаются, что въ нихъ очевидно единство построенія. Единство это достигается тѣмъ, что или повторяются тождественные члены, или приводятся въ связь нетождественныя, но родственныя по строенію и объему группы тактовъ. Повтореніе тождественныхъ членовъ есть самый простой и древній способъ». Г. Шафрановъ уже раньше, по пѣснѣ «Дуня, Дуня румяна» показалъ дѣленіе пѣсенъ на строфы, стихи и колѣна и позже подтвердилъ то весьма важное обстоятельство, что «въ каждомъ двоестипіи вмѣстѣ съ окончаніемъ мелодическаго періода заканчиваются постоянно періоды рѣчи, т. е. или полныя предложенія, или самостоятельныя ихъ части (напр. обращенія). Далѣе, не только періоды текста, полныя предложенія или самостоятельныя ихъ части прилажены къ періодамъ мелодіи въ цѣломъ, но главныя и второстепенныя ихъ части соглашены съ главными и второстепенными частями мелодіи, именно каждый стихъ въ двоестипіи соответствуетъ одной половинѣ мелодіи, и каждое полустипіе — отдѣльному музыкальному колѣну. Соответствіе текста напѣву не идетъ далѣе этого, въ извѣстномъ смыслѣ внутренняго, соглашенія». Далѣе авторъ, пытаясь замѣнить слова ритмъ и метръ по отношенію къ русской народной пѣснѣ выраженіями *ладъ* и *складъ*, говоритъ: «Ладъ относится къ ритмическому построенію напѣва, складъ — къ построенію пѣсенной рѣчи», и прибавляетъ, что «требованія лада, иначе ритмическія, распространяются, конечно, и на пѣсенную рѣчь, на слова пѣсни, но лишь пока пѣсенная рѣчь распѣвается, а какъ скоро текстъ отдѣляется отъ напѣва, какъ

скоро пѣсня не поется, а говорится, то ладъ... уже становится къ ней непримѣнимъ».

Вслѣдъ за тѣмъ мы опять наталкиваемся съ одной стороны на неубѣдительное, потому что основанное на недоразумѣніи автора доказательство, а съ другой — на противорѣчіе. «Скажутъ — говоритъ авторъ — что рѣчь, построенная не ритмически, не можетъ назваться стихотвореніемъ, стихъ де не мыслимъ безъ определенной размѣренности протяженій и безъ ритмическихъ иктовъ, и если въ народно-русской пѣсенной рѣчи не оказывается ни того, ни другаго, то русскія народныя пѣсни сложены де прозой, а не стихами». Въ числѣ аргументовъ противъ такого мнѣнія авторъ заявляетъ между прочимъ, что проза можетъ быть пѣта только речитативомъ, т. е. безъ ритма, въ русскихъ же пѣсняхъ соблюдается весьма правильно расчлененная мелодія. О томъ, что проза можетъ не хуже стиховъ быть полагаема на музыку, я говорилъ уже выше (стр. 150), а слѣдовательно и приведенный авторомъ аргументъ не имѣетъ значенія. Но авторъ тутъ же совершенно справедливо замѣчаетъ, что пѣсенная рѣчь отличается отъ обиходной, — отъ прозы, какъ соразмѣрностью частей періодовъ и притомъ преимущественно внутреннею соразмѣрностью самаго содержанія, понятій и мыслей, такъ и свойственными ей повтореніями, параллелизмомъ и другими поэтическими формами рѣчи. Вышеуказанное противорѣчіе въ опредѣленіи взаимнаго отношенія между напѣвомъ и текстомъ пѣсенъ заключается въ слѣдующемъ: На стр. 131 авторъ говоритъ, что «складъ народно-русской пѣсенной рѣчи объясняется самою сущностію двусоставной природы пѣсни, какъ произведенія музыкальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ поэческаго, въ которомъ и музыка и рѣчь, сливаясь въ дружномъ дѣйствіи на слушателя, не стѣсняють себя взаимно, а сохраняютъ каждая свою свободу и свои средства». Между тѣмъ нѣсколько строкъ выше, а также на стр. 125 и въ другихъ мѣстахъ, авторъ утверждаетъ, что «рѣчь прилаживается напѣву, исполнъ подчиняясь ему». Авторъ вообще склоненъ вѣрить въ это полное подчиненіе текста напѣву, который, по его мнѣнію, всегда слагается исполнѣ самостоятельно, безъ всякаго принорвленія къ удареніямъ въ текстѣ. Предоставляя себѣ ниже остановиться нѣсколько на этомъ вопросѣ, разсмотримъ его основательнѣе, приведу теперь слова автора о взаимномъ въ главныхъ, общихъ чертахъ, отношеніи напѣва и рѣчи въ русской пѣсни, — слова, которыя могутъ быть примѣнены не только къ русской, но и ко всякой другой *строфной* пѣснѣ. «Въ

пѣснѣ — говоритъ авторъ — чувства и мысли выражаются не просто словами, какъ въ обиходной рѣчи, но словами, произносимыми музыкально, по извѣстному напѣву, причѣмъ словами выражается рядъ однородныхъ мыслей и чувствъ, а музыкою (напѣвомъ, мелодіей въ общемъ значеніи этого слова) общее душевное настроеніе пѣвца въ минуту творчества. Напѣвъ есть рядъ различныхъ по высотѣ и протяжности звуковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ, который въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется господствующимъ чувствомъ и врожденнымъ чело-вѣку чувствомъ звуковой красоты. Какъ высота, такъ и протяжность звука подлежатъ измѣренію, первая октавною лѣстницею звуковъ, вторая — тактами. Такъ какъ напѣвъ слагается совмѣстно съ первымъ полнымъ, законченнымъ выраженіемъ мысли или чувства, подъ дѣйствіемъ общаго настроенія души, и это общее настроеніе остается неизмѣннымъ во весь актъ пѣсеннаго творчества, то напѣвъ и повторяется съ каждымъ полнымъ отдѣломъ рѣчи (строфою или періодомъ) до конца пѣсни, какъ повторяется одинъ и тотъ же узоръ въ кружевѣ, въ цвѣтной или въ камчатной ткани. И такъ напѣвъ есть какъ бы музыкальная форма, въ которую вылилась овегществившаяся въ словѣ первая мысль извѣстнымъ образомъ настроенной души. Разъ сложившаяся такимъ образомъ музыкальная форма остается затѣмъ уже неизмѣннымъ мѣриломъ слаживаемой съ нею рѣчи, до конца ея, опредѣляемаго истощеніемъ мыслей и чувствъ на данную тему. Творецъ народной пѣсни есть творецъ пѣсенной рѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ напѣва ея. Отъ того, вѣроятно, и зависитъ неподражаемая прелесть хорошей народной пѣсни, что она является органически цѣльнымъ плодомъ совокупнаго дѣйствія двухъ творчествъ, поэзіи и музыки, неотразимо плѣняющимъ наше чувство, какъ свѣтъ и теплота въ нераздѣльномъ явленіи. Если первый, начальный періодъ пѣсенной рѣчи зарождается въ одномъ актѣ творчества съ музыкальнымъ проявленіемъ чувства или съ напѣвомъ, то онъ необходимо слагается въ полномъ соотвѣтствіи съ напѣвомъ, сообразуясь во всемъ съ его условіями и требованіями. По складу перваго періода (перваго стиха или первыхъ двухъ стиховъ) пѣсенной рѣчи непрѣменно слагаются и всѣ остальные періоды пѣсни, и притомъ *точь въ точь* (?), иначе не могутъ быть подведены подъ напѣвъ перваго періода, который остается общимъ для всей пѣсни — не могутъ быть пропѣты. И такъ вся пѣсня составляетъ непрѣменно однимъ складомъ, именно складомъ перваго ея періода, *первый же періодъ* пѣсни

самъ складывается (?) по ея напѣву». Послѣднія положенія автора, отмѣченныя мною вопросительными знаками, подлежатъ значительной поправкѣ, а именно, какъ будетъ показано ниже, «остальные» періоды пѣсни въ весьма большомъ числѣ случаевъ складываются не «точь въ точь» какъ первый, первый же періодъ также въ весьма большомъ числѣ случаевъ не складывается самъ «по напѣву», а напротивъ очень часто *напѣвъ складывается* согласно требованіямъ текста перваго періода.

Въ вокальной музыкѣ, произведенія которой состоятъ изъ совокупности рѣчи и напѣва, и къ которой, разумѣется, принадлежитъ и русская народная пѣсня, слитіе этихъ двухъ элементовъ въ одно органическое цѣлое происходитъ въ нѣкоторомъ родѣ по закону параллелограмма силъ. Смотря по большому или меньшему равенству или неравенству въ данной формѣ вокальной музыки «силъ» того или другаго элемента (рѣчи или напѣва), другими словами, смотря по равноправности въ ней обоихъ названныхъ элементовъ или преобладанію одного изъ нихъ надъ другимъ, результатъ слитія рѣчи съ напѣвомъ выражается съ одной стороны въ формѣ сухаго разговорнаго речитатива (полное преобладаніе рѣчи надъ напѣвомъ), съ другой — въ формѣ колоратурной итальянской аріи (полное преобладаніе напѣва надъ рѣчью) съ безчисленными промежуточными, между этими двумя полюсами, степенями взаимныхъ соотношеній рѣчи и напѣва, которыя могутъ быть до нѣкоторой степени изображены графически, въ видѣ градусныхъ дѣленій на линіи, соединяющей указанные два полюса, изъ коихъ назовемъ первый буквою *A*, а второй — *B*. Г. Шафрановъ, какъ сказано выше, склоненъ признавать въ русской народной пѣснѣ *вообще* полное подчиненіе рѣчи напѣву, другими словами, онъ даетъ мѣсто русской народной пѣснѣ на полюсѣ *B*. Необходимая, въ этомъ отношеніи, поправка положенія г. Шафранова должна заключаться въ перемѣщеніи русской пѣсни изъ указаннаго ей г. Шафрановымъ мѣста въ *B* на значительное число градусовъ по направленію отъ *B* къ *A*. Замѣтимъ далѣе, что русскія народныя пѣсни, по характеру своему, а соотвѣтственно тому и взаимныя отношенія въ тѣхъ или другихъ изъ нихъ рѣчи и напѣва оказываются до того разнообразными, что было бы крайне ошибочно для всѣхъ русскихъ народныхъ пѣсней *вообще* опредѣлить соотвѣтствующее имъ мѣсто на одномъ какомъ либо градусѣ линіи *AB*, какъ дѣлаетъ г. Шафрановъ, утврждающій, будто-бы въ нихъ рѣчь вполнѣ подчиняется напѣву. Напротивъ того, область русской народной пѣсни въ данномъ отношеніи

такъ пространна, что, будучи нанесена на линію *AB*, она займетъ не одно дѣленіе, а цѣлую серію ихъ, при чемъ нельзя однако не замѣтить, что занятое ею мѣсто будетъ находиться ближе къ *B*, чѣмъ къ *A*. Вотъ почему я и говорилъ выше, что съ словами г. Шафранова о полномъ подчиненіи въ русскихъ пѣсняхъ рѣчи напѣву нельзя согласиться безусловно, и что опредѣленіе его подлежитъ значительной поправкѣ.

Если мы судимъ о народныхъ пѣсняхъ не по непосредственному впечатлѣнію, получаемому нами отъ живаго исполненія ихъ умѣлыми пѣвцомъ, а по *изложению ихъ въ нотахъ*, то прежде всего слѣдуетъ отнестись къ записанному съ строгою критикою, такъ какъ отъ *способа изображенія напѣва въ нотахъ* и положенія слоговъ пѣсенной рѣчи подъ нотами напѣва зависитъ въ значительной степени болѣе или менѣе вѣрное или превратное понятіе о пѣснѣ, получаемое при чтеніи записаннаго. Такъ напр. совсѣмъ небезразлично, написать ли напѣвъ къ словамъ: «какъ по садику, садику»

а)

такъ:

Какъ по са - ди-ку, са - ди-ку...

б)

или такъ:

Какъ по са - ди-ку, са - ди-ку..

При соблюденіи акцентовъ на сильныхъ временахъ тактовъ и при невольныхъ удареніяхъ на высокихъ нотахъ (на слогѣ «са»—[дику]), въ первомъ случаѣ (а) слышится: «какъ по сади́ку сади́ку», во второмъ же (б): «Ка́къ по сади́ку, сади́ку» (слоги ударяемые въ пѣннн означены здѣсь знакомъ: ´, а неударяемые — °). Я съ намѣреніемъ привелъ заимствованное изъ «Приложенія» къ сочиненію г. Шафранова начало пѣсни № 94, какъ примѣръ грубой ошибки въ ритмическомъ изображеніи напѣва. Впрочемъ, такое несоотвѣтствіе ритмическаго изображенія напѣва въ нотахъ съ дѣйствительнымъ, свойственнымъ послѣднему ритмомъ такъ очевидно, что всякій толковый исполнитель, руководствуясь художе-

ственнымъ чутьемъ своимъ, найдетъ правильный способъ передачи невѣрно написаннаго и пропоетъ данную фразу правильно, т. е. такъ, какъ она изображена въ примѣрѣ б. Но нерѣдко встрѣчаются случаи, гдѣ погрѣшность въ ритмическомъ распредѣленіи записаннаго напѣва не такъ очевидна. Напримѣръ для читающаго и поющаго совсѣмъ не все равно, написанъ ли напѣвъ къ стиху «Слышишь ли ты Иванушка»

Въ первомъ случаѣ (а) слышится: Слы́ишь ли ты Ива́нушка́, что невѣрно. Здѣсь поющій долженъ угадывать настоящій, разнотактный ритмъ напѣва, вопреки насильственно навязанному ему на бумагѣ, не свойственному ему $\frac{2}{4}$ -му счету. Во второмъ же случаѣ (и): «Слы́ишь ли ты Ива́нушка́» — возстановляется разрушенный въ предыдущемъ примѣрѣ дѣйствительный ритмъ напѣва, а вмѣстѣ съ нимъ и утраченное *на мазь* соотвѣтствіе между удареніями напѣва и риторическими удареніями текста. Въ подобныхъ приведенному случаяхъ нетолько не неумѣстно, но даже необходимо сохраненіе въ нотномъ изображеніи напѣва свойственной ему, вызываемой складомъ текста, разнотактности, которую не желаетъ признавать въ русской пѣснѣ г. Шафрановъ, выписавшій вышеуказанную мелодію (№ 117 приложенія) такимъ образомъ:

Примѣръ этотъ, по отношенію къ нотному письму, представляетъ рядъ недоразумѣній, слишкомъ очевидныхъ для каждого, знакомаго съ нотными знаками и основными законами ритма, чтобы нужно было на нихъ останавливаться. Подобныя же неточности и погрѣшности могутъ встрѣчаться въ записанныхъ пѣсняхъ по отношенію къ подведенію слоговъ текста подъ ноты напѣва. Тотъ же самый текстъ подъ тѣмъ же напѣвомъ въ разныхъ сборникахъ иногда распредѣляется съ значительными отступленіями и различіями; это особенно имѣетъ мѣсто въ пѣсняхъ протяжныхъ, въ которыхъ напѣвъ заключаетъ въ себѣ обыкновенно гораздо болѣе тоновъ, чѣмъ слоговъ въ текстѣ, а потому на каждый слогъ иногда приходится цѣлыя группы тоновъ. Взглянемъ на примѣръ на различный образъ подложенія текста подъ ноты напѣва въ пѣснѣ «Какъ у батюшки въ зеленомъ саду»:

Въ сборн. Прача :	Какъ	у	ба	-	тѣш	-	ки
> > Воротникова :	Какъ	у	ба	-	тѣш	-	ки
> > Аванасьева :	Какъ у	ба	-	-	-	-	тѣш-ки

въ зе	-	ле	-	номъ	-	са	-	-	-	-	ду.
въ зе	-		ле	-	номъ	-	са-ду,	а у матушки въ славномъ вишенъ.			
въ зе	-	ле	-	-	номъ	-	са-ду,	(тоже)			[нѣ.

У Прача вторая половина напѣва вся поется на два слога: са - ду, между тѣмъ какъ у Воротникова и Аванасьева подъ эту часть мелодіи подложенъ цѣлый стихъ: «А у матушки въ славномъ вишенъ.» Кроме того мы замѣчаемъ нѣкоторую разницу въ распредѣленіи словъ подъ нотами напѣва и въ первой его половинѣ, что трудно прослѣдить по данному нотному примѣру.

Указавъ на возможныя я въ самомъ дѣлѣ часто встрѣчающіяся недоразумѣнія и погрѣшности въ изображеніи ритма пѣсенъ на бумагѣ и подведеніи текстовъ подъ ноты напѣва (не говоря уже о безчисленныхъ, иногда весьма грубыхъ, искаженіяхъ, которымъ подвергается нерѣдко, при записываніи съ голоса, и чисто-мелоди-

ческая часть напѣвовъ), обращаюсь теперь къ разсмотрѣнiю отношенiя напѣва къ тексту, какъ оно проявляется въ дѣйствительности въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ разнаго характера. Подобно тому, какъ многіе слова и слоги, не несущіе на себѣ риторическихъ ударенiй, въ обиходной рѣчи выговариваемы какъ бы всколзъ, быстро и почти безъ ударенiй, въ возвышенной декламациі получаютъ часто болѣе сильную акцентуацію, болѣе значительное протяженіе, — такъ еще въ гораздо большей степени проявляется это въ *пѣни*. Пѣніе относится къ декламациі, къ говоренію, такъ, какъ художественная поступь, художественныя тѣловдвигенія въ пляскѣ и пантомимѣ — къ простой ходьбѣ и обыденнымъ движеніямъ человѣка. Какъ здѣсь каждый шагъ, каждое движеніе, не утрачивая основной цѣли, основнаго назначенiя своего, принимаетъ лишь болѣе граціозный, пластическій видъ, такъ и въ пѣни пѣсенная рѣчь, сохраняя свое основное метрическое строеніе, облекается въ болѣе широкія ритмико-мелодическія формы: не только главные слоги просодическихъ (тоническихъ) періодовъ, несущіе риторическое удареніе, но и прочіе, по выраженію Классовскаго, «подавляемые» этимъ удареніемъ, утрачивающіе свои собственныя грамматическія ударенія, сосѣдніе слоги получаютъ большее значеніе, выражающееся, какъ въ большемъ ихъ усиленіи или протяженіи, такъ и въ возстановленіи ритмико-мелодическими средствами подавляемыхъ въ говореніи удареніи; какъ въ пляскѣ и пантомимѣ движенія танцующаго нерѣдко прерывается въ своемъ теченіи остановками, моментами покоя (ферматами), выражающимися въ формѣ граціозныхъ позъ танцующаго, — такъ и въ пѣни пѣсенная рѣчь иногда прерывается въ своемъ теченіи остановками, моментами покоя, ферматами или голосовыми фигурами на одномъ какомъ либо слогѣ текста. И какъ въ хореографическомъ искусствѣ нерѣдко главною цѣлью становится красота и пластичность движеній и позъ самихъ по себѣ, иногда доводимыя танцорами до виртуознаго изощренiя и извращенiя, движенія и позы эти въ значительной степени утрачиваютъ формы лежащихъ въ основаніи ихъ естественныхъ движеній человѣка, такъ и въ вокальной музыкѣ иногда главною цѣлью, къ которой стремится композиторъ, становится красота и выразительность звуковыхъ, мелодическихъ узоровъ самихъ по себѣ (также нерѣдко доводимыхъ до виртуознаго изощренiя и извращенiя), при чемъ въ мелодическомъ узорѣ, т. е. напѣвѣ, въ значительной степени утрачиваются метрическія формы лежащаго въ основаніи его, полагаемаго на музыку стиха. И если при всемъ томъ, слушая пѣсню, въ напѣвѣ

которой являются несоблюденными требованія декламаціи, мы тѣмъ не мѣнѣе воспринимаемъ ее какъ нѣчто цѣльное, то причину тому слѣдуетъ искать въ духовномъ родствѣ мелодическаго содержанія напѣва и лежащаго въ основаніи пѣсенной рѣчи настроенія.

Присматриваясь ближе къ русскимъ народнымъ пѣснямъ, мы замѣчаемъ, что тѣ изъ нихъ, которыя поются въ скоромъ и умѣренно скоромъ тѣмпахъ (скуда по преимуществу принадлежатъ пѣсни плясовыя, также многія хороводныя), по большей части, по крайней мѣрѣ въ первой строфѣ своей, представляютъ почти полное соотвѣтствіе между ударяемыми слогами пѣсенной рѣчи и наиболѣе выдающимися по протяженію, по высотѣ или положенію своему на сильныхъ временахъ тактовъ тонами напѣвовъ. Периодически повторяющіяся ударенія на сильныхъ временахъ музыкальныхъ тактовъ по отношенію къ тексту пѣсни играютъ ту же роль, какъ икты въ литературномъ русскомъ и нѣмецкомъ тоническомъ (тоникометрическомъ) стихосложеніи. Въ виду того, что иктовъ въ метрической схемѣ стиха (литературнаго русскаго и нѣмецкаго) обыкновенно бываетъ больше, чѣмъ словъ въ стихѣ, а слѣд. и больше, чѣмъ грамматическихъ удареній, и что вслѣдствіе того нѣкоторые икты не совпадаютъ съ таковыми удареніями, эти послѣдніе икты имѣютъ только фиктивное значеніе, напр. въ стихѣ: «Ду́ховной жа́ждюю то́мимъ» иктъ на слогѣ ю фиктивный, и декламаторъ его не отличаетъ въ чтеніи. Точно такъ же и ударенія на сильныхъ временахъ тактовъ, или *музыкальные икты*, иногда въ пѣвнн получаютъ лишь фиктивное значеніе и въ этихъ случаяхъ отмѣчаются слабѣе, или же вовсе *не отмѣчаются* пѣвцомъ при исполненіи имъ напѣва. Напр.

Посѣ|юль я лебе|ду на бере|гу.

Въ осмысленномъ пѣвнн музыкальный иктъ на третьемъ слогѣ «юль» не отмѣчается, а тѣмъ сильнѣйшее удареніе падаетъ затѣмъ на слогъ «ду».

Весьма часто предшествующій цезурѣ послѣдній слогъ колѣна (полустишія), а равно и послѣдній слогъ цѣлаго стиха представляетъ въ напѣвѣ моментъ покоя, т. е. декламація текста здѣсь нѣсколько приостанавливается, и послѣдній слогъ поется или на ноту съ относительно бѣльшимъ протяженіемъ, или же на цѣлую группу нотъ т. е. голосовую фигуру,—происходитъ такимъ образомъ музыкальное выполненіе цезуры на предшествующемъ ей въ текстѣ слогѣ, а за-

тѣмъ пѣсенная рѣчь опять получаетъ въ пѣніи надлежащее теченіе до послѣдняго слога слѣдующаго колѣна или стиха, гдѣ повторяется подобная же приостановка, подобное же протяженіе послѣдняго слога. Напр. въ пѣснѣ:

находимъ музыкальное выполненіе цезуры на послѣднихъ слогахъ колѣнъ стиха: *макъ* и *такъ*, протянутыхъ каждый на два такта ⁴⁰⁾.

Наконецъ, въ стихахъ, коихъ первый слогъ короткій, а въ слѣдствіе того долженъ былъ бы и въ напѣвѣ получить ритмически маловажное значеніе, помѣщаться въ затактѣ,—этотъ слогъ, ради приданія мелодіи напѣва большей энергій (мелодія имѣетъ обыкновенно болѣе рѣшительный характеръ, если начинается не затактомъ, а прямо на сильномъ времени), приобретаетъ иногда собственно несвойственный ему акцентъ, будучи поставленъ на сильномъ времени такта. Напр. въ пѣснѣ:

первые два слога, собственно короткіе, получили, ради своего положенія въ началѣ стиха, музыкальный вѣсъ, обусловливаемый энергическимъ характеромъ всего напѣва.

⁴⁰⁾ Такая остановка теченія текста въ напѣвѣ, независимо отъ необходимости музыкальнаго обозначенія цезуры стиха, вызывается обыкновенно свойственной музыкальнымъ формамъ архитектурной симметрией. Одному такту мелодіи обыкновенно соответствуетъ другой, группѣ изъ двухъ, четырехъ тактовъ, — такая же группа изъ равнаго съ первой числа тактовъ. Поэтому, если напр. текстъ перваго колѣна стиха занимаетъ въ четырехтактномъ музыкальномъ колѣнѣ только три такта, то послѣдній слогъ этого полустішія, хотя бы онъ былъ и короткій, нерѣдко растягивается въ напѣвѣ, пополнивъ собою недостающія до полныхъ четырехъ тактовъ мѣры времени, исполненію чего весьма способствуетъ цезура, совершенно естественно допускающая такую остановку, выполняющую музыкально цезуру и вводящую равновѣсіе въ данное колѣно напѣва. Примѣромъ можетъ служить выше приведенная пѣсня «Ай на горѣ макъ».

Не взирая на указанные уступки, дѣлаемые на счетъ вполне точной декламации, текста пѣсенъ въ пользу специально-музыкальныхъ свойствъ напѣвовъ ихъ, въ большинствѣ пѣсенъ, имѣющихъ скорый и умѣренно скорый темпъ, тѣмъ не менѣе, при живомъ, осмысленномъ исполненіи ихъ, весьма явственно просвѣчиваетъ, если можно такъ выразиться, черезъ напѣвъ метрическое сложение пѣсенной рѣчи. Въ первой строфѣ такихъ пѣсенъ мы въ большинствѣ случаевъ находимъ столь близкое соотношеніе и соответствіе рѣчи и напѣва, столь вѣрное музыкальное воспроизведеніе главныхъ и второстепенныхъ акцентовъ рѣчи, что о «полномъ подчиненіи текста напѣву», о которомъ говоритъ г. Шафрановъ, не можетъ быть и рѣчи, напротивъ, въ большемъ числѣ случаевъ мы замѣчаемъ, что текстъ управляетъ напѣвомъ, дѣлая ему, конечно, въ свою очередь мѣстами уступки, о которыхъ я говорилъ выше, безъ которыхъ органическое слитіе рѣчи съ напѣвомъ было бы невымыслимо.

Въ пѣсняхъ, имѣющихъ медленный темпъ, называемыхъ протяжными (и полу-протяжными), музыкальный элементъ обыкновенно значительно преобладаетъ надъ текстомъ. Народный пѣвецъ даетъ въ нихъ волю своему музыкальному вдохновенію, онъ останавливается въ музыкальной декламации текста не только въ концѣ колѣнъ и стиховъ т. е. на цезурахъ, какъ во многихъ пѣсняхъ скорыхъ, но и въ срединѣ колѣнъ, и поетъ нерѣдко длинныя мелодическія фигуры на отдѣльные слоги текста, которые получаютъ вслѣдствіе того нерѣдко чрезвычайное протяженіе. Однако, если опять присмотрѣться ближе къ такимъ пѣснямъ, мы замѣчаемъ, что эти продолжительныя остановки по преимуществу имѣютъ мѣсто на главныхъ, ударяемыхъ слогахъ и притомъ по преимуществу на ударяемыхъ слогахъ наиболѣе значительныхъ словъ стиха. Такъ напр.

Въ первомъ стихѣ пѣсни: «Ахъ ты день ты мой денечекъ» (№ 22 Приложенія) наибольшее протяженіе и мелодическое значеніе получаютъ слова:

день и денечекъ.

Въ первомъ стихѣ пѣсни: «Вздумала я дѣвица съ горя пошутила» (№ 39 Приложенія) наибольшее протяженіе приходится на слова:

дѣвица и пошутила.

Въ первомъ стихѣ пѣсни: «Матушка, да и что же въ полѣ пыльно» (№ 108 Приложенія) наибольшее протяженіе приходится на слова:

Матушка и пыльно

Въ первомъ стихѣ пѣсни: «Внизъ по матушкѣ
по Волгѣ, по широкому раздолью» (№ 44
Приложения) наибольшее протяженіе при-
ходится на слова:.....

Волгѣ и раздолью.

Слоги, получившіе широкое протяженіе, означены здѣсь *курсивомъ*. Въ нѣкоторыхъ протяжныхъ пѣсняхъ преобладаніе музыкальнаго элемента становится дѣйствительно весьма значительнымъ, когда народный пѣснеслагатель, увлекаясь потокомъ изобрѣтаемой имъ мелодіи, ведетъ ее далѣе, чѣмъ бы требовалъ стихъ или строфа текста, и тогда онъ дѣйствительно подчиняетъ текстъ напѣву, повторяя, иногда безъ особенной логической необходимости, лишь въ угоду широко раскинувшейся мелодической волнѣ напѣва, нѣкоторые слова текста, получающія въ такомъ случаѣ какъ бы значеніе канвы, по которой пѣвецъ вышиваетъ мелодическіе узоры напѣва. Но и въ такихъ случаяхъ обыкновенно повторяются преимущественно слова текста, наиболее важныя, и пространныя мелодическія фигуры напѣва совпадаютъ по преимуществу же съ ударяемыми слогами этихъ словъ. Разумѣется, нерѣдко въ сборникахъ пѣсень, а также въ устахъ народа мы встрѣчаемъ указанныя пространныя мелодическія фигуры и на неударяемыхъ въ чтеніи слогахъ текста, напр. въ пѣснѣ: «Ты стой моя рябинушка»—(№ 170 Прил.) на слогѣ *ну* (въ словѣ *ряби^ну^шка*). Это можетъ происходить отчасти вслѣдствіе невѣрнаго подведенія, на бумагѣ, текста пѣсни подъ ноты напѣва, отчасти вслѣдствіе невѣрнаго исполненія пѣсни неумѣлымъ пѣвцомъ, съ пѣнія котораго такая пѣсня записана, отчасти вслѣдствіе того, что на данный напѣвъ поются слова совершенно другой пѣсни (мы имѣемъ примѣры перетасовки напѣвовъ и текстовъ различныхъ пѣсень, такъ что тѣже слова въ разныхъ сборникахъ оказываются соединенными съ разными напѣвами и наоборотъ, независимо отъ существованія и въ народѣ различныхъ вариантовъ напѣва и текста той же самой пѣсни), наконецъ отчасти и вслѣдствіе того, что русская народная пѣсня есть продуктъ наивнаго творчества, руководимаго исключительно художественнымъ чутьемъ творца ея, не направляемымъ какими либо точно выработанными законами, — а при такихъ обстоятельствахъ встрѣчающіяся въ пѣсняхъ нѣкоторыя несовершенства не только возможны, но даже вполне естественны. «Будучи исключительно достояніемъ простонародія—пишетъ г. Шафрановъ о русской пѣсенной рѣчи — она осталась какъ бы въ элементарномъ

состояніи, не раскрывшись въ такомъ разнообразіи стихотворныхъ формъ, какое достижимо только въ поэзіи литературной». Можно къ этому прибавить, что музыкальная декламація текста въ народной русской пѣснѣ, удовлетворяя эстетическимъ требованіямъ музыкальнаго искусства въ большемъ числѣ случаевъ, иногда однако не представляетъ того совершенства, какого мы въ правѣ требовать лишь отъ музыки художественной.

Еще одно замѣчаніе. Абсолютно-музыкальная (т. е. сочиняемая безъ всякаго словеснаго текста) мелодія всегда представляетъ полную равномерность, симметрію частей. Въ нѣкоторыхъ же мелодіяхъ русскихъ народныхъ пѣсень мы не находимъ такой симметріи частей. Напр. въ извѣстной пѣснѣ: «Ужь какъ слава Богу на небѣ, || слава» (№ 162 Прилож.) первое колѣно напѣва состоитъ изъ 4 тактовъ съ затакомъ, а второе изъ неполныхъ двухъ тактовъ. Сравнивая эти части напѣва съ текстомъ, замѣчаемъ что 1-ая, большая часть соотвѣтствуетъ первому, большому колѣну стиха (т. е. первымъ шести словамъ его), а 2-ая, меньшая, — второму колѣну стиха: «Слава»; въ пѣснѣ «Сидитъ наша гостинька выше всѣхъ, || выше всѣхъ» (№ 157 Прил.) первое колѣно мелодіи состоитъ изъ 4 тактовъ, а второе — изъ 2; въ пѣснѣ: «Ахъ ты воля, || воля моя воля» (№ 27 Прил.) первое колѣно мелодіи простирается на 3 такта, а второе — на 4; въ пѣснѣ: «На Иванушкѣ чапанъ» (№ 117 Прил.) первая половина напѣва (соотвѣтствующая первому стиху текста) состоитъ изъ 4 тактовъ въ счетѣ $\frac{3}{4}$, а вторая (соотвѣтствующая второму стиху) — изъ 2 тактовъ въ счетѣ $\frac{7}{4}$ (или изъ 4 тактовъ въ перемежающемся счетѣ $\frac{3}{4}$ и $\frac{4}{4}$). Эта *разномѣрность* колѣвъ музыкальных періодовъ, разумѣется, вызвана требованіями текста, т. е. разномѣрностью колѣвъ стиховъ, а не наоборотъ. — Приведенныхъ фактовъ, кажется, достаточно для доказательства неосновательности категорическаго заявленія г. Шафранова будто бы въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ пѣсенная рѣчь вполне подчиняется напѣву.

До сихъ поръ я говорилъ лишь объ отношеніи напѣва къ первой строфѣ ея текста (или къ первому стиху, если имъ исчерпывается все содержаніе напѣва). Что же касается остальныхъ строфъ (или стиховъ), то онѣ строятся *приблизительно* по складу первой строфы (или перваго стиха), но не «точь съ точь», какъ утверждаетъ г. Шафрановъ на стр. 132 своего сочиненія. Къ сожалѣнію авторъ не приложилъ къ труду своему полныхъ текстовъ пѣсень, а довольствовался только первыми строфами (или стихами) ихъ. Говоря о

дальнѣйшихъ строфахъ (стихахъ) пѣсенъ, я, вслѣдствіе сего, принужденъ буду брать примѣры уже не изъ «Приложенія» къ сочиненію г. Шафранова (какъ я дѣлалъ это до сего времени), а изъ другаго источника;— избираю для этого сборникъ пѣсенъ г. Балакирева. Сравненіе прочихъ строфъ (стиховъ) пѣсенъ съ первыми и между собою показываетъ, что какъ по количеству входящихъ въ составъ ихъ слоговъ, такъ и по мѣсту нахождения въ нихъ главныхъ (реторическихъ) и второстепенныхъ (грамматическихъ) удареній, онѣ нерѣдко и даже весьма часто различаются между собою, а потому въ этихъ «прочихъ» (но не *первыхъ*) строфахъ (стихахъ) нерѣдко проявляется несоотвѣтствіе, несопаденіе акцентовъ словесныхъ и напѣвныхъ; эти «*прочія*» строфы (стихи) дѣйствительно подчиняются установленной, созданной приноровительно къ первой строфѣ (первому стиху) мелодіи, оправдывая собою, но только *въ указанныхъ предѣлахъ*, слова г. Шафранова о подчиненіи текста напѣву. Напр.

(Сб. Балак. № 1)	Не было <i>отру</i> , вдругъ <i>назянуло</i>	= 10 слог.
	Расплакалась душа <i>Варюшка</i>	= 9 »
	Унимаетъ ее родная <i>матушка</i>	= 12 »
	Не <i>плачь</i> , на, не <i>плачь</i> , душа <i>Варюшка</i> ,	= 10 »
	Я <i>сострою</i> тебѣ сѣни <i>новыя</i> ...	= 11 »

(Напѣвъ исчерпывается первымъ стихомъ, котораго каждое колено поется по два раза.)

(Сб. Балак. № 12)	1-ая строфа.	{	Сидитъ наша <i>юстинька</i> <i>выше</i> всѣхъ, <i>выше</i>	= 10 + 3 слога.
			А держитъ головушку <i>ниже</i> всѣхъ, <i>ниже</i>	
5-ая строфа.	{	Ванюшка <i>Машеньку</i> <i>выспрашиваетъ</i> <i>выспрашиваетъ</i> ,	= 11 + 5 слоговъ	
		Скажи, скажи <i>Машенька</i> , <i>кто</i> тебѣ <i>мигъ</i> <i>кто</i> тебѣ <i>мигъ</i> ? = 11 + 4 слога.		

Реторическія ударенія находятся на слогахъ, напечатанныхъ курсивомъ, и разномѣстность ихъ во многихъ случаяхъ очевидна. Часто измѣняющееся въ стихахъ количество слоговъ также показано выше. Въ пѣснѣ «Во лугахъ» (Сб. Бал. № 19) число слоговъ въ стихахъ мѣняется отъ 9 до 14. Впрочемъ разночисленность слоговъ по отношенію къ напѣву не имѣетъ важнаго значенія,

такъ какъ въ такомъ случаѣ, смотря по количеству лишнихъ или недостающихъ слоговъ текста, соотвѣтствующіе тоны напѣва распадаются на болѣе дробныя части или же сливаются въ фигуры, исполняемыя на одинъ слогъ, при чемъ рисунокъ мелодіи не измѣняется. Разномѣстность же риторическихъ, а также и грамматическихъ, удареній нерѣдко ведетъ къ несовпаденію въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ словесныхъ и напѣвныхъ акцентовъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, составляющихъ, впрочемъ, въ сборникѣ Балакирева, меньшинство, число слоговъ, въ особенности же ударенія дѣйствительно сохраняются на тѣхъ же мѣстахъ каждаго стиха въ продолженіи всей пѣсни, или по крайней мѣрѣ большинства ея строфъ (стиховъ), напр. въ пѣсняхъ: «На Иванушкѣ чапанъ» (Сб. Бал. № 17), «Подуй, подуй, непогодушка» (№ 21), «Заиграй моя дубинка» (№ 25), «Какъ во городѣ царевна» (№ 31) и др., вслѣдствіе чего въ нихъ и соотвѣтствіе акцентовъ словесныхъ и напѣвныхъ оказывается полнымъ. — Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что *не естъ* стихи и строфы пѣсенъ строятся «точь въ точь» по складу перваго стиха или строфы, какъ утверждаетъ г. Шафрановъ.

Въ четвертой и послѣдней статьѣ своего труда г. Шафрановъ разсматриваетъ «*поэтическія формы народно-русской пѣсенной рѣчи*». Главное положеніе, доказываемое въ этой статьѣ, заключается въ слѣдующемъ: Народно-русское стихосложеніе есть *стилистическое*, не имѣющее ничего общаго съ просодією, но тѣмъ не менѣе не уступающее въ музыкальности стихосложеніямъ просодическимъ. Главнѣйшую особенность склада нашей народной пѣсенной рѣчи составляютъ *повторенія* (къ которымъ относятся и припѣвы) и *параллелизмъ*.

Признавая напѣвъ въ русской народной пѣснѣ за преобладающее въ ней начало, а также утверждая, что напѣвомъ опредѣляется размѣръ рѣчи, авторъ прибавляетъ, что поэзія русскихъ пѣсенъ должна быть названа *поэзією музыкальной*. «Существуетъ ли въ ней вообще размѣръ?—спрашиваетъ затѣмъ авторъ—не прозой ли составлены народно-русскія пѣсни, потому что вѣдь и проза могла бы быть распѣваема, какъ мы это видимъ въ нашемъ церковномъ пѣніи? церковныя наши осьмиголосныя пѣсни дѣйствительно составлены прозою, но ихъ гласы и напѣвы не мелодійные, единомѣрные, а речитативные, въ которыхъ мелодійнымъ мотивомъ выполняются только заключительныя слова текстоваго періода; иногда при этомъ еще начальное слово или одно изъ среднихъ отмѣчается нѣкоторымъ повышеніемъ голоса, всѣ же промежуточныя слова, сколько

бы ихъ ни было, произносятся читкомъ, т. е. вполне равнозвучно, безъ мажѣйшаго повышенія или растяженія голоса на какомъ либо слогѣ, слѣдовательно, даже почти съ меньшею выразительностью, чѣмъ какъ она произнесены были бы въ декламациі. Такимъ образомъ речитативный періодъ не имѣетъ опредѣленнаго объема; онъ можетъ состоять или только изъ двухъ или изъ двадцати и болѣе словъ; это не болѣе какъ рѣчь, музыкально скрашиваемая въ концѣ своихъ періодовъ. Мелодія же, напротивъ того, всегда бываетъ опредѣленнаго объема, содержитъ въ себѣ такое или другое количество единицъ музыкальнаго времени; къ этому необходимо приспособляется и рѣчь мелодійно выполняемая; періоды ея должны укладываться въ рамку музыкальнаго періода и расчленяться въ полномъ соотвѣтствіи съ расчлененіями мелодіи. Эти то расчлененія рѣчи, соотвѣтствующія расчлененіямъ мелодіи, и называются стихами и полустихіями (колѣнами)⁴¹. Такую лишь рѣчь собственно и можно назвать музыкально размѣренной; такую мелодійною, а не речитативною рѣчью и составлены всѣ безъ исключенія народно-русскія пѣсни, какъ въ этомъ неопровержимо удостовѣряетъ ритмическая ихъ схематизація⁴². И такъ въ народно-русской пѣсенной рѣчи существуетъ размѣръ, и размѣръ именно мелодійный,—музыкальный».

Изъ приведенныхъ словъ автора слѣдуетъ заключить, что сложенные въ прозѣ, а не въ стихахъ, церковныя пѣсни наши потому именно и поются речитативомъ, что сложены въ прозѣ. Возьмемъ для примѣра текстъ: «Буди Господи милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя». Молитва эта поется въ церкви на слѣдующій речитативный напѣвъ:

⁴¹) О томъ, что во многихъ случаяхъ расчлененія мелодіи соотвѣтствуютъ расчлененіямъ *первыхъ* стиховъ (строфъ), а не наоборотъ, я говорю на стр. 177 Слова автора сохраняютъ, однако, свое значеніе для *прочихъ* стиховъ (строфъ) текста, создаваемыхъ по складу *первыхъ*, а слѣдовательно и пригнѣняющихся, приспособляющихся къ расчлененіямъ напѣва.

⁴²) Ритмическія схемы, о которыхъ упоминаетъ здѣсь авторъ, помѣщены во 2-мъ Приложеніи. О нихъ нѣсколько словъ позже.

Первая часть текста, т. е. первые 11 слоговъ поются на ноту до а во второй части проявляется мелодическое оживленіе напѣва; этимъ вполне подтверждаются слова г. Шафранова, что въ данномъ случаѣ предъ нами рѣчь речитативная, музыкально скрапшываемая лишь въ концѣ своего періода. Теперь возьмемъ для при- мѣра пѣсню (№ 22 Прилож.), которой первая строфа поется такъ:

Ахъ, ты день ты мой де - ве - чекъ! Девъ пре-
крас - ный зо - ло - той!

Здѣсь мы имѣемъ передъ собою рѣчь, которая, по выраженію г. Шафранова, укладывается въ рамку музыкальнаго періода и расчленяется въ полномъ соотвѣтствіи съ расчлененіями мелодіи. «Такою лишь рѣчь—говорить авторъ— собственно и можно назвать *музыкально размыренною*». Но представимъ себѣ, что мы бы возъимѣли мысль, вышеназванную *речитативную* молитвенную рѣчь подписать подъ мелодію пѣсни «Ахъ ты день», и приведемъ это въ исполненіе:

Andante.

Бу - ди Гос - по - ди ми - лость Тво - я на насъ, я - ко - же
у - по - ва - хомъ, у - по - ва - хомъ на тя.

Здѣсь рѣчь, только что признававшаяся выше за *прозаическую*, будучи подписана подъ мелодію народной пѣсни (съ расчлененіями которой согласуются и расчлененія этой «прозаической» рѣчи), со-

гласно опредѣленію г. Шафранова, превратилась, слѣдовательно, въ *музыкально размыренную*. Это куріозное недоразумѣніе основано на увѣренности автора въ томъ, что проза (которой принадлежать по его же словамъ тексты церковныхъ нашихъ пѣсенъ) можетъ исполняться *только речитативомъ*, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ подобное приведенному подведеніе прозы подъ готовую мелодію часто не представляетъ трудности, такъ какъ и слова прозы, въ особенности же слова молитвъ, нерѣдко могутъ весьма удобно укладываться въ рамку музыкальнаго періода и расчленяться въ соотвѣтствіи съ расчлененіями данной мелодіи. Вслѣдствіе такой чрезвычайной гибкости рѣчи дѣйствительно возможны стали народные пѣсни, которыя, какъ замѣтилъ Срезневскій (см. выше, стр. 133), «отличаются отъ обыкновенной разговорной рѣчи только музыкальнымъ напѣвомъ».

Данное г. Шафрановымъ опредѣленіе свойствъ русскаго народнаго стиха должно быть пополнено. Такимъ пополненіемъ должно бы служить указаніе на весьма характеристическій признакъ русскаго пѣсеннаго стиха, состоящій въ томъ, что *каждый стихъ* (рѣже двоестипіе) *закмочаетъ въ себѣ обыкновенно вполне замкнутую мысль или картину*¹⁾; а потому онъ при декламациі невольно отдѣляется отъ сосѣднихъ стиховъ перерывомъ, паузой. Вслѣдствіе того текстъ всей пѣсни является какъ бы сложеннымъ изъ отрѣзковъ приблизительно равной величины, построенныхъ приблизительно по складу перваго стиха. Такому условію удовлетворилъ случайно приведенный текстъ «Буди Господи» и т. д., состоящій случайно изъ двухъ приблизительно равныхъ отрѣзковъ (первый изъ 11, а второй изъ 13 слоговъ), заключающихъ въ себѣ каждый замкнутую мысль и, вслѣдствіе того, дѣйствительно получающихъ характеръ стиховъ, независимо отъ того, будетъ ли напѣвъ ихъ речетативный или музыкально размыренный.

Возвращаюсь къ стихамъ народныхъ пѣсенъ нашихъ. Стихи эти, вслѣдствіе приблизительно взаимнаго равновѣсія въ нихъ какъ выражающихся въ каждомъ изъ нихъ картинъ или мыслей,

¹⁾ На это обратилъ уже вниманіе и Востоковъ: «у русскаго пѣснетворца—говорить онъ — въ каждомъ стихѣ полный смыслъ рѣчи заключается» и «переносы изъ одного стиха въ другой въ русскихъ стихахъ совсѣмъ не позволительны». И г. Шафрановъ упоминаетъ о томъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, но здѣсь, при опредѣленіи свойствъ русскаго народнаго стиха, это наиболѣе характеристическое свойство его осталось неназваннымъ.

такъ и вѣншей словесной ихъ формы, декламируются (и поются), какъ бы отдѣльными волнами. Въ каждомъ такомъ стихѣ мы при чтеніи невольно отличаемъ возвышеніемъ голоса (можетъ быть даже и незначительнымъ протяженіемъ — на чемъ такъ настаиваетъ г. Шафрановъ) одинъ, два или болѣе слога (реторическія ударенія) въ каждомъ стихѣ, дѣлая это по врожденному человѣку чувству порядка и соразмѣрности. Это и подало поводъ Востокову и его послѣдователямъ утверждать, будто бы стихи народно-русскихъ пѣсенъ строятся по просодическимъ (тоническимъ) періодамъ, противъ чего такъ энергически протестуетъ г. Шафрановъ, справедливо замѣчая, что реторическія ударенія, дѣлаемые нами при чтеніи стиховъ, принадлежатъ не къ складу пѣсенной рѣчи, а къ способу ея произношенія, къ дикціи.

Итакъ—продолжаетъ г. Шафрановъ—форма народно-русской пѣсенной рѣчи есть форма *стилистическая*, заключающаяся въ соразмѣреніи предложенія съ напѣвомъ, въ соглашеніи состава рѣчи съ составомъ мелодіи. Такое соразмѣреніе наблюдалось и въ древне-греческой поэзіи, пока она составляла одно цѣлое съ музыкою, съ разъединеніемъ же обоихъ этихъ искусствъ пришло въ забвеніе. Тамъ, творя безъ мелодіи, поэтъ не имѣлъ необходимости наблюдать строгое расположеніе, имѣющее смыслъ только въ связи съ мелодіей; по той же самой причинѣ онъ пересталъ заботиться о непремѣнномъ заключеніи цѣлаго предложенія или главной его части, или даже полустішія, съ заключеніемъ стиха, а заканчивалъ и начиналъ его въ любомъ мѣстѣ; заканчивалъ напр. въ срединѣ или въ началѣ стиха, а начиналъ въ концѣ стиха. Утративъ этотъ первобытный, всецѣло сохранившійся въ русской пѣсенѣ истинно и единственно музыкальный размѣръ поэтической рѣчи, количественное стихосложеніе ограничилось размѣромъ *просодическимъ*, состоявшимъ первоначально (т. е. пока стихи и сочинялись и выполнялись вмѣстѣ съ пѣніемъ) въ прилаживаніи слоговыхъ долготъ рѣчи къ звуковымъ напѣвнымъ долготамъ; впоследствии же, по разъединеніи поэзіи и музыки, просодическіе размѣры составлялись и выполнялись по комбинаціямъ, неимѣющимъ ничего общаго съ музыкальностью. Возникшее на развалинахъ количественнаго стихосложенія, тоническое унаслѣдовало, вмѣстѣ съ его отрицательнымъ свойствомъ (недостаткомъ истинной музыкальности), и нѣкоторыя положительныя, хотя далеко не всѣ, такъ какъ языки ново-греческій, ново-латинскій, за нимъ нѣмецкій, а за нимъ и русскій, съ Ломоносова, далеко не обильно слоговою долготою, слившееся уже

по большой части (и въ русскомъ языкѣ повсемѣстно) съ слоговой высотой или удареніемъ». Далѣе авторъ говоритъ, что стихосложеніе народно-русской пѣсни, какъ произведенія словеснаго и вмѣстѣ музыкальнаго, «совершенно чуждо просодическимъ количественнымъ и тоническимъ началамъ; ударяемые слоги ни въ качествѣ высокихъ, ни въ качествѣ долгихъ не имѣютъ въ немъ никакого значенія». Еслибы авторъ обратилъ вниманіе на специально-музыкальные акценты, о которыхъ я въ подробности говорилъ выше (стр. 163), то онъ вѣроятно нѣсколько смягчилъ бы это свое заключеніе.

Переходя затѣмъ къ рассмотрѣнію *пѣсенныхъ повтореній*, авторъ замѣчаетъ, что ни Востоковъ, ни Классовскій не упомянули ни *однимъ словомъ* (?) объ этой стилистической особенноти, и прибавляетъ, что такое умолчаніе ихъ о столь важной и столь своеобразной стиховой формѣ можно объяснить себѣ лишь тѣмъ, что они знакомились съ народно-русскими пѣснями, не живучи среди народа, а въ своемъ кабинетѣ, по печатнымъ пѣсенникамъ». На сколько несправедливъ этотъ упрекъ, дѣлаемый авторомъ двумъ названнымъ писателямъ, можно убѣдиться, бросивъ взглядъ на приведенныя мною съ намѣреніемъ, во вступленіи къ настоящему разбору, извлеченія изъ сочиненій Востокова и Классовскаго (см. выше стр. 128, 129 и 131), обратившихъ, какъ видно, немалое вниманіе на пѣсенныя повторенія и потому незаслужившихъ сдѣланнаго имъ г. Шафрановымъ упрека. «Пѣсенныя повторенія — пишетъ авторъ — въ устной народной поэзіи составляютъ одну изъ существенныхъ ея формъ, и если ихъ выпустить изъ текста тѣхъ пѣсень, въ которыхъ они въ пѣніи выполняются, то пѣсенные стихи утратятъ отличительное свое свойство пѣсенности — не могутъ быть пропѣты по данной мелодіи». Далѣе авторъ возражаетъ противъ мнѣнія Олесвицкаго, утверждающаго, будто бы пѣсенныя повторенія произошли изъ аллитераціи, которая, по мнѣнію г. Шафранова, вообще не свойственна русской народной поэзіи, по крайней мѣрѣ встрѣчается въ ней весьма рѣдко. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ (48) схемъ различныхъ повтореній какъ отдѣльныхъ словъ или полустипій, такъ и цѣлыхъ стиховъ — *схемъ стилистическихъ*, напр.

- а Внизъ по Матушкѣ, по Волгѣ,
- б По широкому раздолью,
- б По широкому раздолью,

в Разыгралася погода,
в *Размиралася поюда.*

а Ахъ, не одна-то не одна во полѣ дороженька въ полѣ пролегла,
а' б *Пролегла.* Частымъ сльничкомъ березничкомъ она заростала,
б' в *Заростала.* Молодымъ горькимъ и т. д.

а. а' Сидитъ наша гостинька выше всѣхъ, *выше всѣхъ,*
б. б' А головушку держитъ ниже всѣхъ, *ниже всѣхъ...*
и т. д.

а б Вдоль по рѣчкѣ, вдоль да по Казанкѣ,
в в Сизый селезень плыветь, *сизый селезень плыветь.*
и т. д.

а а Ай, во полѣ, *ай во полѣ,*
а б Ай во полѣ липинька,
а б *Ай во полѣ липинька*
и т. д.

Повторенные слова, колѣна и стихи въ приведенныхъ примѣрахъ напечатаны курсивомъ. Происхожденіе пѣсенныхъ повтореній, по мнѣнію г. Шаѣранова, прежде всего объясняется вліяніемъ самой мелодіи, которая въ каждой пѣснѣ непременно повторяется въ цѣломъ своемъ объемѣ столько разъ, сколько есть строкъ въ пѣснѣ; но сверхъ того весьма часто повторяется она и въ частяхъ своихъ, т. е. внутри той же самой строфы. Для поясненія сказаннаго авторъ выписываетъ опять длинный рядъ *схемъ мелодійныхъ*, извлеченныхъ изъ 207 примѣровъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ Приложеніи. Напр. мелодія пѣсни:

(№ 171 Прил.) «У воротъ воротъ» выражена схемой: АБ ВВ.
(№ 205 ») «Я посѣю-ли младенька» » АБ АГ.
(№ 72 ») «Зайнька поскачи» » АА ББ.
(№ 135 ») «Ой на горѣ горѣ» » АБ АБ.

И ту и другую таблицу схемъ (т. е. стилистическихъ и мелодійныхъ) авторъ, по составу стиховъ и строкъ пѣсенъ, дѣлитъ на слѣдующія группы:

а) Одноколябныя пѣсни.

Таблица схемъ стилистическихъ.

- а) Безъ повторенія текста:
 I Одностишія.
 II Двухстишія.
 III Трехстишія.
 IV Четырехстишія.
- б) Съ повтореніемъ внутри строфы.

- в) Съ междустрофными повтореніями.

- г) Съ повтореніями внутри строфы и междустрофными.

Таблица схемъ мелодійныхъ.

- а) Безъ повторенія мотивовъ:
 а) мелодіи одноколябныхъ одностишій,
 б) двухмотивныя мелодіи одноколябныхъ двухстишій,
 в) трехмотивныя мелодіи одноколябныхъ трехстишій,
 г) четырехмотивныя мелодіи однокол. четырехстишій.
- б) Съ повтореніями мелодійныхъ мотивовъ.

в) Двухколябныя пѣсни.

Таблица схемъ стилистическихъ.

- а) Безъ повтореній.
 б) Съ повтореніемъ внутри того же стиха.
 в) Съ повтореніемъ въ слѣдующемъ одностишіи.
 г) Съ припѣвомъ въ концѣ каждаго стиха.
 д) Съ припѣвомъ въ началѣ каждаго стиха.
 е) Съ повтореніемъ внутри строфы.
 ж) Съ междустрофными повтореніями.
 з) Съ повтореніями внутри строфы и междустрофными.

Таблица схемъ мелодійныхъ.

- а) Безъ повторенія мелодійныхъ мотивовъ.
 б) Съ повтореніемъ мелодійныхъ мотивовъ.

в) Пѣсни смѣшаннаго склада.

Таблица схемъ стилистическихъ.

- а) Однокогѣнный стихъ съ двукогѣннымъ:
 α) безъ повтореній,
 β) съ повтореніями внутри строфы,
 γ) съ междустрофными повтореніями,
 δ) съ повтореніями внутри строфы и междустрофными.
- б) Двукогѣнные стихи съ однокогѣнными:
 α) безъ повтореній,
 β) съ повтореніемъ внутри строфы.

Таблица схемъ мелодійныхъ.

- а) Двукогѣнные стихи съ однокогѣнными безъ повтореній.
 б) Однокогѣнные стихи съ двукогѣнными безъ повтореній.
 в) Двукогѣнные стихи съ однокогѣнными, съ повтореніями.

Въ этихъ таблицахъ (въ коихъ здѣсь не выписаны подраздѣленія отдѣльныхъ рубрикъ, т. е. всѣ отдѣльныя схемы) авторъ представилъ 55 стилистическихъ схемъ пѣсенной рѣчи и 20 мелодійныхъ схемъ напѣвовъ. Схемы эти, какъ сказано выше, извлечены имъ изъ 207 пѣсенъ, помѣщенныхъ въ Приложеніи. Если бы онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи большее число пѣсенъ, то и число схемъ, безъ сомнѣнія, возрасло бы, даже при сохраненіи выписанныхъ здѣсь, означенныхъ буквами главныхъ рубрикъ. Авторъ иногда теряется въ этой схематизаціи (достаточно было бы и выписанныхъ рубрикъ, безъ дальнѣйшаго ихъ дробленія)—запутывается въ ней такъ въ таблицѣ мелодійныхъ схемъ (напр. подъ рубрикой Б. а, безъ повтореній — помѣщена пѣсня № 157 «Сидитъ ваша гостинька», въ которой мотивъ 2-го, краткаго когѣна есть буквальное повтореніе части мелодіи 1-го, длиннаго когѣна; сюда же причислены пѣсни №№ 11 «Ахъ какъ нынѣшня зима», 13 «Ахъ какъ чей это садочекъ», въ которыхъ оба музыкальныя когѣна перваго стиха почти тождественны, т. е. представляютъ почти буквальное повтореніе, 152 «Пошелъ козель», гдѣ мелодія перваго когѣна буквально повторяется во второмъ; съ другой стороны къ рубрикѣ Б. б, (съ повтореніями) отнесены напр. пѣсни № 35 «Вдоль по улицѣ» и № 55 «Въ темномъ лѣсѣ», въ которой повтореній нтъ; къ схемѣ, выражен-

ной формулою АА ВВ (подраздѣленіе рубрики Б. б.) причислены между прочимъ напѣвы пѣсенъ №№ 56, 96 и 169, въ дѣйствительности выражающіяся формулами: АБ ВВ^Г, АБ ВВ и АБ ВГ и т. д. При томъ же, я полагаю, было бы рациональнѣе, въ основаніе схематизаціи, имѣющей цѣлью показать, какъ часто встрѣчаются въ пѣсняхъ нашихъ повторенія, принять именно этотъ моментъ и дѣлать пѣсни на слѣдующія большія группы, легко допускающія дальнѣйшія дробленія и подраздѣленія:

1. Пѣсни, въ коихъ не встрѣчается повтореній ни въ текстѣ ни въ напѣвѣ.
2. » » » встрѣчаются повторенія только въ текстѣ.
3. » » » » » въ напѣвѣ.
4. » » » » » въ текстѣ и въ напѣвѣ.

Такое дѣленіе, кажется, нагляднѣе показало бы взаимное соотношеніе между частями текстоваго и напѣвоваго пѣсенъ, какъ повторяемыми, такъ и неповторяемыми.

«Уже судя по гораздо меньшему количеству повтореній мелодійныхъ — пишетъ авторъ — въ сравненіи съ текстowymi, слѣдуетъ заключать, что между повтореніями того и другаго рода не существуетъ повсемѣстнаго и полнаго соответствія, въ чемъ можно увѣриться изъ сравненія мелодійныхъ повтореній съ колѣнными (текста) одной и той же пѣсни.... Чаще всего полное соответствіе между повтореніями членовъ мелодіи и текстоваго колѣна встрѣчается въ двухколѣнныхъ двустипіяхъ.... Немало, однако, и такихъ пѣсенъ, въ мелодіи которыхъ встрѣчаются повторенія членовъ, а въ текстѣ колѣна не повторяются.... Но пѣсенъ, въ текстѣ которыхъ повторяются колѣна, а члены мелодіи не повторяются, очень мало.... Русскія народныя пѣсни также (т. е. какъ древне-греческія) отличаются простотой и ясностью ритма.... Но кромѣ ритмической простоты напѣва, народныя русскія пѣсенослагатели придумали обезпечить вразумительность пѣсенной рѣчи, придавъ складу ея особенноти, неизвѣстныя въ рѣчи обиходной... Чтобы мелодія, прямое назначеніе которой — усиливать впечатлѣніе поэтической рѣчи, вмѣсто того не заслоняла бы ея собою, не ослабляла бы ея дѣйствія, для этого именно и служитъ пѣсенный приѣмъ — текстовыя повторенія. Итакъ повторенія прежде всего удовлетворяютъ потребности и употребляются: 1) для поддержанія вразумительности рѣчи, когда члены предложенія, хотя бы и въ предѣлахъ той же самой строфы,

такъ далеко разносятся одинъ отъ другаго, вслѣдствіе протяжности мелодійныхъ мотивовъ, что, безъ помощи повтореній, грамматическая связь ихъ потерялась бы совсѣмъ изъ виду....

Напр. Не бѣлы то снѣги
Снѣги во чистомъ полѣ
Снѣги забѣдѣлись.»

Сюда же г. Шафрановъ причисляетъ и междустрофныя повторенія, имѣющія цѣлью дѣлать *вязь идей* не только наглядною, но, такъ сказать, осязательною.

Напр. Голова болитъ.
Болитъ больно головушка, || не знаю какъ быть!
Не знаю какъ быть!
Вечоръ добрый молодець || у дѣвушки былъ.
У дѣвушки былъ.

и т. д.

2) для пополненія строфы или стиха или колыма, въ соотвѣтствіи съ мотивами мелодіи; 3) для завершенія строфы. «Когда мысль вопля уже выразилась въ первыхъ колѣнахъ; а мелодія не доведена еще до завершительнаго мотива, то съ этимъ мотивомъ еще разъ выполняется послѣдняя фраза текста.

Напр. Не кукушечка во сиромъ бору
Куковала, || куковала.

4) для сохраненія въ текстъ ритмическаго движенія, свойственнаго соотвѣтствующему мотиву; 5) для поддержанія связи между членами простого или сложнаго предложенія, распространившася на нѣсколько строфъ: напр. въ пѣснѣ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» (см. выше стр. 184 и 185); 6) для уясненія внутренней связи между содержаніемъ двухъ сосѣднихъ строфъ чрезъ внѣшнее ихъ сближеніе. «Это бываетъ, когда теченіе рѣчи въ строфѣ прерывается введеніемъ въ средину ея припѣва.

Напр. Пора ему живиться, || время ему ѣхати,
Ай, люли, ай люли! || время ему ѣхати.

«Мы видѣли — продолжаетъ авторъ — что, возникнувъ ради удовлетворенія стилистической потребности рѣчи, именно для поддержанія ея вразумительности, форма повторенія получила потомъ

болѣе широкое примѣненіе, въ качествѣ фигуры усиленія рѣчи. Форма эта стала наконецъ употребляться уже для одного украшенія рѣчи, когда пѣснеслагатель пѣвецъ, какъ бы любуясь удавшимся выраженіемъ своего чувства, повторяетъ его, какъ говорится *на ось лады*, т. е. выполняя разными мотивами той же мелодіи. На основаніи всего сказаннаго съ увѣренностью можно сдѣлать заключеніе, что пѣсенныя повторенія обязаны своимъ происхожденіемъ отнюдь не скудости мелодійнаго и поэтическаго творчества у народныхъ пѣснеслагателей, а составляютъ нарочитый музыкальный и стихотворный приемъ, что видно впрочемъ уже изъ самой его выдержки, изъ правильнаго его выполненія отъ начала до конца пѣсни. Скажемъ болѣе: форма повторенія есть столь излюбленная форма пѣсеннаго изложенія, что въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ не ограничивается удвоеннымъ музыкальнымъ выполненіемъ отдѣльныхъ словъ, фразъ, колѣнъ и стиховъ, но доходитъ до повторенія самой пѣсни всей цѣликомъ, отъ начала до конца, съ измѣненіемъ только нѣсколькихъ словъ и даже до двукратнаго, троекратнаго и т. д. повторенія». Напр. въ пѣснѣ «Ай во полѣ липинька».

Къ повтореніямъ же авторъ относитъ и *припевы* (напр. «ай-люли», «ой Дидъ Ладо», «ты Дунай ли мой Дунай, сынъ Ивановъчъ Дунай» и др.), которые «уже по самому своему назначенію» должны быть повторяемы въ каждой строфѣ, и далѣе указываетъ на мѣста, которыя они занимаютъ въ составѣ пѣсенъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсматриванію *параллелизма*, «другой поэтической формы», которою, по словамъ автора, русская народная пѣсенная рѣчь отличается отъ склада всѣхъ поэзій просодическихъ. Дословное повтореніе предложенія или какой либо его части не относится къ параллелизму, но когда высказанная мысль или понятіе тутъ же рядомъ выражается «другими словами, служащими отчасти для пополненія и уясненія предшествующихъ, то это называется параллелизмомъ... Въ предотвращеніе ослабленія дѣйствія пѣсеннаго слова, заслоненія слова звуковыми извиціями голоса, рѣчь нарочито задерживается; повтореніями и параллельностью она какъ бы удваиваетъ размножаетъ свои средства, для овладѣнія вниманіемъ слушателя чрезъ продленіе, углубленіе и закрѣпленіе впечатлѣнія, производимаго на него словомъ».

Авторъ различаетъ *параллелизмъ полный и частный*. Первый заключается, по его опредѣленію: 1) въ полномъ повтореніи мысли въ отзвучномъ, синонимическомъ предложеніи. Напр.

Спится мнѣ младешенькѣ, дремлется,
Клонить мою головушку на подушечку,

2) въ разложеніи слитныхъ предложеній на простыя:

«Атамановы мы послушники,
Эсауловы мы разсыльщики»;

3) въ разложеніи одного предложенія на два, чрезъ разнесеніе составныхъ частей подлежащаго, дополненія или опредѣленія: «съ вѣнкомъ я кожу, съ зеленымъ я кожу»; 4) въ разложеніи одного предложенія на два, съ замѣною составнаго сказуемаго простымъ:

«Матушка, да и что же въ полѣ пыльно?
Сударыня моя, да и что же запылилось?»

5) въ повтореніи глагольнаго понятія чрезъ присоединеніе къ глаголу его синонима: «убилъ, ушибъ лебедь бѣлую»); 6) въ повтореніи содержащагося въ глаголѣ понятія другимъ видомъ того же глагола: «гдѣ ты была, побывала?» 7) въ удвоеніи понятія, заключающагося въ глаголѣ подлежащимъ того же корня и чрезъ дополненіе его существительнымъ того же корня: «гудки не гудите», «съ кѣмъ ты, воръ, воровалъ?»

Параллелизмъ частный г. Шафрановъ находитъ въ слѣдующихъ приемахъ: 1) въ выдѣленіи эпитета для произведенія имъ особаго впечатлѣнія, отдѣльно отъ опредѣляемаго имъ слова: «Винный нашъ колодезь, винный нашъ *глубокій*»; 2) въ повтореніи понятія повтореніемъ слова въ уменьшительномъ или, въ ласкательномъ окончаніи: «ночевала я подъ кустомъ, кусточкомъ»; 3) въ повтореніи понятія въ положительномъ и сподрядъ въ отрицательномъ выраженіи: «не величка, маленька»; 4) въ повтореніи понятіи въ синонимахъ: «деверечекъ, мужнинъ братъ»; и наконецъ 5) въ синонимѣ при особой цифрѣ счета: «есть четыре горя, пятая кручина».

Этимъ заключается разбираемый трудъ г. Шафранова. Остается разсмотрѣть еще принадлежащія къ нему «*приложенія*» и «*прибавленія*».

Первое (музыкальное) *приложеніе* составляетъ самую слабую часть книги. Не говоря уже о безчисленныхъ печаткахъ, опискахъ и недопискахъ въ нотныхъ примѣрахъ, прежде всего бросается въ глаза встрѣчающееся въ нихъ весьма часто невѣрное ритмическое распредѣленіе нотъ нагѣва, напр. пѣсни №№ 15, 35, 76, 125 и др. начинаются на сильномъ времени такта, между тѣмъ какъ

имъ непремѣнно слѣдовало бы начинаться на слабомъ времени, при чемъ главные акценты рѣчи совершенно правильно и естественно совпадали бы съ главными ритмическими (на сильныхъ временахъ) акцентами напѣва, между тѣмъ какъ при данномъ изображеніи названныхъ напѣвовъ пѣвцу, исполняющему ихъ, приходится какъ бы бороться со сдвинутымъ съ надлежащаго мѣста ритмомъ ихъ. Еще ббольшую ритмическую неурядицу мы находимъ напр. въ пѣсняхъ №№ 38, 55, 92, 94 и др., выписанныхъ въ четныхъ счетахъ, между тѣмъ какъ счетъ ихъ несомнѣнно нечетный. Не останавливаясь долѣе на недостаткахъ музыкальнаго приложенія со стороны технического изображенія напѣвовъ, обращаюсь къ самому выбору пѣсенъ, который обнаруживаетъ недостатокъ критическаго отношенія къ нимъ автора и потому не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Напѣвы частью заимствованы авторомъ изъ разныхъ сборниковъ (источники показаны обозначеніемъ, при соотвѣтствующихъ напѣвахъ, фамиліи составителей сборниковъ), съ сохраненіемъ многихъ, очевидно при гармонизаціи напѣвовъ измѣненныхъ въ нихъ противъ оригиналовъ, хроматически разукрашенныхъ, нотъ⁴⁴⁾ и сомнительныхъ мелодическихъ оборотовъ,⁴⁵⁾ частью, а именно тѣ изъ нихъ (числомъ 115), при коихъ неозначено фамиліи, по увѣренію автора, положены имъ самимъ на ноты.⁴⁶⁾ Вообще же, независимо отъ того, откуда взяты

⁴⁴⁾ Напр. въ пѣсняхъ №№ 16 и 50, вмѣсто естественнаго въ гаммѣ данныхъ напѣвовъ *Si-bémol*, встрѣчается *si*, въ № 84, вмѣсто натурального *la*, въ 13-мъ и 14-мъ тактахъ поставлено *la-bémol*, въ № 153 послѣ натурального *la* непосредственно слѣдуетъ *la-dièse* — хроматическая послѣдовательность, немислимая въ русской народной пѣснѣ, и т. п.

⁴⁵⁾ Напр. въ № 54 вся музыкальная фраза, на которую поются слова: «слезою мальчикъ зальется», какъ по хроматизму (*mi* и *mi-bémol*, *fa* и *fa-dièse*), такъ и по рѣшительно несвойственной народному пѣнію слащавой сентиментальности, совершенно невозможна въ чистомъ, неиспорченномъ народномъ пѣніи; тоже надо сказать напр. о послѣднихъ шести тактахъ № 58. Въ № 39 встрѣчаются обширные скачки голоса вверхъ и внизъ, весьма сомнительные, въ № 100 такты 3-й и 9-ый, а въ № 88—заключеніе напѣва, и многія другія мѣста, перечисленіе которыхъ завело бы меня слишкомъ далеко, чрезвычайно отзываются стилемъ псевдо-русскихъ романсовъ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

⁴⁶⁾ Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, вѣроятно по ошибкѣ, остались безъ обозначенія фамилій, хотя они положительно заимствованы изъ печатныхъ сборниковъ, Напр. №№ 115, 125, 141, 166, 179 взяты изъ сборника Балакирева №№ 1, 35, 55 и 185—изъ сборника Рожнова, № 121—изъ сборника Аванасьева. Я привелъ только замѣченные мною позаимствования,—можетъ быть въ числѣ

авторомъ собранные имъ въ приложеніи напѣвы, они доказываютъ, что протестъ музыкальныхъ писателей противъ искаженій, которымъ подверглись русскіе народные напѣвы въ рукахъ гармонизаторовъ и издателей прежнихъ сборниковъ пѣсенъ (до выхода въ свѣтъ сборника Балакирева), — протестъ, образцы котораго не безъ намѣренія приведены мною во вступленіи къ настоящему разбору моему, собственными словами тѣхъ писателей, оставленъ авторомъ разсматриваемаго сочиненія совсѣмъ безъ вниманія, а можетъ быть даже остался ему неизвѣстнымъ. Этимъ только и можно объяснить, почему, наряду съ весьма сомнительными народными пѣснями, въ Приложеніи нашли себѣ мѣсто даже пѣсни, сочиненныя Яковлевымъ (№ 11) и Варламовымъ (№ 33). Замѣчательно еще, что авторъ оставилъ приведенные имъ напѣвы совершенно безъ обозначенія ихъ темпа, о которомъ читателю приходится каждый разъ самому догадываться. О редакціи текстовъ пѣсенъ, собранныхъ авторомъ въ Приложеніи, судить трудно, такъ какъ выписаны имъ только *перые* стихи или строфы ихъ, т. е. та часть каждаго текста, которая исчерпываетъ собою соотвѣтствующій напѣвъ при исполненіи его въ *первый* разъ. Между данными первыми стихами и строфами встрѣчаются стихи весьма сомнительнаго свойства, доказывающіе, что и къ текстамъ представленныхъ имъ пѣсенъ, авторъ иногда относился безъ надлежащей критики. ⁴⁷⁾

безъименныхъ напѣвовъ ихъ на самомъ дѣлѣ и больше. Притомъ надо замѣтить, что нѣкоторыя изъ прочихъ безъименныхъ пѣсенъ очень похожи на тѣже пѣсни, помѣщенныя въ печатныхъ сборникахъ, которые авторъ имѣлъ подъ рукою, но нерѣдко представлены имъ въ редакціяхъ менѣе удовлетворительныхъ, чѣмъ въ печатныхъ сборникахъ. Почему авторъ остановился на выборѣ менѣе совершенныхъ вариантовъ тѣхъ пѣсенъ, — непонятно.

⁴⁷⁾ Напр. № 54 «Всѣмъ сердцемъ сушусь крушусь, слезою мальчикъ зальюсь

Самъ я знаю, для кого я вѣрно люблю».

№ 126. «Ни какъ невозможно безъ милова жить,
Любить дружка можно, нельзя по немъ тужить».

№ 127. «Ночи темны, тучи грозны,
Изъ подъ неба дождикъ льетъ.
Наши храбрые солдаты
Со ученья идутъ.
Они идутъ, маршируютъ»
и т. д.

№ 145: «Полно милая моя крушиться нѣжнымъ сердцемъ обо мнѣ,
Не порали намъ съ тобой открыться? Скажу милая моя
тебѣ»...

Во второмъ приложеніи помѣщены авторомъ *напѣвно-ритмиче-скія схемы пѣсенъ*, въ которыхъ за кратчайшую ритмическую мѣру (*χρόνος πρώτος* = \cup) принята $\frac{1}{4}$ такта, и въ которыхъ, высчитывается сумма такихъ мѣръ, заключающихся въ цѣломъ напѣвѣ, если послѣдній соотвѣтствуетъ одному лишь стиху; если же напѣвъ распространяется на два стиха (строфу), то показано число мѣръ въ первомъ и второмъ изъ нихъ особо. Напр.:

1) въ одностишіи:

«Нынче́ праздни́къ»—8 мѣръ,

2) въ двустишіи изъ стиховъ равномѣрныхъ:

«Здра́стуй, ми́лая; хоро́шая мо́я,—12 мѣръ,

Черно́бровая́ похо́жа на́ меня.—12 мѣръ,

3) въ двустишіи изъ стиховъ неравномѣрныхъ:

«Вы солда́тушки ула́ны—32 мѣры,

Гдѣ́жь вы бы́ли, побу́вали?»—24 мѣры

Авторъ поясняетъ: «Неравномѣрность стиховъ здѣсь разумѣется только по отношенію четныхъ къ нечетнымъ; но всѣ четные между собою и всѣ нечетные между собою равномѣрны во всей пѣснѣ.»

Въ прибавленіи авторъ рассматриваетъ нѣкоторыя несогласныя съ выводами его изслѣдованія положенія, содержащіяся въ двухъ сочиненіяхъ, имѣющихъ предметомъ складъ русско-народной пѣсни, а именно въ статьѣ Вестфала «О русской народной пѣснѣ» (Русск. Вѣстн. 1879 г. Сентябрь) и въ объясненіяхъ г. Мельгунова къ изданнымъ имъ Русскимъ пѣснямъ (Вып. I). Въ возраженіи своемъ на статью Вестфала г. Шафрановъ ограничивается немногими словами. Вестфальъ упрекаетъ его за то, что онъ въ послѣд-

№ 196: «Ябъ желала себя вольной птичкой,
Ябъ могла вездѣ летать»...

Такія строки, какъ бы онѣ ни «расчленялись» соотвѣтственно расчлененіямъ напѣвовъ (см. выше опредѣленіе г. Шафрановымъ понятія «стихъ» на стр. 67) и даже не смотря на встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ рѣмы, — вслѣдствіе присущаго имъ безвкусія, не могутъ быть причислены къ поэтической рѣчи, тѣмъ болѣе не могутъ служить образцами *народной поэзіи*, съ которой онѣ ничего общаго не имѣютъ.

ней статьѣ своей (по времени выхода въ свѣтъ это могла быть только вторая статья) недостаточно ясно опредѣлить различіе между стопами и тактами. На это г. Шафрановъ отвѣчаетъ, что слова его во 2-ой статьѣ могутъ показаться неясными только тому, «кто не читалъ первой статьи его, которая почти вся посвящена именно уясненію существенно важнаго различія между стопою, какъ терминомъ метрическимъ, стихотворнымъ, и тактомъ, какъ терминомъ ритмическимъ, музыкальнымъ», и прибавляетъ, что данный Вестфалемъ неблагопріятный отзывъ о II статьѣ его труда можно объяснить лишь тѣмъ, что онъ не читалъ самъ этой статьи въ русскомъ подлинникѣ, вѣроятно по незнанію русскаго языка, а переводившій ему относящіяся до указаннаго вопроса слова II статьи на нѣмецкій языкъ, передалъ слова эти неясно. Къ непониманію дѣла русскимъ переводчикомъ статьи Вестфала «О русской народной пѣснѣ» (въ Русск. Вѣстн.) г. Шафрановъ относитъ не могущее принадлежать самому Вестфалу смѣшеніе въ этой статьѣ терминовъ: *колла* и *стихъ* или періодъ, которые въ нѣмецкомъ сочиненіи того же Вестфала Griechische Rhythmik und Harmonik совершенно ясно разграничены.

Что касается «объясненій» г. Мельгунова, то г. Шафрановъ дѣлаетъ автору ихъ упрекъ за употребленіе новыхъ терминовъ, вносящихъ въ дѣло путаницу и непонятность, а именно г. Мельгуновъ употребляетъ слово *строка* вмѣсто колѣна (полуступища), вслѣдствіе чего стихъ оказывается состоящимъ изъ двухъ «строкъ», а слово *колла* — вмѣсто термина: строфа. Далѣе г. Шафрановъ приводитъ слова г. Мельгунова, утверждающаго, что всѣ мелодіи русскихъ пѣсенъ строго подчинены ритму, гармоніи и тексту, и что съ другой стороны предложенія (т. е. текстъ) подчиняются вполне законамъ ритма. «Если текстъ подчиняется ритму — замѣчаетъ г. Шафрановъ — а слѣдовательно подчиняется и мелодіи, составляющей съ ритмомъ нераздѣльное цѣлое, то мелодія уже не можетъ наоборотъ подчиняться тексту». Мнѣ кажется, что въ словахъ г. Мельгунова слѣдуетъ видѣть не столько противорѣчіе, сколько неточность выраженія, и что ими онъ желалъ выразить взаимодѣйствіе пѣсенной рѣчи и напѣва, проявляющееся въ моментъ созданія пѣсни и обнаруживающееся въ томъ, что текстъ до нѣкоторой степени даетъ направленіе мелодіи, влияетъ на мелодическій узоръ напѣва, въ то время какъ мелодія напѣва, въ свою очередь, такъ сказать, накидываетъ на пѣсенную рѣчь свою ритмическую сѣть, съ свойственными ей специально музыкальными, ритмическими

(на сильныхъ временахъ тактовъ) акцентами, которые можно называть музыкальными иктами. (О томъ, что въ живомъ, осмысленномъ исполненіи эти музыкальные икты иногда не отмѣчаются [или отмѣчаются слабѣе] тамъ, гдѣ они вступаютъ въ слышкомъ очевидное противорѣчіе съ грамматическими удареніями текста, я упомянулъ уже выше, на стр. 60). Г. Мельгуновъ признаетъ, однако, ритмическіе акценты не только на сильныхъ временахъ тактовъ, но и на первыхъ доляхъ каждой четверти (и даже отмѣчаетъ въ пѣсенныхъ текстахъ своего сборника несущія эти акценты гласныя—курсивнымъ шрифтомъ). Это испещреніе текста пѣсенъ воображаемыми, потому что въ пѣніи не соблюдаемыми⁴⁸⁾ ритмическими акцентами, соответствующими, по мнѣнію г. Мельгунова, первой долѣ каждой четверти въ напѣвѣ, дѣйствительно вноситъ въ понятіе о складѣ русско-народной пѣсенной рѣчи усложненіе, на которое справедливо сѣтуетъ г. Шафрановъ.

Трудъ г. Шафранова заключается «Алфавитнымъ указателемъ объясненій значенія встрѣчающихся въ изслѣдованіи важнѣйшихъ словъ». Объясненія эти изложены по большей части словами текста.

Г. Шафранову безспорно принадлежитъ немалая заслуга въ томъ, что онъ, принявъ во вниманіе двусоставную природу народно-русской пѣсни, какъ произведенія словеснаго и вмѣстѣ музыкальнаго, разрушилъ грань, раздѣлявшую до сего времени изслѣдователей русскихъ народныхъ пѣсенъ — музыкантовъ и нем музыкантовъ, изъ которыхъ первые изучали исключительно музыкальную, а вторые — исключительно словесную сторону пѣсенъ, и, на развалинахъ этой грани воздвигъ свое ученіе о складѣ народно-русской рѣчи, рассматривая ее въ связи съ напѣвами. Въ наглядной формѣ авторъ очертилъ отношеніе основъ стихосложеній количественнаго (греко-латинскаго), слогочислительнаго (въ стихахъ Зендавесты и Ведъ) и тоническаго—къ народно-русскому пѣсенному, останавливаясь преимущественно на древнѣйшихъ формахъ этихъ стихосложеній (въ особенности первыхъ двухъ), проявившихся въ пѣсняхъ, въ коихъ рѣчь, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ русскихъ, была еще

⁴⁸⁾ Г. Мельгуновъ, упоминая о встрѣчающихся въ пѣсняхъ противорѣчіяхъ между грамматическими и ритмическими удареніями, самъ говоритъ, что «при исполненіи эти перенесенія удареній почти незамѣтны», (стр. XXIV) т. е. другими словами, что ритмическіе акценты, несовпадающіе съ грамматическими удареніями текста, въ пѣніи не соблюдаются; точно такъ же «незамѣтны» въ пѣніи и многочисленные, болѣе воображаемые, чѣмъ соблюдаемые «ритмическіе акценты» на первой долѣ каждой четверти.

неразрывно связана съ пѣніемъ. Онъ указалъ на близкое соотношеніе главныхъ частей напѣва съ соотвѣтствующими главными частями (стихами, колѣнами) строфъ пѣсеннаго текста. Далѣе, находя созданную Востоковымъ, развитую его послѣдователями, теорію народно-русскаго стихосложенія (названнаго тоническимъ), признающую число удареній (реторическихъ) въ стихѣ за основу стихосложенія, — искусственною и неоправдываемою на самомъ дѣлѣ пѣснями, разсматриваемыми въ связи съ ихъ напѣвами, и, относя реторическія ударенія не къ складу пѣсенной рѣчи, а къ способу ея произношенія въ чтеніи, къ дикціи, авторъ обратилъ вниманіе на стилистическія особенности пѣсенной рѣчи и далъ стихосложенію народно-русской пѣсни названіе *стимистическаго*, какъ основывающагося на особенностяхъ слога и на своеобразномъ поступательномъ движеніи въ пѣсняхъ рѣчи. Эти особенности слога суть преимущественно *повторенія* (къ коимъ относятся и *притѣвы*) и *параллелизмъ*, разсмотрѣнные авторомъ въ разнообразныхъ ихъ примѣненіяхъ.

Признавая неоспоримыя достоинства сочиненія г. Шафранова, несомнѣнно пополнившаго пробѣлъ въ области изученія народно-русской пѣсни, а равно и смѣлость и новизну положеній его, во многихъ отношеніяхъ подтвержденныхъ доказательствами, — заслуживающими вниманія и трудъ его достойнымъ поощренія, но съ другой стороны, находя въ трудѣ этомъ нѣкоторые указанные въ отзывѣ моемъ недостатки въ специально-музыкальной его части, кромѣ того, находя музыкальное приложеніе, изъ котораго почерпаются авторомъ примѣры для доказательствъ его положеній, неудовлетворительно составленнымъ и стоящимъ на несоотвѣтствующемъ тексту труда уровнѣ, я полагаю бы справедливымъ удостоить сочиненіе г. Шафранова почетнаго отзыва съ представленіемъ ему права представить трудъ свой въ исправленномъ видѣ снова къ одному изъ слѣдующихъ конкурсовъ (согласно § 16 п. 2 положенія о наградахъ гр. Уварова).

VI.

АНАТЕМАТСТВОВАНІЕ (ОТЛУЧЕНІЕ ОТЪ ЦЕРКВИ), СОВЕРШАЕМОЕ ВЪ ПЕРВУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Историческое изслѣдованіе о Чинѣ Православія свящ. Константина Никольскаго. С.П.Б. 1879. стр. I—IV+314.

Рецензія профессора, протоіерея М. И. Герцакова.

Богослужебнымъ уставомъ православныхъ помѣстныхъ церквей положено совершать ежегодно въ недѣлю православія, или въ первый воскресный день великаго поста, сверхъ обыкновенной воскресной службы, особое церковное чинопослѣдованіе, которымъ церковь выражаетъ торжество побѣды православія надъ ересями и расколами.

Въ современной Русской церкви это чинопослѣдованіе совершается исключительно въ кафедральныхъ соборахъ при архіерейскомъ служеніи.

Совершеніе церковнаго чинопослѣдованія въ недѣлю православія одною частію своего содержанія («анаематствованіями») и въ настоящее время производитъ извѣстнаго рода впечатлѣнія не только въ области церковной жизни того общества, среди котораго оно совершается, но иногда выступаетъ своимъ вліяніемъ и за границы среды этой жизни. Такъ, по поводу совершенія этого чина у насъ въ Россіи, въ новѣйшее время, едва ли не каждый годъ возбуждаются разсужденія и толки не только въ средѣ церковной жизни, но и въ періодической свѣтской литературѣ, относительно существа, степени значенія и современности провозглашенія въ XIX вѣкѣ анаемы.

Въ древней Россіи содержаніе чина православія было полнѣе и богаче нынѣшняго; составъ его обширнѣе; обряды совершенія сложнѣе и разнообразнѣе; потому и значеніе совершенія его было въ древней Россіи несравненно шире и глубже по отношенію къ народной жизни, чѣмъ въ новой Россіи и въ наше время. Въ древней Россіи совершеніе чина православія производило свое вліяніе на народъ не столько печальною и тяжелою для религіознаго чувства православныхъ людей частію своего содержанія (анаемому), сколько другими сторонами и частями его, болѣе торжественными, радостными и назидательными для членовъ православной церкви, чѣмъ анаематствованія. Въ особенности сильныя впечатлѣнія должны были производить на нашихъ предковъ такія статьи, входившія въ составъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія, которыя служили выраженіемъ настроенія общества, церкви, всего русскаго народа того времени, когда совершалось церковное чинопослѣдованіе. Такъ торжественное, съ своеобразною музыкальностію, провозглашеніе и хоровое пѣніе вѣчной памяти «мужественно поборовшимъ и избѣненнымъ за православную вѣру» (съ перечисленіемъ именъ) въ нашествіе Батыя, Мамая, Тохтамыша, Олгерда, или въ другія, быть можетъ, не менѣе тяжелыя години испытаній отечества, пережитыя слушателями, должно было производить на нихъ потрясающее впечатлѣніе, сильнымъ образомъ возбуждать и укрѣплять въ нихъ чувства и настроеніе патриотизма, запечатлѣвать въ ихъ памяти имена отечественныхъ героевъ, положившихъ свою жизнь за родину и вѣру, и утверждать въ нихъ мысль, что церковь сохраняетъ и сохранитъ вѣчную память о заслугахъ, оказанныхъ отечеству подвижниками, на поляхъ брани славною смертію умершими. Чтеніе синодика съ именами убитыхъ во время войнъ, нашествій непріятелей на отечественную страну и походовъ противъ враговъ родины было прославленіемъ славныхъ подвиговъ лицъ, до смерти послужившихъ отечеству и церкви. Совершеніе чина православія въ древней Россіи было своего рода драматическимъ воспроизведеніемъ предъ слушателями цѣлой исторіи отечества... Это было, дѣйствительно, *торжество* православія и отечества, а не анаема!

Степень вліянія, какое производило совершеніе чина православія въ народѣ, находилась въ исторіи въ значительной зависимости отъ состава и содержанія чинопослѣдованія, которыя въ разные времена подвергались измѣненіямъ.

Чинъ православія первоначально былъ составленъ и устано-

вленъ въ Константинопольской церкви, въ IX вѣкѣ (въ 842 году), по случаю возстановленія иконопочитанія послѣ временъ иконоборства, въ ознаменованіе торжества церкви надъ противниками иконопочитанія и вообще православнаго ученія. Первоначальный чинъ, въ его неповрежденности и цѣлости, безъ прибавленія къ нему дополненій и измѣненій послѣдующихъ временъ, не сохранился до нашего времени; по крайней мѣрѣ, онъ не встрѣчается въ извѣстныхъ намъ нынѣ сборникахъ церковныхъ чинопослѣдованій. Но составъ этого чина можно, кажется, безъ затрудненій и съ вѣроятною полнотою возстановить на основаніи дѣяній VII вселенскаго собора и сохранившагося въ греческихъ памятникахъ письменности описанія церковнаго торжества, бывшаго въ 842-мъ году по случаю возстановленія иконопочитаніе ¹⁾. Къ первоначальному составу чина православія приближается списокъ этого чина, напечатанный въ одной изъ греческихъ постныхъ тріодей XVIII в. ²⁾. Съ несомнѣнностію можно утверждать, что въ составъ *первоначальной* редакціи чина православія входили слѣдующія главныя части: молебное пѣніе, соединенное съ крестнымъ ходомъ (церковною процессією) по улицамъ Константинополя и съ пѣніемъ соотвѣтствующаго, по своему содержанію, торжеству канона ³⁾, и такъ называемый — «Синодикъ» (Συνοδικόν). Составныя части синодика были: а) *предисловіе*, въ которомъ кратко объяснялась сущность торжества, выражалось прославленіе Бога («*Кто Богъ великъ*» и пр.) въ благодареніе за дарованіе побѣды церкви надъ иконоборцами и еретиками и произносилось исповѣданіе догматовъ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти принимавшимъ и исповѣдывавшимъ истины церковнаго ученія; б) *анаематствованія* — иконоборцамъ и еритикамъ, отлученнымъ отъ церкви на вселенскихъ соборахъ; в) возглашенія *отъчной памяти* (Αἰώνια ἡ μνήμη) греческимъ императорамъ и іерархамъ, оказавшимъ услуги въ побѣдѣ вѣры и церкви надъ ересями и противниками церковнаго ученія; г) произношеніе *многочтія* (ἡ φήμη или

¹⁾ См. «Дѣянія вселенскаго собора» въ русскомъ переводѣ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1875 г., май и июнь, стр. 423—426 и 610—612. см. Никольскаго «Анаематствованіе» стр. 16—21.

²⁾ Τριώδιον ψυχοφειλεστάτου, περιέχον τὴν πρέπουσαν τῇ ἀγίᾳ καὶ μεγάλῃ Θεσσαρακοστῇ ἅπασαν ἀκολουθίαν. Ἐν Βαυονίᾳ, αψχδ, с. 116—118.

³⁾ Канонъ помѣщается въ постныхъ греческихъ тріодахъ; у насъ онъ печатался въ постныхъ тріодахъ XVII в.; съ XVIII вѣка онъ не печатался у насъ и въ настоящее время не входитъ въ составъ чинопослѣдованія Русской церкви.

ἡ μακρότης τῶν βασιλέων, πατριαρχῶν καὶ ὄλων τῶν ζώντων) царствующему императору, іерархамъ и всѣмъ христіанамъ; и д) заключительная молитва о дарованіи отъ Бога участникамъ торжества твердости въ вѣрѣ. — Каждая изъ означенныхъ частей, за исключеніемъ заключительной молитвы, состояла изъ нѣсколькихъ статей или главъ (κεφάλαια).

Главные составныя части первоначальнаго чина православія, сохраняя основныя мысли своего содержанія, подвергались, съ теченіемъ времени, въ Греческой церкви въ своихъ частностяхъ дополненіямъ и измѣненіямъ. Такъ въ *предисловіи* первоначальнаго синодика было включено краткое объясненіе историческаго происхожденія праздника православія. Къ той части синодика, въ которой провозглашались «анаеematствованія» еретикамъ, были присоединены статьи, въ которыхъ съ большою противъ первоначальнаго синодика подробностію осуждались неправославныя понятія иконоборцевъ и, за тѣмъ, вновь явившіяся въ XI—XIV вв. ереси и противоцерковныя ученія; а лица, изобрѣвшія или распространявшія такія ереси и ученія, предавались анаеемѣ. Статьи «вѣчной памяти» дополнялись съ смертію каждаго покровителя, защитника и поборника вѣры и церкви (императоровъ, патриарховъ и т. п.) тѣмъ, что имя умершаго причислялось къ списку удостоенныхъ отъ церкви провозглашенія вѣчной памяти въ недѣлю православія. Измѣненія въ «многолѣтніхъ» синодика происходили съ каждою личною перемѣною на императорскомъ престолѣ Византійской Имперіи, на кафедрахъ патриаршихъ и архіерейскихъ. — Вслѣдствіе упомянутыхъ допозненій къ первоначальной редакціи синодика, въ теченіе XI—XIV вв. постепенно образовались въ Греческой церкви, кромѣ первоначальнаго чина, двѣ другія его редакціи — *дополненная* ¹⁾ и *распространенная*. Обѣ онѣ вошли въ употребленіе при Богослуженіи въ недѣлю православія. Въ дополненную редакцію внесены такія новыя, по содержанію, статьи предисловія и анаеematствованій, ка-

¹⁾ Греческаго текста этой редакціи, отдѣльно отъ распространенной, не встрѣчается въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ; но существованіе дополненной редакціи въ XIV вѣкѣ, отдѣльно отъ распространенной, доказыається существованіемъ славянскихъ переводовъ ея, сдѣланныхъ въ XIV в. Все содержаніе ея въ греческомъ текстѣ можно возстановить изъ распространенной по содержанію статей славянскихъ переводовъ. Одинъ изъ двухъ рукописныхъ синодиковъ, осмотрѣнныхъ нами въ собраніи богослужебныхъ чиновъ Греческой церкви, составленномъ преосвященнымъ Порфиріемъ (Успенскимъ), относится къ типу синодика дополненной редакціи.

кихъ не могло быть въ первоначальномъ синодикѣ¹⁾, но съ опущеніемъ статей о древнихъ еретикахъ. Распространенная редакція заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя статьи съ подробными анаематствованіями, которыхъ нѣтъ въ дополненной редакціи²⁾. Она печатается съ XVI вѣка въ венеціанскихъ изданіяхъ греческихъ постныхъ тріодей³⁾ и помѣщена въ экземплярахъ этихъ тріодей, употребляемыхъ нынѣ въ греческой церкви⁴⁾.

Исторія перемѣнъ въ греческомъ чинослѣдованіи въ недѣлю православія отразилась на исторіи этого чина въ Русской церкви.

Греческій синодикъ на недѣлю православія весьма рано былъ принятъ въ славянскихъ православныхъ церквахъ⁵⁾. Въ Русской церкви уже въ XII в. существовалъ «сенаникъ», по которому положено было «проклинать» лицъ, «отнимающихъ» то, что принадлежитъ церкви⁶⁾. Этотъ синодикъ, по составу и содержанію своему, былъ, безъ сомнѣнія, тотъ самый, который употреблялся въ XII в. въ Константинопольской церкви, т. е. приближающійся къ первоначальной редакціи чина православія. Въ концѣ XIV вѣка перенесена была въ Русскую церковь, въ славянскомъ переводѣ, дополненная редакція греческаго синодика. Она введена была въ употребленіе при Богослуженіи въ Москвѣ всероссійскимъ митрополитомъ Киприаномъ, который извѣстенъ, какъ усердный переводчикъ и переписчикъ Богослужебныхъ книгъ на славяно-русской языкъ. Составленная при немъ редакція синодика на славянскомъ языкѣ, въ экземплярѣ его времени, сохранилась до настоящаго времени въ московской патриаршей библіотекѣ⁷⁾. Митрополитъ сообщилъ эту редакцію, также для употребленія при Богослуженіи, новгородскому и псковскому духовенству⁸⁾: въ новгородской епархіи она упо-

1) Таковы статьи объ ученіи Константина Болгариса, Варлаама и Акиндина и пр.

2) Статьи объ ученіи Ивана Италя, также Варлаама и Акиндина.

3) Изданія 1522, 1591, 1620, 1644, 1683, 1763, 1793, 1850 г.

4) Τριώδιον κατανυκτικόν, περιέχον ἄπασαν τὴν ἀνήκουσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν τῆς ἁγίας καὶ μεγάλης Τεσσαρακοστῆς. . . ἐξ ἀριστῶν παλαιῶν ἐκδόσεων καὶ χειρογράφων νεώσσι τυπωθέν καὶ ἐπιμελῶς διορθῶθεν. . . Ἐν Ἐνετίῃσιν, 1860.

5) Въ болгарской церкви онъ принятъ въ началѣ XIII в. См. въ Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Древн. XXI, 1855, статью С. Палаузова «Синодикъ царя Бориса». Сп. Извѣстія Имп. Акад. Наукъ т. II. 1853.

6) Истор. Русской церк. архіеп. Макарія т. II. Прил. № 14 сл. Никольскаго «Анаематствованіе» стр. 22.

7) № ркп. 667. О немъ будемъ говорить ниже.

8) Акты Истор. т. I. № 9. стр. 19. сл. Никольскаго «Анаематствованіе» стр. 22.

треблялась въ XVI и XVII вв., по экземплярамъ, сохранившимся доселѣ въ софійской библиотекѣ ¹⁾). — Черезъ введеніе дополненной редакціи синодика въ употребленіе въ Русской церкви, прежняя редакція, въ ней обрацавшаяся, не была совсѣмъ устранена изъ употребленія, но подверглась, подъ вліяніемъ Кипріановскаго синодика, дополненіямъ и удержала въ себѣ *нѣкоторые* слѣды первоначальнаго своего состава. Эти двѣ редакціи и обрацались въ разныхъ епархіяхъ Русской церкви до половины XVII вѣка. Около половины XVII вѣка перешли въ Русскую церковь и *распространенная* редакція греческаго синодика. Она переведена была со списка, помѣщеннаго въ печатныхъ изданіяхъ греческой постной тріоди явившихся въ Венеціи въ 1522, 1591 и 1620 гг.; въ славянскомъ переводѣ она издана въ Кіевѣ, сначала въ 1627 году по благословенію архимандрита Кіево-печерской Лавры Захарія Копыстенскаго подъ названіемъ «Послѣдованіе въ недѣлю православія на проклятіе еретиковъ ²⁾», — за тѣмъ въ 1640 и 1648 гг. въ постной тріоди по благословенію знаменитаго митрополита Петра Могилы, — и изъ кіевской тріоди перепечатана, съ исправленіями въ словахъ, въ постной тріоди московскаго изданія 1656 года. И распространенная редакція, принятая Русскою церковію въ Богослуженіе, не вытѣснила изъ употребленія въ нѣкоторыхъ епархіяхъ синодиковъ вышеуказанныхъ двухъ редакцій, обрацавшихся въ древней Россіи. Наконецъ и распространенная редакція греческаго синодика, вслѣдствіе своей обширности и вслѣдствіе многочисленности русскихъ статей, присоединявшихся къ греческимъ статьямъ всѣхъ редакцій синодика, была сокращаема въ Русской церкви для удобствъ употребленія ея при Богослуженіи; отсюда произошли русскіе списки XVII и XVIII вв. *сокращенной* редакціи греческаго синодика.

Греческіе синодики, обрацавшіеся въ Русской церкви въ славянскомъ переводѣ, дополнялись въ ней *рускими статьями*. Эти дополненія вносились, по преимуществу, въ тѣ части синодика, въ которыхъ провозглашались «анаѣема» и «вѣчная память». Русскія статьи объ анаѣематствованіяхъ стали вноситься въ синодики, употреблявшіеся при Богослуженіи въ недѣлю православія, съ начала XVI вѣка (о жидовствующихъ и др.), въ значительномъ числѣ увели-

¹⁾ №№ ркп. 1058 и 1060.

²⁾ И. Снегиревъ сообщаетъ, что «эта весьма рѣдкая книга находится въ драгоценной спеціальной библиотекѣ А. Т. Худова». См. его замѣтку въ «Православномъ Обзорѣніи», февраль, 1865, стр. 68, подъ заглавіемъ: «Недѣля православія или сборное воскресенье въ Москвѣ».

чили въ теченіе XVII в. (о Григорѣ Отрепьевѣ, Разинѣ и раскольникахъ) и дополнились въ 1708-мъ году статью объ Иванѣ Мазепѣ. Одни изъ русскихъ анаематствованій внесены были во всѣ синодики, употреблявшіеся въ русскихъ епархіяхъ; нынѣ же имѣются только въ нѣкоторыхъ спискахъ, употреблявшихся въ опредѣленныхъ епархіяхъ. О внесеніи въ синодики первыхъ статей состоялись, по всей вѣроятности, распоряженія высшей церковной власти, — а о внесеніи вторыхъ — распоряженія епархіальныхъ архіереевъ. — Особенно же значительны были дополненія русскими статьями той части русскихъ синодиковъ, въ которой провозглашалась вѣчная память. Въ этой части русскіе синодики отличались отъ греческихъ тѣмъ, что въ нихъ провозглашалась вѣчная память: во первыхъ — не только греческимъ императорамъ, но русскимъ князьямъ — великимъ, удѣльнымъ, мѣстнымъ, впоследствии — московскимъ и всея Руси, позднѣе — царямъ и императорскимъ особамъ; во вторыхъ — не только восточнымъ іерархамъ, но вѣророссійскимъ митрополитамъ и впоследствии патриархамъ, епархіальнымъ мѣстнымъ архіереевъ, основателямъ знаменитыхъ во всей Россіи или въ извѣстныхъ мѣстахъ монастырей, лицамъ, прославившимся во всей Россіи или приобрѣвшимъ мѣстную извѣстность своею святою или подвижническою жизнію (преподобнымъ, Христа-ради юродивымъ); — и въ третьихъ, — лицамъ поборавшимъ и убиеннымъ за православную вѣру и отечество во время войнъ, походовъ и нашествій непріятелей, въ междоусобныя брани, во время государевыхъ посылокъ, — погибшимъ отъ огненныхъ заpalеній и смертоносныхъ повѣтрій и нѣкоторымъ умершимъ насильственною смертію. — Эта часть русскихъ синодиковъ представляетъ интересъ для изслѣдователей русской исторіи — церковной и государственной. Въ ней излагаются древнѣйшіе и достовѣрнѣйшіе списки всероссійскихъ митрополитовъ¹⁾; изъ нея могутъ дополняться и отчасти ея провѣряться списки епархіальныхъ архіереевъ древней Россіи; въ ней указываются имена мѣстнотимныхъ лицъ, которыя, по смерти ихъ записанныя въ синодикѣ, признаны были впоследствии свя-

¹⁾ Составленіе *отрнаго* каталога первыхъ русскихъ митрополитовъ считается еще и теперь «вопросомъ не рѣшеннымъ окончательно». См. Исторію Русской Церкви» Е. Голубинскаго. Т. I. М. 1880, стр. 248. Голубинскій занимается составленіемъ и разборомъ этого каталога по спискамъ XVII вѣка; между тѣмъ въ синодикахъ XIV и XVI вѣковъ мы имѣемъ древнѣйшіе списки первыхъ русскихъ митрополитовъ, имена которыхъ вносились въ синодики, по большей части, вскорѣ послѣ ихъ смерти.

тыми; въ ней отображается отношеніе русской церкви къ важнѣйшимъ событіямъ и испытаніямъ въ исторіи отечества. Въ этой же части можно встрѣтить имена такихъ удѣльныхъ и мѣстныхъ князей, о которыхъ не сохраняется извѣстій ни въ какихъ другихъ памятникахъ. Въ ней хронологически вспоминаются нашествія непріятелей на Россію, походы противъ враговъ, войны противъ внѣшнихъ непріятелей, междоусобныя брани и бунты, съ перечисленіемъ нерѣдко въ весьма длинныхъ спискахъ именъ лицъ, пострадавшихъ, избѣнныхъ и погибшихъ во время такихъ страшныхъ для отечества испытаній. Въ этой части синодиковъ можно находить такія историческія свѣдѣнія, подробности, факты и указанія, касающіяся нѣкоторыхъ сторонъ государственнаго строя и общественной жизни древней Россіи, которыми могутъ подтверждаться, дополняться и исправляться лѣтописныя сказанія и сообщенія другихъ извѣстныхъ нынѣ источниковъ русской исторіи. Черезъ эту часть синодиковъ пріобрѣтались и распространялись въ Россіи свѣдѣнія какъ изъ исторіи отечественной, такъ Греческой церкви и Византійской имперіи. — Такимъ образомъ русскія статьи, имѣющіяся въ синодикахъ на недѣлю православія, могутъ служить однимъ изъ источниковъ русской исторіи — церковной и гражданской. И этотъ источникъ отечественной исторіи до сихъ поръ еще не обратилъ на себя вниманія нашихъ историографовъ. — Кромѣ того, — эта часть синодиковъ имѣла воспитательно-образовательное значеніе для русскаго народа ¹⁾, послужила образцомъ и основаніемъ для происхожденія и употребленія разнообразныхъ русскихъ синодиковъ ²⁾, содѣйствовала распространенію и утвержденію въ русскомъ народѣ обычая поминовенія умершихъ на панихидахъ — частныхъ и общихъ («вселенскихъ», въ «родительскія субботы», въ «Дмитріевскую субботу», 29 августа, въ «радоницу» ³⁾) и можетъ дать основанія для разъясненія происхожденія употребляемыхъ до сихъ поръ въ «помянникахъ» разныхъ приписокъ къ именамъ умершихъ — напр. помяни Господи — «болярина» такого-то, «вонна», «убитаго на войнѣ», «гро-

¹⁾ Черезъ синодики увѣковѣчивались въ памяти народа имена отечественныхъ героевъ и событія, имѣвшія значеніе въ исторіи отечества; черезъ посредство ихъ развивалось и поддерживалось въ народѣ убѣжденіе, что умирать за отечество, за св. Русь, значитъ умирать за св. вѣру, и что сражаться за родину значитъ подвизаться за вѣру.

²⁾ По образцу синодиковъ въ недѣлю православія составлялись родовые синодики, которые читались въ монастыряхъ и церквахъ.

³⁾ См. ниже примѣчаніе.

момъ убійнаго», «утопшаго» и т. п.), — а равно и возгашеній, допускаемыхъ нынѣ, по личному усмотрѣнію, священнослужителями при служеніи панихидъ по лицамъ, оказавшимъ какія либо заслуги отечеству и народу, съ напоминаніемъ объ этихъ заслугахъ.

Русскія статьи вносились въ синодики по распоряженіямъ властей — государственныхъ и церковныхъ ¹⁾. Внесеніе ихъ происходило обыкновенно вскорѣ послѣ совершенія того событія, которымъ давалось содержаніе для синодика. Статьи объ анаѳематствованіяхъ русскихъ еретиковъ, бунтовщиковъ, измѣнниковъ и раскольниковъ включались въ синодики послѣ осужденія ихъ церковною властію. Имена умершихъ лицъ, удостоиваемыхъ сохраненія памяти о нихъ въ церкви и потомствѣ, записывались вскорѣ послѣ ихъ смерти. Списки объ убитыхъ во время той или другой войны, похода и нашествія непріятелей вносились въ синодики, по стать-

¹⁾ Въ Новгородскомъ 1682 г. синодикѣ на л. 88-мъ приписано: «Лѣта 7163-го февраля въ 20-й день (На полѣ замѣчено: «Сего на амвонѣ не чести»). Въ грамотѣ великаго государя, святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, писано въ Великій Новгородъ, къ великому господину, преосвященному Макарію, митрополиту Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, а велѣно по преставльшихся отъ мороваго повѣтрія по митрополитѣ и по архіепископѣхъ, и по архимандритѣхъ, и по игуменѣхъ, и по протопопѣхъ, и по священникахъ, и по дьяконахъ, и по инокахъ, и всякаго священническаго и иноческаго чина, и по боярѣхъ и всякаго чина царскаго синклита, и по всѣхъ православныхъ христіанѣхъ мужеска полу и женска всякаго чина и возраста, пѣть чотыредесятициу, а послѣ чотыредесятициу память по нихъ творить по всѣмъ вселенскимъ субботамъ, ежегодъ, въ вѣчную память. Да по тѣхже, отъ мороваго повѣтрія преставльшихся, указатъ великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и вся великія и малыя и бѣлыя Росіи, творить вѣчную память, сирѣчь, ежегодъ ихъ помянать августа 20-е число, а на ектеніяхъ молитъ Бога за тѣхъ представльшихся». Соотвѣтственно грамотѣ патріарха, въ новгородскій синодикъ въ недѣлю православія (л. 89.) внесена статья: «Иже отъ Бога нашедшихъ на ны праведныхъ наказаній, грѣхъ ради нашихъ, въ лѣта 7162 и 163-го смертоносныя язвы на православное и благочестивое христіанство Богомъ спасаемаго царствующаго града Москвы, и во время посѣщенія Божія преставльшихся рабомъ Божиимъ—преосвященному митрополиту Селивестру, преосвященному архіепископу Софронію, преосвященному архіепископу Левкію, преосвященному архіепископу Іонѣ, преподобнымъ архимаритомъ и игуменомъ, и протопопомъ, и священноинокомъ, іереомъ и діакономъ, инокомъ и инокинямъ, и всякаго причта церковнаго, и мужемъ и женамъ, юношамъ и дѣвамъ, и сущимъ младенцемъ, и всякому возрасту мужеска полу и женска, во благочестіи отшедшимъ, во градѣхъ и во обителяхъ и въ весехъ, по волостемъ и по погостомъ (окончаніе статьи затеряно въ синодикѣ).

ямъ, вскорѣ послѣ окончанія событій, въ которыхъ подвизались пожертвовавшіе отечеству своею жизнію ¹⁾).

Вслѣдствіе описаннаго сейчасъ порядка дополненій въ той части русскихъ синодиковъ, въ которой возглашалась вѣчная память, число статей этой части постепенно и быстро увеличивалось. Съ теченіемъ времени эта часть синодика становилась столь обширною, что прочтеніе ея въ одну церковную службу, въ одинъ день, становилось невозможнымъ. Поэтому церковныя власти, продолжая вносить въ синодики новыя статьи, соотвѣтственные по содержанію современнымъ имъ событіямъ, находили необходимымъ сокращать и укорачивать прочтеніе синодика при Богослуженіи въ недѣлю православія, — но безъ ущерба для памяти современниковъ о событіяхъ прежняго времени. Сокращеніе прочтенія синодика въ недѣлю православія достигалось тремя способами. Во первыхъ, во время совершенія чина опускалось прочтеніе *греческихъ* статей той или другой части синодика. Во вторыхъ, изъ *русскихъ* статей одни соединялись съ другими, — въ иныхъ уменьшалось число собственныхъ именъ лицъ, убитыхъ въ одинъ и тотъ-же походъ, и въ замѣнъ собственныхъ именъ произносились слова — «и всѣхъ убитыхъ и пострадавшихъ въ тотъ походъ»; таковое сокращеніе большею частію касалось древнѣйшихъ статей, прочтеніе которыхъ въ первоначальной ихъ полнотѣ не могло имѣть такого значенія для слушателей, какое имѣли для нихъ позднѣйшія статьи, въ особенности относящіяся къ ихъ времени. Производимое указанными двумя способами сокращеніе статей нерѣдко отмѣчалось въ самыхъ синодикахъ (словами «не чти», «переступи», или зачеркиваніемъ статей и именъ ²⁾) по распоряженіямъ настоятеля той церкви, въ которой читался синодикъ; отмѣтки его служили указаніемъ и руководствомъ для чтеца синодика при Богослуженіи. Иногда же, по отмѣткамъ, сдѣланнымъ рукою настоятеля, переписывался синодикъ и составлялся такимъ образомъ *новый* списокъ, отличающійся отъ своего оригинала въ однихъ мѣстахъ сокращеніями, а въ дру-

¹⁾ Въ ростовскомъ синодикѣ 1642 г. записано: «Лѣта 7145-го въ азовское время, да во 149-мъ и *мыслимемъ* во 150-мъ году отъ турецкихъ и отъ крымскихъ людей въ Азовѣ посадѣ за православную христіанскую вѣру Донскіе казаки побиты: по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Теодоровича всея Росіи грамотѣ, написати ихъ въ синодикъ въ вѣчное поминовеніе. Леонтію, Аристарху, Ивану, Мирону, Прокопію, Исидору, Тимоею, Кипріяну, Ивану, Ивану, Николаю, Гавріилу, Ивану, пострадавшимъ за святыя божія церкви и за православную вѣру христіанску во градѣ Азовѣ вѣчная память».

²⁾ См. новгородскіе синодики.

гихъ — вновь прибавленными статьями, которыя въ первый разъ вносились въ синодикъ, употреблявшійся при Богослуженіи въ недѣлю православія. — Въ третьихъ, въ видахъ сокращенія чтенія синодика въ недѣлю православія, выдѣлялась изъ него часть статей, въ которыхъ провозглашалась вѣчная память; и эта часть прочитывалась на одной какой либо «вселенской панихидѣ» — (въ Москвѣ въ XVII в. — обыкновенно на той, которая совершалась на недѣлѣ мясопустной, — по всероссійскимъ митрополитамъ, или на сыропустной — по всероссійскимъ патриархамъ). Предназначенная къ пропуску во время службы въ недѣлю православія часть синодика или прочитывалась на панихидѣ по тому же синодику, который употребляемъ былъ при Богослуженіи въ недѣлю православія, или выписывалась въ особый синодикъ «на подобство вселенскаго синодика»¹⁾. Такъ произошли особаго вида синодики, которые составлялись исключительно изъ русскихъ статей.

Синодики, употреблявшіеся въ Русской Церкви до половины XVII в., составляли видъ отдѣльныхъ богослужебныхъ книгъ и были рукописные. Русскія статьи размѣщались въ нихъ рядомъ съ греческими соотвѣтственнаго имъ содержанія. Мы выше упоминали, что пространная редакція греческаго синодика явилась въ Россіи въ XVII в. въ славянскомъ переводѣ напечатанною въ тріоди постной. Русскія статьи не вошли въ синодикъ тріоди. Но прочтеніе ихъ въ недѣлю православія на ряду съ греческими статьями печатнаго синодика признавалось необходимымъ. Поэтому, во второй половинѣ XVII в. найдено было нужнымъ, въ дополненіе къ печатному синодику тріоди, составить изъ русскихъ статей дополнительную къ нему часть. Эта дополнительная часть, дѣйствительно, и явилась. Она была составлена послѣ пересмотра русскихъ статей синодиковъ прежняго времени и представляетъ изъ себя новую ихъ редакцію съ присоединеніемъ статей, по содержанію относящихся къ XVII в. Эта часть является въ рукописяхъ или въ видѣ отдѣльной книги²⁾, или въ соединеніи съ рукописными списками пространной редакціи греческаго синодика, отпечатаннаго въ тріоди³⁾.

¹⁾ См. примѣчаніе на одной изъ предшествующихъ страницъ и см. «Старообрядческій синодикъ», составленный, въ подражаніе православнымъ, «на подобство вселенскаго канона, иже сотворенъ бысть по усопшихъ въ мясопустную субботу», будто бы «по благословенію великаго господина и первоначальнаго отца нашего святѣйшаго Іова патриарха московскаго и всея Россіи», и изданный Академіею Наукъ въ апрѣлѣ 1880 года.

²⁾ Таковъ одинъ синодикъ московской патриаршей библіотеки XVII в.

³⁾ Таковъ новгородскій синодикъ N. ркп. 1060.

Итакъ къ концу XVII вѣка употреблялись въ великорусскихъ епархіяхъ весьма разнообразныя списки чиновъ православія. Каждый списокъ, по мѣсту происхожденія и по содержанію его статей, раздѣлялся на два отдѣла: одинъ отдѣлъ статей заимствованъ былъ отъ Константинопольской церкви, другой состоялъ исключительно изъ статей русскаго происхожденія. Историческое изученіе греческаго отдѣла синодиковъ можетъ разъяснять — степень зависимости русской церкви отъ греческой въ древнія времена въ богослужебныхъ чинахъ, разности переводовъ однихъ и тѣхъ же чиновъ богослуженія, сдѣланныхъ въ разныя времена, отношенія русско-славянскаго языка къ греческому во времена переводовъ, вліяніе печатанія богослужебныхъ чиновъ на греческомъ языкѣ въ XVI и особенно въ XVII в. на составъ и исправленіе богослужебныхъ книгъ нашей Русской церкви, — вліяніе, степень котораго до сихъ поръ съ достаточною полнотою и ясностію не разъяснена и неопредѣлена, но которое выразилась въ многосложныхъ церковно-историческихъ фактахъ. — По составу, содержанію и количеству статей греческаго отдѣла синодиковъ, а также и по времени первоначальнаго появленія ихъ въ Россіи, разнообразныя списки ихъ можно подвести подъ слѣдующія *четыре* категоріи: а) списки, въ которыхъ сохранились слѣды первоначальной греческой редакціи, явившіяся въ Россіи не позже XII вѣка, — б) списки Киприановской редакціи (дополненной греческой), вошедшіе въ употребленіе въ Россіи съ конца XIV в.; в) списки печатной тріоди (распространенной редакціи), впервые сдѣлавшіеся извѣстными въ великорусскихъ епархіяхъ съ половины XVII вѣка; и наконецъ г) списки, сокращенныя изъ печатныхъ синодиковъ, введенныя въ употребленіе во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вв. — По составу же статей русскаго отдѣла, списки русскихъ синодиковъ въ недѣлю православія можно раздѣлить на *три* категоріи: а) списки московско-новгородскіе, въ которыхъ греческой отдѣлъ изложенъ по киприановскому переводу, б) списки съ значительнымъ числомъ мѣстныхъ статей, въ греческомъ своемъ отдѣлѣ сохранившіе слѣды первоначальной редакціи, и в) списки XVII вѣка, въ которыхъ греческой отдѣлъ излагается или въ распространенной редакціи или въ извлеченіяхъ изъ нея. — Въ обоихъ отдѣлахъ всѣхъ списковъ русскихъ синодиковъ въ недѣлю православія, о которыхъ мы доселѣ говорили, отображалась древняя православная Русь, съ весьма характеристическими особенностями церковныхъ обрядовъ, воззрѣній и отношеній.

Съ Петромъ Великимъ выступила на свѣтъ исторіи новая Россія. Начались реформы въ церкви и государствѣ, по новымъ началамъ и новыми способами. Для производства реформъ въ церкви выдвинуты были Петромъ на высшихъ степеняхъ духовной іерархіи кievскіе ученые. Киевскимъ ученымъ XVII и первой четверти XVIII вѣковъ были извѣстны только тѣ синодики, которые употреблялись въ малороссійскихъ епархіяхъ, то есть, печатанные въ Киевѣ въ постной тріодѣ. Употребленіе и произнесеніе въ чинѣ православія русскихъ статей, созданныхъ въ древней великой Россіи, и не напечатанныхъ въ богослужебныхъ книгахъ, іерархамъ церкви изъ кievскихъ ученыхъ было непонятно и казалось не нужнымъ. Въ русскихъ статьяхъ возвеличиваются герои древней Россіи, а она реформируется энергически желѣзною волею Петра. Петромъ Великимъ велись войны, въ теченіе которыхъ много русскихъ воиновъ пало на поляхъ битвъ; но отъ него не было издано ни одного указа о внесеніи въ синодикъ на недѣлю православія убитыхъ на войнѣ. Если не оказывалось надобности провозглашать вѣчную память убитымъ въ теченіе современныхъ войнъ; то зачѣмъ вспоминать, — думали іерархи-кievляне, — убиенныхъ въ древней Россіи?.. Правда, по указу Петра, сдѣлано было распоряженіе о внесеніи въ синодикъ анаемы Ивану Мазепѣ; но это была единственная статья составленная по именному государеву указу для отдѣла анаематствованій; да и она не правилась малороссамъ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ ¹⁾, никогда не читалась въ малороссійскихъ епархіяхъ. Въ отдѣлъ же «вѣчной памяти» со временъ Петра перестали вноситься новыя статьи о пострадавшихъ и убиенныхъ. Чѣмъ далѣе идетъ XVIII-й вѣкъ, тѣмъ больше усиливаются въ русской іерархіи малороссы до временъ Екатерины II.

Учрежденъ былъ въ 1721 году св. Синодъ. Съ его учрежденіемъ самостоятельность епархіальныхъ архіереевъ стала ограничиваться; неразлучное съ самостоятельностью епархій разнообразіе въ нѣкоторыхъ сторонахъ церковнаго управленія и жизни стало приводиться къ единообразію. Введеніе единообразія коснулось и богослужебныхъ чиновъ: уже въ 1726 году былъ изданъ отъ св. синода указъ, чтобы богослужебныхъ книгъ, не сходныхъ съ московскими изданіями, отнюдь не печатать въ типографіяхъ. Разности въ чинопослѣдованіяхъ въ недѣлю православія, употребляв-

¹⁾ Это извѣстіе получено г. Лѣсковымъ отъ «компетентнаго духовнаго лица» и сообщено имъ въ «Новомъ Времени» въ № 1449-мъ за 1890-й годъ.

шихся въ разныхъ епархіяхъ, обратили на себя въ первый разъ вниманіе св. синода въ 1749 году. Въ 1752 году, по порученію св. Синода, епископомъ коломенскимъ Гавріиломъ составлено было «Послѣдованіе православнаго исповѣданія, въ недѣлю первую святаго великаго поста бываемое». По этому послѣдованію совершался чинъ православія св. синодомъ; но онъ не былъ предписанъ къ введенію во всѣхъ епархіяхъ, въ которыхъ избраніе списка чинопослѣдованія для совершенія при богослуженіи сколько зависѣло отъ усмотрѣнія епархіальнаго архіерея, столько же опредѣлялось установившимся издревле обычаемъ.

Въ 1763-мъ году, въ недѣлю православія, въ Ростовскомъ каѳедральномъ соборѣ провозглашена была анаеема «обидящимъ св. церкви» по такому списку синодика, который относился къ категоріи списковъ, сохранившихъ въ себѣ слѣды древнѣйшей въ Россіи и первоначальной греческой редакціи. Провозглашеніе было сдѣлано по распоряженію митрополита Арсенія Мацѣевича. Онъ извѣстенъ былъ въ С.-Петербургѣ за такого іерарха, который и устройство св. синода находилъ не согласнымъ съ канонами, и синодальную дѣятельность—несоотвѣтствующею пользамъ церкви, и тогдашнія отношенія государственныхъ властей къ ней—обидными для нея. О провозглашеніи въ Ростовскомъ соборѣ узнали въ С.-Петербургѣ, въ св. синодѣ и при дворѣ. Въ распоряженіи митрополита заподозрили, а за тѣмъ и постарались найти, слѣды преступленія. По поводу этого дѣла, св. синодъ «пожелалъ, чтобы чинъ православія совершался впредь повсюду однообразно». Для составленія такого однообразнаго чина, св. синодъ циркулярнымъ указомъ ко всѣмъ непосредственно подвѣдомственнымъ ему установленіямъ предписалъ — прислать ему чиноположенія на недѣлю православія, какія сыскаться могутъ, какъ письменныя, такъ и печатныя, *«всѣ безъ остатку»*.—Вслѣдствіе такого распоряженія, московская синодальная контора, епархіальные архіереи, лавры и ставропигіальные монастыри *обязаны* были выслать въ св. синодъ *всякіе* списки чинопослѣдованій, какіе только могли найтись въ ихъ установленіяхъ. Въ теченіе 1766-го года изъ 31-го церковнаго учрежденія было выслано въ св. синодъ около 40 списковъ чиновъ православія, рукописныхъ и печатныхъ. Послѣ присылки ихъ, по порученію св. синода, составленъ былъ новый чинъ православія тверскимъ епископомъ Гавріиломъ. Составленный имъ чинъ 15 декабря 1766 года былъ рассмотрѣнъ и исправленъ св. синодомъ и чрезъ великоновгородскаго архіепископа Димитрія Сѣченова поднесенъ на усмотрѣ-

ніе ея величества. Ея величество рескриптомъ отъ 19 февраля 1767 г. изъ Москвы на имя оберъ-прокурора св. синода Н. Н. Мелиссино повелѣла ему: «на поданной намъ отъ преосвященнаго Дмитрія, митрополита новгородскаго, зборное чиноположеніе, объявите *нашему* Синоду, что мы во ономъ полагаемся на мнѣніе Синода». Въ св. Синодѣ новосоставленный чинъ былъ утвержденъ, съ его благословенія напечатанъ въ 140 экземплярахъ и разосланъ по епархіямъ, для совершенія исключительно по этимъ экземплярамъ послѣдованія въ недѣлю православія. Этотъ чинъ былъ, при изданіяхъ его въ 1852 и 1869 годахъ, исправленъ въ нѣсколькихъ словахъ. Послѣ введенія этого чина въ употребленіе, всѣ списки старыхъ чинопослѣдованій, собранные въ св. синодъ изъ епархій и монастырей, сданы въ архивъ синодальный; два списка, изъ патриаршей библіотеки выписанные въ св. синодъ, возвращены въ московскую синодальную контору. Если же въ епархіяхъ и монастыряхъ оставались послѣ этого списки старыхъ чинопослѣдованій (а они дѣйствительно оставались¹⁾; то они должны были тщательно скрываться въ архивахъ, библіотекахъ и частныхъ рукахъ, какъ сочиненія, которыми не должны были обладать ни частныя лица, ни церковныя установленія, кромѣ архива св. синода, и какъ книги, утаенныя отъ церковной власти и невысланныя, по ея требованію, куда слѣдуетъ. Съ теченіемъ времени значеніе списковъ было забыто,—и они не обращали на себя вниманія.—Такъ устранены были изъ употребленія и изъ обращенія въ Русской церкви разнообразныя списки древнихъ чиновъ въ недѣлю православія. Этимъ устраненіемъ ихъ и введеніемъ въ богослужбное употребленіе вмѣсто ихъ однообразнаго «послѣдованія въ недѣлю православія» заключилась исторія чина православія въ Россіи.

Мы представили историческій очеркъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія въ Константинопольской и Русской церквахъ на основаніи матеріаловъ, частію находящихся въ книгѣ о. Никольскаго, частію собранныхъ нами по ея указаніямъ и частію имѣвшихся у насъ подъ руками до изданія о. Никольскимъ его труда. Изложенъ же нами представленный очеркъ съ тою цѣлію, чтобы показать на какихъ основаніяхъ мы имѣемъ производить критическій разборъ сочиненія о. Никольскаго,—въ виду того, что въ изложеніи нѣкоторыхъ частей и сторонъ исторіи чина православія и съ нѣкоторыми наблюденіями, замѣчаніями, воззрѣніями, указа-

¹⁾ Въ софійской библіотекѣ доселѣ сохраняются 3 списка.

ніями и выводами о. Никольскаго, выраженными въ его книгѣ, мы имѣемъ основанія не соглашаться.—Приступаемъ къ самому разбору.

Сочиненіе о. Никольскаго представляетъ *первый* въ церковно-исторической литературѣ *опытъ ученаго изслѣдованія исторіи чина православія*, составленный большею частію на основаніи не только не изданныхъ въ печати, но остававшихся долгое время въ неизвѣстности, забытыхъ или тщательно скрывавшихся, матеріаловъ, относящихся до сего предмета. Какъ первый опытъ ученаго историческаго изслѣдованія о предметѣ, до сихъ поръ не только почти во все не разработанномъ, но и оставленномъ въ забвеніи, книга о. Никольскаго есть весьма цѣнное приобрѣтеніе въ области церковноисторической и литургической русской литературы. Но, въ то же время, справедливость заставляетъ сказать, что книга автора носитъ на себѣ признаки и недостатковъ перваго опыта изслѣдованія о предметѣ, составляющемъ ея содержаніе.

Своею книгою авторъ выводитъ изъ забвенія и неизвѣстности весьма любопытную, довольно сложную и во все почти не обслѣдованную до него исторію весьма важнаго во многихъ отношеніяхъ памятника богослужебной литературы Константинопольской и Русской церкви.

Много стоило автору времени, труда, усердія, настойчивости и даже издержекъ отыскивать, найти, собрать и, посредствомъ переписокъ, приобрѣсть въ свое распоряженіе, для ученыхъ цѣлей, матеріалы, относящіяся къ исторіи избраннаго имъ для изслѣдованія предмета. Матеріалы эти (въ подлинникахъ) лежатъ большею частію въ архивахъ и библіотекахъ разныхъ установленій въ неизвѣстности и забвеніи, какъ дѣла, сданныя въ архивъ, какъ рукописи старыя и не нужныя, какъ чины богослуженія, замѣненные новоизданнымъ отъ св. синода «последованіемъ въ недѣлю православія» и долженствовавшіе подлежать въ свое время отсылкѣ въ синодъ. Древніе синодики были осуждены введеніемъ новаго «последованія» въ богослуженіе на изыятіе изъ употребленія и на забвеніе¹⁾. Безъ сомнѣнія, съ цѣлію—сохранить въ литературѣ

¹⁾ Извѣстно, что старыя богослужебныя чинопоследованія, измѣненные св. синодомъ и замѣненные новыми, по установленной отъ св. синода практикѣ и едва ли не по примѣру, поданному п. Никономъ относительно старопечатныхъ книгъ, требуются въ св. синодъ и подлежатъ храненію здѣсь внѣ всякаго употребленія. Такъ поступлено въ недавніе годы съ «Молебнымъ

память о древнихъ синодикахъ, Н. И. Новиковъ, извѣстный русскій журналистъ конца прошлаго вѣка, напечаталъ въ 1775-мъ году, въ VIII томѣ своей «Древней Россійской Вивлюенки (во 2-мъ изданіи они помѣщены въ VI т.), два списка. Но эти списки напечатаны въ Вивлюенкѣ безъ всякихъ примѣчаній и объясненій, которыхъ они заслуживали бы первый по своей древности и по своему образованію въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, — а второй по своимъ отношеніямъ къ первому и по времени своего происхожденія въ XVII вѣкѣ. Списки эти оставались безъ вниманія, а о многихъ спискахъ не было и поминна въ литературѣ, — до нашего времени. Вспомнилъ о древнихъ чинахъ православія въ 1865-мъ году извѣстный археологъ Н. Снегиревъ. Въ февральской книжкѣ «Православнаго Обзорѣнія» за 1865-й годъ онъ написалъ замѣтку подъ заглавіемъ «Недѣля православія или сборное воскресенье въ Москвѣ». Въ замѣткѣ своей онъ, между прочимъ, сообщаетъ, что «въ чинѣ харатейныхъ славяно-русскихъ рукописей патриаршей библіотеки находится такъ называемая *Троицная книга*, потому что на передней дскѣ ея переплета изображена пресвятая Троица. Она писана уставомъ въ XIV и XVII вѣкахъ (то есть — объясняемъ отъ себя, — различными почерками XIV, XV и XVI вв., съ одною вноскою и одною поправкою по подчищенному мѣсту XVII в.), въ десять. Это — сборникъ, содержащій въ себѣ разныя статьи, между прочимъ чиноположеніе въ недѣлю православія, относящееся къ XIV или къ началу XV вѣка». Почтенный археологъ, очевидно, не догадался, что «Троицная книга», которая никогда до него такъ не называлась и которой онъ далъ отъ себя названіе не по содержанию ея, а по личному своему впечатлѣнію, ею на него произведенному, не есть «сборникъ» изъ «разныхъ статей», а ничто иное, какъ полный подлинный Кипріяновскій синодикъ, дополнявшійся русскими статьями въ теченіе XV — XVII вв. Онъ не замѣтилъ также, что эта книга — подлинный рукописный оригиналъ, съ котораго цѣликомъ (за исключеніемъ первыхъ двухъ листовъ и одной вставки въ текстѣ сдѣланной въ XVII вѣкѣ) напечаталъ Новиковымъ первый списокъ синодика въ его Вивлюенкѣ, упоминаемый и археологомъ въ его замѣткѣ, но какъ списокъ отличный отъ «Троицной книги». — Очевидно, что въ XIX вѣкѣ такая тем-

пѣніемъ» на праздникъ Рождества Христова и въ память избавленія «Россійскія Державы отъ нашествія Галловъ» по поводу измѣненій, произведенныхъ въ заключительной молитвѣ этого молебна.

нота мрака и забвенія окружила древніе русскіе синодики, что и такіе люди, какъ опытный археологъ Снегиревъ, не могли узнавать ихъ. — Въ 1870 году напомнилъ въ литературѣ о древнихъ русскихъ чинопослѣдованіяхъ въ недѣлю православія ученый синодальный архивариусъ Н. И. Григоровичъ. Издавая въ «Русскомъ архивѣ» (№№ 4 и 5) «Тринадцать писемъ Екатерины II къ оберъ-прокурорамъ св. синода», онъ сообщилъ любопытныя, хотя и весьма краткія, свѣдѣнія изъ дѣлъ синода объ исправленіи чина православія съ 1749 до 1869 года, въ примѣчаніи къ вышеприведенному нами рескрипту императрицы на имя оберъ-прокурора Мелиссино о «зборномъ чиноположеніи», — пользуясь, между прочимъ, въ своемъ примѣчаніи о чинѣ православія «Пособіемъ къ изученію устава богослуженія православной церкви» соч. свящ. К. Никольскаго. Въ примѣчаніи своемъ г. Григоровичъ, между прочимъ, замѣтилъ: «Это священнодѣйствіе (чинъ православія) испытало, безъ сомнѣнія, въ осьмисотлѣтній періодъ времени, разныя мѣстныя дополненія и перемѣны, *сущность которыхъ и значеніе до половины XVIII в. за неимѣніемъ коллекцій списковъ епархіальныхъ «Чиновниковъ» остается пока не обсмѣдованною.* Въ 1872 году, въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей» (№ 10-й) сопоставлено содержаніе нынѣшняго чина православія съ отпечатанными синодиками въ Вивліювикѣ и повторены сообщенныя г. Григоровичемъ свѣдѣнія объ измѣненіи чина православія съ 1749 года. — Вотъ почти и все, что было извѣстно въ литературѣ нашей относительно исторіи чина православія въ Русской церкви¹⁾. Въ виду такихъ-то печатныхъ пособій и указаній литературы касательно «Чиновъ православія» Русской церкви, о. Никольскій пришелъ къ мысли предпринять историческое изслѣдованіе о чинѣ православія. На это предпріятіе и могъ съ надеждами на успѣхъ рѣшиться только такой церковный археологъ и литургистъ, какъ г. Никольскій. Онъ десятки лѣтъ занимается съ усердіемъ и постоянствомъ въ области специальной богословской науки, называемой *Литургикой*, сливающейся въ своемъ содержаніи съ Церковною Археологіею. Въ числѣ весьма не многихъ русскихъ специалистовъ, изслѣдующихъ область Литургики и Церковной Археологіи, о. Никольскій занимаетъ теперь едва ли не первое мѣсто. Кромѣ мелкихъ статей²⁾, онъ издалъ пользующіея вполне заслуженною из-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ печатныхъ каталогахъ и описаніяхъ древнихъ рукописей есть еще указанія на «Синодики»; но, эти указанія нисколько незнакомятъ читателей ихъ съ исторіею чина православія.

²⁾ Намъ извѣстна статья о. Никольскаго, археологическаго содержанія,

вѣстностію и имѣющіе значеніе руководственныхъ и образцовыхъ по Литургикѣ сочиненій труды подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе богослужебныхъ книгъ», Спб. 1-е изд. 1864 г.; 2-е изд. 1868; «Пособіе къ изученію устава богослуженія православной церкви» (1-е изд. 1862; 2-е изд. 1865; 3-е изд. 1873) и «Объ антимирахъ православной Русской церкви», 1872 г. — Въ этихъ сочиненіяхъ обнаруживаются обширныя свѣдѣнія автора по Литургикѣ. Ему близко знакомы всѣ чины богослуженія Православной церкви не только по современнымъ богослужебнымъ книгамъ, но по старопечатнымъ, греческимъ и славянскимъ, и по стариннымъ рукописямъ. При обширныхъ знаніяхъ литургики о. Никольскій понималъ и зналъ, что въ нашей литературѣ существуетъ пробѣлъ въ отношеніи исторіи чина православія. Какъ опытный изслѣдователь и ученый, онъ могъ изъ области специальной богословской науки избрать специальнѣйшую тему для своего изслѣдованія и зналъ — гдѣ и какъ отыскивать и приобрѣтать матеріалы для историческаго изученія чина православія. Онъ долженъ былъ отыскивать эти матеріалы по указаніямъ и даже намекамъ въ печати, по каталогамъ библиотекъ, печатнымъ и рукописнымъ, по личнымъ справкамъ и поискамъ въ архивахъ и библиотекахъ. Ему нужно было входить въ личныя и письменныя сношенія съ лицами, живущими въ разныхъ городахъ Россіи, для разъясненія — нѣтъ ли списковъ синодиковъ въ той или другой библиотекѣ. Получивъ справку или извѣстіе о томъ, что въ известной библиотекѣ имѣется списокъ чина православія или синодика, отыскиватель долженъ былъ озаботиться — или имѣть копію съ него, или получить подробное его описаніе, или просмотрѣть и изучить списокъ въ сохранившемся подлинникѣ. Все это пришлось пройти и испытать о. Никольскому при отысканіи и приобрѣтеніи списковъ съ древнихъ чинопослѣдованій въ недѣлю православія. И ревность о. Никольскаго къ отысканію и собиранію матеріаловъ для изслѣдованія исторіи чина православія въ Россіи увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. До сихъ поръ еще никому изъ частныхъ лицъ не удавалось собрать для изученія и въ свое распоряженіе такой «коллекціи» списковъ съ древнихъ русскихъ синодиковъ и чинопослѣдованій

напечатанная въ IX томѣ (1879 года) «Извѣстій С.-Петербургскаго Археологическаго Общества» подъ заглавіемъ: «Триумфальныя ворота въ Москвѣ у Казанскаго собора, устроенныя св. синодомъ въ царствованіе Петра I и Елизаветы Петровны».

на недѣлю православія, какая накопилась у о. Никольскаго, какъ видно изъ его книги. Ему посчастливилось достать до 12-ти рукописныхъ списковъ древнихъ синодиковъ и чиновослѣдованій изъ библиотекъ: синодальной (въ С.-Петербургѣ), патриаршей и типографской (въ Москвѣ), соловецкой (въ Казани) и софійской (въ С.-Петербургѣ) и изъ синодальнаго архива. О бѣльшей части этихъ списковъ не имѣлось ни малѣйшихъ указаній и даже намековъ въ печати. Никольскій въ своей книгѣ поставилъ ихъ въ извѣстность ученому міру. Конечно, имѣются и еще въ нашихъ книгохранилищахъ списки древнихъ синодиковъ, которые не имѣлись въ виду о. Никольскаго и съ которыми онъ могъ бы ознакомиться такъ или иначе и по указаніямъ печатнымъ. Такъ онъ опустилъ изъ виду сдѣланныя Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Румянцевскаго Музеума» (1839, стр. 571—572) указанія на «выписи изъ Софійскаго синодика», подлинникъ котораго былъ писанъ въ 1532 (7040) г., и на синодикъ 1635 года, который былъ списанъ «съ престарѣлыя ветхія литѣи», въ которой имена всероссійскихъ митрополитовъ доведены были лишь до св. Алексѣя (+1378). Не упомянуть также въ книгѣ о. Никольскаго «синодикъ уставный XVIII вѣка, 23 листа», о которомъ археологъ Строевъ въ описаніи «Рукописей славянскихъ и русскихъ, принадлежащихъ Царскому» замѣтилъ: «Заглавіе: «Сборное дѣяніе святаго вселенскаго седмаго собора». Синодикъ сборнаго воскресенія, т. е. первыя недѣли поста, временъ Императрицы Елизаветы Петровны, противъ стариннаго (См. Древн. Вивліое. VI. 420) гораздо короче». — Оставленъ безъ просмотра и изученія о. Никольскимъ синодикъ XVI в., хранящійся въ Императорской Публичной библиотекѣ (Сборникъ въ Древлехранилищѣ Погодина № 1596) и указанный въ печатномъ «Описаніи рукописей библиотеки» (во 2-мъ выпускѣ, стр. 285, изданномъ, впрочемъ, послѣ появленія въ печати книги о. Никольскаго), составленномъ А. Ѳ. Бычковымъ. Мы раздѣляемъ мнѣніе о. Никольскаго (см. его Предисловіе стр. III—IV), что, безъ сомнѣнія, находятся въ библиотекахъ и въ рукахъ частныхъ лицъ и еще списки старыхъ синодиковъ. Но полагаемъ также, что г. Никольскому удалось собрать для своего изслѣдованія списки, относящіеся ко всѣмъ указаннымъ нами выше категоріямъ редакцій древнерусскихъ синодиковъ, и едва ли отыщется кѣмъ нибудь такой списокъ, который бы нельзя было подвести подъ которую нибудь изъ указанныхъ категорій. Конечно, всякій вновь отысканный древній списокъ синодика — можетъ имѣть то или

другое значеніе для объясненія исторіи чина православія; но думается, что дѣйствительнымъ приобрѣтеніемъ для науки и существеннымъ дополненіемъ къ указаннымъ о. Никольскимъ спискамъ древнерусскихъ синодиковъ былъ бы только списокъ съ синодика, употреблявшася въ Россіи до XIV вѣка и не измѣннаго подъ вліяніемъ Кипріановской редакціи. Находка такого списка была бы открытіемъ въ исторіи памятниковъ русской письменности.

Употребивъ много усилій и стараній на отысканіе рукописныхъ синодиковъ и чиновъ православія, о. Никольскій съ полною заботливостію ознакомился и съ печатными чинами православія, какъ помѣщенными въ тріодяхъ XVII вѣка, такъ и изданными въ XVIII в. въ Вивлюеникѣ и по благословенію св. Синода. По видимому, ему не удалось видѣть изданія Копыстенскаго, о которомъ Снегиревъ замѣтилъ, что оно — «весьма рѣдкая книга». Не безъизвѣстны о. Никольскому и греческіе чины православія, напечатанные въ тріодяхъ разныхъ изданій.

Ревностно собирая «чины православія», о. Никольскій напелъ для себя возможнымъ отыскать и изучить дѣла синодальнаго архива, изъ которыхъ онъ могъ извлечь и дѣйствительно извлекъ весьма цѣнные матеріалы для историческаго изслѣдованія избраннаго имъ предмета, также, какъ и многіе отысканные имъ чины православія, остававшіеся доселѣ не извѣстными и не подвергнутыми научной разработкѣ.

И такъ о. Никольскимъ собрано весьма много цѣнныхъ матеріаловъ, до него малозвѣстныхъ и, большею частію, во все неизвѣстныхъ въ печати, скрывавшихся въ рукописяхъ библиотекъ и въ дѣлахъ синодальнаго архива. Количество собранныхъ имъ таковыхъ матеріаловъ такъ значительно, что ими могла бы наполниться цѣлая книга, равная по объему изданному о. Никольскимъ изслѣдованію или превышающая его. Матеріалы эти имѣютъ цѣнность не только для историческаго изслѣдованія чина въ недѣлю православія, но и для другихъ сторонъ и частей исторіи церковной и гражданской. Одно сообщеніе такихъ матеріаловъ было бы заслугою о. Никольскаго предъ русскою наукою. Но о. Никольскій *значительной* части собранныхъ имъ матеріаловъ придалъ научную форму, поставилъ ихъ во взаимную связь, изложилъ ихъ содержаніе въ исторической послѣдовательности, сопоставилъ многіе историческіе факты и явленія, о которыхъ говорится въ нихъ, въ связь съ однородными, историческими событіями и явленіями предъидущими, современными имъ и по-

слѣдующими за ними, подобралъ и представилъ ко многимъ изъ нихъ историческія объясненія и т. п. Собраннымъ матеріаломъ авторъ воспользовался въ своемъ изслѣдованіи въ разныхъ видахъ: часть ихъ онъ описалъ, часть помѣстилъ въ видѣ извлеченій въ текстѣ и примѣчаніяхъ книги, частію дѣлаетъ на собранные имъ матеріалы ссылки и нѣчто изъ нихъ напечаталъ въ приложеніи. Однако о. Никольскій воспользовался для своего изслѣдованія не всѣмъ собраннымъ имъ матеріаломъ и, при томъ, не такъ, чтобы книга его не заставляла ея читателя или рецензента желать и ожидать отъ нея большаго, чѣмъ сколько въ ней содержится изъ собранныхъ и указанныхъ о. Никольскимъ синодиковъ и чиновъ православія. Читатель изслѣдованія о. Никольскаго, встрѣчая на большей части страницъ его книги сообщенія о рукописныхъ матеріалахъ, извлеченія изъ нихъ, ссылки, — также свѣдѣнія о фактахъ, о которыхъ говорится въ сообщеніяхъ и т. д., почти постоянно чувствуетъ въ себѣ потребность — въ просмотрѣ сообщеній автора по подлиннымъ документамъ, изъ которыхъ авторъ извлекъ свои сообщенія. Такая потребность пробуждается и поддерживается во время чтенія книги о. Никольскаго не вслѣдствіе недовѣрчивости или подозрительности къ автору, но вслѣдствіе новости и малоизвѣстности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній и указаній, вслѣдствіе отсутствія въ печати тѣхъ чиновъ, о которыхъ пишется книга, вслѣдствіе интереса и ученаго любопытства, возбуждаемаго матеріалами, которыми пользовался авторъ, и вслѣдствіе желанія — получить такъ сказать наглядную и документальную убѣдительность въ достовѣрности сообщеній автора.

Рецензентъ же книги о. Никольскаго поставленъ ея авторомъ въ весьма затруднительное положеніе. Рецензенту необходимо провѣрить то, что пишетъ авторъ, убѣдиться во-очію въ правильности отношеній автора къ матеріаламъ, которыми онъ пользовался, и критически отнестись къ приѣмамъ его изслѣдованія, къ выводамъ и результатамъ, имъ сдѣланнымъ изъ новыхъ матеріаловъ. Между тѣмъ книга о. Никольскаго, основанная на неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ матеріалахъ, не даетъ рецензенту возможности провѣрить автора въ его изслѣдованіи по самымъ матеріаламъ. Авторъ изслѣдованія оказался скупъ на приложения къ книгѣ отысканныхъ и изученныхъ имъ древнихъ чиновъ православія. Изъ всѣхъ чиновъ онъ помѣстилъ въ своей книгѣ единственный — Кіево-черниговскій, неизвѣстно кѣмъ составленный, по своему происхожденію — не древнѣе XVIII вѣка — и въ

исторіи чиновъ православія имѣвшій значеніе несравненно меньшее противъ большей части тѣхъ, которыми пользовался о. Никольскій. Но о. Никольскій не сочолъ возможнымъ для себя издать при своей книгѣ ни одного чина XVI и XVII вѣковъ. Сравнительное изданіе чиновъ XVI и XVII вѣковъ не только облегчило бы трудъ рецензента книги о. Никольскаго въ ея оцѣнкѣ, не только удовлетворяло бы вышеуказанной потребности читателей ея, но возвысило бы и научную цѣнность самаго изслѣдованія. Эта цѣнность, конечно, могла бы возвыситься и матеріальные издержки автора на изданіе книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, и расходъ книги въ обществѣ. Авторъ книги, достигнувъ чести представить въ нашей литературѣ *первый* опытъ историческаго изслѣдованія о чинѣ православія, добровольно самъ себя лишилъ, быть можетъ, чести быть *первымъ* издателемъ такихъ древнихъ синодиковъ, рукописные списки которыхъ онъ первый изучилъ, указалъ ученому міру и описалъ въ своей книгѣ. Это лишеніе должно быть довольно чувствительно для ученаго самолюбія автора.

Настроеніе читателя книги о. Никольскаго мною было испытано вскорѣ послѣ появленія ея въ свѣтъ. Положеніе рецензента ея почувствовано мною послѣ приглашенія Академіи наукъ представить ей критическій разборъ изслѣдованія. Я рѣшился принять на себя лестное для меня порученіе Академіи наукъ только въ надеждѣ, что и Академія и другія учрежденія откроютъ мнѣ возможность — ознакомиться съ тѣми матеріалами, которыми пользовался авторъ изслѣдованія. Я не обманулся въ этой надеждѣ. По моей просьбѣ, академикъ К. С. Веселовскій выписалъ для меня чрезъ Академію наукъ изъ патриаршей бібліотеки два списка рукописныхъ синодиковъ — древнѣйшій изъ существующихъ — Киприановскій, названный г. Снегиревымъ «Троичною книгою», а о. Никольскимъ — «Троицкою», — и дополнительный къ печатному въ тріоди XVII вѣка (не бывшіе подъ руками о. Никольскаго¹⁾). Академикъ А. Ѳ. Бычковъ пожертвованіемъ мнѣ втораго выпуска «Описанія рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной бібліотеки» открылъ мнѣ возможность узнать о существованіи въ

¹⁾ «Троичною книгою» о. Никольскій пользовался, но не въ оригиналѣ, а въ копіи, для него снятой. А это далеко — не одно и тоже. Личный осмотръ книги устранилъ бы нѣкоторые невѣрные сужденія о ней о. Никольскаго.

ней списка синодика XVI вѣка и, потомъ, доступъ къ осмотру и изученію этого списка, оставшагося неизвѣстнымъ о. Никольскому. Академикъ А. Н. Веселовскій подарилъ мнѣ «Старообрядческій Синодикъ», сообщенный Академіи наукъ А. Н. Пынинимъ и изданный ею въ апрѣлѣ текущаго 1880 года. Библіотекаръ С.-Петербургской духовной академіи А. С. Родосскій доставилъ мнѣ удобства осмотрѣть и изучить рукописные синодики софійской бібліотеки, которые описаны въ книгѣ о. Никольскаго на стр. 26—29; а начальникъ архива и бібліотеки св. Синода Н. И. Григоровичъ оказалъ мнѣ содѣйствіе при собраніи, для моего знакомства и изученія, всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался о. Никольскій, при составленіи своего изслѣдованія, въ архивѣ и бібліотекѣ св. Синода.—Благодаря просвѣщенному вниманію упомянутыхъ лицъ, я могъ собрать въ свое распоряженіе при составленіи рецензіи на книгу о. Никольскаго не только всѣ тѣ матеріалы, которыми онъ пользовался при своемъ изслѣдованіи, но и такіе, которыхъ не имѣлъ подъ руками и самъ авторъ. Вслѣдствіе такого обладанія матеріаловъ, къ собиранію которыхъ побудилъ меня недостатокъ приложеній при книгѣ о. Никольскаго, съ моей стороны могутъ быть заявлены къ его сочиненію такія требованія, которыя могли бы быть предъявлены и не къ *первому* только опыту историческаго изслѣдованія, но и къ послѣдующимъ за нимъ (если бы только они явились), для которыхъ указаны о. Никольскимъ матеріалы, содержаніе и дорога.

Первое требованіе, которое могло бы быть предъявлено къ книгѣ о. Никольскаго, состоитъ въ томъ, что его изслѣдованіе должно бы быть поставлено на такихъ основаніяхъ, на которыхъ содержаніе его могло бы быть несравненно полнѣе, а вслѣдствіе того, и научное значеніе его шире, чѣмъ какъ то и другое представляется въ настоящемъ составѣ сочиненія.—Дѣло въ томъ, что о. Никольскій излагаетъ исторію чина православія, какъ литургистъ и какъ археологъ церковный. Но исторія чиновъ православія имѣетъ значеніе, по своему содержанію, не только въ области литургики и церковной археологій, но въ исторіи византійской и русской-церковной и гражданской, — объ этомъ мы уже говорили выше, — а также и въ области церковнаго права — о чемъ мы еще не говорили, но должны сказать нѣсколько словъ въ виду заявленнаго нами требованія въ книгѣ о. Никольскаго. Какъ литургистъ, о. Никольскій слѣдитъ въ исторіи чиновъ православія за тѣмъ, что въ нихъ содержалось, какъ содержаніе измѣнялось,

что въ нихъ вносилося, въ какой формѣ, — и объясняетъ содержаніе ихъ историческими указаніями и свѣдѣніями. Но съ точки зрѣнія церковнаго права желательно было бы знать наприимѣръ: — кто имѣлъ право и власть въ то или другое время вносить въ синодикъ и исключать изъ него статьи объ анаеѣматствованіи или о вѣчной памяти; какія условія требовались для внесенія таковыхъ статей; какія послѣдствія были для положенія внесеннаго въ статью объ анаеѣматствованіи лица въ церкви, обществѣ и государствѣ и т. п. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги о Никольскаго можно встрѣчать нѣкоторые указанія и отвѣты на означенные и имъ подобныя вопросы; но эти указанія и отвѣты дѣлаются мимоходомъ, не въ такой полнотѣ и не съ такою опредѣленностію, въ какой желательно правовѣду. Со стороны церковнаго права можно, на основаніи содержанія чиновъ православія, требовать отъ изслѣдователя исторіи этихъ чиновъ разрѣшенія вышеуказанныхъ вопросовъ; историки церковные и гражданскіе, на томъ же основаніи, могутъ задавать изслѣдователю о чинѣ православія другіе вопросы, отвѣтовъ на которые не находится въ книгѣ о Никольскаго. Правда, если бы о Никольскій въ своемъ изслѣдованіи могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, какія могутъ, по поводу его сочиненія, предъявлены къ нему канонистами и историками; то онъ тогда не былъ бы литургистъ и археологъ. Весьма достаточнымъ извиненіемъ и оправданіемъ его въ такой постановкѣ его сочиненія, въ какой оно издано, служить именно то, что оно написано литургистомъ и археологомъ. Но, во всякомъ случаѣ, для церковнаго правовѣда и для историковъ о Никольскій оказалъ бы услугу, если бы онъ открылъ имъ возможность пользоваться для ихъ наукъ чинами православія посредствомъ приложеній ихъ къ своей книгѣ.

Второе наше требованіе отъ книги о Никольскаго касается ея названія. Авторъ назвалъ свою книгу — «Анаеѣматствованіе (отлученіе отъ церкви) совершаемое въ первое недѣлю великаго поста» и это названіе поясняетъ на оберткѣ книги словами: «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія». Итакъ о Никольскій далъ названіе «Анаеѣматствованіе» своему «историческому изслѣдованію о чинѣ православія». Названіе «Анаеѣматствованіе» показываетъ, что главное содержаніе его книги — изслѣдованіе объ анаеѣматствованіяхъ. Дѣйствительно, значительнѣйшая часть сочиненія (изъ пяти главъ, на которыя оно дѣлится, три, — изъ IV + 314 страницъ 194-ре, значить почти двѣ трети книги) занята изслѣдованіемъ о

той части чиновъ православія, въ которой содержатся анаеоматствованія; въ продолженіе чтенія всей книги автора поддерживается вниманіе читателя къ анаеоматствованіямъ. — Но «анаеоматствованія» не составляютъ исключительнаго содержанія чиновъ православія; понятія «чинъ православія» и «анаеоматствованіе» далеко не покрываютъ себя,—выражаемся языкомъ школьной логики,—взаимно ни по своему содержанію, ни по своему объему; «анаеоматствованіе» является въ *чинахъ* православія *однимъ* изъ *семи*, а въ древнихъ синодикахъ — изъ *пяти* равночленныхъ ему предметовъ, изъ которыхъ состоитъ цѣльное содержаніе всего чиноположенія, — такъ какъ въ содержаніи его, какъ мы видѣли, равностепенное съ «анаеоматствованіями» положеніе занимаютъ: молебное пѣніе, канонъ, предисловіе синодика, статьи вѣчной памяти, многолѣтіе и заключительная молитва. Въ виду всего этого, если авторъ составляетъ «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія» и даетъ ему названіе «Анаеоматствованіе», — то значитъ, что онъ названіе *цѣлаго* предмета означаетъ названіемъ, соотвѣтствующимъ только одной его *части*, — иначе говоря, — поступаетъ нелогично. — Правильнѣе бы авторъ поступилъ, если бы онъ назвалъ свою книгу «Исторіею чина православія въ Русской церкви» и, если ему хотѣлось указать на содержаніе значительнѣйшей части своей книги, — то могъ бы прибавить: — «съ особеннымъ вниманіемъ къ анаеоматствованіямъ въ историческомъ развитіи чина православія.» — Авторъ, быть можетъ, избралъ названіе для своей книгѣ въ виду того, что нынѣ употребляемый въ Русской церкви чинъ православія, составленный, какъ мы видѣли, кievскими учеными, которые всегда были не чужды въ своихъ воззрѣніяхъ оттѣнка западно-католическаго, производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе на слушателей анаеоматствованіями, чѣмъ другими своими частями, и заключаетъ въ себѣ въ три раза большее число статей съ анаеомою (12-ть), чѣмъ статей вѣчной памяти (4-ре). Но во первыхъ, главная суть въ чинослѣдованіяхъ православія — въ торжествѣ его, а не въ анаеомѣ, — и во вторыхъ — въ древней Россіи наибольшее значеніе въ жизни народа и церкви имѣли тѣ статьи синодика, въ которыхъ возглашались вѣчная память и многолѣтіе и указывались обряды молебнаго пѣнія. Авторъ же разбираемаго сочиненія, издавая ученое *историческое* изслѣдованіе о чинѣ православія, въ названіи «Анаеоматствованіе», данномъ ему, обнаружилъ въ нѣкоторой степени не надлежащую податливость впечатлѣніямъ, получаемымъ массою, и этимъ самымъ чрезъ свою книгу можетъ поддерживать невѣрное, но, къ сожалѣ-

нію, распространенное въ нашемъ обществѣ убѣжденіе ¹⁾, что главная суть чина православія и состоитъ въ анаемѣ. — Неприятное впечатлѣніе, производимое названіемъ книги о. Никольскаго — быть можетъ — оригинальнымъ, но рѣзкимъ для глазъ и слуха, сглаживается, при чтеніи ея, въ нѣкоторой степени тѣмъ, что въ ней заключается, кромѣ анаематствованій, изложеніе какъ общей исторіи чина православія, такъ и другихъ составныхъ частей чиноположенія (молебнаго пѣнія, многолѣтій и заключительной части синодика), — и еще тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги (напр. въ предисловіи) обнаруживается если не прямо, то косвенно, сознание автора въ неудачномъ выборѣ имъ имени своему труду. — Упрекая о. Никольскаго за названіе его книги, быть можетъ, подъ влияніемъ нашихъ личныхъ научныхъ изслѣдованій о чинѣ православія ²⁾, мы считаемъ нужнымъ оговориться, что названіе, данное имъ ученому историческому изслѣдованію, можетъ имѣть прак-

¹⁾ Такъ и поняли нѣкоторые свѣтскіе писатели, какъ напр. г. Лѣсковъ, написавшій на книгу о. Никольскаго рецензію въ «Новомъ Времени», 1880, № 1446.

²⁾ Получивъ незадолго предъ недѣлю православія порученіе отъ Академіи Наукъ — представить ей критическій разборъ сочиненія о. Никольскаго, я, ознакомившись съ древними русскими синодиками, нашелъ полезнымъ подвергнуть себя впечатлѣніямъ отъ совершенія чина православія въ текущемъ году въ С.-Петербургскомъ Исаакіевскомъ соборѣ. Отдавая себѣ отчетъ въ полученныхъ мною впечатлѣніяхъ, я нашелъ, что въ совершеніи чина православія въ томъ видѣ, въ какомъ оно происходило въ 1880 году въ Исаакіевскомъ соборѣ, дѣйствительно придается большее значеніе анаематствованіямъ, чѣмъ другимъ частямъ чинопоследованія: чтеніе молитвы было почти вовсе не слышно, объясненіе существа торжества читалось гораздо тише, чѣмъ статьи съ анаематствованіями, — пѣніе же «анаемны» выдѣлялось изъ всѣхъ частей церковной службы особенною напѣва (и едва ли не исключительнаго). Не такъ было въ древней Россіи... Въ древнихъ синодикахъ стоятъ на поляхъ отмѣтки противъ статей чинопоследованія, указывающія — какъ слѣдовало произносить ту или другую статью. Отмѣтки эти — слѣдующія: «возгласъ», «равно», «повыше», «пониже», «средней» или «свѣга» (переводъ греческаго — ἔξω — громко), «большая статья», «средняя статья». Изъ этихъ замѣтокъ въ синодикахъ можно вывести наблюденіе, что съ болѣею торжественностію и громогласностію въ древней Россіи произносились такіе части синодика, въ которыхъ объяснялось существо торжества и излагались статьи «вѣчной памяти» и «иноголѣтія». — Кромѣ того, послѣ выслушанія древнихъ синодикомъ воспроизводились въ памяти и сознаніи слушателей историческіе моменты судебъ отечества и церкви; а въ нынѣшнемъ чинѣ православія не осталось и слѣдовъ того содержанія синодикомъ, которымъ они благотворно дѣйствовали на слушателей.

тическое значеніе¹⁾, при возможномъ пересмотрѣ чина православія компетентною церковною властію, если только этотъ пересмотръ будетъ основываться не на канцелярскихъ справкахъ, а на ученыхъ изслѣдованіяхъ, въ числѣ которыхъ книга о. Никольскаго, во всякомъ случаѣ, будетъ занимать *первое* мѣсто по богатству своего содержанія относительно предмета и по ученымъ заслугамъ автора въ области Литургики.

По третьему требованію мы обращаемся къ плану построения книги о. Никольскаго. — Планомъ и построениемъ своей книги авторъ, кажется, думалъ оправдать данное имъ названіе своему изслѣдованію. Но мы, съ своей стороны, находимъ, что построение книги несоотвѣтствуетъ ни требованіямъ логики, ни содержанію исторически изслѣдуемаго въ ней предмета. — Все содержаніе книги, кромѣ предисловія, распределено авторомъ въ пяти главахъ. Распределеніе это слѣдующее:

Предисловіе. Въ немъ предложенъ обзоръ русской литературы о «чинѣ православіе» и «о значеніи церковной анаеммы» (стр. I—IV).

I. Употребленіе анаеммы въ Христіанской церкви до IX вѣка (стр. 1—12).

II. Составленіе чина православія, добавленія и измѣненія въ немъ (въ Греческой церкви), печатные и рукописныя чины (въ Русской церкви) (стр. 13—52).

III. Молебное пѣніе (стр. 53—75).

IV. Синодикъ (стр. 76—271).

Предисловіе синодика (стр. 78—87).

Анаематствованія синодика (стр. 88—263).

Многолѣтія синодика (264—271).

V. Анаематствованія, произносившіяся кромѣ первой недѣли великаго поста и не внесенныя въ чинъ православія.

Приложенія: а) Объ иконѣ св. Софіи Премудрости (на верхней доскѣ переплета новгородскаго синодика). б) Кіевскій и черниговскій чинъ (т. е. чины) православія XVIII в.

Содержаніе каждой изъ обозначенныхъ главъ вполне соотвѣтствуетъ ея оглавленію.

¹⁾ Полагаемъ, что сочиненіемъ о. Никольскаго полагается твердое начало научной разработки исторіи чина православія. Научное же изслѣдованіе этой исторіи должно выяснитъ необходимость пересмотра чина православія въ видахъ примѣненія его къ настоящему состоянію церкви и составленія его въ такой формѣ, въ которой онъ яснѣе выражалъ бы сущность торжества и ближе подходилъ бы къ древнимъ синодикамъ, чѣмъ теперь.

Авторъ нигдѣ въ своей книгѣ не указываетъ основаній — почему онъ такъ, а не иначе распредѣлил по главамъ свою книгу. Послѣ предисловія, въ которомъ можно было бы ожидать указанія на основанія плана сочиненія, непосредственно, безъ всякаго перехода, слѣдуетъ изложеніе первой главы изслѣдованія. И читатель книги едва ли отыщетъ въ ея содержаніи логическое основаніе для конструкціи, данной ей авторомъ. Если авторъ предположилъ изслѣдовать въ своей книгѣ исключительно «анаематствованіе въ недѣлю православія»; то первая, третья и пятая главы или вовсе не должны занимать въ ней мѣста, или должны бы явиться въ ней, какъ дополнительные главы или въ видѣ приложений. Логическое построеніе книги о. Никольскаго, если главнымъ предметомъ ея признать изслѣдованіе объ анаематствованіи въ недѣлю православія, должно быть, примѣрно, слѣдующее:

Предисловіе.

- I. Происхожденіе анаематствованія въ недѣлю православія.
- II. Анаематствованія въ недѣлю православія.

- а) Изложеніе и измѣненія ихъ въ чинахъ православія.
- б) Содержаніе каждаго анаематствованія и историческое объясненіе его.
- в) Порядокъ и форма произношенія анаематствованій.

Приложенія.

Если авторъ включилъ первую и пятую главы въ планъ и содержаніе своей книги, которую онъ назвалъ «Анаематствованіемъ въ недѣлю православія», для полноты разъясненія избраннаго имъ предмета сравнительно съ другими видами церковной анаемы; то по тойже причинѣ читатель въ правѣ требовать отъ книги, чтобы разъяснено было въ ней употребленіе различныхъ видовъ церковной анаемы на пространствѣ всѣхъ временъ существованія церкви.

Данное о. Никольскимъ книгѣ построеніе ближе, чѣмъ требованіямъ логики, соответствуетъ существу и содержанію предмета, который имъ обозначенъ на оберткѣ словами: «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія». Содержаніе чинопослѣдованій составляютъ, какъ мы знаемъ, слѣдующія главныя части: молебное пѣніе и синодикъ. Части синодики суть: предисловіе, анаематствованія, возглашенія вѣчной памяти, многогѣтіе и заключеніе. По содержанію чинопослѣдованій, и можно бы содержаніе изслѣдованія о нихъ расположить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Предисловіе.

I. Установленіе праздника въ недѣлю православія и составленіе чина православія.

II. Измѣненія чина православія въ Константинопольской и Русской церквахъ.

III. Составныя части чина православія.

1) Молебное пѣніе.

а) Церковный ходъ и обряды.

б) Канонъ.

2) Синодикъ. Части его:

а) Предисловіе.

б) Анаеematствованія. аа) Анаеematствованіе въ церкви до IX вѣка; бб) по синодикамъ въ недѣлю православія; вв) разные виды анаеемы, употреблявшейся кромѣ недѣли православія.

в) Возглашенія вѣчной памяти.

г) Многолѣтія.

д) Заключение.

Такое построеніе, для котораго есть содержаніе въ книгѣ о. Никольскаго, хотя не для всѣхъ частей одинаково богатое (о возглашеніяхъ вѣчной памяти по синодикамъ въ книгѣ говорится очень не много), соответствуетъ, намъ кажется, не только содержанію предмета, изслѣдуемаго авторомъ, но и требованіямъ логики.—Мы увѣрены, что о. Никольскій и изслѣдовалъ свой предметъ по той программѣ, какую мы противопоставили плану его книги. Наша увѣренность основывается, во первыхъ, на содержаніи чиновъ православія, исторію которыхъ онъ занимался, и, во вторыхъ, на томъ, что слѣды этой программы остались въ данномъ книгѣ построеніи (въ томъ, что въ ней введены II и III главы и въ IV-ой главѣ отдѣлы: предисловіе синодика и многолѣтія). Но, во время своихъ занятій избраннымъ предметомъ, авторъ, быть можетъ — желая разъяснить ученымъ образомъ ту часть синодиковъ, которая производитъ въ обществѣ сильнѣйшее впечатлѣніе, и, быть можетъ, самъ подчинясь этому впечатлѣнію, остановилъ преимущественно свое вниманіе на анаеematствованіяхъ. Матеріаловъ, относящихся до историческаго происхожденія и объясненія анаеematствованій, онъ собралъ гораздо болѣе, чѣмъ для другихъ частей своего предмета, посвятилъ анаеematствованіямъ значительнѣйшую часть своей книги и, задавшись мыслію назвать книгу «анаеematствованіемъ»,

старался размѣстить отдѣльныя части ея такимъ образомъ, чтобы вѣншимъ построениемъ книги оправдывалось ея названіе; но, при этомъ, онъ не могъ оставить безъ изданія въ свѣтъ и другихъ частей своей работы, которыми онъ занимался по указанію содержанія предмета или, что тоже, по указанной нами выше программѣ. Такимъ образомъ и вышло какъ бы раздвоеніе и въ названіи книги («Анаѳематствованіе» и «историческое изслѣдованіе о чинѣ православія»), и въ ея построеніи.

Предъявивъ *общія* требованія къ книгѣ о. Никольскаго, переходимъ къ разсмотрѣнію составныхъ ея *частей*.

Въ *предисловіи* (стр. I—IV) къ своей книгѣ авторъ представляетъ перечень брошюръ и журнальныхъ статей изъ русской литературы, относящихся до предмета его изслѣдованія, съ указаніемъ ихъ содержанія. Всѣ перечисленные имъ брошюры и статьи, какъ содержаніемъ своимъ, такъ и объемомъ, служатъ свидѣтельствомъ и доказательствомъ того, что исторія чинопослѣдованія въ недѣлю православія не обслѣдована и не извѣстна была въ нашей литературѣ. Этотъ пробѣлъ и старается восполнить своею книгою о. Никольскій. — Перечень, представленный о. Никольскимъ въ «предисловіи», полезенъ для читателей его книги и изслѣдователей исторіи чина православія; потому что отысканіе перечисленныхъ брошюръ и статей, въ случаѣ надобности пересмотра ихъ, за недостаткомъ указателей, затруднительно. Впрочемъ, перечень о. Никольскаго нельзя назвать полнымъ. Такъ въ немъ не упомянуты: брошюра «Анаѳематствованіе или торжество Православія» С.П.Б. 1863., которая процитирована въ извѣстномъ о. Никольскому примѣчаніи Н. И. Григоровича къ рескрипту Екатерины II о «зборномъ чиноположеніи»; книга Н. Суворова «о церковныхъ наказаніяхъ», 1876, С.П.Б., въ которой представленъ историческій очеркъ «анаѳемы», какъ церковнаго наказанія; статья въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1860 г. ч. III. стр. 367—390 подъ заглавіемъ «о церковномъ запрещеніи и разрѣшеніи» и наконецъ статья въ *Tübinger Quartalschrift*, 1846 S. 424 о значеніи установленнаго въ недѣлю православія торжества, процитированная у Hefele, *Councilengeschichte*, B. IV. Freiburg, 1860. S 103—104, но не просмотрѣнная о. Никольскимъ, вѣроятно, по той же причинѣ, по которой мы не нашли ея въ С.-Петербургскихъ библіотекахъ, т. е. вслѣдствіе отсутствія въ С.П.Бургѣ означеннаго журнала (его нѣтъ за означенный годъ даже въ библіотекѣ римско-католической дух. академіи, не смотря на то, что онъ — лучшее и старѣйшее періоди-

ческое изданіе изъ всѣхъ римско-католическихъ богословныхъ журналовъ западной Европы).

Въ *первой* главѣ (стр. 1—13) сочиненія излагается «употребленіе анаемы въ христіанской церкви до IX в.» Эта глава—вводная въ сочиненіи. Вводною она поставлена въ книгѣ по отношенію ко всему сочиненію; но, по содержанію, она служитъ историческимъ введеніемъ къ изслѣдованію объ «анаематствованіяхъ», а не о всѣхъ предметахъ, составляющихъ содержаніе чиновъ православія. Въ ней излагаются основанія, на которыхъ производилось отлученіе въ первенствующей церкви, и виды отлученія; указываются лица, которыя подвергались и которыя имѣли власть подвергать отлученію, и мѣста (собраніе вѣрующихъ) производства отлученія. Изложеніе главы—кратко, какъ и нужно для вводной части, ясно, съ указаніемъ на первоисточники, съ извлеченіями изъ нихъ и безъ промаховъ. Только поставленное авторомъ въ текстѣ (на стр. 12) замѣчаніе объ «узаконеніяхъ» относительно отлученія, имѣющихся въ Духовномъ Регламентѣ, слѣдовало бы вынести въ подстрочное примѣчаніе.

Вторая глава сочиненія (стр. 13—53), которой дано авторомъ оглавленіе: «Составленіе чина православія, добавленія и измѣненія въ немъ, печатные и рукописные чины» и въ которой изложена исторія чина православія въ Константинопольской и Русской церкви, имѣеть существенное значеніе въ изслѣдованіи о. Никольскаго и заключаетъ въ себѣ многія литературныя и историческія свѣдѣнія и указанія, въ которыхъ нуждалась наша литература, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, принесутъ пользу изслѣдователямъ разныхъ сторонъ исторической жизни Россіи и которыя на долгое время сохранятъ свою цѣнность въ наукѣ и едва ли скоро замѣнятся свѣдѣніями и сообщеніями другихъ изслѣдователей.— Эта глава состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой (стр. 13—22) излагается исторія чина въ Греческой церкви; во второй (стр. 22—53) представлена исторія его въ Русской церкви. Въ исторіи чина Греческой церкви авторомъ книги разъяснены историческія обстоятельства, основанія и матеріалы, подготовившіе составленіе и содержаніе чина православія, описано торжество возстановленія инопочитанія въ Константинополѣ въ 842 году, предложены сужденія о первоначальномъ составленіи чина православія и весьма кратко указано на дополненія, внесенныя въ чинъ послѣ времени первоначальнаго учрежденія праздника православія. Разъясненіе историческихъ обстоятельствъ, основаній и матеріаловъ, подготовив-

шихъ составленіе, учрежденіе и содержаніе чина православія, представлено авторомъ книги ясно и отчетливо. Въ сужденіяхъ своихъ о первоначальномъ составителѣ чина православія нашъ авторъ приводитъ общепринятое мнѣніе, что таковымъ составителемъ былъ константинопольскій патріархъ Меѳодій († 847), ссылаясь, при этомъ, на «Историческій очеркъ пѣснописцевъ Греческой церкви» покойнаго черниговскаго архіеп. Филарета и подкрѣпляя свою ссылку цитатами Le Quien'a Oriens Christiana и Pagi Critic. (?). — Но автору спеціальнаго сочиненія о чинѣ православія, при разрѣшеніи столь важнаго для предмета его изслѣдованія вопроса, каковъ вопросъ о первоначальномъ составителѣ изслѣдуемаго чина, по нашему мнѣнію, слишкомъ недостаточно ограничиваться одними ссылками на указанныхъ имъ писателей, — а надлежало бы войти въ самостоятельныя изысканія о предметѣ и, при этомъ, необходимо было бы обратиться къ новѣйшимъ открытіямъ сочиненій патріарха Меѳодія, сдѣланнымъ кардиналами Анжело Маемъ и Питрою (См. *Pitra, Iuris ecclesiastici Graecorum Historia et Monumenta, Romae. 1868. Т. II* р. 351—361), и въ отысканныхъ ими сочиненіяхъ поискать основаній и матеріаловъ для разрѣшенія вопроса о составителѣ первоначальнаго чина православія.

Если нашъ авторъ не воспользовался при своемъ изслѣдованіи вновь отысканными греческими матеріалами, имѣющими отношеніе къ вопросу о составителѣ первоначальнаго чина православія; то въ отношеніи къ русскимъ чинамъ православія онъ въ вновь отыскалъ столько матеріаловъ, что, благодаря его отысканіямъ, русская наука имѣетъ въ настоящее время возможность обогатиться обстоятельною исторіею чина православія въ Русской церкви. Первый опытъ этой исторіи и представленъ авторомъ во второй части второй главы его книги. Эта часть книги о Никольскаго, по нашему мнѣнію, драгоценное приобрѣтеніе для исторіи русской литургіки. Въ ней изложены такія свѣдѣнія, которыхъ до сихъ поръ мы не имѣли въ литературѣ, которыхъ нельзя найти ни въ какой другой книгѣ в которыхъ на долго пригодятся многимъ изслѣдователямъ разныхъ сторонъ исторической жизни русскаго народа. — Въ этой части авторъ сначала представляетъ историческій обзоръ употребленія синодиковъ и чиновъ православія въ Русской церкви (стр. 22—24); за тѣмъ описываетъ сохранившіеся списки синодиковъ и чиновъ (стр. 24—42); далѣе излагаетъ исторію «исправленія чина православія» (стр. 43—53) въ 1766 году и наконецъ указываетъ на перемены, сдѣланныя въ немъ въ 1840 и 1866 гг.

Въ историческомъ обзорѣ употребленія синодиковъ и чиновъ православія авторъ основывается на свидѣтельствахъ лѣтописей и историческихъ актовъ и на изученіи самыхъ списковъ синодиковъ и чиновъ, относящихся, по времени ихъ употребленія въ церкви, къ различнымъ вѣкамъ. Фактический подборъ обзора—совершенно вѣрный. Но авторъ допустилъ отъ себя одинъ выводъ изъ подобранныхъ имъ фактовъ, который невозможно признать вѣрнымъ. Выводъ этотъ — слѣдующій: «Чинъ православія, заключавшій въ себѣ эти анаѳематствованія («не право объясняющимъ слова: *Приносѣи и Приносимый*», ученію Иоанна Италя, не вѣрно объясняющимъ слова Спасителя: *Отець мой болій Мене есть*, ученію Константина Булгариса, ученію Варлаама и Акиндана»), имѣвшія значеніе во времена болѣе древнія, потерявшія его въ позднѣйшія и затѣмъ исключенныя изъ чина православія, можно почитать *самымъ древнимъ славянскимъ чиномъ православія на Руси*» (стр. 23). Не говоря о неопредѣленности указаній автора на «времена болѣе древнія» и «позднѣйшія», мы съ рѣшительностію утверждаемъ, что тотъ чинъ православія, въ которомъ заключаются *подробныя* статьи съ упомянутыми анаѳематствованіями, явился впервые въ Россіи въ печатныхъ тріодахъ XVII вѣка. И стало быть, чинъ, заключающій въ себѣ эти статьи, не можетъ быть признанъ «самымъ древнимъ славянскимъ чиномъ православія на Руси». Авторъ не можетъ указать намъ ни одного списка, который относится, по своему происхожденію, ко времени, предшествующему печатнымъ изданіямъ тріоды, и который заключалъ бы въ себѣ всѣ указанныя анаѳематствованія: въ спискахъ, употреблявшихся въ Россіи до половины XVII вѣка, нѣтъ ихъ. Кромѣ того, авторъ на стр. 31-й «полагаетъ», «что вологодскій чинъ списанъ съ *древнѣйшаго* списка»; а этотъ списокъ относится не къ той категоріи, къ которой принадлежитъ, по мнѣнію о. Никольскаго, «самый древнѣйшій чинъ». Авторомъ описываются слѣдующіе, имъ изученные, списки: московскій (XIV—XVII вв.), который называется у него «троицкою книгою», а по нашему — киприановскій, и хранится въ патриаршей библіотекѣ; три новгородскихъ (одинъ XVI и два XVII вв.), хранящихся въ софійской библіотекѣ; два—помѣщенные въ Вивліоекѣ Новикова (одинъ XIV, другой XVII в.); вологодскій и псковскій (оба XVIII в.), имѣющіеся въ синодальной библіотекѣ; соловецкій (конца XVI или начала XVII в.) — въ Казани; ростовскій (XVII в.) — въ московской типографской библіотекѣ; два архангельскихъ — въ синодальной библіотекѣ (оба XVIII в.); помѣщенный въ печатныхъ

тріюдахъ XVII в.; кievскій XVIII вѣка и чинъ, составленный, по порученію св. Синода, въ 1752 году. Изъ этихъ чиновъ — только три печатныя; а всѣ остальные изучены авторомъ по рукописямъ. — При описаніи каждаго списка, авторъ старается опредѣлить время его происхожденія, отмѣчаетъ отличительныя его особенности и, по преимуществу въ статьяхъ «анаеѣматствованій», указываетъ относительно рукописныхъ мѣсто, гдѣ онъ теперь находится, и сличаетъ содержаніе каждаго съ другими, указывая черты сходства и различія отъ нихъ. Жаль, что авторъ не подвелъ всѣ разсмотрѣнныя имъ списки подъ категоріи, на основаніи взаимнаго ихъ сходства и различія. Это опущеніе — одинъ изъ немаловажныхъ недостатковъ сочиненія автора.

На первомъ мѣстѣ между описанными о. Никольскимъ списками чиновъ православія поставленъ, по всей справедливости, московскій списокъ патріаршей библіотеки, значащійся по каталогу за № 667-мъ. Это мѣсто долженъ занимать списокъ и по древности своего происхожденія, и по важности въ исторіи чина православія въ Русской церкви, и по значенію для разныхъ отраслей русской науки. Называя списокъ троицкою книгою въ подражаніе археологу Снегиреву, о. Никольскій и описываетъ книгу словами Снегирева, но сомнѣвается въ вѣрности опредѣленія археологомъ времени происхожденія книги. Сомнѣніе свое нашъ авторъ такъ выражаетъ: «Снегиревъ хотя относитъ чинъ этотъ къ XIV вѣку или къ началу XV; но, выписывая анаеѣматствованія жидовствующимъ, осужденнымъ на соборѣ 1505 года, тѣмъ самымъ указываетъ, что чинъ принадлежитъ времени позднѣйшему, нежели начало XV вѣка, или, — прибавляетъ о. Никольскій, — въ тотъ чинъ вошли прибавленія послѣ XV вѣка» (стр. 24—25). Мы душевно сожалѣемъ, что о. Никольскому не удалось лично осмотрѣть оригинальный киприановскій синодикъ, которымъ онъ, очевидно, пользовался не въ подлинникъ, а вѣроятно въ копи, снятой для нашего автора. Нужно непосредственно видѣть «троицкую книгу», чтобы имѣть понятіе объ ея древности и постепенномъ образованіи ея состава. Книга эта — кладъ для церковныхъ археологовъ и литургистовъ. Въ ней все замѣчательно: и внѣшность ея — матеріалъ и способъ переплета, матеріалъ, на которомъ написана, способъ — какъ составлена, — и каждая строка ея какъ по содержанію, такъ и по письму. Она заслуживаетъ самаго внимательнаго и подробнаго описанія и даже фотографическаго изданія не только для исторіи чина православія, но для русской исторіи вообще — церковной и гражданской, для

археологiи, палеографiи, генеалогiи, для исторiи языка и литературы. Нужно быть опытнымъ и искуснымъ археологомъ, чтобы представить такое описанiе троицкой книги, которое бы воспроизвело ее въ надлежащемъ и ясномъ для читателя видѣ. Не обладая качествами такого археолога, мы постараемся описать ее въ формѣ, удобной для цѣлей нашей рецензiи.

Киприановскiй подлинный синодикъ написанъ весь на пергаментѣ, но неодновременно, а въ теченiе XIV—XVII вв., и многочисленными почерками въ разныя времена. Главная и первоначальная основа его состава положена почеркомъ и въ переводѣ XIV или начала XV вѣка. Эту основу составляютъ (на лл. 4—35) статьи греческаго происхожденiя (предисловіе синодика, анаематствованiя и провозглашенiя вѣчной памяти) и нѣкоторыя русскія статьи (вѣчной памяти первымъ русскимъ митрополитамъ). При первоначальномъ составленiи синодика, составныя части его раздѣлены были не записанными листами, которые оставлены были послѣ греческихъ статей анаематствованiй и «вѣчной памяти». Въ эти листы вписывались съ теченiемъ времени, по мѣрѣ надобности, новыя статьи русскаго происхожденiя. Въ пробѣлѣ, оставленный послѣ греческихъ анаематствованiй, и внесена почеркомъ начала XVI в. *русская статья объ анаематствованiи жидовствующихъ*, — единственная въ этомъ отдѣлѣ синодика, подавшая поводъ къ вышеупомянутому сомнѣнiю о. Никольскаго въ вѣрности опредѣленiя г. Снегиревымъ времени происхожденiя списка Киприановскаго синодика. Въ пробѣлѣ, оставленный послѣ греческихъ статей «вѣчной памяти», постепенно, въ теченiе XV и XVI вв., вносились русскія статьи вѣчной памяти русскимъ митрополитамъ, нѣкоторымъ епископамъ и преподобнымъ разными почерками, очевидно, большею частiю по смерти каждаго изъ нихъ, — также русскимъ князьямъ и царямъ; статьи же о пострадавшихъ и убиенныхъ въ разныя походы и въ нашествiя непрiятелей вносились большею частiю послѣ окончанiя событiй, во время которыхъ убиты были заносимые въ синодикъ. Оставленныхъ при первоначальномъ составленiи книги бѣлыхъ листовъ для внесенiя въ синодикъ новыхъ статей оказывалось, съ теченiемъ времени, недостаточно; поэтому вклеивались или прилагались въ отдѣлъ новые листы. При этомъ иногда нужно было вносить ихъ между такими страницами, на которыхъ написана одна и таже статья. Для правильнаго размѣщенiя статей въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, окончанiе статьи, перенесенной на страницу, предъ которою вклеивались новые листы, соскаблива-

лось и переписывалось на вновь вклеенный листъ, на которомъ продолжалось внесеніе въ синодикъ новыхъ статей. — Вслѣдствіе описаннаго порядка внесенія въ синодикъ новыхъ статей, оказалось, что онъ написанъ болѣе, чѣмъ 15-ю разными почерками. На нѣкоторыхъ листахъ написаны статьи 3-мя—двумя почерками; на листѣ 39-мъ 6-ю, а на лл. 50—51-мъ 7-ю почерками (статьи вѣчной памяти русскимъ митрополитамъ и князьямъ). Статьи многолѣтія и заключительная молитва синодика помѣщены, для удобства прочтенія ихъ святителемъ при Богослуженіи, въ началѣ книги; почеркъ письма ихъ XVI вѣка. Имена «Михаила Ѳедоровича» и «митрополита Діонисія», которыя значатся въ первой статьѣ многолѣтія, написаны на подчисткахъ; замѣтно, что подчистки эти производились не одинъ разъ, но послѣ нѣсколькихъ личныхъ перемѣнъ на царскомъ престолѣ и митрополичьей каедрѣ.

Изъ сдѣланнаго нами описанія можно вывести предположеніе, что если бы о. Никольскому посчастливилось лично осмотрѣть Кипріановскій синодикъ въ оригиналѣ, — то онъ, безъ сомнѣнія, не допустилъ бы сомнѣнія на счетъ опредѣленнаго г. Снегиревымъ времени происхожденія синодика. Можно также думать, что о. Никольскій, послѣ сличенія того же синодика съ двумя старѣйшими софійскими синодиками, имъ изученными, убѣдился бы, что древнѣйшій изъ нихъ есть списокъ съ того «праваго царегородскаго» синодика, который, по словамъ о. Никольскаго (стр. 22), основаннымъ на историческомъ документѣ, посланъ былъ митрополитомъ Кипріаномъ псковскому духовенству между 1392—1395 годами; а позднѣйшій (1636 г.), какъ извѣстно и о. Никольскому (стр. 28), списанъ съ старѣйшаго. — Убѣдился бы нашъ авторъ, также подъ условіемъ сличенія съ Кипріановскимъ синодикомъ, что и напечатанный въ Вивлюенкѣ подъ № 1-мъ синодикъ есть буквальный списокъ съ кипріановскаго оригинала, но съ опущеніемъ статьи многолѣтія и молитвы и съ пропускомъ одной безграмотной статьи, внесенной въ оригиналъ въ XVII вѣкѣ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти 16-ти лицамъ, вовсе незаслуживавшимъ помѣщенія въ синодикъ (изъ семейства какого-то Хабарова). — Убѣдившись въ достовѣрности приведенныхъ фактовъ, нашъ авторъ, полагаемъ, отнесъ бы всѣ четыре указанные списка къ категоріи или серіи списковъ кипріановской редакціи.

Сличая списки кипріановской редакціи съ другими списками синодиковъ, изученными о. Никольскимъ, мы находимъ, что описанные имъ (на стр. 32—33) списки: соловецкій (въ Казани) и рос-

товскій (типографской библіотеки), равно и имѣющіеся въ публичной библіотекѣ, не осмотрѣнный авторомъ, составляютъ особую серію списковъ, въ которыхъ сохранились остатки древнѣйшей редакціи употреблявшагося въ Россіи синодика и которые подверглись дополненіямъ въ греческомъ отдѣлѣ подъ вліяніемъ кипріановскаго синодика. — Остальные, разсмотрѣнные о. Никольскимъ, рукописные списки синодика (а именно: два архангельскихъ, соборный московскій чиновникъ составленный коломенскимъ епископомъ Гавріиломъ, равно хранящіеся въ синодальной библіотекѣ вологодскій и псковскій, за исключеніемъ кіевскаго, «неимѣющаго ничего общаго» съ прочими чинами) самъ онъ находитъ, что они—тѣже, которые находились въ печатныхъ тріодахъ». Т. е., по нашему, они составляютъ категорію списковъ распространенной редакціи греческаго синодика и изъ этой категоріи выдѣлившійся рядъ списковъ сокращенной редакціи (о чемъ мы говорили выше), появившейся послѣ изданія печатныхъ тріодей XVII вѣка ¹⁾).

Не смотря на сдѣланныя нами указанія касательно описанія о. Никольскимъ разсмотрѣнныхъ имъ синодиковъ, многочисленныя замѣчанія его, имѣющіяся въ описаніи, могутъ служить весьма полезнымъ и ничѣмъ незамѣнимымъ пособіемъ при дальнѣйшей разработкѣ исторіи чина православія въ Русской церкви.

Исторія «исправленія чина православія» съ 1749 по 1869-й годъ изложена авторомъ такъ ясно, полно, обстоятельно и занимательно, что лучшаго ни желать, ни требовать нельзя. Почти весь матеріалъ, послужившій автору содержаніемъ для изложенія этой исторіи, извлеченъ имъ изъ дѣлъ архива св. синода и обработанъ весьма внимательно. Авторъ воспользовался этимъ матеріаломъ съ такою полнотою, послѣ которой едва-ли остается для будущихъ изслѣдователей возможность извлечь изъ него что нибудь, опущенное о. Никольскимъ. Будущимъ изслѣдователямъ онъ указалъ здѣсь — какіе неизвѣстные теперь списки русскихъ синодиковъ можно впредь отыскивать. Эти указанія изложены авторомъ въ перечнѣ экземпляровъ и списковъ чина православія, представленныхъ въ 1766-мъ г. изъ разныхъ установленій въ св. синодъ. Этотъ перечень составленъ авторомъ (стр. 48—49) на основаніи рапортовъ св. синоду тѣхъ

¹⁾ Къ распространенной редакціи относятся: новгородскій № 1060, архангельскіе списки и находящіеся въ постныхъ тріодахъ; къ сокращенной—помѣщенный въ Вивлюиокѣ подъ № 2-мъ, чинъ еп. Гавріила, вологодскій и псковскій, невѣрно о. Никольскимъ помѣщенный подъ № 45 по каталогу библіотеки, въ которомъ онъ записанъ подъ № 62.

установленій, отъ которыхъ были представлены списки чина православія. Въ перечнѣ своемъ о. Никольскій далъ задачу, выполнение которой лежитъ на обязанности будущихъ изслѣдователей исторіи чина православія въ Русской церкви.

Третья глава книги о. Никольскаго (стр. 53—75), содержаниемъ и оглавлениемъ которой служитъ «молебное пѣніе», — какъ составная часть чинопослѣдованія въ недѣлю православія, — ни въ чемъ почти не уступаетъ, по своимъ ученымъ достоинствамъ, изложенной авторомъ исторіи «исправленія чина православія». Почти вся эта глава — новость въ литературѣ литургіки. Въ ней авторъ, на основаніи трехъ рукописныхъ чиновъ, также чиновъ напечатанныхъ въ постныхъ тріодахъ XVII в., которые составляютъ теперь библиографическую рѣдкость, и патриаршихъ чиновниковъ XVII вѣка, сначала изображаетъ обряды, содержаніе и порядокъ молебнаго пѣнія, совершавшагося до 1756 года; за тѣмъ занимается изслѣдованіемъ канона, входившаго въ составъ этого молебна: указываетъ его содержаніе, рассматриваетъ вопросъ о времени его происхожденія и о составителѣ его и сообщаетъ, въ поясненіе содержанія канона, историческія свѣдѣнія о лицахъ, въ немъ упомянутыхъ. Изображеніе обрядовъ и порядка молебна представлено авторомъ съ такою полнотою и внимательностію, къ какой способны только литургисты и археологи. Подробности, сообщаемыя авторомъ въ этомъ изображеніи, являются дополненіемъ къ тому, что извѣстно въ литературѣ о сложной религіозной и церковной обрядности, которою такъ богата была Россія въ XVII вѣкѣ. Для подведенія историческихъ объясненій къ содержанію канона, о. Никольскому пришлось произвести не мало поисковъ въ памятникахъ средневѣковой византійской литературы и въ исторической русской литературѣ, касающейся исторіи Византіи. Всѣ собранныя здѣсь авторомъ подробности въ обрядахъ и историческія объясненія имѣютъ интересъ и значеніе для тѣхъ читателей книги, которые нуждаются въ пониманіи и знаніи содержанія молебнаго пѣнія, совершавшагося въ недѣлю православія до 1756 года. — Относительно рассматриваемой главы мы имѣемъ сдѣлать еще нижеслѣдующія замѣчанія. Авторъ говоритъ въ ней, между прочимъ, что «чинъ православія *всегда* состоялъ изъ двухъ частей, изъ молебнаго пѣнія и изъ синодика» (стр. 53). Въ печатныхъ греческихъ тріодахъ, дѣйствительно, предъ синодикомъ помѣщается молебное пѣніе; но мы не встрѣтили и авторъ книги не представляетъ въ ней прямыхъ историческихъ указаній — совершалось ли молебное пѣніе

въ Русской церкви предъ чтеніемъ синодика до XVII вѣка. Въ древнѣйшихъ синодикахъ славянскихъ оно не встрѣчается; свидѣтельство о совершеніи его нѣтъ. — Далѣе, авторъ книги положилъ не мало труда и времени на подысканіе историческихъ объясненій канона, входившаго въ составъ молебнаго пѣнія. Объясненія эти необходимы или, по крайней мѣрѣ, полезны читателямъ канона. А найти этотъ канонъ въ славянскомъ переводѣ можно только въ рукописяхъ и печатныхъ постныхъ тріодяхъ XVII вѣка. Всякой ли читатель книги о Никольскаго можетъ имѣть подъ руками рукописные чины православія и тріоди XVII в., въ которыхъ изложенъ канонъ? — Автору слѣдовало бы приложить канонъ къ своей книгѣ и въ греческомъ подлинникѣ, и въ славянскомъ переводѣ. Это нужно было ему сдѣлать не только для того, чтобы читателю его книги имѣть удобства близко понять и узнать — о чемъ авторъ пишетъ, но и для того, чтобы получить возможность сравнивать славянскій переводъ канона съ греческимъ подлинникомъ и видѣть различіе въ обрядахъ греческой и русской церкви при совершеніи чина православія. Наконецъ, авторъ говоритъ на стр. 57-й, что онъ «не встрѣтилъ ни въ печатныхъ греческихъ и славянскихъ, ни въ рукописныхъ чинахъ православія указанія» на существованіе въ православной церкви того обряда при совершеніи послѣдованія въ недѣлю православія, который описывается Снегиревымъ, какъ совершавшійся въ Россіи, въ слѣдующемъ видѣ: «святитель и служащія власти во время дѣйствія стояли съ зазженными свѣчами, которыя при возглашеніи «анаемы опускали внизъ и загапали». «Если обрядъ этотъ существовалъ на Руси въ какомъ нибудь мѣстѣ, — говоритъ о. Никольскій, — и Снегиреву удалось гдѣ либо прочесть или услышать объ немъ; то несомнѣнно обрядъ принесенъ былъ съ запада». . . Быть можетъ, — замѣчаемъ о. Никольскому отъ себя; но нѣчто подобное было совершено и въ Константинопольской церкви при первомъ совершеніи торжества православія въ 842 году, какъ говоритъ объ этомъ извѣстный римско-католическій историкъ Hefele (въ Conciliengeschichte B. IV, Freiburg, 1860, S. 104), ссылаясь на свидѣтельство Константина Порфироснаго.

Четвертая глава книги о Никольскаго, озаглавленная — «Синодикъ», — самая обширная. Авторъ посвятилъ ей значительнѣйшую часть книги и своего труда. Этой главѣ онъ придавалъ, при своемъ изслѣдованіи о чинѣ православія, большее значеніе, чѣмъ другимъ главамъ книги. — Въ этой главѣ авторъ объясняетъ значеніе слова «синодикъ»; (стр. 76—77); указываетъ

составъ синодика въ недѣлю православія (стр. 77); приводитъ содержаніе «предисловія» синодиковъ съ указаніемъ разностей по различнымъ ихъ спискамъ и съ нѣкоторыми объяснительными замѣчаніями (стр. 77—88); за тѣмъ излагаетъ и изслѣдуетъ анаематствованія, содержащіяся въ чинахъ православія (стр. 88—264), и, опустивъ безъ изслѣдованія и изложенія ту часть древнихъ русскихъ синодиковъ, въ которой помѣщались статьи съ возглашеніемъ вѣчной памяти, представляетъ (на стр. 264—271) примѣры того — въ какомъ видѣ излагались въ чинахъ православія статьи многолѣтія.

Въ объясненіяхъ своихъ слова «синодикъ», авторъ, производя слово это отъ греческаго *Συνδικόν* и разъясняя, что это слово «въ обыкновенномъ церковномъ употребленіи означаетъ собраніе именъ лицъ живыхъ и умершихъ, поминаемыхъ на церковныхъ службахъ», «замѣняется словомъ помянникъ» и, «по содержанію своему, уподоблялся диптихамъ», кажется, держится мысли, что названіе «Синодикъ» усвоилось въ Русской церкви и доселѣ усвоается въ Греческой церкви чинопослѣдованію въ недѣлю православія на томъ основаніи, что въ нѣкоторыхъ частяхъ ея перечислялись и перечисляются имена лицъ живыхъ и умершихъ. Но мысль эта вѣрна только отчасти. Чинъ православія въ Греческой церкви всегда назывался и теперь называется *Συνδικόν*, а въ Русской церкви назывался до половины XVII вѣка синодикомъ, потому, что обрядъ, въ немъ выражаемый, совершался по *соборному* постановленію; потому — то въ старо-русскихъ чинопослѣдованіяхъ греческое слово *Συνδικόν*, которымъ оглавляется чинъ православія, по гречески переводилось то словомъ «сборное» или «соборное», то — «Заповѣдь святаго вселенскаго седьмаго собора».

Въ отдѣлѣ о «предисловіи синодика» представлены авторомъ три вида вступленій, которыми начиналось чинопослѣдованіе въ недѣлю православія. Все, изложенное въ этомъ отдѣлѣ, совершенно согласно съ памятниками, изъ которыхъ извлекается изложеніе.

Съ особеннымъ трудолюбіемъ и вниманіемъ авторъ остановился въ своемъ изслѣдованіи на статьяхъ «анаематствованій», изложенныхъ въ разнообразныхъ спискахъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія. Изслѣдованію объ «анаематствованіяхъ» посвященъ авторомъ обширный, во многихъ отношеніяхъ любопытный и важный, отдѣлъ книги. Этотъ отдѣлъ — вельма сложный и разнообразный по своему содержанію. Содержаніе его различается по предметамъ, по времени происхожденія и по различію сторонъ человѣческой жизни, которыхъ оно касается. Автору нужно было

собрать статьи объ анаеѣматствованіяхъ, овладѣть сложнымъ и разнообразнымъ, по содержанію, матеріаломъ, — взятымъ большею частію изъ рукописей, — сырымъ и до сихъ поръ научно необработаннымъ, привести его въ порядокъ, облечь въ ту или другую научную форму и, соотвѣтственно задачѣ историческаго изслѣдованія, освятить его историческими объясненіями. Авторъ и стремился въ своемъ изслѣдованіи достигнуть всего этого. — Объяснимъ существо и процессъ изслѣдованія автора относительно «анаеѣматствованій», которыя составляютъ содержаніе разсматриваемаго отдѣла.

Авторъ пересмотрѣлъ всѣ статьи «анаеѣматствованій», помѣщенныя въ собранныхъ имъ разнообразныхъ спискахъ чинопослѣдованія въ недѣлю православія, — рукописныхъ и печатныхъ, русскихъ и греческихъ, древнихъ и новыхъ. За тѣмъ, — онъ извлекъ эти статьи изъ чинопослѣдованій, сличилъ ихъ по содержанію и по внѣшнему изложенію и однородныя по содержанію соединилъ въ особыя группы. Всѣ статьи съ «анаеѣматствованіями», найденныя авторомъ въ разныхъ чинопослѣдованіяхъ, раздѣлены имъ въ книгѣ на 18 группъ и каждой группѣ дано соотвѣтственное содержанію статей заглавіе («анаеѣматствованія иконоборцамъ», «еретикамъ богомоламъ» и т. д.). Потомъ, — каждую группу статей, имѣющихъ однородное содержаніе, авторъ подвергъ историческому изслѣдованію.

При историческомъ изслѣдованіи анаеѣматствованій каждой отдѣльной группы, авторъ книги излагаетъ историческое происхожденіе того ученія или явленія, которое подверглось анаеѣматствованію церкви въ какое либо время по той или другой статьѣ чинопослѣдованія въ недѣлю православія; при этомъ онъ то сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ статьяхъ, и слѣдитъ иногда за ихъ судьбою и дѣятельностію; то представляетъ цѣлый и довольно обширный очеркъ исторической судьбы ученія, подвергшагося осужденію церкви. Представивъ историческія обстоятельства, послужившія поводомъ или содержаніемъ анаеѣматствованія, авторъ книги излагаетъ самыя статьи анаеѣматствованій въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ содержатся въ разныхъ спискахъ чинновъ православія.

Ученыя достоинства отдѣла объ «анаеѣматствованіяхъ», изложеннаго въ книгѣ о. Никольскаго состоятъ, во первыхъ, въ приведеніи въ извѣстность и въ собраніи всѣхъ статей съ «анаеѣматствованіями», излагавшихся въ чинопослѣдованіяхъ въ недѣлю православія, — и, во вторыхъ, въ изложеніи и приведеніи историче-

скихъ обстоятельствъ, служащихъ къ объясненію происхожденія и содержанія анаеematствованій. Сборникъ означенныхъ статей важенъ въ томъ отношеніи, что статьи представляютъ изъ себя особый источникъ церковной исторіи, который до сихъ поръ не обращалъ на себя вниманія нашихъ исторіографовъ и котораго съ настоящаго времени они не должны игнорировать. Для составленія историческихъ очерковъ въ объясненіе происхожденія и содержанія статей объ анаеematствованіяхъ», раздѣленныхъ авторомъ по группамъ, требовались отъ автора многочисленныя справки съ разнообразными книгами и близкое изученіе какъ источниковъ, такъ и литературныхъ сочиненій, относящихся до тѣхъ историческихъ явленій и ученій, о которыхъ составлены статьи. И авторъ положилъ, какъ видно, не мало труда и времени какъ для наведенія справокъ, такъ и для знакомства съ литературою. Его трудъ въ этомъ отношеніи увѣнчался составленіемъ историческихъ очерковъ о тѣхъ-которыхъ такихъ явленіяхъ въ церкви, о которыхъ имѣлись разбросанныя, темныя и не приведенныя въ научное изложеніе свѣдѣнія. Такими очерками въ книгѣ о. Никольскаго слѣдуетъ назвать — собранныя и изложенныя (стр. 124—127) имъ свѣдѣнія о бывшихъ въ XII вѣкѣ въ Греческой церкви діалектическихъ спорахъ о значеніи словъ «Приносяй и Приносимый», помѣщаемыхъ въ молитвѣ, тайно читаемой архіереемъ во время пѣнія херувимской пѣсни на литургіи, — также объ ученіи Ивана Итала (стр. 129—131), жившаго, какъ полагаютъ, въ XI в., и др. Въ частный разборъ всѣхъ историческихъ очерковъ, предложенныхъ авторомъ при 17-ти группахъ анаеematствованій», мы не находимъ возможнымъ, въ виду объема нашей рецензіи, входить; замѣтимъ лишь, что всѣ почти очерки могутъ быть признаны достаточными для объясненія происхожденія тѣхъ анаеematствованій, къ которымъ они приложены авторомъ, — и что историческія свѣдѣнія, помѣщенные въ очеркахъ, извлечены сочинителемъ то изъ первоисточниковъ, то изъ учено-литературныхъ сочиненій, имъ процитированныхъ.

Въ пятой и *послѣдней* главѣ книги о. Никольскаго («Анаеematствованія, произносившіяся кромѣ первой недѣли великаго поста и не внесенныя въ чинъ православія») приведено нѣсколько очень любопытныхъ фактовъ и документовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ неизданныхъ рукописей XVIII в. и могущихъ быть полезнымъ матеріаломъ при научномъ изслѣдованіи о формахъ употребленія анаеемы въ Русской церкви въ XVIII в.

Въ приложеніяхъ къ книгѣ, авторъ, кромѣ «Кіево-Черниговскаго чина православія», въ объясненіе «Изображенія иконы св Софіи премудрости», рисунокъ которой, снятый съ новгородскаго синодика XVII вѣка, напечатанъ въ началѣ книги, помѣстилъ извлеченія изъ описаній этой иконы, сдѣланныхъ митрополитомъ Евгеніемъ и профессоромъ Буслаевымъ. Эти извѣстные русскіе археологи опредѣлили важное значеніе означенной иконы въ исторіи русскаго искусства. Изданіемъ рисунка иконы о. Никольскій думаетъ дополнить извѣстные до сихъ поръ матеріалы для разъясненія значенія изображенія св. Софіи премудрости въ исторіи русскаго искусства и нѣкоторыхъ религіозныхъ воззрѣній древнихъ новгородцевъ. Помѣщеніе въ книгѣ о. Никольскаго замѣчательнаго рисунка съ новгородскаго синодика заставляетъ насъ еще разъ выразить сожалѣніе о томъ, что о. Никольскому не удалось осмотрѣть Кипріановскаго синодика съ старинною на немъ иконою Св. Троицы. Если бы о. Никольскій увидѣлъ этотъ синодикъ, — онъ какъ церковный археологъ, безъ сомнѣнія, оцѣнилъ бы археологическое значеніе иконы Св. Троицы и напoлнъ бы полезнымъ издать ея рисунокъ наряду съ новгородскимъ изображеніемъ св. Софіи Премудрости. Этимъ предположеніемъ мы оканчиваемъ нашу рецензію.

Въ заключеніе нашего критическаго разбора сочиненія подъ заглавіемъ: «Анаѳематствованіе, совершаемое въ первую недѣлю великаго поста», представленнаго его авторомъ Императорской Академіи Наукъ на соисканіе Уваровской преміи, мы должны, по §§ 11, 22 и 23-му Положенія о наградахъ графа Уварова, высказать наше мнѣніе относительно права о. Никольскаго на премію за свой трудъ. Въ виду обязанности подать свое мнѣніе о правѣ автора на Уваровскую премію, я сопоставляю съ требованіями означеннаго положенія отъ сочиненій, представляемыхъ на соисканіе, достоинства изслѣдованія о. Никольскаго. По «Положенію», къ соисканію наградъ графа Уварова допускаются сочиненія оригинальныя (§ 4), относящіяся къ исторіи церкви . . . , древностей, языка, словесности и искусствъ Россіи . . . (§ 3); при обсужденіи представленныхъ къ соисканію историческихъ сочиненій должно быть обращено преимущественное вниманіе на то, въ какой мѣрѣ сочиненіе способствуетъ къ полному познанію избраннаго авторомъ предмета (§ 4); рецензенты обязаны основывать свой приговоръ на отчетливомъ разсмотрѣніи содержанія сочиненія и его достоинствъ и недостатковъ, подробно объясняя тѣ и другія въ своихъ рецензіяхъ (§ 22); и, при обсужденіи представляемыхъ къ соисканію сочиненій,

не должно быть опускаемо изъ вида — дѣйствительно ли отечественной наукѣ не доставало подобнаго творенія и соотвѣтствуетъ ли оно современнымъ требованіямъ науки» (§ 6). Строго держась приведенныхъ указаній и требованій «Положенія», я старался, по возможности, подробно объяснить и достоинства, и недостатки сочиненія о. Никольскаго, установивъ предварительно основанія и положенія, на которыхъ я предполагалъ критически разбирать изслѣдованіе автора. Изъ сдѣланнаго мною критическаго разбора можно усмотрѣть, что я нахожу слѣдующія достоинства въ сочиненіи о. Никольскаго, соотвѣтствующія требованіямъ «Положенія о наградахъ гр. Уварова»: сочиненіе его слѣдуетъ признать *оригинальнымъ* и по темѣ и содержанію, и по отысканнымъ авторомъ матеріаламъ; оно представляетъ изъ себя *первый* и пока *единственный* опытъ изслѣдованія исторіи чина православія, — предмета до сихъ поръ во все необслѣдованнаго и почти незатронутаго въ нашей ученой литературѣ; сочиненіемъ своимъ авторъ *выводитъ въ извѣстность и подвергаетъ научной разработкѣ* разнообразныя списки почти совсѣмъ забытаго памятника богослужебной литературы древней Россіи, имѣвшаго свою исторію и свое, во многихъ отношеніяхъ важное, значеніе въ отечественной исторіи; въ немъ авторъ *указываетъ* русскимъ историкамъ *новый*, до нашего времени оставляемый безъ вниманія, *источникъ исторіи*, — церковной и государственной, исторіи языка, палеографіи, генеалогіи, даже иконописи и пр.; въ немъ *впервые* сообщаются *многочисленныя* историческія *свѣдѣнія*, извлеченныя изъ архивовъ и библіотекъ и скрывавшіяся въ рукописяхъ, какъ сырой матеріалъ, какъ предметы, осужденныя на забвеніе; *значительная часть* собранныхъ авторомъ матеріаловъ *облечена* въ сочиненіи его *въ научную форму*: нѣкоторыя части историческаго изслѣдованія автора изложены съ безукоризненною обстоятельностью, полнотою и вѣрностію; къ инымъ частямъ изслѣдуемаго авторомъ чина православія представлены въ книгѣ достаточныя для предмета историческія объясненія и указанія; для изслѣдованія оставленныхъ авторомъ безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія частей чина православія указаны въ его сочиненіи матеріалы, источники и способы; вообще все сочиненіе о. Никольскаго есть такой ученый трудъ, котораго не доставало въ нашей церковно-исторической литературѣ, котораго не могутъ замѣнять по своему содержанію никакія существующія сочиненія и которое во многихъ отношеніяхъ и частяхъ удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки и критики. — Въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ, разобран-

ное сочиненіе о. Никольскаго, несмотря на недостатки его — крупные и мелкіе, подробно объясненные нами и оставленные безъ вниманія по ихъ незначительности, — обнаруживающіеся въ названіи книги, въ ея построеніи и общей постановкѣ, въ неполнотѣ изслѣдованія нѣкоторыхъ частей чина православія и въ нѣкоторыхъ выводахъ и указаніяхъ, — вполне заслуживаетъ, какъ я убѣжденъ, и по справедливости, и по «Положенію о наградахъ графа Уварова», *половинной* Уваровской преміи. Сочиненіе о. Никольскаго тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія и уваженія Академіи Наукъ, что такіе учено-спеціальныя труды, какъ изслѣдованіе, нами разобранное, въ литературѣ нашей появляются не часто, по достоинствамъ ихъ одѣниваются весьма рѣдко и почти никогда въ нашемъ обществѣ не вознаграждаются ни нравственно, ни матеріально; между тѣмъ эти труды распространяютъ свѣтъ знанія на такія стороны исторической жизни, которыя, до появленія ихъ, оставались въ неизвѣстности и забвеніи.

